

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА»

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ: *современный этап*

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

УДК 316(07)
ББК 60.51(0)6я73
3–41

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета СурГПУ

Рецензенты:

Доктор социологических наук, профессор *А.Б. Гофман*
Доктор философских наук, профессор *Г.П. Орлов*
Доктор социологических наук, профессор *Е.А. Шуклина*

Зборовский, Г. Е.

3–41 История социологии: современный этап : учеб. для вузов / Г. Е. Зборовский ; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т» ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина». – 2-е изд., испр. и доп. – Сургут [и др.] : РИО СурГПУ, 2015. – 259, [1] с.

ISBN 978-5-93190-308-8

В учебнике рассматривается развитие социологической науки в границах её современного этапа (от 1920-х гг. до наших дней). Анализируются основные периоды, а в их рамках – парадигмы, теории и концепции социологической науки. Значительное внимание уделяется творчеству крупнейших зарубежных и отечественных социологов XX – начала XXI вв.

Для студентов, аспирантов, преподавателей и всех тех, кто интересуется проблемами истории, теории и методологии социологии.

УДК 316(07)
ББК 60.51(0)6я73

ISBN 978-5-93190-308-8

© Зборовский Г.Е., 2015
© Сургутский государственный педагогический университет, 2015
© Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	8
ГЛАВА 1. СОЦИОЛОГИЯ XX – НАЧАЛА XXI вв.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРЕДМЕТ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ	10
§ 1. Общая характеристика социологии XX – начала XXI вв.	10
1.1. Понятие современного этапа социологии	10
1.2. Временные границы современного этапа социологии и их основания	11
1.3. Особенности современного этапа социологии	12
§ 2. Периодизация социологии XX – начала XXI вв.	14
2.1. Первый период (1920 – 1930-е гг.)	14
2.2. Второй период (1940 – 1960-е гг.)	15
2.3. Третий период (1970-е – первая половина 1980-х гг.)	16
2.4. Четвертый период (вторая половина 1980-х – 2010-е гг.)	18
<i>Вопросы и задания</i>	20
<i>Литература</i>	20
ГЛАВА 2. АМЕРИКАНСКАЯ ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В 1920 – 1930-е гг. ЧИКАГСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА	21
§ 1. Появление и характерные особенности эмпирической социологии	21
1.1. Понятие эмпирической социологии и причины ее появления	21
1.2. Принципы и постулаты позитивизма в эмпирической социологии	22
1.3. Специфика эмпирического социологического знания	23
1.4. Разновидности эмпирической социологии	24
1.5. Причины «американизации» эмпирической социологии	24
§ 2. Развитие эмпирической социологии в США в 1920 – 1930-е гг.	25
2.1. Вехи творческого пути У. Томаса и Ф. Знанецкого	26
2.2. Общая характеристика и проблемное поле «Польского крестьянина...»	27
2.3. Подходы к изучению и решению проблем	28
2.4. Бурное развитие эмпирической социологии в США	29
§ 3. Чикагская школа в социологии, ее основные этапы, достижения, значение для последующего развития социологии	30
3.1. Подготовительный этап деятельности Чикагской школы	30
3.2. Основной этап деятельности Чикагской школы	31
3.3. Жизненный и профессиональный путь Р. Парка и Э. Бёрджесса	31
3.4. Основные содержательные характеристики Чикагской школы	34
3.5. Характеристика взглядов У. Огборна и Л. Вирта	36
§ 4. Кризис Чикагской школы и ее значение для социологии	37
4.1. Причины кризиса Чикагской социологической школы	37
4.2. Значение Чикагской школы в истории социологии	38
<i>Вопросы и задания</i>	39
<i>Литература</i>	39
ГЛАВА 3. ЗАРОЖДЕНИЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЙ	40
§ 1. Индустриальная социология и теория человеческих отношений	40
1.1. Зарождение индустриальной социологии	40
1.2. Хоторнский эксперимент	41
1.3. Теория человеческих отношений как результат Хоторнского эксперимента	42
§ 2. Социометрия и изучение групп в социологии	43
2.1. Понятие социометрии. Творчество Дж. Морено	43
2.2. Изучение социальных групп в социологии	45

§ 3. Развитие отраслевых социологий в 1930 – 1940-е гг.	47
3.1. Военная социология	47
3.2. Отрасли социологии в сфере производства	48
§ 4. Достижения в области методологии и методики исследований. Социологическое творчество П. Лазарфельда	49
§ 5. Расцвет и «болезни» эмпирической социологии	51
<i>Вопросы и задания</i>	52
<i>Литература</i>	53
ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: П. СОРОКИН, Т. ПАРСОНС, Р. МЕРТОН	54
§ 1. П. Сорокин: социологические теории американского периода творчества	54
1.1. Жизненный путь и общая характеристика творчества	54
1.2. Основные идеи работы «Социология революций»	55
1.3. Концепция социальной стратификации и социальной мобильности	56
1.4. Концепция социокультурной динамики	57
1.5. Идеи интегрализма в социологии П. Сорокина	58
§ 2. Теории социального действия, социальной системы и структурно-функционального анализа Т. Парсонса	59
2.1. Жизненный путь и общая характеристика творчества	59
2.2. Теории социального действия, социальных систем, структурного функционализма	61
2.3. Общество и его типы	63
2.4. Стадии эволюции обществ	66
§ 3. Социологические концепции Р. Мертона	67
3.1. Жизненный путь и общая характеристика творчества	67
3.2. Разработка теории структурно-функционального анализа	68
3.3. Теория среднего уровня	69
3.4. Исследование девиантного поведения и способов адаптации	71
<i>Вопросы и задания</i>	73
<i>Литература</i>	73
ГЛАВА 5. ПСИХОАНАЛИЗ В СОЦИОЛОГИИ	75
§ 1. З. Фрейд – создатель психоанализа	75
§ 2. Консервативное течение психоаналитической ориентации в социологии	77
2.1. «Индивидуальная психосоциология» А. Адлера	77
2.2. Психосоциологические взгляды К. Юнга	79
2.3. Проблема личности и типология поведения в творчестве К. Хорни	80
§ 3. Гуманизм социологического учения Э. Фромма	81
3.1. Основные этапы жизненного пути	81
3.2. Концепция личности в творчестве Э. Фромма	83
3.3. Теория социального характера Э. Фромма	84
3.4. Развитие капиталистического общества и проблема отчуждения в творчестве Э. Фромма	87
§ 4. Теория социального характера Д. Рисмена	88
<i>Вопросы и задания</i>	89
<i>Литература</i>	90
ГЛАВА 6. ФРАНКФУРТСКАЯ ШКОЛА В СОЦИОЛОГИИ	91
§ 1. Общая характеристика	91
§ 2. Взгляды Г. Маркузе	93
§ 3. Идеи Т. Адорно	95
§ 4. Творчество Ю. Хабермаса	96
4.1. Критическая направленность работ	96
4.2. Теории коммуникативного действия и колонизации жизненного мира	98
<i>Вопросы и задания</i>	101
<i>Литература</i>	101

ГЛАВА 7. ПАРАДИГМЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ. ТЕОРИИ КОНФЛИКТА И ОБМЕНА	102
§ 1. Понятие парадигмы в социологии: различия в подходах	102
1.1. Подходы к пониманию парадигмы в отечественной социологии	102
1.2. Подходы к трактовке парадигмы в западной социологии	104
§ 2. Парадигма конфликта	105
2.1. Проблема конфликта в творчестве К. Маркса и его критиков	105
2.2. Взгляды Л. Козера на парадигму конфликта	106
2.3. Взгляды Р. Дарендорфа на парадигму конфликта	108
2.4. Другие теории конфликта	109
§ 3. Парадигма обмена	110
3.1. Общая характеристика	110
3.2. Теория обмена Дж.К. Хоманса	112
3.3. Взгляды П. Блау	114
<i>Вопросы и задания</i>	117
<i>Литература</i>	117
ГЛАВА 8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА	119
§ 1. Общая характеристика символического интеракционизма	119
1.1. Специфика символического интеракционизма как социологической парадигмы	119
1.2. Чикагское и Айовское направления	120
§ 2. Дж.Г. Мид – основатель символического интеракционизма	121
2.1. Концепция символического интеракционизма	121
2.2. Концепция личности и ее структуры	123
§ 3. Социологическое творчество Г. Блумера	125
3.1. Проблема символического взаимодействия	125
3.2. Анализ коллективного поведения	126
§ 4. Идеи символического интеракционизма в работах Э. Гофмана	128
4.1. Общая характеристика творчества	128
4.2. Исследование мира повседневной жизни людей	129
4.3. Рамочный анализ	130
4.4. Проблема личности и «драматургический подход»	131
<i>Вопросы и задания</i>	132
<i>Литература</i>	132
ГЛАВА 9. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ	133
§ 1. Понятие феноменологической социологии и ее теоретические истоки	133
1.1. Понятие феноменологической социологии	133
1.2. Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве Э. Гуссерля	134
1.3. Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве М. Шелера	135
§ 2. А. Шюц – основоположник феноменологической социологии	137
2.1. Краткий биографический очерк	137
2.2. Повседневная социальная реальность и жизненный мир как предмет феноменологической социологии	138
2.3. Повседневное знание и его социализация как проблема феноменологической социологии	139
2.4. Концепция «возвращающегося домой»	141
§ 3. Проблемы феноменологической социологии в творчестве П. Бергера и Т. Лукмана	143
3.1. Краткий биографический очерк	143
3.2. Социальное конструирование реальности	144
3.3. Проблема социализации и роль знания в ее анализе	145
§ 4. Этнометодология как парадигма социологии второй половины XX в.	147
4.1. Общая характеристика	147
4.2. Основные понятия и принципы этнометодологии	148
<i>Вопросы и задания</i>	150
<i>Литература</i>	151

ГЛАВА 10. ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ	152
§ 1. Общая характеристика	152
§ 2. Теория систем Н. Лумана и проблема общества в ней	153
2.1. Теория общества как системы	154
2.2. Коммуникация и социальная система	155
§ 3. Теория мир-системного анализа И. Валлерстайна	156
§ 4. Трактовки общества в социологических концепциях глобализации	158
§ 5. Сетевая теория общества	162
§ 6. Социологическая теория нанообщества	164
<i>Вопросы и задания</i>	166
<i>Литература</i>	167
ГЛАВА 11. ИНТЕГРАТИВНАЯ (ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ) ПАРАДИГМА	168
§ 1. Классификация и общая характеристика интегративных теорий	168
§ 2. Американские интегративные модели	170
§ 3. Теория структуризации	172
3.1. Общая характеристика творчества Э. Гидденса	172
3.2. Основные положения и понятия теории структуризации	173
3.3. Дуальность структуры	175
§ 4. Теории социального пространства, поля и габитуса	177
4.1. Общая характеристика творчества П. Бурдьё	177
4.2. Основные положения теории социального пространства	178
4.3. Основные положения концепции габитуса	180
§ 5. Деятельностно-активистские теории	181
5.1. Теория А. Турена	181
5.2. Теория П. Штомпки	183
<i>Вопросы и задания</i>	185
<i>Литература</i>	185
ГЛАВА 12. ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПАРАДИГМА	187
§ 1. Общая характеристика и основные черты постмодернистской парадигмы в социологии	187
1.1. Общая характеристика	187
1.2. Основные черты постмодернистской парадигмы в социологии	189
1.3. Отношение к постмодернизму	191
§ 2. Теории постструктурализма в социологии	192
2.1. Концепция Ж. Деррида	193
2.2. Взгляды М. Фуко	194
§ 3. Умеренная постмодернистская социологическая теория	195
§ 4. Радикальная постмодернистская социологическая теория	198
<i>Вопросы и задания</i>	200
<i>Литература</i>	201
ГЛАВА 13. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ С РУБЕЖА 1910 – 1920-х гг. ДО НАЧАЛА 1930-х гг.	202
§ 1. Отечественная социология в 1917 – 1922 гг.	202
§ 2. Отечественная социология в 1920 – 1930-е гг.	204
2.1. Марксистская теоретическая социология в СССР	204
2.2. Конкретно-социологические исследования в СССР	207
§ 3. Итоги периода	210
<i>Вопросы и задания</i>	211
<i>Литература</i>	212

ГЛАВА 14. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КОНЦЕ 1950-х – 1980-е гг.	213
§ 1. Второе рождение отечественной социологии (конец 1950-х – начало 1970-х гг.)	213
1.1. Первые попытки институционализации	213
1.2. Продолжение институционализации (конец 1960-х – начало 1970-х гг.)	218
§ 2. Социология в СССР в период застоя и перехода к перестройке (1970 – 1980-е гг.)	221
2.1. Особенности ситуации в социологии в период застоя	221
2.2. Достижения и проблемы	222
<i>Вопросы и задания</i>	225
<i>Литература</i>	226
ГЛАВА 15. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ С КОНЦА 1980-х гг. ДО НАШИХ ДНЕЙ	227
§ 1. Институционализация отечественной социологии в условиях перестроечного и постперестроечного периода	227
1.1. Новые возможности развития социологических исследований	227
1.2. Институционализация социологии в системе высшего образования	229
1.3. Достижения и проблемы издательской деятельности	230
1.4. Создание научных общественных объединений	231
§ 2. Основные особенности развития отечественной социологии в перестроечный и постперестроечный период	232
2.1. Усиление интеграционных процессов в социологии	232
2.2. Новое социологическое мышление	233
2.3. Основные направления социологических исследований в современной России	235
2.4. Развитие рынка социологических услуг	236
2.5. Развитие социологии в российских регионах	236
2.6. Российская социология в 2000 – 2014 гг.	239
<i>Вопросы и задания</i>	241
<i>Литература</i>	241
ГЛАВА 16. СОЦИОЛОГИЯ НА УРАЛЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.	242
§ 1. Социологические исследования на Урале в 1920-х – первой половине 1930-х гг.	243
§ 2. Второе рождение социологии на Урале	245
2.1. Особенности Уральской социологической школы	245
2.2. Социологические исследования в Свердловской области	246
2.3. Социологические исследования в Пермской области	248
2.4. Социологические исследования в Челябинской области	249
2.5. Социологические исследования в Башкирской автономной республике	249
§ 3. Социология на Урале с конца 1980-х гг. до наших дней	250
3.1. Институционализация социологии в Уральском регионе в перестроечный и постперестроечный период	250
3.2. Основные центры и направления развития социологии на Урале с конца 1980-х гг. до наших дней	253
<i>Вопросы и задания</i>	256
<i>Литература</i>	257
Заключение	258

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые читатели! Перед вами – вторая часть учебника по истории социологии, посвященная рассмотрению современного этапа ее развития. Первая часть, в которой давалась характеристика классического этапа социологической науки, была опубликована в 2014 г.¹

Вторая часть, являющаяся продолжением первой, написана в соответствии с содержанием и требованиями Федерального Государственного образовательного стандарта Высшего профессионального образования 2010 г. по направлению подготовки 04.00.01 Социология и охватывает практически все темы курса истории социологии, ее современного этапа. В хронологическом отношении это время от 1920-х гг. до наших дней. Таким образом, обе части учебника составляют единство и охватывают весь процесс развития социологической науки – с ее зарождения в 1830-х гг. до современного состояния.

В предлагаемой вниманию читателей книге сочетаются два принципа изложения материала – хронологический, процессуальный, показ развития социологии от периода к периоду и проблемный анализ ее основных метапарадигм, парадигм и теорий. Принцип рассмотрения достижений науки в отдельных странах используется частично: в первых главах, когда речь идет о развитии социологии в США, и в последних, когда характеризуются ее изменения в России / СССР / России. Вместе с тем, учебник содержит материал, в котором анализируются процессы развития социологии как в Западной Европе и США, так и в России XX – начала XXI в. У читателя появляется возможность сравнить, сопоставить и систематизировать социологическое знание, созданное в это время, практически во всех странах, где наиболее активно прогрессировала эта наука.

Особо следует сказать о метапарадигмальном подходе к анализу современной социологии, который использован при написании учебника². Суть его состоит в том, чтобы рассматривать процесс развития социологии, ее главные теории и парадигмы в рамках пяти основных метапарадигм – классической, неоклассической, постклассической, неклассической и постнеклассической. Под метапарадигмой автор понимает обобщающую теоретическую характеристику ряда близких, «родственных» парадигм.

Отличительная особенность метапарадигмы заключается в том, что объектом ее исследования являются парадигмы и теории, взятые во взаимосвязи, а критерием выделения метапарадигм является определенная картина мира и общества. Понятно, что появление каждый раз новой такой картины приводит к возникновению новой метапарадигмы. Но при этом важно понимать, что ни одна из метапарадигм не может быть принята в качестве универсальной, а имеет значение лишь в определенных границах своих эвристических (познавательных) возможностей. И еще одно важное замечание. Из приведенных выше названий метапарадигм следует, что основанием их выделения является отношение каждой к классической социологии. Мы считаем, что поскольку фундамент социологической науки был заложен классической социологической метапарадигмой, включающей в себя парадигмы позитивизма, марксизма, эволюционизма, веберизма (подробнее см. об этом в первой части учебника), все остальные существующие метапарадигмы должны определяться, прежде всего, принятием / отрицанием ее основных положений.

В учебнике сочетается анализ характерных черт, периодов, направлений, школ, парадигм и творчества отдельных персоналий (прежде всего наиболее крупных ученых, многие из которых стали классиками мировой социологии), наиболее ярко выражающих специфику каждого из периодов и направлений. Так, при рассмотрении структурно-функционального анализа в социологии вначале дается его общая характеристика, а затем анализируется творчество Т. Парсонса, Р. Мертона и др. Это же делается при рассмотрении символического интеракционизма, феноменологической социологии, парадигм обмена, конфликта и т. д.

При рассмотрении творчества выдающихся и просто крупных представителей социологической науки, работавших в условиях современного этапа ее развития, приводятся краткие жизнеописания ученых (даются биографические очерки, описываются вехи жизненного пути, раскрываются общие особенности творчества). Все это делается для того, чтобы за схематичным изложением теорий, идей и взглядов социологов читатели видели живых людей – с их подчас сложным жизненным путем, коллизиями личной судьбы и профессиональной карьеры.

В главах, посвященных описанию и характеристике процессов, происходивших в отечественной социологии XX – начала XXI в., раскрываются особенности ее основных периодов и преобразований в ней. Их трактовка осуществляется с учетом центральной проблемы советской / российской социологии – ее отношения с властью.

¹ Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учебник для вузов. Сургут – Екатеринбург, 2014.

² Подробнее о нем см.: Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.

В конце каждой главы (как и в первой части) содержатся не только списки рекомендуемой литературы (первоисточники, учебники и учебные пособия, монографии), но и вопросы и задания для лучшего усвоения материала. По ним можно успешно готовиться как к семинарским занятиям, так и к выполнению самостоятельных работ, зачетам и экзаменам. Немалую методическую и справочную помощь окажет студентам оглавление, в котором указано название не только глав, но и составляющих их разделов.

Настоящее издание учебника является третьим по счету, начиная с 2000 г. Оно написано на основе издания 2004, 2007 гг., допущенного Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социология», и является обновленной и дополненной работой. Предшествующие издания прошли «испытание временем» в виде положительных отзывов, рецензий и нескольких тиражей.

Более 20 лет автор читал студентам университетов г. Екатеринбурга лекции по истории социологии, на основе которых и был написан учебник. По меньшей мере, два последних поколения отечественных социологов слушали эти лекции и получали профессиональную подготовку по предшествующим изданиям учебника. Автор надеется, что приходящее новое поколение будущих социологов проникнется интересом и к истории социологии, и к замечательной профессии социолога, приобрести которую можно, только овладев знаниями, созданными нашими великими предшественниками.

ГЛАВА 1

СОЦИОЛОГИЯ XX – НАЧАЛА XXI вв.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРЕДМЕТ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ

§ 1. Общая характеристика социологии XX – начала XXI вв.

1.1. Понятие современного этапа социологии

1.2. Временные границы современного этапа социологии и их основания

1.3. Особенности современного этапа социологии

§ 2. Периодизация социологии XX – начала XXI вв.

2.1. Первый период (1920 – 1930-е гг.)

2.2. Второй период (1940 – 1960-е гг.)

2.3. Третий период (1970-е – первая половина 1980-х гг.)

2.4. Четвертый период (вторая половина 1980-х – 2010-е гг.)

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИОЛОГИИ XX – НАЧАЛА XXI вв.

1.1. Понятие современного этапа социологии

Начиная разговор о социологии XX – начала XXI в. как о современной дисциплине, необходимо в первую очередь разобраться с понятием современности в науке. В разных науках его содержание неодинаково. Так, для многих разделов физики их современное состояние определяется ситуацией последних лет, от силы – десятилетия. Это же касается ряда отраслей биологической науки. Другое дело – социальные и гуманитарные науки, где понятием современности охватываются периоды, значительно более длительные, чем годы, десятилетие или даже несколько десятков лет.

Рассмотрим с этой точки зрения понятие современности в науке применительно к социологии. Известный английский социолог Э. Гидденс считает, что социология – это наука о современном этапе развития общества, который охватывает последние 200 лет, т. е. период капитализма. Отсюда понятен интерес Гидденса как социолога к изучению не только настоящего, но и прошлого общества. Как отмечает английский ученый, «прошлое – это зеркало, которое социолог должен поставить перед собой, чтобы понять настоящее»³.

В социологии есть и иное отношение к понятию современности, сторонники которого сводят ее к последним десятилетиям или даже к менее продолжительным периодам времени – при условии, что они охватывают глубокие изменения в обществе. Сегодня многие отечественные исследователи считают современным этапом социологии развитие этой науки с конца 1980-х – начала 1990-х гг. по настоящее время. Речь идет в данном случае об изучении того периода, который был связан в России с переходом от советского к постсоветскому обществу, а в мире – с ликвидацией мировой социалистической системы, крушением режимов с диктатурой коммунистических партий.

Но, помимо изменений в обществе, которые должна изучать социология, есть процессы, происходящие не только и не столько в самой социальной реальности, сколько в науке, ее изучающей. С такой точки зрения понятие современного этапа социологии будет иным, поскольку должно учитывать радикальные преобразования, их глубину в самой науке.

³ Giddens A. Sociology. Cambridge, 1989. P. 21.

1.2. Временные границы современного этапа социологии и их основания

Общая характеристика современного этапа социологии напрямую связана с определением его временных границ, особенно нижней. В отношении верхней границы этапа существует достаточная ясность, и здесь споров среди специалистов не возникает. Все сходятся на том, что эта граница проходит по «сегодняшнему дню» социологической науки. Более сложным оказывается вопрос о нижней границе этапа.

Сейчас в отечественной историко-социологической литературе есть две основные позиции, в рамках которых определяется нижняя граница современного этапа социологии. Одна точка зрения сводится к тому, что его история ведет начало со времени завершения Второй мировой войны, а сам этап включает в себя два периода: послевоенный (до конца 1960-х гг.) и новейший (с конца 1960-х гг. до наших дней). Эта точка зрения принадлежит В.П. Култыгину⁴.

Автор обосновывает свою позицию тем, что война способствовала коренному изменению взглядов на общество, массовые социальные процессы и возможности управлять ими. Хронологические рамки первого периода (от войны до конца 1960-х гг.) обусловлены также и самим развитием социологической науки, в первую очередь появлением теории среднего уровня (принадлежит американскому ученому Р. Мертону), которая привела к скачку в развитии социологии, проявившемуся (под влиянием этой теории) в возникновении ряда ее отраслей. В институциональном плане социология также совершила скачок, выйдя за пределы университетов, на уровень отраслевых исследовательских центров. Что касается перехода к новому периоду (с конца 1960-х гг.), то он, по мнению В.П. Култыгина, в социальном плане связан с молодежными и студенческими выступлениями протеста; в плане же внутреннего развития самой социологии речь должна идти о возникновении методологического плюрализма.

Наряду с изложенной точкой зрения, есть и другая, согласно которой современный этап развития социологии начинается в 1920-х гг.⁵. Именно в это время, по мнению В.И. Добренкова, А.И. Кравченко, Э.А. Капитонова, общество вступает в эпоху развитого индустриализма (она продолжается и сейчас), а центр мировой социологической мысли перемещается из Западной Европы в США.

Кроме того, выражение «современная социология» означает, что, начиная с 1920-х гг., теоретические и методические достижения социологии не утрачивают своей актуальности в процессе ее дальнейшего развития вплоть до сегодняшнего дня. В названных работах утверждается, что с 1920-х гг. начинается «один из периодов интенсивного развития современной социологии. В частности, разработанность методов и техники измерительных процедур и числовых эквивалентов в эмпирической социологии и сегодня, в принципе, предопределяет исследовательскую практику, уровень профессиональных норм»⁶.

Мы также придерживаемся этой точки зрения в ее, так сказать, «хронологическом выражении», однако наша аргументация имеет несколько иной, дополнительный к высказанным суждениям, характер. Рубеж 1910 – 1920-х гг. оказался крайне важным в плане глубоких общественных (социальных, политических, экономических) трансформаций, требовавших своего социологического анализа и изучения. Завершение Первой мировой войны поставило задачу теоретического осмысления ее последствий как для общества в целом, так и отдельных стран. Не менее весомым основанием для переосмысления социальных процессов и в целом хода общественно-исторического развития явились демократические и социалистические революции в Европе – сначала в России (Февральская и Октябрьская), затем – в Германии и Венгрии и возникновение Советского государства.

К глубоким общественно-политическим потрясениям следует добавить важные экономические перемены, связанные с наметившимся переходом экономики развитых стран на новые технологии, направленные на внедрение поточного, конвейерного производства и значительный рост производительности труда (что проявилось в первую очередь в промышленности США). Наконец, существенным фактором, повлиявшим на глубокие, качественные, радикальные перемены в социологии, означавшие новый этап ее развития, оказалось постепенное превращение США в наиболее развитую страну мира.

⁴ Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000. С. 18 – 22.

⁵ Капитонов Э.А. Социология XX века. История и технология. Ростов-на-Дону, 1996. С. 5; Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 338.

⁶ Капитонов Э.А. Указ. соч.

Названные процессы составили существо социальных, политических, экономических предпосылок, обусловивших переход к современному этапу социологии. Однако для этого перехода нужны были и иные факторы непосредственно социологического характера. Речь идет о появлении и утверждении в ведущей роли эмпирической социологии, в корне изменившей ситуацию в самой науке, ее характер, функции, направленность, перспективы и возможности. Эмпирическая социология означала новое отношение к предмету и методу научного исследования. В качестве первого стала выступать не вообще социальная реальность (общество в целом), а ее конкретные проблемы, конкретные социальные факты, имеющие значение как для общества в целом, так и для его отдельных подсистем и структур (например, поведение отдельных групп людей в тех или иных ситуациях либо отношение этих людей к ним). Что касается второго, то речь шла об использовании для таких исследований специальных методов: опросов (письменных и устных), позволяющих выявлять субъективные мнения и оценки, социологического наблюдения, эксперимента и т. д.

После появления, конституирования, институционализации эмпирической социологии, составившей единство противоположностей с теоретической социологией, больше революционных изменений в самой социологической науке XX – начала XXI вв., на наш взгляд, не происходило. Взаимодействие теоретической и эмпирической социологии, возникшее в 1920-х гг. и приобретающее в разные периоды столетия самые различные формы (соотношения макро- и микросоциологии, фундаментальной и прикладной социологии, академической и производственной социологии, теории и практики социологической работы т. д.), определяет существо всего современного этапа социологии и дает основания относить к нему процессы, происходящие в этой науке за последние 90 лет.

1.3. Особенности современного этапа социологии

Теперь обратимся к выявлению некоторых особенностей современного этапа социологии. Поскольку его начало мы связываем с появлением, утверждением и общественным признанием эмпирической социологии, то понятно, что ее становление и развитие является одной из важнейших характеристик современной социологии. Возникнув и оформившись в качестве относительно самостоятельного направления, эмпирическая социология стала постепенно представлять собой не менее, а в ряде случаев даже более важную, чем теоретическая, линию развития социологии.

В течение всего XX – начала XXI в. обе эти линии – эмпирическая и теоретическая – идут вровень, пересекаясь, сближаясь, расходясь, взаимодействуя, стремясь друг к другу, взаимно отторгаясь и т. д. Возникают и реализуются многочисленные попытки соединения теоретической и эмпирической социологии. Одним из таких наиболее удачных (а, может быть, и самым удачным) построений следует считать теорию среднего уровня Р. Мертона, на которой мы остановимся подробнее в соответствующей главе, посвященной его творчеству.

Важной особенностью современного этапа является глубокая структурная и содержательная дифференциация социологической науки. Возникают отдельные направления, течения, движения, отрасли социологии. Они позволяют конкретизировать социологическое знание, приблизить его к «потребителям», находящимся в самых различных сферах общественной жизни. Особенно тесно связанной с «дроблением» социологии оказалась ее прогрессирующая отраслевая дифференциация.

Наряду с этой особенностью проявляет себя и другая, противоположная ей и состоящая в стремлении к интеграции социологического знания. Интеграция оказывается весьма широкой и касается не только отдельных теорий, направлений, парадигм в самой социологии. Она выходит за ее пределы, приближая эту науку как к социальным и гуманитарным (философия, история, экономика, право, психология, педагогика и др.), так и к естественнонаучным (математика, информатика, биология и др.) дисциплинам. Не случайно ряд отраслей социологии возникает на стыке именно с другими науками (экономическая социология, социология права, историческая социология, социобиология и т. д.).

Становится более понятной и социальной, и личностная полезность и ценность социологии. Ее представители в течение всего XX – начала XXI вв. получают позитивные результаты в своих исследованиях, которые используются в различных областях и теории, и практической жизнедеятельности. Это позволяет говорить о такой особенности современного этапа социологии, как постоянное и небезуспешное стремление данной науки занять центральное место в системе социогуманитарного знания.

Такое стремление обусловлено тем, что социология на современном этапе ее развития выступает не только как наука, стало быть, как определенная система знаний, но и в качестве определенного способа мышления, изучения людей и общества, видения мира в целом и его отдельных систем и подсистем в частности. Она позволяет анализировать общество и конкретные социальные процессы под самыми различными углами зрения, используя многочисленные срезы связей и отношений между людьми. Как пишет Гидденс, «границы социологии предельно широки, простираясь от анализа столкновений между передвигающимися по улице людьми до исследования глобальных социальных процессов»⁷. Эта особенность социологического знания и дает ему основание занять одно из ведущих мест среди многочисленных видов знания, в том числе и тех, что продуцируются социальными и гуманитарными науками.

Возможности утилизации социологического знания, применения методов исследования конкретных проблем в сферах экономики, производства, бизнеса, политики, средств массовой информации, образования и т. д. превращают деятельность социолога в одно из наиболее престижных профессиональных занятий. Тенденция роста профессионального престижа социологической деятельности – как научной, так и практической – достаточно характерна для всего ее современного этапа.

В рамках этого этапа социология развивается, с одной стороны, как абстрактная наука, делающая акцент на развитии категорий, понятий, теорий, гипотез; с другой – она все теснее сближается с практикой, обслуживая и удовлетворяя потребности самых различных общественных структур. В этом смысле особенностью современного этапа является развитие как фундаментальной, так и прикладной социологии. Если социология решает собственно научные задачи, связанные с развитием теории, то речь идет о ее фундаментальном уровне; если же выполняются практические задачи, связанные с получением конкретных рекомендаций, тогда мы имеем дело с прикладным уровнем науки.

В XX в. происходит окончательная институционализация социологии, т. е. она превращается в социальный институт как сформировавшаяся наука. Социология получает полное и окончательное признание в обществе и принимается всеми институтами, организациями и иными структурами как его важный и неотъемлемый компонент. Это значит, что: в обществе безоговорочно утверждается профессия социолога; определяются самые различные сферы его деятельности; развивается социологическое образование – как профессиональное, так и непрофессиональное (существующее как элемент основных видов общего и профессионального образования); получает распространение академическая социология (как в высших учебных заведениях, так и в специализированных научных учреждениях); крупные ученые – социологи привлекаются для разработки и экспертизы документов, имеющих важнейшее общественно-политическое и народнохозяйственное значение.

Говоря о характеристиках социологии XX – начала XXI в. как современной социологии, нельзя не отметить ее развитие в рамках плюралистической науки. Это означает, что в социологии существует много линий, направлений, школ, теорий и т. д., находящихся в самых разных отношениях между собой. Более того, методологический плюрализм в социологии проявляется в том, что она развивается как мультипарадигмальная наука. Наличие в ней целого ряда парадигм свидетельствует о возможности изучения социального мира и мира человека с самых разных позиций, подходов и точек зрения. В то же время вряд ли целесообразно определять эти парадигмы и их смену как революции в социологии. Между тем, именно такую позицию занимают некоторые авторы, когда говорят о «революции парадигмального порядка»⁸. Появление нетрадиционных точек зрения на социальные и межличностные процессы, применение новых методов и «инструментов» их научного исследования, скорее всего, следует относить к расширению возможностей социологии, а не к «революциям» в ней.

⁷ Giddens A. Sociology. Cambridge, 1989. P. 8.

⁸ См., например: История социологии. Минск, 1993. С. 163.

§ 2. ПЕРИОДИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Характеризуя социологию XX – начала XXI вв. как современный этап этой науки, необходимо ясно понимать, что он является достаточно сложным, неоднородным, включающим в себя целый ряд периодов ее развития. Как и в случае с периодизацией классического этапа социологии⁹, будем использовать три взаимосвязанных ее критерия: временной, пространственный, содержательный с учетом персоналистического подхода к каждому направлению, течению, к каждой парадигме.

Выделим следующие периоды в рамках современного этапа социологии: 1920 – 1930-е гг., 1940 – 1960-е гг., 1970 – первая половина 1980-х гг., вторая половина 1980-х – 2010-е гг. – и дадим их краткую характеристику.

2.1. Первый период (1920 – 1930-е гг.)

Первый период определяется мощным наступлением эмпиризма и его доминированием в социологической теории и практике. Причины активного распространения эмпиризма в социологии следует искать в развитии как общества, так и самой науки, в выходе ее на новый, более высокий уровень, в приближении к зрелому состоянию. Развивающееся в экономическом и социальном отношении общество, ориентирующееся на быстрый прогресс, не могло не обратиться к эмпирической социологии, ее лучшим работам, выводам, позволяющим анализировать и решать конкретные проблемы социальной жизни. Именно так и произошло в 1920-х гг., когда при наличии разных подходов и взглядов на эмпирические исследования, их задачи и предмет сами они получили широкое распространение. Работы социологов по конкретным социальным проблемам по-другому осветили открывающиеся перспективы и общества, и социологии как науки.

Начало первому периоду современного этапа социологии было положено ставшей впоследствии классической и хрестоматийной работой У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Центр развития социологии достаточно быстро перемещается из Западной Европы в США, где в этот период господствует Чикагская социологическая школа во главе с Р. Парком и Э. Бёрджессом. Хоторнский эксперимент, проведенный под руководством Э. Мэйо и Ф. Ретлисбергера (о котором в специальной главе будет подробно сказано), послужил толчком для активного развития индустриальной социологии, социологии труда и социологии менеджмента. Несмотря на экспансию эмпирических и прикладных исследований во второй половине 1920-х–1930-е гг., в США появляются глубокие и имеющие существенное значение для дальнейшего развития науки социологические теории П. Сорокина и Т. Парсонса.

Что касается социологии Западной Европы 1920 – 1930-х гг., то в ней преобладали исследования теоретического характера. Во Франции они были связаны с работами представителей школы Э. Дюркгейма, в Германии конца 1920-х – начала 1930-х гг. – с появлением Франкфуртской социологической школы. Большое влияние на развитие социологии этого периода (особенно западноевропейской) оказали идеи психоанализа. Нельзя не назвать такого важного направления западноевропейской социологии этого периода, как социальная антропология, развивавшаяся в первую очередь в Британии в трудах А. Редклифф-Брауна и Б. Малиновского.

Еще одна крайне важная особенность рассматриваемого периода в развитии социологии состояла в том, что именно в это время произошло зарождение трех ведущих для социологии XX в. парадигм: символического интеракционизма (Дж.Г. Мид), феноменологии (М. Шелер, А. Шюц), структурного функционализма (Т. Парсонс). Развитие этих парадигм, их широкое использование в социологии вышло далеко за пределы рассматриваемого периода.

Нельзя не отметить и такой существенной черты социологии 1920 – 1930-х гг., как появление и конституирование целого ряда ее отраслей. Выше уже назывались некоторые из них (индуст-

⁹ Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учебник для вузов. Сургут – Екатеринбург, 2014. С. 11 – 14.

риальная социология, социология труда, социология менеджмента). С деятельностью Чикагской школы было связано возникновение и бурное развитие социологии города. Формируются и получают развитие социологии образования, СМИ, деревни, медицины, досуга, электоральная социология и многие другие. Отдельные отрасли изначально развивались в рамках исключительно теоретической социологии. Лучший пример тому – социология знания и социология культуры.

Весьма значимым период 1920 – 1930-х гг. был не только для американской и западноевропейской, но и для отечественной социологии. Последняя развивалась вначале под знаком противоборства немарксистских и марксистских взглядов, но после 1922 г. (высылки из страны П. Сорокина среди большой группы российской творческой интеллигенции) победа марксистской линии в социологии была достигнута достаточно быстро. Она была связана с четкой направленностью социологии на «обеспечение» победы социализма. Здесь сыграли значительную роль работы Н.И. Бухарина, в которых социология отождествлялась с историческим материализмом.

Помимо развития теоретической социологии, заметных успехов достигли отдельные отрасли социологического знания, в первую очередь социология труда и социология деревни. Проводились эмпирические исследования большого числа проблем: труда, производства, повседневной деятельности в самых различных сферах жизни, культуры, личности, бюджета времени и др. Определенные результаты были получены также в области методики, техники и процедуры изучения целого ряда актуальных проблем.

Однако в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в связи с установлением культа личности Сталина, социологические исследования свертываются. Этому способствовало несколько обстоятельств. Сначала социология была объявлена составной частью диалектического и исторического материализма, и тем самым сразу был поставлен под сомнение вопрос о ее самостоятельном статусе как науки. Более того, среди идеологов страны возникла «антисоциологическая» линия, отрицавшая вообще право социологии на существование. Этим «аргументом» немедленно воспользовался Сталин, которому социология как наука, раскрывающая противоречия общественных процессов, была не нужна. Тоталитарная система вполне могла обойтись без их изучения. Социология объявляется буржуазной лженаукой, а теоретические и эмпирические исследования подвергаются запрету, равно как и само название науки. На ближайшие 30 лет для отечественной социологии наступают «черные дни» и «темные ночи». Целое поколение людей оказалось лишенным всякого представления о возможностях этой науки.

2.2. Второй период (1940 – 1960-е гг.)

Второй из рассматриваемых периодов современного этапа социологии охватывает, как указывалось выше, 1940 – 1960-е гг. Активизация эмпирических исследований нанесла определенный урон теоретической социологии. Ведь этот процесс был связан с уходом либо уклонением от ответов на острые вопросы широкого социального звучания. Окончание Второй мировой войны и послевоенное развитие общества таких вопросов поставили более чем достаточно. Настало время, когда проблемы социологической методологии и теории должны были занять более достойное место.

Понятно, следовательно, почему второй период характеризуется значительным усилением теоретико-методологических построений, оказавшимся своеобразной реакцией на доминирование (а порой и подавляющее влияние) в социологии эмпирической линии. Эмпирическая социология развивалась и экстенсивно, и интенсивно, зачастую проявляя полную самодостаточность и не обращаясь к «большой теории». В конечном итоге это привело ее к глубокому кризису (в рамках данного же периода), проявившемуся в первую очередь в усилении «ползучего эмпиризма» и мелкотемья конкретных исследований.

Мировым центром социологии в 1940 – 1960-е гг. продолжают оставаться США, что вполне понятно, учитывая разрушительные последствия Второй мировой войны для Европы. В этой стране, наряду со значительным количеством эмпирических исследований в самых различных сферах общественной и личной жизни, активно развивается социологическая теория. Наиболее крупными теоретиками этого периода были П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон. К числу самых значительных теорий, созданных ими в этот период, следует отнести: концепцию социокультурной динамики, теорию интегрального типа личности и общества (Сорокин), теории социальной системы и социального действия, структурно-функциональный анализ, концепцию неозволюционизма

(Парсонс), теории функционального анализа и среднего уровня (Мертон). Необходимо отметить также большую роль в развитии методологии эмпирических исследований таких социологов, как П. Лазарсфельд, С. Стауффер, Р. Мак-Айвер. Основными социологическими центрами в США становятся Гарвардский и Колумбийский университеты (вместо доминировавшего ранее Чикагского университета).

В западноевропейской социологии первых послевоенных десятилетий, наряду с развитием собственных теоретических традиций французской, британской, немецкой, итальянской социологии, начинают активно проводиться конкретные эмпирические исследования (не без влияния американских работ в этой сфере социологической деятельности). Они охватывают прежде всего промышленные предприятия, касаются трудового поведения работников, их отношения к производственной деятельности, мотивации и профессионально-ценностных ориентаций, взаимодействия различных групп занятых, проблем совершенствования управления социальными процессами. Среди крупных европейских социологов, осуществлявших такие исследования – Ж. Фридман, А. Турен (Франция), Дж. Голдторп, Д. Локвуд (Великобритания) и др.

Серьезно сказалось на состоянии западноевропейской, особенно немецкой социологии, «возвращение домой» Франкфуртской школы, ведущие представители которой в военные и первые послевоенные годы жили и работали в США (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм). Радикально-критические взгляды этих мыслителей как в отношении капитализма, так и ряда его теорий (в том числе марксизма) сыграли значительную роль в инициировании многих общественно-политических процессов 1960-х гг., особенно протестных молодежных выступлений во Франции, Германии, США и чехословацких событий 1968 г. Окончание этого периода знаменовало собой, таким образом, впервые четко обнаруженную зависимость между социологическими идеями и их непосредственным восприятием и преломлением в поведении определенной части общества.

Возникшие в предшествующий период (1920 – 1930-е гг.) социологические парадигмы символического интеракционизма, феноменологии, структурного функционализма успешно развиваются в 1940 – 1960-х гг. Здесь следует назвать работы И. Гоффмана (в области символического интеракционизма), П. Бергера и Т. Лукмана (в области феноменологической социологии). Особенно популярным благодаря работам Т. Парсонса и Р. Мертона становится структурный функционализм. В это же время появляются и получают широкое распространение и иные парадигмальные построения. Речь идет о теориях обмена (Дж.К. Хоманс, П. Блау), конфликта (Л. Козер, Р. Дарендорф), этнометодологии (Г. Гарфинкель).

Период 1940 – 1960-х гг. ознаменовался созданием Международной социологической ассоциации (в сентябре 1949 г. под покровительством ЮНЕСКО) и проведением первых всемирных социологических конгрессов. В рамках рассматриваемого периода прошло 6 конгрессов, из них лишь один – пятый – проводился в 1962 г. в США (Вашингтоне), все остальные – в городах Западной Европы (Цюрих, Льеж, Амстердам, Милан, Эвиан). Сам этот факт свидетельствует о том, что, с нашей точки зрения, происходит постепенное ослабление американской «социологической гегемонии».

2.3. Третий период (1970-е – первая половина 1980-х гг.)

Третий период современного этапа социологии охватывает примерно полтора десятилетия: 1970-е – первая половина 1980-х гг. Для зарубежной (американской и западноевропейской) социологии он означал стремление к существенному обновлению теоретического арсенала в рамках ряда появившихся концептуальных направлений – пост-индустриализма (Д. Белл, А. Турен), структурализма и постмодернизма (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан), модернизации (С. Эйзенштадт, М. Леви, У. Мур), неофункционализма (Дж. Александер, П. Коломи) и др. Структурный функционализм получает свое дальнейшее развитие в творчестве Н. Лумана. Системный анализ исторического действия и концепцию общества, построенную на нем, демонстрирует А. Турен. Ему же принадлежит социологическая теория социальных движений. Теорию коммуникативного действия создает Ю. Хабермас.

Многие из названных и иных зарубежных исследователей стремятся как можно резче отгородиться от классических идей социологии, заявляя о поиске принципиально новых путей развития этой науки (неоклассическая, постклассическая и неклассическая метапарадигмы). Тем не менее преобладание в развитии социологии в рамках третьего периода как с предшествующими двумя

периодами, так и с классическим этапом просматривается достаточно очевидно. Что же касается теоретического конструирования в социологии, то оно, конечно же, имело место и было связано прежде всего с развитием прежних и созданием новых парадигм. Продолжая использование таких типов парадигм, как структурные и интерпретативные, социологи особое внимание начинают обращать на интегративные и объединительные парадигмы (рассмотрению всех основных типов и наиболее активно используемых парадигм в различных главах учебника будет уделено соответствующее внимание).

В 1970-е – начале 1980-х гг. заявляет о себе первыми крупными работами новое поколение социологов-теоретиков (Э. Гидденс, Дж. Александер, Дж. Ритцер, Р. Будон, П. Бурдьё, Ю. Хабермас и др.), которому в рамках следующего периода будет суждено сыграть главную роль в развитии академической теоретической социологии. Существенно усиливается влияние западноевропейской социологии (начавшееся еще в конце 1950 – 1960-х гг.). Намечается постепенный переход к социологии постмодерна. Именно в рамках третьего периода зарождается социологический интерес к созданию интегрированных теорий и концепций, который затем в полной мере проявится уже в конце 1980-х – 1990-е гг.

Усиливается роль всемирного социологического сообщества, возглавляемого Международной социологической ассоциацией. Заметными событиями в его жизни становятся международные социологические конгрессы. За период с 1970-го по 1986 гг. их состоялось пять (VII конгресс, 1970, Варна; VIII конгресс, 1974, Торонто; IX конгресс, 1978, Упсала; X конгресс, 1982, Мехико; XI конгресс, 1986, Нью-Дели). Если на предшествующих Варненскому шести конгрессах количество их участников варьировалось от нескольких сотен до 2 тысяч (на конгрессе в Эвиане, 1966), а наибольшее количество представленных стран равнялось 51, то, начиная с Варны, численность участников не опускалась ниже 3 тысяч социологов, количество же представленных государств превышало 80 – 90, достигая иногда рекордных цифр (130 – 140 стран, как это было в Упсале и Мехико).

Теперь коротко охарактеризуем – в рамках второго и третьего периодов современного этапа – развитие отечественной социологии. Говоря о ней, нужно сказать, что она стала проявлять первые признаки жизни (после трех десятилетий забвения) лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг., т. е. во время так называемой «хрущевской оттепели». Начинается новый период в развитии социологии, который продолжался вплоть до середины 1980-х гг. В границах этого периода социология добилась заметных результатов. Прежде всего она стала легально развиваться и как теоретическая, и как эмпирическая наука. В начале периода были проведены важные исследования культурно-технического уровня рабочего класса, научно-технического прогресса, отношения рабочих к труду, бюджетов времени различных категорий населения, брака и семьи, молодежи и др.

Первые конкретные исследования и работы с их анализом и обобщением проводились (а затем публиковались в книгах и статьях) в четырех центрах – Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске. Однако статус социологии в СССР был явно принижен, в лучшем случае она рассматривалась как конкретный раздел философской науки, не имеющий своего самостоятельного предмета и нацеленный на сбор эмпирического материала для его теоретического обобщения в рамках исторического материализма, который и рассматривался как общая социологическая теория.

В 1969 г. был создан Институт конкретных социальных исследований АН СССР (с 1972 г. – Институт социологических исследований, с 1990 г. – Институт социологии АН СССР, с 1992 г. – Институт социологии РАН). С 1974 г. стал издаваться журнал «Социологические исследования». Появилось немало ярких ученых, среди которых известными не только в нашей стране, но и за рубежом стали Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Л.Н. Коган, И.С. Кон, Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, А.Г. Харчев, О.И. Шкаратан, В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов и др.

Однако на состоянии социологии не мог не сказаться общий дух периода «застоя». Науке с большим трудом приходилось преодолевать сопротивление командно-административной системы. Партийно-бюрократическому аппарату социология если и была нужна, то только лишь как инструмент апологетики его деятельности. Поэтому со стороны аппарата постоянно чинились препятствия талантливому ученому, выводы ряда интересных исследований не были опубликованы вследствие остроты анализируемых проблем. Некоторые социологи были подвергнуты гонениям, отдельные ученые вынуждены были уехать за рубеж.

2.4. Четвертый период (вторая половина 1980-х – 2010-е гг.)

Вторая половина 1980-х – 2010-е гг. – четвертый период современного этапа социологии. Он характеризуется попытками вывести социологическую науку на новый уровень теоретического осмысления процессов как в реальной жизни, так и в самой социологии. Основная особенность четвертого периода – стремление к интеграции во всех сферах и проявлениях социологической науки и практики. Именно эту черту в качестве наиболее характерной для периода 1980 – 1990-х гг. называет и подробно раскрывает Дж. Ритцер¹⁰.

Четвертый период характеризуется также переходом к постнеклассическому развитию социологии, одна из основных особенностей которого состоит в теоретическом акцентировании активной роли социального субъекта. Именно в таком ключе следует рассматривать несколько созданных в рамках периода значительных теорий, получивших широкую известность как в социологическом мире Запада, так и нашей страны. Среди них: теория структуризации Э. Гидденса, теория пост-модернизма З. Баумана, теории метатеоретизирования и макдональдизации Дж. Ритцера, культуральная социология Дж. Александра, теории социального поля (пространства), капитала, габитуса П. Бурдьё, теории социальных изменений и культурной травмы П. Штомпки, теория глобализации Р. Робертсона и др.

Международное социологическое сообщество во временных границах четвертого периода продолжало успешно работать, собираясь раз в четыре года на всемирные конгрессы (XII – в Мадриде, 1990; XIII – в Билефельде, 1994; XIV – в Монреале, 1998; XV – в Брисбене, 2002; XVI – в Дурбане, 2006; XVII – в Гетеборге, 2010; XVIII – в Иокогаме, 2014). В перерывах между конгрессами регулярно (один–два раза в год) заседают исследовательские комитеты, которых в Международной социологической ассоциации – около 50. Кроме того, в последнее время раз в два года участники конгресса – члены МСА собираются на большие, по существу всемирные конференции.

На конгрессах фиксируются и анализируются серьезные сдвиги, происходящие в мире и в развитии социологической науки, в понимании социальных изменений и процессов, в исследованиях глобальных и региональных проблем. На последних конгрессах обосновывалась позиция, согласно которой требуется не только (а, может быть, и не столько) интеграция социологического знания, но и консолидация различных подходов, концепций, культур. В идее консолидации и в то же время многообразия равноправных социологических концепций и подходов к различным объектам изучения нашла свое отражение усиливающаяся тенденция к интернационализации социологии, формированию социологического знания, состоящего из теорий, не отрицающих друг друга, а принимающих их как данность.

Четвертый период современного этапа развития социологии принес значительные перемены не только зарубежной, но и отечественной науке. С падением советского режима и исчезновением руководящей роли коммунистической партии в жизни общества впервые возникла возможность для творческого и беспрепятственного развития социологии в нашей стране. Был признан статус социологии как самостоятельной науки. Оказалась полностью «узаконенной» профессия социолога. Стало быстро набирать темпы социологическое образование. Появился шанс не только наверстать упущенное, но и преодолеть, хотя бы частично, разрыв в уровне развития зарубежной и отечественной социологии, который существует сегодня и является общепризнанным фактом.

Вместе с тем, обнаружилось и многочисленные проблемы российской социологии, связанные с необходимостью играть значительно большую роль, чем сейчас, в создании в стране гражданского общества, в непредвзятом изучении сложных проблем страны, оказывавшейся за последние годы уже не раз в ситуации острого, поистине социетального кризиса.

В заключение главы предлагаем читателю таблицу «Современный этап истории социологии», в которой в схематичном виде представлены основные периоды развития социологии в XX – начале XXI вв. с учетом названных выше критериев: временного, содержательного, пространственного и персоналистического. Как и любая схема, данная также является ограниченной и не вполне точно отражающей процессы развития социологической мысли. Ее не следует абсолютизировать и потому, что она несет на себе субъективное восприятие исторического процесса развития социологии автором учебника. Тем не менее в таблице представлены и бесспорные на сегодняшний день, принятые всем социологическим сообществом позиции и точки зрения. Так что в любом случае предлагаемая схема периодизации современного этапа истории социологии принесет пользу благодаря созданию целостного представления о нем.

¹⁰ Ritzer G. Modern Sociological Theory. N.Y., 1996.

Современный этап истории социологии

<i>Временной критерий</i>	<i>Содержательный критерий</i>	<i>Пространственный критерий. Персоналии</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
1920 – 1930-е гг.	<i>Институционализация и развитие эмпирической социологии в США</i> <i>Чикагская социологическая школа</i> <i>Возникновение отраслевых социологий:</i> социология города индустриальная социология социология труда социология менеджмента изучение бюджетов времени социология знания политическая социология <i>Возникновение парадигм:</i> символический интеракционизм феноменологическая социология <i>Социологическая школа Дюркгейма</i> <i>Франкфуртская социологическая школа</i> <i>Социальная антропология</i> <i>Развитие теоретической социологии:</i> теории социальной стратификации, социальной мобильности, социокультурной динамики теории социальной системы, социального действия	США (Томас, Знанецкий) США (Парк, Берджесс, Вирт) США (Парк, Берджесс, Р. Линд, Х. Линд) США (Мэйо, Ретлисбергер) США (Диксон), СССР (Гастев) США (Дракер, Баркин) СССР (Струмилин) Германия (Шелер, Маннгейм) Италия (Моска, Михельс) США (Дж.Мид) Германия (Шелер, Шюц) Франция (Мосс, Хальбвакс, Леви-Брюль, Юбер) Германия (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе) Великобритания (Редклифф-Браун, Малиновский) США (Сорокин) США (Парсонс)
1940 – 1960-е гг. XX в.	<i>Дальнейшая активизация эмпирических исследований. Развитие отраслевых социологий</i> <i>Появление теорий среднего уровня</i> <i>Развитие социологических школ:</i> Чикагская школа Колумбийская школа Гарвардская школа Франкфуртская школа <i>Возникновение и развитие социологических парадигм:</i> структурный функционализм этнометодология	США (Мертон) США (Огборн, Стауффер, Шилз, Хьюз) США (Лазарсфельд, Мертон, Мак-Айвер, Морено) США (Сорокин, Парсонс) Германия (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе, Фромм, Хабермас) США (Парсонс, Мертон) США (Гарфинкель)
1940 – 1960-е гг. XX в.	социология конфликта парадигма обмена символический интеракционизм феноменологическая социология <i>Второе рождение отечественной социологии</i>	США (Козер), Германия, Англия (Дарендорф) США (Хоманс, Блау, Эмерсон) США (Блумер) США (Шюц, Бергер), Германия (Лукман) Ядов, Здравомыслов, Грушин, Харчев, Осипов, Кон, Заславская, Коган и др.

1	2	3
1970-е – первая половина 1980-х гг.	<i>Теория коммуникативного действия</i> <i>Теория постиндустриального общества</i> <i>Теория модернизации</i> <i>Теории структурализма и постмодернизма</i> <i>Теория неофункционализма</i> <i>Структурный функционализм</i> <i>Развитие отечественной социологии</i>	Германия (Хабермас) США (Белл), Франция (Турэн) Израиль (Эйзенштадт), США (Леви, Мур) Франция (Леви-Стросс, Деррида, Фуко, Лакан) США (Александр, Коломи) Германия (Луман) Ядов, Заславская, Шубкин, Кон, Шляпентох, Грушин, Коган, Здравомыслов и др.
Вторая половина 1980-х – 1990-е гг.	<i>Теория структуризации</i> <i>Теории интеграции и макдональдизации</i> <i>Теория постмодернизма</i> <i>Теории социального пространства (поля), габитуса, капитала</i> <i>Теории социальных изменений, культурной травмы</i> <i>Теория неофункционализма</i> <i>Развитие отечественной социологии</i>	Англия (Гидденс, Арчер) США (Ритцер) Англия (Бауман) Франция (Бурдьё) Польша (Штомпка) США (Александр, Коломи), Германия (Луман) Ядов, Грушин, Здравомыслов, Заславская, Осипов, Кон, Шубкин, Шкаратан, Лапин и др.

Вопросы и задания

1. Что означает понятие «современная социология»?
2. Обозначьте временные границы современного этапа социологии, охарактеризуйте различные точки зрения по этому вопросу.
3. Каковы особенности современного этапа социологии?
4. Назовите критерии периодизации социологии XX века. В чем суть каждого из них?
5. Дайте краткую характеристику основных периодов современного этапа развития социологии, используйте при этом временной, пространственный, содержательный и персоналистический критерии.
6. Каким было соотношение теоретического и эмпирического знания на протяжении каждого из четырех периодов развития социологии в XX?

Литература

- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
 Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
 Зборовский Г.Е. История социология. М., 2007.
 Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
 История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
 История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
 История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
 Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
 Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
 Очерки по истории теоретической социологии XIX – XX вв. М., 1994.
 Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.

ГЛАВА 2

АМЕРИКАНСКАЯ ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В 1920 – 1930-е гг. ЧИКАГСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

§ 1. Появление и характерные особенности эмпирической социологии

- 1.1. Понятие эмпирической социологии и причины ее появления*
- 1.2. Принципы и постулаты позитивизма в эмпирической социологии*
- 1.3. Специфика эмпирического социологического знания*
- 1.4. Разновидности эмпирической социологии*
- 1.5. Причины «американизации» эмпирической социологии*

§ 2. Развитие эмпирической социологии в США в 1920 – 1930-е гг.

- 2.1. Вехи творческого пути У. Томаса и Ф. Знанецкого*
- 2.2. Общая характеристика и проблемное поле «Польского крестьянина...»*
- 2.3. Подходы к изучению и решению проблем*
- 2.4. Бурное развитие эмпирической социологии в США*

§ 3. Чикагская школа в социологии, ее основные этапы, достижения, значение для последующего развития социологии

- 3.1. Подготовительный этап деятельности Чикагской школы*
- 3.2. Основной этап деятельности Чикагской школы*
- 3.3. Жизненный и профессиональный путь Р. Парка и Э. Бёрджесса*
- 3.4. Основные содержательные характеристики Чикагской школы*
- 3.5. Характеристика взглядов У. Огборна и Л. Вирта*

§ 4. Кризис Чикагской школы и ее значение для социологии

- 4.1. Причины кризиса Чикагской социологической школы*
- 4.2. Значение Чикагской школы в истории социологии*

§ 1. ПОЯВЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

1.1. Понятие эмпирической социологии и причины ее появления

В ходе изучения классического этапа развития социологии выявлялись исторические истоки эмпирической социологии. Речь шла о первых эмпирических исследованиях в XVII – XIX вв. Специально рассматривались: проблемы смертности в их эмпирическом изучении Дж. Граунтом, статистические работы У. Петти, И. Зюсмилха, становление социальной статистики в трудах А. Кетле, изучение семьи Ф. Ле Пле. Был дан анализ развития эмпирических исследований во Франции (работы Г. Тарда, Э. Дюркгейма), в Англии (труды Ч. Бута), в Германии (материалы А. Вагнера, А. Левенштайна, Ф. Тённиса, М. Вебера). Подчеркивалась значимость этих исследований для конкретного анализа индустриального общества эпохи его становления и развития.

Обращалось внимание на то, что это были эпизодические, разрозненные исследования, не делавшие в социологии «погоду» и не имевшие в то время определяющего значения для ее развития. В XVII – XIX вв. не существовало разработанной методологии и методики их подготовки и

проведения. Существовавшие социологические теории, с одной стороны, не формировали условий для проведения конкретных эмпирических исследований в силу достаточно абстрактного характера первых, поскольку в этих теориях ставилась прежде всего задача создания глобальных историко-эволюционных схем. С другой – эти теории, опять же вследствие названной выше их специфики, не нуждались в проверке и конкретной, эмпирической аргументации. Вместе с тем, подчеркивалось, что без названных выше эмпирических исследований не было бы и значительных теоретических выводов, особенно у таких социологов как Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, М. Вебер.

На рубеже 1910 – 1920-х гг. появляются исследования, сыгравшие судьбоносную роль в развитии социологии и открывшие принципиально новую ее эпоху (называемую современным этапом этой науки). Прежде всего отметим работы в области эмпирической социологии представителей Чикагской школы. Это в первую очередь «Польский крестьянин в Европе и Америке» У. Томаса и Ф. Знанецкого и социологические исследования города (проблем социальной экологии), выполненные под руководством Р. Парка и Э. Бёрджесса. Однако для того, чтобы говорить о них как о начале современной эмпирической социологии, необходимо дать развернутое и точное ее понятие.

Будем понимать под ней область развития социологической науки, связанную с получением фактографического знания в результате проведения специальных эмпирических исследований. В то же время эмпирическое исследование означает изучение конкретных социальных проблем, направленное на решение как теоретических, так и практических задач, регулирование межгрупповых и внутригрупповых отношений и социальных процессов. Проведение эмпирического исследования предполагает использование специальных методов количественного и качественного характера, включая письменные и устные опросы (анкетирование и интервьюирование), социологическое наблюдение, эксперимент и т. д.

Эмпирическая социология – особая сфера, даже вид профессиональной деятельности социолога, который иногда выступает как синоним всякой социологической деятельности. На самом деле это не так, поскольку последняя включает в себя не только проведение эмпирических исследований, но и другие виды работы, в первую очередь научное обобщение и анализ информации, создание и развитие теорий различного уровня.

Появление эмпирической социологии в начале XX в. было тесно связано со стремлением отдельных ученых изменить характер социологической науки в целом в соответствии с принципами позитивизма, которые впервые были провозглашены О. Контом, но не доведены им до своего логического завершения. Как известно, он выступал против абстрактного метафизического теоретизирования на темы об обществе вообще, за превращение социологии в разновидность науки, дающей точное (по образцу естественных наук) знание, за использование для достижения этой цели строгих и обоснованных методов, за новую роль социологии в деле совершенствования социальных процессов и отношений. Однако Конту не было суждено ни добиться этого самому, ни увидеть новые возможности социологии в теории и практике конкретных исследований. Эти возможности и перспективы оказались реализованными лишь в эмпирической социологии XX в.

1.2. Принципы и постулаты позитивизма в эмпирической социологии

Какие основные принципы и постулаты позитивизма были использованы в социологии (особенно эмпирической) на современном этапе развития этой науки? В первую очередь, это положение о том, что общественная реальность, изучаемая социологией, подвержена действию социальных законов, подобно тому как действию естественных законов природы подвержены неорганический и органический миры. При этом законы природы и общества рассматриваются в единстве, как содержащие немало общего между собой.

Поскольку позитивизм признает сходство законов природы и общества, постольку этот постулат распространяется и на методы изучения природного и социального миров. Иными словами, методы социологического исследования должны быть уподоблены методам естественных наук в таких своих характерных чертах, как строгость, точность, объективность и отсутствие оценок идеологической направленности. Для достижения этой цели должны использоваться в первую очередь математические и статистические методы. Их применение способно обеспечить репрезентативность, достоверность, доказательность, обоснованность (валидность) сделанных выводов и предлагаемых рекомендаций, имеющих соответственно как теоретический, так и практический характер.

Что касается истинности получаемых результатов, то, с точки зрения представителей эмпирической социологии, она может быть установлена лишь на основании применения определенных

научных процедур верификации, т. е. проверки истинности высказываемых положений путем опытного, эмпирического сопоставления их с реальной действительностью. Этому способствует процедура квантификации изучаемых социальных объектов, состоящая в выражении их качественных характеристик в количественной форме.

Эмпирическая социология стремится к объективности. Последняя определяется не только используемыми методами социологического исследования, но и рядом других факторов: непредубежденной и независимой позицией социолога, публичностью, общедоступностью социологической деятельности, с результатами которой люди постоянно знакомятся через средства массовой информации, эффектом критического анализа материалов со стороны своих коллег.

Однако здесь есть свои сложности. Ведь суждения социологов об объективности базируются на изучении субъективных мнений людей. Получается, что на основе сбора мнений, субъективных по своей природе и характеру, формируется объективное знание. Нет ли здесь противоречия? Конечно, в определенной степени есть. Но в том-то и состоит специфика эмпирической социологии, что она использует такие методы сбора информации и ее обработки, которые позволяют разрешать это противоречие. Вместе с тем, само по себе его наличие предупреждает нас об опасности абсолютизации социологического знания, прежде всего той его части, которая базируется на материалах эмпирических исследований.

Далее, в соответствии с постулатом позитивизма эмпирическая социология должна иметь дело не с целостным изучением и объяснением общества, а с анализом его конкретных сфер, структур, явлений и процессов, поскольку в основе этого принципа (назовем его принципом конкретности) лежит убеждение в невозможности описать и объяснить социум в целом. Однако, по мнению сторонников эмпирической социологии, снижение масштаба проблем не означает уменьшения их значимости. Более того, в практическом отношении принцип конкретности приобретает оптимальную эффективность, потому что усовершенствовать все общество сразу невозможно, а решать его отдельные проблемы на основе их предварительного эмпирико-социологического изучения вполне посильно.

1.3. Специфика эмпирического социологического знания

В связи со сказанным возникает вопрос еще об одной особенности эмпирической социологии, связанной с проблемой научной специфики знания, ею получаемого. Здесь могут возникнуть по меньшей мере два аспекта этой проблемы: первый – способно ли эмпирическое социологическое знание быть подобным строгому естественно-научному знанию, находиться с ним в одном ряду? второй – может ли эмпирическое знание давать такой же точный результат в изучении социальных объектов, какой дает естественно-научное в исследовании природных?

Ответы на поставленные вопросы содержат и положительные, и отрицательные суждения. Поскольку эмпирическая социология использует общенаучные методы, количественные оценки, логические доказательства, а также материал таких наук как математика, теория вероятности, статистика и др., она может обеспечить получение точного результата и рассматриваться в качестве разновидности строгой, не уступающей в этом отношении естествознанию, науки.

Вместе с тем, эмпирическая социология имеет дело не с физическими объектами, а с людьми, социальными общностями, их деятельностью и субъективными мнениями. Известно, что такие социальные объекты отличаются в своем поведении самопознанием, целеполаганием и, вследствие этого, значительными флуктуациями (случайными отклонениями, колебаниями, изменениями) в деятельности и поведении. Поэтому нельзя говорить о совершенно строгом и точном социологическом описании и анализе человеческого бытия и социальной реальности – таком же, которое дается в естественных науках применительно к природным процессам.

Это обстоятельство хорошо понимали уже на заре рождения эмпирической социологии, и в первую очередь ее классики У. Томас и Ф. Знанецкий. Во введении к своей совместной работе «Польский крестьянин в Европе и Америке»¹¹ они отмечали «одно существенное различие между природной и социальной действительностью, которое состоит в том, что в то время как следствие физического феномена целиком зависит от объективной природы этого феномена и может быть просчитано на основе его эмпирического содержания, то следствие социального феномена зависит

¹¹ Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Boston, 1918 – 1920.

к тому же и от субъективной позиции, занимаемой личностью или группой относительно данного явления, и может быть просчитано, если мы знаем не только объективное содержание предполагаемой причины, но также и значение, которая она имеет в данный момент для данных мыслящих существ»¹².

1.4. Разновидности эмпирической социологии

Эмпирическая социология имеет, несомненно, глубоко позитивное значение, поскольку дает конкретное, научно обоснованное знание о многих, часто очень важных социальных проблемах и способах их решения. Эмпирические исследования придают социологии характер не только теоретической, но и практической сферы деятельности, способной принести ощутимый, полезный результат, который зачастую может измеряться даже экономическим эффектом – сбережением средств либо их более рациональным использованием.

В данном случае имеется в виду такая разновидность эмпирической социологии, которую принято называть прикладной. Именно она выполняет функции социальной инженерии. В основе социологической социоинженерной деятельности лежат два основных принципа – эмпиризм и прагматизм, которые свидетельствуют о ее направленности на получение конкретного, реально ощутимого результата. Речь идет в первую очередь о связи этого результата с изучением человеческого поведения в определенных, диктуемых социальной ситуацией, условиях, а также прогнозировании последнего с целью оптимального и эффективного управления им.

Инженер-социолог проводит маломасштабные исследования (чаще всего опросы), разрабатывает проекты изменения небольших по размеру социальных общностей и групп (бригада, цех на производстве, молодежные группировки, коллективы в учебных заведениях, фирмах, учреждениях, группы людей, проводящих вместе свободное время и т. д.). Прикладная социология разрабатывает конкретные программы и рекомендации, социальные технологии, ориентированные на практическое применение. По существу прикладные исследования – это исследования для тех, кто выступает как конкретный заказчик и прямо и непосредственно платит за проводимую социологом работу.

Наряду с прикладной, существует другая разновидность эмпирической социологии, называемая академической. Она развивается в университетах, относительно независима от заказчика (часто им выступает государство, госбюджет). Эмпирические исследования академического характера могут касаться проблем, решение которых не сулит экономических выгод, по крайней мере прямо и непосредственно. Академическая социология, в отличие от прикладной, ориентирующейся в первую очередь на практический результат, нацелена прежде всего на развитие науки, на прирост знания.

1.5. Причины «американизации» эмпирической социологии

Если иметь в виду обе разновидности эмпирической социологии – академическую и прикладную, то сначала появилась первая. Именно с университетских исследований в США произошло становление эмпирической социологии. Мы назвали страну, которая по справедливости считается родоначальницей эмпирической социологии. Почему именно США? Это интересный и важный вопрос, ответ на который поможет прояснить многие обстоятельства появления и развития эмпирической социологии.

Среди причин общего характера в первую очередь нужно назвать бурные темпы американского экономического развития в начале XX в. (вплоть до конца 1920-х гг. – появления кризиса и Великой депрессии), с которыми не могла сравниться ни одна европейская страна. В США оказа-

¹² Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 345.

лись сосредоточенными громадные капиталы, стимулировавшие экономический и материально-технический прогресс. Вместе с подъемом экономики столь же быстро повышался уровень материального благосостояния работников за счет интенсификации их труда и роста его производительности. Развитие крупной промышленности и концентрация капитала приводили к углублению социальной дифференциации, усилению социальной несправедливости, коррупции и другим негативным социальным последствиям, с которыми традиционно связано развитие капитализма и индустриального общества.

Заметно росли американские города. Массовый наплыв иммигрантов из европейских, азиатских, африканских и латиноамериканских стран, стремившихся осесть в городах, придал им новый облик. Наряду с деловым центром (даун-таун), появились районы, освоенные населением с разным цветом кожи и разных национальностей, получившие соответствующие названия («белые», «черные», «желтые», итальянские, китайские, польские и др.), возникли так называемые гетто (в которых селились дискриминированные национальные меньшинства, в первую очередь это были негритянские гетто), пригородные жилые зоны и т. д.

Каждый из четырех основных процессов, происходивших в американском обществе начала XX в., – бурная индустриализация и мощная концентрация капитала, массовая иммиграция, стремительная урбанизация, рост материального благосостояния населения и его увеличивающаяся дифференциация – наряду с позитивными достижениями вызвал большое количество конкретных, локальных проблем, к решению которых стремились подключиться самые разные социальные и интеллектуальные силы. Одной из них оказалась эмпирическая социология.

Вся экономическая, социальная, политическая атмосфера американского общества того периода была в высшей степени благоприятной для развития конкретной науки о конкретных проблемах жизни общества. Это был своеобразный «питательный бульон» для эмпирической социологии. Как учебная дисциплина она получила доступ не только в высшие, но и в средние учебные заведения, колледжи.

Быстрому прогрессу эмпирической социологии и «вживаемости» ее в ткань американского общества способствовало также сильное влияние идеологии и философии прагматизма и инструментализма, акцентировавших внимание на практической стороне любой деятельности, которая должна была привести к достижению полезных и измеряемых эффективных результатов. Именно это направление исследований и было характерно для эмпирической социологии.

Изначально, с 1920-х гг., эмпирической социологии была присуща абсолютизация собственной роли. Она проявилась в следующих характерных чертах: а) отрыве от теории и провозглашении собственных результатов наиболее достоверными и научными; б) сведении любой научной социологии к эмпирической, отождествлении с ней; в) увлечении математическими методами и поистине слепой вере в их безукоризненность; г) отказе от крупных теоретических обобщений; д) увлечении чисто социологическими методами исследования и недооценке общенаучных.

Понятно, что в целом для социологии эти черты имеют скорее негативный, чем позитивный характер. Однако они позволили в короткий срок (полтора–два десятилетия) за счет противопоставления эмпирических исследований социологическим теориям вытеснить последние с авансены социологической науки в целом, сформировав у определенной (преимущественно деловой) части членов американского общества убеждение в том, что будущее этой науки – именно за эмпирической социологией. Впрочем, к вопросу о соотношении эмпирической и теоретической социологии мы будем неоднократно возвращаться по ходу анализа основных периодов современного этапа развития этой науки.

§ 2. РАЗВИТИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В США В 1920 – 1930-е гг.

Уже отмечалось, что работой, положившей начало эмпирической социологии, традиционно и повсеместно считается книга У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918 – 1920). Она характеризуется специалистами как хрестоматийная, классическая работа эмпирической социологии. Что дает основания для таких суждений?

Во-первых, в основу работы положена конкретная и локальная проблема, взятая в качестве предмета исследования. Речь идет о польской крестьянской эмиграции в США в начале XX в. и о сравнительном описании (анализе) положения польских крестьян, оставшихся в своей стране и переехавших на новое место жительства. Во-вторых, во главу угла поставлено использование методов эмпирического конкретно-социологического исследования, главным среди которых оказался метод изучения личных документов. В-третьих, работа отличается практическим и прикладным характером выводов и заключений авторов, направленных на оптимизацию возникающих социальных процессов, связанных с миграцией и адаптацией отдельных социальных общностей к новым условиям жизни, преодоление конфликтов (либо их недопущение) в связи с указанными явлениями.

2.1. Вехи творческого пути У. Томаса и Ф. Знанецкого

Прежде чем подробно характеризовать названную работу У. Томаса и Ф. Знанецкого, обратимся к рассмотрению основных вех их творческого пути, поскольку каждый из них выступал знаковой фигурой начального периода современного этапа социологии.

Уильям Айзек Томас
William Isaac Thomas
(13 августа 1863 – 5 декабря 1947)

Флориан Витольд Знанецкий
Florian Witold Znaniecki
(15 января 1882 – 23 марта 1958)

Уильям Томас (1863 – 1947) учился в университетах США (Теннесси) и Германии (Геттинген, Берлин). Во время поездки по Европе он посетил Польшу, где и познакомился со Знанецким. С 1893-го по 1918 г. был профессором Чикагского университета. В 1927 г. избран президентом Американской социологической ассоциации. Значительную часть своей жизни Томас занимался социологическим и социально-психологическим изучением социального поведения, его мотивации. В 1923 г. он опубликовал книгу «Неприспособленная девушка», в 1928 г. – работу «Ребенок в Америке» (совместно с Доротой Томас). Его последний труд, написанный за 10 лет до смерти, – «Примитивное поведение: к введению в социальные науки» (1937). Томас исследовал проблему ситуативного поведения через изучение установок и ценностей, совокупность которых он определял как ситуацию. Отсюда сформулированное им знаменитое положение, которое вошло в науку (с «легкой» руки Р. Мертона) как «теорема Томаса»: «Если люди определяют ситуации как действительные, то они действительно по своим последствиям». Американский ученый изучал и использовал методы социологического исследования, прежде всего – анализ личных документов. Применяв его для сбора материала по проблемам эмиграции населения из европейских стран в США, он написал совместно со Знанецким самый известный труд всей своей жизни – «Польского крестьянина...». Его союз с польским социологом был сравнительно недолгим и через некоторое время после завершения пятитомной работы распался.

Флориан Знанецкий (1882 – 1958) родился в Польше, обучался в гимназиях Варшавы и Ченстохова, высшее образование получал в университетах Варшавы, Женевы, Цюриха, Парижа. Владел семью языками, причем английский и русский изучил самостоятельно. В 1909 г. защитил докторскую диссертацию в Кракове. Преподавал в Чикагском университете, во время пребывания

в нем и проводил совместные с Томасом исследования, нашедшие отражение в названной выше книге. В 1920 г. возвратился в Польшу, в Познань, где занимался преобразованием в университете этого города кафедры философии в кафедру социологии. Основывает социологический институт и издает социологический журнал. До Второй мировой войны жил в Польше, но постоянно ездил в США читать лекции. Во время фашистской оккупации его жена и дочь были брошены в концлагерь. После войны, не приняв новую Польшу, Знанецкий остался в США. Преподавал в ряде американских университетов, в том числе в Колумбийском. В 1953 г. был избран президентом Американской социологической ассоциации. Известен как представитель гуманистического направления в социологии. Активно занимался социологией знания, социологией города. Много внимания уделял изучению установок и ценностных ориентаций (аттитюдов), что и сблизило его с Томасом. Знанецкий – социолог, очень почитаемый в современной Польше. Для польских социологов он значит примерно то же, что П.А. Сорокин – для российских. Основные работы Знанецкого (в переводе их названий на русский язык): «Культурная реальность» (1919), «Метод социологии» (1934), «Социальные действия» (1936), «Социальные отношения и социальные роли» (1965), «Гуманистическая социология» (1969).

2.2. Общая характеристика и проблемное поле «Польского крестьянина...»

Фабула книги, как уже отмечалось, связана с анализом иммиграции польского крестьянства в США в начале XX в. В исследовании такого рода были заинтересованы многие социальные работники США, занятые по роду своей профессиональной деятельности обустройством жизни польских крестьян, переехавших жить в эту страну и доставлявших массу хлопот американскому обществу. Причинами возникающих трудностей и противоречий были характерные для иммигрантов незнание языка, отсутствие необходимой квалификации, бедность, проституция и т. д. Остро стояла проблема адаптации польских крестьян к новым условиям жизни. Исследователям и практическим (социальным) работникам в США необходимо было выявить не только статистические характеристики иммиграции, но и социальное самочувствие переселенцев, особенности восприятия ими новой жизни, новых ценностей.

В работе У. Томаса и Ф. Знанецкого активно применялся метод изучения документов личного характера (дневники, автобиографии, воспоминания, письма крестьян из Америки в Польшу и ответы им – всего 754 письма). Активно использовались также данные польских архивов, материалы прессы, документы американских социальных агентств по миграции, так называемые «глубинные» интервью. Одно из них, проведенное с польским крестьянином Владеком, дополнило его автобиографическое жизнеописание и составило вместе с текстами интервью целый том в 300 страниц.

Важно отметить, что в пятитомной работе Томаса и Знанецкого первые два тома являют собой теоретическое обобщение и анализ эмпирического материала, который представлен в последующих трех томах, так что читатель имеет полную возможность проникнуть в творческую лабораторию социологов и сопоставить авторские рассуждения и размышления с конкретными документами. В истории социологии это первый (и в целом, к сожалению, не часто встречающийся) случай такого подхода к сочетанию теоретических умозаключений с конкретным материалом, на основании которого они делаются.

Анализ жизни людей в новых условиях на базе выявления их субъективного мнения и объективных обстоятельств бытия позволил социологам определить несколько главных проблем их исследования: индивидуализации (как она совместима с социальной сплоченностью), эффективности (каково соотношение между индивидуальной и социальной эффективностью, личностной и профессиональной успешностью), аномального (девиантного, отклоняющегося) поведения (преступность, бродяжничество, проституция, алкоголизм), занятости, отношения между полами, социального счастья (базирующегося на удовлетворенности деятельностью социальных институтов и организаций), борьбы рас (национальностей) и культур, идеальной организации культуры¹³. Всего, как видно, Томас и Знанецкий называют 8 основных проблем, с которыми они столкнулись при изучении польских крестьян.

¹³ Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 354 – 355.

2.3. Подходы к изучению и решению проблем

Как решать выявленные проблемы? Это главный вопрос, который задают себе и обществу социологи. Есть ли такая совершенная форма организации социальной жизни, которая соединила бы широчайший индивидуализм (а именно в нем видели дух и менталитет американской нации У. Томас и Ф. Знанецкий) с действиями эффективных общественных структур, что дало бы в качестве результата гармонию эффективности и счастья? Не имея окончательного ответа на этот вопрос, ученые полагали, что необходимым способом разрешения поставленных выше проблем является систематическое социологическое изучение различных культур.

В контексте сказанного нельзя не обратить внимания на две фундаментальные практические проблемы, которые выдвигают социологи, говоря о том, что они составляют ядро рефлексивной социальной практики во все времена. Это: «1) проблема зависимости индивида от социальной организации и культуры и 2) проблема зависимости социальной организации и культуры от индивида...»¹⁴. По существу мы видим стремление Томаса и Знанецкого рассматривать не только в теоретическом, но и в практическом плане единство и взаимозависимость индивида, общества (социальной организации) и культуры.

Для решения указанных проблем общество должно способствовать удовлетворению основных желаний индивида путем его инкорпорирования в собственные структуры. Томас и Знанецкий называют четыре таких желания: желание нового опыта и свежих стимулов; желание признания (общего социального одобрения, сексуального отклика и т. д.); желание властвовать (на основе стремления к собственности, домашней тирании, политическому деспотизму и т. д.); желание безопасности. В реальности общество является агентом подавления многих желаний, но оно же выступает единственной средой их удовлетворения¹⁵.

В анализируемой работе очень много социально-психологических аспектов, что в дальнейшем становится характерным для всей эмпирической социологии. Большое внимание уделяется типологии социального характера. Томас и Знанецкий рассматривают три типа характера, которые называют соответственно филистерским (мещанским), богемным и творческим (креативным), причем эти типы, по мнению ученых, имеют универсальное значение и применимы к анализу не только эмигрировавших польских крестьян. Первый тип объединяет конформистов, или традиционалистов, не принимающих новации и неожиданности, а ожидающих стабильности и проторенных путей развития. Второй тип – богемный – отличается спонтанностью поведенческих реакций в изменившихся условиях жизни, когда не сложились еще новые постоянные социальные ориентиры. Наконец, наиболее оптимальным и социально эффективным является креативный тип, поскольку человек ищет новые ситуации для создания более перспективных социальных систем. К этому типу относится наиболее «продуктивная» часть членов общества.

Ключевым для социологов (в первую очередь для Томаса; чтобы утвердиться в этом мнении, вспомним еще раз его теорему) было понятие ситуации, рассматриваемой ими как «набор ценностей и установок, с которыми индивид или социальная группа имеют дело в процессе деятельности и по отношению к которым планируется эта деятельность и оцениваются ее результаты»¹⁶. Ситуация, по мнению социологов, включает в себя три вида данных: 1) объективные условия; 2) предшествующие установки индивида или социальной группы, которые в данный момент оказывают влияние на их поведение; 3) определение ситуации, то есть ясная концепция условий и осознание установок¹⁷. Понятие ситуации выступало для социологов как основное для объяснения поведения человека или социальной группы.

Оценивая значение пионерской работы Томаса и Знанецкого, американский социолог Дж. Маккини отмечал, что «она знаменует собой разрыв классиков-энциклопедистов со спекулятивной социологией и вступление ее в период эмпирического развития со всем его методическим и техническим оборудованием»¹⁸.

¹⁴ Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 341.

¹⁵ Там же. С. 353 – 354.

¹⁶ Там же. С. 352.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 643.

2.4. Бурное развитие эмпирической социологии в США

Эмпирическая социология вступает в пору своего бурного развития. Оно проявилось в растущем интересе к методике, технике и процедуре исследования. Социологам (да и не только им) стало казаться, что они могут располагать самыми надежными инструментами для получения объективно истинного знания. Распространению этой иллюзии способствовала проблематика социологических исследований 1920-х гг. Она касалась наиболее острых проблем жизни и поведения социальных групп, связанных с девиациями.

Об этом свидетельствуют лишь некоторые перечисляемые ниже работы. Мы умышленно выбрали те, названия которых достаточно красноречивы и часто говорят сами за себя: «Шайка» Ф. Трешера (написана в 1927 г. и посвящена описанию жизни молодых преступников); «Гетто» Л. Вирта (написана в 1928 г., в ней раскрываются особенности образа жизни населения в изолированных – для определенных, часто дискриминированных, национально-этнических групп – частях города; эмпирическое исследование было посвящено анализу судеб еврейских иммигрантов в Чикаго и проведено в еврейском гетто); «Бродяга» Н. Андерсона (написана в 1923 г., в ней характеризуются результаты эмпирических исследований среди бездомных, выражаясь современными отечественными терминами – бомжей); «Неприспособленная девушка» У. Томаса (год издания книги – 1923-й, в ней исследуются особенности поведения, профессиональные занятия, социальные отклонения, в том числе и проституция, молодых женщин, в основном иммигранток); «Золотой берег и трущоба» Х. Зорбо (написана в 1929 г., в книге на материалах конкретных исследований показываються разительные контрасты между богатыми, расположенными в центральной части Чикаго, кварталами и нищенскими районами города).

Многие из этих исследований касались иммигрантов – не только поляков (как это уже показывалось на примере работы Томаса и Знанецкого), но и выходцев из Ирландии, Италии, Германии, Китая, Японии, Мексики, скандинавских государств, а также евреев, негров, мулатов, метисов из африканских и латиноамериканских стран и др. Перед всеми этими людьми стояли одни и те же проблемы – трудоустройства, иного, по сравнению с прежним, образа жизни, освоения новых социальных связей и отношений, социальной, культурной, языковой и иной адаптации. Над «плавающим котлом» американской нации клубился мощный пар, в котором пытались что-либо увидеть и понять исследователи.

Социологов (в первую очередь представителей Чикагской школы) волновали вопросы городской жизни, социального неравенства среди различных слоев населения, усиливающихся контрастов между богатством и бедностью, преступности, различного рода девиантного и делинквентного поведения, связанные зачастую именно с названными выше социальными и национально-этническими группами. С целью анализа и выявления способов решения поставленных проблем и проводились эмпирические исследования. Государство некоторое время субсидировало такие работы, однако быстро свернуло их финансовую поддержку, увидев в разоблачающих материалах социологов определенную угрозу устоям общественного строя.

Но помешать развитию эмпирической социологии было уже нельзя. Социологи-эмпирики, получив ограниченные возможности в области изучения девиантного (отклоняющегося) поведения, «перекинулись» в сферу исследования коллективного поведения, социальных и межличностных отношений в городах (сначала крупных, а затем средних и мелких), на промышленных предприятиях, а потом и в иных областях социальной жизни (образование, культура и т. д.). 1920 – 1930-е гг. становятся периодом быстрого и активного распространения эмпирической социологии, популярность ее необыкновенно возрастает. Эти два десятилетия характеризует и начало институционализации отраслевых социологий (социологии города, индустриальной социологии, социологии труда, социологии менеджмента, социологии культуры, социологии образования, социологии знания, социологии медицины и т. д.).

Что касается территориально-пространственного аспекта эмпирической социологии, то в основном она развивалась в США. В Европе активное распространение эмпирических исследований падает на период после Второй мировой войны. Но, что интересно и важно отметить, все (или почти все) американские социологи, прежде чем стать эмпириками, как правило, проходили серьезную школу философско-социологической теоретической подготовки в европейских университетах, чаще всего немецких, слушая лекционные курсы ведущих профессоров в Берлине, Геттингене, Гейдельберге и других городах.. Поэтому есть достаточные основания утверждать, что американская эмпирическая социология, а именно она и была долгое время законодателем моды в этой области производства научного знания, испытала на себе серьезное влияние европейской теоретической социологии и социальной философии.

Почему эмпирические исследования становятся предметом самого пристального научного и практического интереса? С чем связана «экспансия» этих исследований? Эмпиризм в социологии распространяется в силу растущей потребности в нем, причем потребности двух видов – как социальной, так и собственно научной. В первом случае все больше ощущают необходимость в развитии эмпирической социологии промышленные предприятия, поскольку на них возникают конкретные производственные и социальные проблемы, которые можно решать только с помощью эмпирических исследований. Во втором случае, в рамках сугубо внутренних потребностей самой социологической науки, использование принципов эмпиризма становится одним из важнейших необходимых условий ее дальнейшего развития, появления новых теорий и обоснованных гипотез. Степень зрелости социологии как науки в целом становится все более зависимой от степени зрелости эмпирической социологии.

Итак, нужны были новые теории с гипотезами, подлежащими эмпирической проверке и, как отклик на них, соответствующие эмпирические исследования. Одной из первых откликнулась на родившиеся потребности и общества, и социологии Чикагская школа.

§ 3. ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА В СОЦИОЛОГИИ, ЕЕ ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, ДОСТИЖЕНИЯ, ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

В первой части нашего учебника Чикагская социологическая школа была определена как направление научной и практической деятельности исследователей, сотрудничавших на кафедре социологии (социологическом факультете) Чикагского университета в период между 1892 и 1935 гг. и осуществлявших теоретические и эмпирические проекты¹⁹. Отмечалось, что в деятельности школы принято выделять, как минимум, два этапа – подготовительный и этап активного функционирования, на который приходится пик творчества ее наиболее крупных представителей. Воспроизведем коротко содержание первого этапа, чтобы дать развернутый анализ результатов работы школы на втором, основном этапе ее деятельности.

3.1. Подготовительный этап деятельности Чикагской школы

Первый, подготовительный этап охватывает временной период с 1892-го по 1915 г., т. е. с момента создания социологического факультета Чикагского университета до оформления центральных идей эмпирической социологии лидерами школы Р. Парком и Э. Бёрджессом на основном этапе ее деятельности. Несмотря на то, что на этом этапе не удалось создать единой исследовательской программы, без чего школы как таковой не существует, решались другие важные задачи ее формирования. Прежде всего, удалось собрать вокруг кафедры социологии и социологического факультета университета немало сторонников соединения теоретических и эмпирических исследований. Далее, начал выходить в свет с 1895 г. первый в мире социологический журнал («The American Journal of Sociology»), было создано в 1905 г. Американское социологическое общество (впоследствии Американская социологическая ассоциация). В 1894 г. А. Смолл и Дж. Винсент издали первый учебник по социологии в виде небольшой по объему брошюры.

Руководящую роль на подготовительном этапе деятельности школы играли А. Смолл (основатель социологического факультета), Ч. Хендерсон, Дж. Винсент, У. Томас. Заслуга этих отцов-основателей школы (их часто называют именно так потому, что большинство из них были раньше протестантскими проповедниками) заключалась в привлечении внимания американского общества к социологии, подготовке его к восприятию материалов эмпирических исследований, пропаганде

¹⁹ Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учебник для вузов. Сургут – Екатеринбург, 2014. С. 155 – 157.

возможностей и перспектив социологической науки. «Большая четверка» активно способствовала превращению либерализма и принципов свободы в основную идейную доктрину социологии в целом, социологического факультета Чикагского университета – в частности. На подготовительном этапе удалось решить проблему институционализации социологии в США. Так, уже в самом начале XX в. курс социологии преподавался в 169 университетах и колледжах страны. Начали активно проводиться эмпирические исследования и пропагандироваться их результаты.

3.2. Основной этап деятельности Чикагской школы

Второй этап развития Чикагской школы (1916 – 1935), который можно назвать основным, начинается с того времени, когда Р. Парк и Э. Бёрджесс постарались в 1916 г. сформулировать центральные, принципиальные положения, касающиеся развития социологии и конкретных эмпирических исследований. Этап включает в себя проведение значительного количества исследований, публикацию десятков крупных работ, расширяющееся влияние на социологический мир в США и Европе. В это время создается мощное социологическое сообщество единомышленников во главе с признанными ими лидерами Парком и Бёрджессом. Этап завершается кризисом и распадом школы, прекращением ее глубокого влияния на развитие эмпирической социологии.

Разумеется, приведенные временные рамки этапа являются условными, равно как и «функционирование» школы, потому что никаких организационных структур конституировано не было, разве что возникшее по инициативе Парка в 1920 г. «Общество социальных исследований». Однако оно имело неформальный характер и было создано для объединения интеллектуальных социологических сил в самом Чикагском университете и за его пределами, охватывая преподавателей, студентов и выпускников университета, работавших в иных городах и штатах страны. По сути дела, это был неформальный теоретический семинар и центр социологического творчества на протяжении 15 лет, вплоть до отъезда Парка из Чикаго в Нэшвилл в 1936 г., явившегося непосредственным формальным поводом для прекращения функционирования школы в том виде, в каком она просуществовала по меньшей мере с 1920 г.

Поскольку признанными лидерами Чикагской школы были Парк (1864 – 1944) и Бёрджесс (1886 – 1966), имеет смысл охарактеризовать в рамках краткого биографического очерка жизненный и профессиональный путь каждого из них и той его части, которая была связана с их совместным творчеством.

3.3. Жизненный и профессиональный путь Р. Парка и Э. Бёрджесса

Судьба привела Роберта Парка в социологию далеко не сразу после получения им высшего образования. Родившись в штате Пенсильвания, первые 18 лет жизни он провел в штате Миннесота в небольшом городке на берегу Миссисипи. В школе учился весьма посредственно и не получил от отца средств на получение образования в колледже. Заработав их самостоятельно трудом на железной дороге, Парк поступил в университет штата Миннесоты, через год сменил его на Мичиганский, филологический факультет которого и закончил в 1887 г. В университете он слушал лекции Дж. Дьюи, оказавшие большое влияние на становление его социально-филологических взглядов.

Далее начинается извилистый трудовой путь – от газетного репортера, автора романа и пьесы, затем бакалейщика (бизнес отца, оставленный в наследство) до блестящего социолога, любимца коллег и студентов. Стремясь к социологической профессии, Парк учился философии в Гарварде (1897 – 1898), затем – философии и социологии в Германии (1899 – 1902). В 1902 г. в Гейдельбергском университете он защитил диссертацию на тему «Толпа и публика: методологическое и социологическое исследование». Вернувшись в США, Парк два года преподает на философском факультете Гарвардского университета. Однако академическая атмосфера пока его не привлекает (он даже отказался от предложения А. Смолла преподавать социологию в Чикагском университете).

Роберт Парк
Robert Ezra Park
(14 февраля 1864 – 7 февраля 1944)

Эрнст Уотсон Бёрджесс
Ernest Watson Burgess
(16 мая 1886 – 27 декабря 1966)

В течение 7 лет (с 1905 г.) Парк работает в Институте Букера Вашингтона, негритянского общественного деятеля, где собирает материал по проблемам отношения к неграм и взаимодействия различных культур. При этом изучение расовой проблемы и положения негров он рассматривает как своеобразную лабораторию социальных исследований. В 1912 г. на международной конференции по проблемам негров (Р. Парк занимался ее подготовкой) он познакомился с Томасом – тогда профессором социологии в Чикагском университете, который и уговорил его прочесть в этом вузе лекционный курс для студентов. Парк выбрал темой курса проблемы положения негров в США. Это было в 1914 г., а в 1916 г. он читал, причем с большим успехом, уже четыре лекционных курса.

Естественно, само собой, без каких-либо дополнительных усилий началось создание социологической школы на базе изучения двух основных проблем – расовых отношений и городской жизни. Самое важное направление, привлекавшее Парка в научном плане, – исследование коллективного поведения. На почве совместного интереса к названным выше проблемам в 1916 г. началось его почти тридцатилетнее сотрудничество с Э. Бёрджессом.

В 1921 г. выходит в свет их совместный учебник «Введение в науку социологию», который на начальном этапе развития эмпирической социологии сыграл роль не меньшую, чем «Польский крестьянин...». По существу это был первый учебник, причем именно учебник по эмпирической социологии. Для последующего ее развития имело значение то обстоятельство, что в нем содержательно раскрывался понятийный аппарат, необходимый для проведения эмпирических исследований.

Первая крупная совместная работа Парка и Бёрджесса стала наиболее значительным теоретическим обобщением эмпирической социологии 1920-х гг. Учебник был очень большим по объему (порядка 1000 страниц), представлял собой собрание или, как мы говорим сейчас, антологию 200 текстов различных авторов, сгруппированных в 14 разделов. Но это была не просто коллекция текстов, в них давалось систематическое изложение основ социологической науки. Тексты были самыми разными – от теоретических до биографических и полухудожественных и принадлежали они Э. Дюркгейму, Г. Зиммелю, Ч. Кули, Г. Лебону, Г. Спенсеру, Г. Тарду, У. Томасу и др. Книга была настолько фундаментальной, что студенты прозвали ее «Зеленая Библия» (обложка книги была зеленой). Социология в учебнике определялась как наука о коллективном (социальном) поведении. Это была принципиальная позиция Парка, а затем и всей Чикагской школы. По существу эмпирическая социология в рамках первого периода своего существования связывалась именно с этим предметным полем.

В 1922 г. была опубликована книга Парка «Иммиграционная пресса и ее контроль», а в 1925 г. – монография Парка, Бёрджесса, Маккензи (их ученика) «Город: предложения по изучению природы человека в городской среде», имевшая чрезвычайно важное, поистине программное значение для исследования города. Она стала по существу первой крупной работой, давшей начало целой отрасли социологической науки – социологии города. В ней была изложена концепция городского развития сквозь призму его социологического видения, о чем чуть дальше будет сказано подробнее. В этом же 1925 г. Парк избирается президентом Американской социологической ассоциации. В своей «тронной» речи он говорит о необходимости эффективного социального контроля над сложными процессами городской жизни для установления социального согласия и порядка в отношениях между различными видами социальных общностей и группами населения в городе.

В 1929 – 1933 гг. социолог совершает путешествия по странам Азии и Южной Африки с целью исследования взаимодействия различных культур и обогащения собственного научного багажа новым социологическим материалом, касающимся развития рас и народов и отношений между ними. Кроме того, его очень интересовала проблема выхода некоторых посещенных им стран из

экономической и особенно культурной изоляции. Собранные данные позволили уточнить впервые поставленную им в социологии в ходе исследований в Чикаго проблему маргинальной личности как типа человека, живущего одновременно в двух мирах – старом, в котором он родился и рос, и новом, в котором обретает образование, профессию и иной образ жизни.

Вернувшись из поездки в Азию в 1933 г., Парк оставляет преподавание на социологическом факультете Чикагского университета и читает лекции по приглашению других вузов, не связывая себя ни с одним из них постоянными отношениями. В 1936 г., как уже ранее говорилось, он переезжает жить в Нэшвилл (штат Теннесси), где и умирает, не дожив девяти дней до своего восьмидесятилетия.

Теперь перейдем к рассмотрению основных вех жизни и творчества Бёрджесса, имя которого в истории социологии тесно связано и с Чикагским университетом (ему он отдал 50 лет верного служения), и с Парком (творческое содружество с ним определило во многом пути развития Чикагской школы).

Родился Эрнст Бёрджесс в Тилбери (штат Онтарио, Канада) в семье англиканского священника, который вел не только приход, но и учительствовал в местной школе. Способности будущего социолога проявились очень рано. Уже в семилетнем возрасте учитель называл его «маленьким профессором». Об академической карьере мечтал и сам Эрнст. Когда ему было два с половиной года, семья переехала из Канады в США. В 1905 г. Бёрджесс поступил в колледж, один из профессоров которого, являвшийся выпускником социологического факультета Чикагского университета, рекомендовал талантливого молодого человека А. Смоллу, декану этого факультета. После собеседования Бёрджесс был принят в университет. Вообще следует отметить, что все свое образование (в том числе впоследствии и докторскую степень) он получил исключительно в США, не выезжая, в отличие от многих американских социологов, в европейские страны.

Чикагская социологическая «большая четверка» (еще раз напомним: А. Смолл, Дж. Винсент, Ч. Хендерсон, У. Томас) оказала на Бёрджесса очень сильное влияние, причем наиболее глубокое – Томас. В университете Бёрджесс увлекся изучением расовых и этнических проблем. После его окончания социолог через некоторое время уезжает преподавать в университеты – сначала штата Иллинойс, затем – штата Канзас, потом – штата Огайо. Защитив докторскую диссертацию на тему «Функция социализации в социальной эволюции», Бёрджесс в 1916 г. возвращается в Чикагский университет, который более уже не покидает до конца жизни. Здесь он сразу сходит с Парком, плодотворное сотрудничество с которым выразилось уже в 1921 г. в создании упомянутого выше учебника «Введение в науку социологию».

История этого учебника весьма интересна: он родился из вводного лекционного курса Бёрджесса, помощь в составлении программы для которого ему оказывал Парк. Впоследствии Бёрджесс вспоминал о работе над учебником как об одном из лучших и ярких в творческом отношении периодов своей жизни. Он писал, что процесс создания книги проходил в сплошных дискуссиях по теоретическим и практическим аспектам социологии, так что иногда не оставалось даже времени на обед. Особый интерес у него вызвала работа над главами, посвященными характеристике исследовательских методик и техник сбора информации (интервью, наблюдения, изучения личных документов и социального картографирования) и ее анализа с применением статистических методов. Использование метода социального картографирования в дальнейшем стало «коньком» американского социолога. Применение этого метода сыграло значительную роль в реализации исследовательской программы Парка–Бёрджесса «Город как социальная лаборатория».

Исследователи творчества одного из лидеров Чикагской школы отмечают, что он был менее «теоретичен» в своих научных интересах, чем Парк, зато больше занимался эмпирической социологией. Студенты факультета, прежде чем попасть к Парку, «проходили» через конкретные исследования, проводимые при непосредственном участии и под руководством Бёрджесса. Среди его (и Парка) учеников можно назвать таких известных впоследствии американских социологов, как Л. Вирт, Р. Маккензи, Н. Андерсон, Х. Зорбо, Л. Коттрелл, Ф. Трешер и др. Они, как и многие другие, не названные здесь исследователи, составляют гордость Чикагской школы.

В 1925 г. вышли почти одновременно две основные, ставшие классическими, работы Бёрджесса: первая, «солевая» – «Рост города: введение в исследовательский проект», вторая – в соавторстве с Р. Парком и Р. Маккензи – «Город». В этих книгах получила отражение одна из центральных и наиболее плодотворных идей социолога, касающаяся концентрических зон города (о чем специально будет сказано чуть ниже). Наряду с этим, Бёрджесс рассматривал основные факторы роста города, среди которых особо выделял миграцию (пространственную мобильность) в ее различных видах, в том числе и внутригородскую. Он исследовал также проблемы подростков, молодежи, преступности, досуга, семьи.

Последняя заняла особое место в его творчестве. Речь идет прежде всего о функциях семьи и социально-психологических проблемах ее существования и развития. Интересно в этой связи отметить такой факт из биографии Бёрджесса: изучив русский язык, он в 1926 г. посетил СССР с целью анализа влияния коммунистической идеологии на традиционную форму русской семьи.

Нельзя не отметить большую организаторскую деятельность социолога. Как и Парк, он умел налаживать хорошие контакты с руководителями Чикаго, интересовывать их в исследованиях, которые шли друг за другом. Но при этом следует подчеркнуть значительную эффективность проводившихся изысканий, приносивших большую пользу городу. Бёрджесс много сделал для Американской социологической ассоциации, в течение 1920 – 1930 гг. он являлся ее секретарем, а в 1934 г. был избран президентом. В 1936 – 1940 гг., фактически уже после распада школы и переезда Р. Парка в Нэшвилл, он работал главным редактором «The American Journal of Sociology». В последние годы жизни часто болел, умер в Чикаго за несколько дней до наступления 1967 г. Все свои сбережения, все имущество и состояние завещал университету с целью создания Фонда Бёрджесса, предназначенного для помощи студентам и проведения социологических исследований.

Оценки Бёрджесса в американской и мировой социологии очень высоки и почти не уступают тем, что даются в отношении творчества Парка. Так, известный американский социолог Г. Блумер отмечал, что Бёрджесс «более, чем кто-либо, способствовал развитию социологии в Соединенных Штатах ... он был неутомим в формировании и расширении институциональных основ нашей дисциплины ... Бёрджессу принадлежит огромная заслуга во внедрении и укреплении интересов социологии как на общенациональном уровне, так и в Чикагском университете»²⁰.

3.4. Основные содержательные характеристики Чикагской школы

Остановимся на содержательных сторонах развития Чикагской социологической школы в период 1916 – 1935 гг. Оно определялось проводившимися совместно преподавателями и студентами исследованиями, которые оказали сильное влияние на развитие социологической науки. Существовало относительное единство взглядов, равно как и неформальное лидерство группы ведущих социологов, в первую очередь Парка и Бёрджесса. Появились многочисленные ученики и последователи, среди которых наиболее значительными фигурами были, видимо, Маккензи и Вирт. Сформировалась единая исследовательская стратегия, связанная прежде всего с развитием социальной экологии. В рамках этой стратегии были сформулированы принципы эмпирической социологии.

Одним из центральных среди них стало признание необходимости разработки для каждого исследования своей особой программы – с целями, задачами, гипотезами, четко сформулированными объектом и предметом изучения. То, что сегодня делается почти на «автомате» в любом исследовании и чему учат студентов – будущих социологов, впервые было сформулировано, доказано, апробировано, реализовано в ходе исследований Чикагской школы. Именно ее методология эмпирического исследования стала одним из основных факторов развития мировой социологии.

На возникновение и развитие Чикагской школы оказали серьезное влияние идеи американской философии прагматизма, в первую очередь У. Джеймса и Дж. Дьюи. Кстати, интересно отметить, что первой Чикагской научной школой в области социального знания была не социологическая, а философская школа прагматизма и инструментализма, которую как раз и возглавлял Дьюи. Вместе с тем, как отмечалось выше, представители американской эмпирической социологии и, в первую очередь, Чикагской школы испытали на себе значительное влияние европейских мыслителей. Глава школы Р. Парк четыре года провел в европейских университетах (Берлин, Страсбург, Гейдельберг), где слушал систематические курсы лекций лекции Г. Зиммеля и В. Виндельбанда, а под руководством последнего написал и защитил докторскую диссертацию.

Среди основных достижений Чикагской школы назовем следующие. Большое внимание уделяется разработке и использованию различных методов эмпирического исследования. Выше уже шла речь о методе изучения документов – как официальных, статистических, так и в особенности личных («Польский крестьянин...»). Исследуются установки и ценностные ориентации (аттитюды) различных социальных групп. Для этого используется метод опроса – как устного (интервью), так и письменного (анкетирование), причем сам метод детально прорабатывается. Впервые ставятся проблемы его достоинств и недостатков.

Значительный интерес наблюдается в отношении использования качественных неформализованных методов исследования, что наиболее характерно для творчества Бёрджесса. Он вообще одним из первых в социологии использовал метод case study, направленный на всестороннее описание и объяснение отдельного социального факта (случая). Иногда этот метод называют монографическим.

²⁰ Цит. по: Баньковская С.П. Эрнст Бёрджесс // Современная американская социология. М., 1994. С. 32.

Однако наибольшие достижения Чикагской школы связаны с исследованием целого ряда актуальных для того времени социальных проблем. Некоторые из них не потеряли своего значения и сейчас. Это проблемы города, рассматриваемого в качестве социальной среды, причем как крупного, так и небольшого. Говоря об исследованиях крупного города, отметим, что в их основу легли работы, проведенные в самом Чикаго. Во главу угла этих исследований была положена концепция города, базирующаяся на тесно связанных трактовках социального взаимодействия, социального пространства, социальной мобильности.

Работы Парка и Бёрджесса оказали большое влияние на исследования небольшого города, в частности, проведенные за пределами Чикагской школы супругами Еленой и Робертом Линд и описанные в двух их книгах: «Миддлтаун. Изучение современной американской культуры» (1929) и «Миддлтаун в переходный период. Изучение культурного конфликта» (1937). В этих работах, ставших так же классическими, как и многие труды Чикагской школы, исследовались жизнь общин и проблемы социального неравенства в небольшом американском городе. Толчком для названных выше трудов супругов Линд послужило изучение Парком проблем негров в Америке и в целом равных отношений.

Одними из главных достижений Чикагской школы стали работы в области социальной экологии (тесно связанные с изучением города). Социальную экологию Чикагской школы иногда называют теорией социального изменения, основы которой были сформулированы Парком. В ней речь идет о том, что общество необходимо рассматривать как организм, подверженный эволюции. Последняя есть движение от одного порядка к другому, более высокому. Этих порядков Парк называет четыре: экологический (пространственно-территориальный), экономический, политический, социально-культурный.

Условием выживания и развития общества является поддержание в первую очередь экологического, или территориального порядка. Он есть следствие пространственного, физического взаимодействия индивидов. На его основе возникает экономический порядок, являющийся результатом производства, торговли и обмена. На базе достигнутого экономического порядка появляется политический порядок, который может быть реализован с помощью политических средств, контроля и регуляции поведения. Наконец, наиболее неформальным видом порядка в обществе становится социально-культурный порядок, который чаще всего испытывает на себе влияние традиций.

В основе каждого вида порядка, утверждает Парк, находится свой особый вид социального взаимодействия, позволяющий людям переходить от конфликта к согласию. Этот переход в общем и целом происходит как движение от «биотического» (термин Парка, означающий скорее всего живое, органическое) к социальному развитию, поскольку общество выступает как известный симбиоз, определенное сочетание биотических и социальных процессов.

Теперь остановимся на конкретных научных изысканиях города, проведенных под непосредственным руководством Бёрджесса. Эти исследования проводились в самом Чикаго с помощью, как уже говорилось выше, с помощью ряда методов, прежде всего метода социального картографирования. Был создан целый ряд социальных карт Чикаго – досуговых мест (танцплощадок, кинотеатров, театров и др.), мест наиболее активной подростковой преступности, мест расположения тех или иных этнических общин (итальянцев, немцев, негров, мулатов, китайцев и т. д.). При составлении таких карт (картографированием) занимались студенты. Это позволило в рамках программы «Город как социальная лаборатория» (кстати, получившей неплохое финансирование из разных источников) определить и представить в научном, систематизированном виде определенную структуру города.

Как уже отмечалось, в 1925 г. Бёрджесс опубликовал свою работу «Рост города: введение в исследовательский проект», где им была прописана концепция концентрических зон Чикаго: центральный деловой район (зона бизнеса), промежуточный район вокруг центра (где были деловые конторы и небольшие предприятия легкой промышленности), зона трущоб, зона жилья рабочих промышленных предприятий, затем – более благоустроенные жилые районы и, наконец, зона резиденций (особняки для богатых семей). Завершались концентрические «полукружья» опоясывавшей в районе озер весь город пригородной зоной. Указанные зоны связывались друг с другом (можно сказать, и отделялись друг от друга) транспортными артериями, которые создавали пространственные условия для существования транзитных зон.

Чикаго был поделен на 75 различных районов, в которых проживало более 3000 соседских общин. Все это определяло пространственно-территориальную характеристику Чикаго и до сих пор сохранило свои очертания (особенно заметные, когда имеется возможность обозревать город со смотровой площадки самого высокого здания в Чикаго – Сирс Тауэр). Современная телефонная книга Чикаго по сей день сохраняет многие названия и классификацию районов, предложенную Бёрджессом на основании изучения им данных переписей населения города в 1930 и 1934 гг. Изучение каждого естественного района (из 75 предложенных Бёрджессом) должно было включать два основных направления: 1) определение пространственного образа района, размещение общин (со-

седских, хотя и с этническим уклоном), инфраструктуры, мест отдыха и т. д.; 2) изучение обычаев, стереотипов, образа жизни, культурного облика общин. Интересно, что, когда М. Вебер посетил Чикаго в 1904 г., он сравнил этот город с «человеком, с которого содрали кожу так, что видно, как действуют его внутренние органы». В этом смысле Бёрджессу было что исследовать, поскольку город жил, действительно, своим «пространством».

В основе программы Бёрджесса по изучению локальных сообществ Чикаго лежала социально-экологическая теория Р. Парка, который связывал изменения в городе с физической, пространственной, социальной, культурной мобильностью. При этом изменение физической среды ставилось в зависимость от пространственных отношений между людьми и группами. Бизнес-центр, расположенный в центральной части города («даун-тауне»), рассматривался как его основной градообразующий фактор.

Анализируя рост города и факторы, обеспечивающие его, Бёрджесс рассматривал различные виды мобильности: индивидов, семей, профессиональных групп, даже отдельных городских институтов (структур городской и районной (муниципальной) власти). Именно эта мобильность и была содержанием концепции концентрических зон города.

Изучая городскую среду, и Парк, и Бёрджесс, и их ученики рассматривали практически всю совокупность социальных явлений и процессов городской жизни: локализацию отдельных видов девиантного поведения, регуляцию взаимодействия различных групп населения и общин, создание эффективных средств социальной помощи и социального контроля и т. д.

3.5. Характеристика взглядов У. Огборна и Л. Вирта

Характеристика Чикагской школы будет неполной, если не коснуться хотя бы кратко взглядов двух известных ее представителей – У. Огборна и Л. Вирта. Они также много и успешно занимались изучением американского города. Огборн, в противоположность лидерам школы Парку и Бёрджессу, которые стремились органично соединить количественные и качественные методы исследования города, настаивал на необходимости лишь первых. Поэтому не случайно статистическая методология исследования получила в его работах наиболее заметное выражение.

Уильям Филдинг Огборн
William Fielding Ogburn
(29 июня 1886 — 27 апреля 1959)

Луис Вирт
Louis Wirth
(28 августа 1897 — 3 мая 1952)

Одна из основных работ Огборна – «Социальное изменение» – была опубликована в 1922 г. В ней он изложил свою теорию культурного отставания, или, как ее иногда называют, культурного лага. Суть ее состоит в том, что изменения в материальной культуре происходят, как правило, быстрее и активнее, чем преобразования в нематериальной (адаптивной, как определял ее Огборн) культуре. Это означает, что развивающаяся техника, воздействующая в первую очередь на состояние материальной культуры, определяет все остальные социальные изменения. Он стал одним из первых представителей технологического детерминизма в социологии. Однако теория культурного лага подверглась в литературе того времени критике и вызвала дискуссии за противопоставление двух типов культур – материальной и нематериальной. К концу 1920-х гг. влияние Огборна стало заметным, не случайно именно ему президент США Э. Гувер поручил проведение в 1930 – 1933 гг. социологического исследования социальных тенденций развития американского общества.

Если теория Огборна была связана с изучением города не жестко, то концепция Вирта была самой что ни на есть урбанистической и касалась разработки теории городского образа жизни. Он первым в социологии ввел понятие «городской образ жизни», который противопоставил сельскому. Будучи непосредственным учеником Парка и Бёрджесса, Вирт соединил в своей трактовке анализ пространственной, социальной организации города и особенностей городского стиля (образа) жизни. Рассматривая типичные черты пространственной и социальной организации города, социолог характеризует такие, как: высокая концентрация населения, его большая численность, значительная социальная неоднородность, наличие поселений в виде гетто (его описанию и анализу была посвящена названная выше и очень популярная в конце 1920-х гг. книга Вирта «Гетто», 1928) и т. д.

Также впервые подробно были описаны особенности городского стиля (образа) жизни: поверхность контактов, их частота и кратковременность, анонимность, некоторое снижение роли семьи и в целом социальной сплоченности людей, ослабление влияния обычаев, традиций, социального контроля и т. д. Слабым местом концепции городского образа жизни Вирта было теоретическое положение о нем как о результате, продукте пространственной и содержательной организации города. Влияние общества на городской образ жизни по существу игнорировалось. Такой подход социолога, его взгляды вызывали дискуссии и даже критиковались. Тем не менее, концепция городского образа жизни Вирта и по сей день сохранила свое значение в объяснении многих явлений и процессов большого города.

§ 4. КРИЗИС ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ

4.1. Причины кризиса Чикагской социологической школы

Влияние Чикагской школы на развитие социологии вообще, эмпирической – в особенности сказывалось на протяжении 1930 – 1940-х гг., после чего инициатива перешла к Гарвардскому и Колумбийскому университетам. В Гарварде в то время в полную мощь заявил о себе П. Сорокин, к которому на социологический факультет приходили серьезные социологи – эмпирики (хотя, конечно, работали и теоретики, среди которых был Т. Парсонс). В Колумбийском университете также проводились значительные исследования эмпирического характера, где решающую роль в их подготовке и проведении играли П. Лазарфельд и Р. Мертон. Становится понятным, что в условиях жесткой конкуренции американских университетов в области социологии было крайне трудно поддерживать постоянно высокий уровень работы одному из них – Чикагскому.

Ослаблению влияния Чикагской школы способствовали и другие обстоятельства. Прежде всего это был уход из университета Р. Парка. После него наметившиеся ранее противоречия относительно того, как и какие методы применять при проведении тех или иных исследований, обострились. Э. Бёрджесс не сумел заменить Парка на посту неформального лидера школы, тем более что у него в это время была очень серьезная работа (с 1936-го по 1940 гг. он был главным редактором «Американского журнала социологии»).

После отъезда Парка выяснилось, что ему нет равнозначной замены в области теоретического руководства исследованиями. Наиболее талантливые и уже хорошо известные его ученики – Р. Маккензи, Л. Коттрелл, Л. Вирт – не компенсировали даже вместе одной этой потери.

Наконец, еще одна крайне важная причина кризиса Чикагской школы и ее постепенного угасания как основного социологического центра и генератора новых идей состоит в снижении значения локальных и региональных исследований в целом в период экономической депрессии и обострения проблем общенационального значения. Чикагская школа занималась проблемами своего города, штата, социальная же потребность американского общества в социологических исследованиях проявлялась все больше как потребность в изучении общенациональных вопросов. Естественно, что в новых условиях жизни американского общества в середине 1930-х гг. акценты в социологических исследованиях неизбежно должны были смещаться в сторону иных проблем и ориентаций, к чему представители Чикагской школы не были в полной мере готовы.

4.2. Значение Чикагской школы в истории социологии

В целом, подводя итоги рассмотрения Чикагской школы, необходимо отметить следующие позиции: а) для Чикагской школы наиболее характерным был социально-экологический подход к целостному социальному организму – обществу и его отдельным структурам, главным образом городам; б) анализ города и общества как системы осуществлялся социологами на двух уровнях – макросоциологическом (общество, город как организм) и микросоциологическом (общество, город как взаимодействие), причем второе иногда оказывалось сильнее, чем первое (как было однажды сказано о Бёрджессе: «он смотрел на социальный лес, а видел социальные деревья»); в) социологи из Чикагского университета глубоко разрабатывали методологию и особенно методику исследования, обращая внимания не только на количественные, но и на качественные методы. Все эти социологические завоевания стали достоянием мировой социологической мысли.

Значение Чикагской школы и в американской, и в мировой социологии состоит в том, что она ориентировала науку, а через нее – и общество в целом на социально-политические реформы, осуществление которых может быть наиболее эффективным на основе разработанных учеными социальных технологий. Благодаря исследованиям представителей Чикагской школы авторитет социологической науки заметно вырос.

Роль Чикагской школы обусловлена ее обращением к социально-экологической проблематике, означавшей стремление Парка и его сторонников выявить тесную связь между обществом и природой, необходимость поддерживать баланс в экологической системе, в которую включен человек. Идея социальной экологии, экологии человека как особого предмета социологического внимания и исследования стала поистине новаторской и оказала значительное влияние на последующее развитие науки.

Нельзя не отметить большую роль Чикагской школы в становлении одной из первых отраслей социологического знания – социологии города. Под влиянием исследований Парка, Бёрджесса, Вирта, Маккензи проводились работы по изучению городов как в американской, так и в европейской социологии. Нельзя не назвать в этом плане сравнительное исследование супругов Линд «Миддлтаун» (1929, 1937), которое испытало на себе сильное воздействие Чикагской школы, а по своим основным характеристикам и значению для социологии города вряд ли уступает лучшим работам Парка и Бёрджесса.

В работах социологов-эмпириков, выполненных в рамках методологии Чикагской школы, подчеркивалось значение проблем, составлявших содержание повседневной жизни людей. Исследования социологов были направлены не на создание общей, систематической теории, а на выявление и анализ того круга проблем, которыми люди жили, которые их волновали и которые нужно было решать если не каждый день, то достаточно часто и регулярно. Этим самым был обеспечен поворот социологии к изучению конкретных нужд, потребностей и интересов человека. Вместе с тем, сотрудничество социологов в рамках Чикагской школы было направлено в русло изучения социальных потребностей общества (города) и создания условий для их реализации.

Значение Чикагской школы состояло в том, что в эмпирических исследованиях внимание обращалось не только на «субъективный фактор», т. е. мнения людей по тому или иному вопросу, но и на объективные обстоятельства экономического, социального и политического характера, вызвавшие эти мнения. Таким образом, было обеспечено сочетание объективного и субъективного, общего и частного.

Наконец, характеризуя значение Чикагской школы, нельзя не сказать о ее значительном вкладе в организацию профессионального социологического образования по совершенно новому образцу. Представители школы, в первую очередь ее лидеры Парк и Бёрджесс, а до них Томас сумели органически соединить подготовку и проведение конкретных эмпирических исследований с учебным процессом, в котором как его равноправные субъекты участвовали преподаватели и студенты. По существу теоретическое обучение осуществлялось непосредственно в ходе проведения эмпирического исследования. Рождался новый тип университетского профессионального социологического образования.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте причины появления эмпирической социологии и раскройте ее характерные особенности.
2. Почему эмпирическая социология конституируется и институционализируется прежде всего в США и только потом – в странах Западной Европы?
3. Какие основные принципы и постулаты позитивизма используются эмпирической социологией?
4. Проанализируйте специфику эмпирического социологического знания.
5. Почему исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» считается началом эмпирической социологии? Дайте общую характеристику этой работы и раскройте содержание ее проблемного поля.
6. Назовите наиболее острые социальные проблемы, привлекавшие внимание социологов-эмпириков в 1920-х гг., и их работы, посвященные анализу этих проблем.
7. Почему Чикагская социологическая школа привлекала к себе пристальное внимание со стороны и исследователей, и практиков?
8. Расскажите о подготовительном этапе деятельности Чикагской социологической школы.
9. Каковы особенности основного этапа деятельности Чикагской социологической школы?
10. Почему Р. Парк и Э. Бёрджесс стали признанными лидерами Чикагской социологической школы? Изложите основные вехи их творчества.
11. Проанализируйте достижения Чикагской социологической школы и проблемы, которые решались ее представителями.
12. В чем суть социальной экологии?
13. Охарактеризуйте взгляды У. Огборна и Л. Вирта.
14. В чем заключались причины кризиса Чикагской социологической школы? Каковы его последствия?
15. Покажите значение Чикагской социологической школы.

Литература

- Баньковская С.П. Роберт Парк. Эрнст Бёрджесс // Современная американская социология. М., 1994.
- Барзгова Е.С. Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург – Бишкек, 1997.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону, 1999.
- Зборовский Г.Е. История социология. М., 2007.
- Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- Капитонов Э.А. Социология XX века. Ростов-на-Дону, 1996.
- Кравченко А.И. История социологии. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- Фотев Г. Флориан Знанецкий // Современная американская социология. М., 1994.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.
- Козер Л. Мастера социологической мысли. М., 2006.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX – XX вв. М., 1994.

ГЛАВА 3

ЗАРОЖДЕНИЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЙ

§ 1. Индустриальная социология и теория человеческих отношений

1.1. Зарождение индустриальной социологии

1.2. Хоторнский эксперимент

1.3. Теория человеческих отношений как результат Хоторнского эксперимента

§ 2. Социометрия и изучение групп в социологии

2.1. Понятие социометрии. Творчество Дж. Морено

2.2. Изучение социальных групп в социологии

§ 3. Развитие отраслевых социологий в 1930 – 1940-е гг.

3.1. Военная социология

3.2. Отрасли социологии в сфере производства

§ 4. Достижения в области методологии и методики исследований.

Социологическое творчество П. Лазарфельда

§ 5. Расцвет и «болезни» эмпирической социологии

§ 1. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Зарождение индустриальной социологии

Эмпирическая социология, особенно активно развивавшаяся в США, после того как достигла заметного прогресса в исследованиях представителей Чикагской школы на материалах изучения процессов в крупных городах (в первую очередь в Чикаго), постепенно стала утверждать себя в иных сферах социальной жизни. Вполне понятно и объяснимо, что одной из первых среди них оказалась промышленность, индустрия. Материальное производство очутилось под пристальным вниманием социологов. Отсюда и название целой отрасли социологического знания – индустриальная социология. Она стала формироваться со второй половины 1920-х гг., а ее утверждение и выход на «передовые позиции» эмпирической социологии были сопряжены с проведением Хоторнского эксперимента на заводах по производству электротехнического оборудования фирмы «Вестерн электрик компании» (в окрестностях Чикаго), который проводился в течение почти пяти лет (1927 – 1932).

Одним из основоположников индустриальной социологии и аналитиком эксперимента, положившего начало массовым исследованиям в промышленности, явился американский социолог и психолог Элтон Мэйо (1880 – 1949). Он родился в Австралии (г. Аделаида), обучался в университете этике, философии и логике. Заведовал кафедрой философии Квинслендского университета (с 1919 г.). Оказавшись в Шотландии, изучал медицину и психопатологию. Затем он переехал в США, где с начала 1920-х гг. работал профессором Пенсильванского университета. С 1926 г. преподавал в Гарвардском университете и руководил отделом промышленных изысканий в школе деловой администрации – одном из основных структурных подразделений вуза. Главные идеи научной и практической деятельности Мэйо в социологии изложены в трех его небольших работах: «Человеческие проблемы индустриальной цивилизации» (написана в 1933 г. по горячим следам Хоторнского эксперимента), «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» (1945), «Политические проблемы индустриальной цивилизации» (1947).

Приглашению в Гарвардский университет, равно как и проводившемуся под руководством Мэйо Хоторнскому эксперименту, предшествовало одно очень важное и интересное исследование ученого в Филадельфии на текстильной фабрике, где он изучал причины высокой текучести рабочих в прядильном цехе. Дело в том, что на фабрике она составляла 5 – 6 %, а в этом цехе – 25 %. Мэйо провел глубинное интервьюирование рабочих и выяснил основные причины такой текучести: низкий престиж профессии и невозможность для работников общаться друг с другом в рабочее время. Он предложил ввести некоторые, весьма незначительные изменения: разрешить людям общаться во время работы, останавливать станки по собственному усмотрению, установить два десятиминутных перерыва для расслабления в комнате отдыха, использовать в цехе медсестру с определенными психотерапевтическими функциями в ее деятельности. Последнее нововведение оказалось крайне важным и сыграло впоследствии, в ходе проведения Хоторнского эксперимента, существенную роль (о чем далее будет сказано подробнее).

Результаты превзошли все ожидания. Текучесть кадров сократилась до средней по фабрике, производительность труда выросла на 10 %, значительно улучшился психологический климат в коллективе. Филадельфийский опыт принес ученому не только широкую известность блестящего социолога-эмпирика, но и послужил своеобразным прологом (иногда говорят «пилотажем», т. е. пробным и разведывательным исследованием) Хоторнского эксперимента.

Чтобы была понятнее сущность эксперимента, необходимо коротко определить ситуацию, имевшую место на предприятиях «Вестерн электрик» ко второй половине 1920-х гг. Здесь работало порядка 30 тыс. рабочих и господствовал старомодный патернализм: рабочим выплачивались премии акциями, существовали хозяйские лавки, время от времени устраивались развлечения за хозяйский счет. Не было никаких профсоюзов, а в течение 20 лет – ни одной стачки. Однако во второй половине 1920-х гг. положение стало напряженным, администраторы жаловались на «ворчание и недовольство», на сознательное ограничение выработки рабочими. Стала расти текучесть кадров и падать производительность труда.

Специалисты фирмы пытались использовать для ее повышения господствовавшую в то время в сфере производства концепцию Ф. Тейлора, в соответствии с которой основными факторами, влияющими на рост выработки, являются физические, прежде всего – освещенность рабочих мест. Но трехлетние опыты, связанные с усилением (ослаблением) освещенности, покраской стен в различные цвета и т. д., не дали никакого эффекта. Что касается отношения к работнику, то в рамках концепции Тейлора–Форда он рассматривался как придаток механизма, призванный его обслуживать, и не более того. На этом, собственно, базировалась поточно-конвейерная система. Именно такое представление о человеке и его месте на производстве и попытался разрушить Мэйо, доказывая, что иной подход сулит не только возникновение новых социальных отношений (названных им «человеческими»), но и рост производительности труда.

Последнее как нельзя более соответствовало устремлениям деловых кругов, особенно если учесть специфику периода конца 1920-х – начала 1930-х гг. – времени самого крупного за всю историю капитализма кризиса. Председатель правления «Дженерал Фудз Корпорэйшн» К. Френсис существо нового подхода к человеку выразил так: «Люди состоят из тела, ума и души, и каждая из этих составных частей, особенно душа, должна быть использована для максимального увеличения производительности».

1.2. Хоторнский эксперимент

На первом этапе эксперимент на заводах «Вестерн электрик» не имел никакого отношения к социологии. Речь шла о том, чтобы доказать справедливость гипотезы: чем лучше освещение рабочих мест, тем выше производительность труда. Однако в ходе изменения освещенности эта идея и одна из основных и широко внедрявшихся рекомендаций Тейлора не оправдала себя в плане влияния на производительность труда. Тогда стало ясно, что дело в иных факторах, не связанных с влиянием света. Было высказано предположение о возможном воздействии некоторых иных физических и материальных условий труда. К этому выводу Мэйо «подтолкнули» результаты и других новшеств, которые он внедрил на первом этапе эксперимента в связи с изменениями размеров перерывов для отдыха, продолжительности работы и методов оплаты труда.

Вместе со своим постоянным заместителем Ф. Ретлисбергером он стал изучать действие так называемых неконтролируемых факторов, которые могли влиять на рост производительности труда (второй этап эксперимента). С этой целью от основной массы работающих в цехе по сборке

электротехнической аппаратуры была изолирована небольшая группа женщин-операторов (6 человек), занимавшихся сборкой реле. Пять работниц собирали реле (каждое из 30 деталей), шестая готовила детали для сборки и складывала уже собранные.

Вместе с девушками-сборщицами в экспериментальной комнате, где все они трудились за одним длинным столом, находился ученый-наблюдатель (взявший на себя и функции надзирателя, супервайзера), работавший в лаборатории Мэйо. Он должен был не только фиксировать в специальном журнале все происходящее в течение рабочего дня в бригаде, но и способствовать созданию в ней дружеской атмосферы (вспомним медсестру из исследования на Филадельфийской текстильной фабрике). Чтобы у работниц не сложилось впечатления о якобы проводимом над ними эксперименте, им сообщили ложную цель (легенду). Было сказано, что необходимо выяснить влияние на работу таких факторов, как перерывы в работе, небольшой прием пищи до обеда (второй завтрак за счет администрации), сокращение рабочего времени. Девушкам было также сообщено, что такой опыт нужен для общества, для науки и приведет к улучшению условий труда на всем предприятии. Им объяснили, что темп работы должен быть умеренным и что стараться обгонять друг друга не нужно. Наблюдатель ежедневно вёл с девушками неформальные беседы, осуществляя так называемый мягкий стиль руководства. Беседы касались различных сторон жизни работниц, вплоть до интимных. Главная задача супервайзера состояла в наблюдении за отношением к труду каждой сборщицы реле, тем более, что в бригаде не было ни мастера, ни старшего мастера.

Второй этап продолжался 2,5 года. За это время производительность труда каждой работницы выросла в среднем на 40 %. Но внезапно (для работниц) все льготы (сокращенное время труда, бесплатные завтраки, дополнительные перерывы) отменили. Это был один из пунктов эксперимента. Однако, несмотря на ухудшение ряда физических и материальных условий, выработка по-прежнему оставалась высокой. Тогда был сделан вывод, что улучшение условий труда не является основной причиной повышения его производительности. Вопрос же о «неконтролируемых факторах» так и оставался открытым.

Было сформулировано пять гипотез, объясняющих связь между экспериментальными переменными (производительность, условия труда, его монотонность, методы работы, утомляемость, время отдыха, зарплата). После проведения дополнительных исследований четыре были отвергнуты, осталась лишь одна, основная, согласно которой на производительность труда влияют прежде всего методы руководства и улучшение взаимоотношений в коллективе.

На третьем этапе эксперимента для подтверждения основной гипотезы было проведено 20 тыс. интервью (каждое из них занимало от 30 минут до 1,5 часа с отрывом от работы и сохранением зарплаты, так что администрация пошла на немалые расходы). Все интервью были направлены на изучение отношений работников к труду и между собой. Выяснилось, что норма выработки определяется не столько добросовестностью и физическими способностями работника, сколько давлением группы, следствием которого становятся его социальная позиция и статус. Четвертый этап исследований, занявший вторую половину 1931 г., состоял в переходе от массового опроса к эксперименту с группой рабочих-сборщиков (14 человек), в ходе которого выявлялся стиль руководства и изучалась структура межличностных отношений.

1.3. Теория человеческих отношений как результат Хоторнского эксперимента

Каков конечный результат эксперимента? Был сделан вывод, что основным условием, влияющим на эффективность производственного процесса и рост производительности труда, является фактор человеческих отношений, базирующихся на стремлении членов группы понимать друг друга, ощущать себя включенными в нее и при этом чувствовать себя свободными. Это желание человека быть включенным в определенную социальную общность Мэйо назвал чувством «социальности».

Отсюда был сделан еще один вывод, что необходимо стремиться к созданию на производстве «социальных» образований, т. е. в рамках формальных групп (бригад, например) – неформальных отношений, благодаря которым работники чувствовали бы свою причастность к важным решениям, ощущали собственную необходимость. Для этого нужен был коллектив, сплоченная малая группа значимых друг для друга людей, в котором социальное поведение людей было бы функцией групповых норм, регулирующих его. «Вышло так, – писал Мэйо, – что шесть девушек превратились в коллектив, и этот коллектив искренне и стихийно отдался сотрудничеству в прове-

дении эксперимента. В результате они почувствовали себя его участниками и были счастливы, зная, что работают без принуждения сверху и без ограничения снизу»²¹.

Вывод социолога о необходимости установления человеческих отношений между участниками производственного процесса, а именно так эти неформальные отношения и были им названы, имел сугубо практический характер и дал немалый экономический и социальный эффект. Не менее важным был и еще один вывод: руководители производства должны ориентироваться не только и даже не столько на выпуск продукции, сколько на человека, его потребности и интересы, стремиться удовлетворить хотя бы часть из них. В конечном итоге это обеспечит эффективную деятельность производства, удовлетворенность индивида своей работой, социальную стабильность на предприятиях и в обществе в целом.

Здесь столь подробно говорилось о Хотгорнском эксперименте по нескольким причинам. Во-первых, потому, что это был один из самых первых масштабных социологических экспериментов, равных которому социология, по существу, до сих пор не знает. Во-вторых, потому, что он знаменовал собой начало бурного развития индустриальной социологии, а вслед за ней – отпочковавшихся от нее социологии труда, социологии менеджмента и других отраслей социологического знания. В-третьих, потому, что он показал большие практические возможности социологии влиять на эффективность многих управленческих решений. Тем самым был дан толчок активному внедрению социологии в деятельность фирм. В-четвертых, потому, что он продемонстрировал тесную связь социологии с социальной психологией и антропологией. Эмпирические исследования в промышленности показали, что социально-психологические и «человеческие» факторы играют большую роль и недооценивать их нельзя. Это способствовало развитию потребности в кадрах социологов – специалистов нужной, модной и хорошо оплачиваемой профессии.

Впоследствии вокруг концепции (или, как ее часто называют, доктрины) человеческих отношений было много полемики, тем более что некоторые выводы Мэйо имели явно идеологический и утопический характер. Так, он полагал, что если удастся установить, «внедрить» человеческие отношения в любых группах и коллективах, не только в производственных, но и в детских, студенческих, армейских и т. д., то можно будет создать принципиально новый тип общества, не знающего конфликтов и эффективно функционирующего. Как видно, общество в данном случае рассматривалось в качестве совокупности самостоятельных, автономных, самодостаточных групп, чего на самом деле, конечно, нет.

В целом теория человеческих отношений сыграла (и продолжает играть) важную позитивную роль в развитии как индустриальной социологии (а также социологии менеджмента, социологии труда), так и практики капиталистического производства. Значительный прогресс последнего был обеспечен в большой мере за счет нового понимания отношений между участниками производственного процесса, осмысления того, что они должны быть действительно человеческими, учитывать интересы и потребности работника, создавать условия для их реализации, причем прежде всего в рамках трудового коллектива.

Изучение процесса формирования коллектива, базирующегося не только на формальных, но и неформальных отношениях между его членами, осуществлявшееся в 1930-х гг., способствовало резкому росту интереса к малым группам на уровне их эмпирических исследований и созданию для этой цели соответствующих методов и методик. Среди них особое место занимала быстро приобретающая популярность социометрия.

§ 2. СОЦИОМЕТРИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ГРУПП В СОЦИОЛОГИИ

2.1. Понятие социометрии. Творчество Дж. Морено

Под социометрией будем понимать отрасль социально-психологических и социологических исследований межличностных отношений в малых группах, осуществляемых с помощью количественных методов. У термина есть иное значение, с которым, собственно, и связано его происхождение в конце XIX – начале XX вв. Социометрия рассматривалась как способ измерения эмоциональных отношений и влияния одних групп людей на других.

²¹ Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilisation. L., 1949. P. 64.

Джекоб Леви Морено
Jacob Levy Moreno
(18 мая 1889 – 14 мая 1974)

Активное внедрение социометрии в практику изучения внутригрупповых отношений связано с именем Джекоба (Якоба) Морено (1892 – 1974). Он родился в Румынии, окончил Венский университет (где изучал философию и медицину). Во время учебы находился под глубоким влиянием взглядов З. Фрейда. Затем испытал на себе сильное воздействие идей Г. Зиммеля, Ч. Кули. Несколько лет работал врачом, занимался психиатрической практикой. Первые свои наблюдения о значимости межличностных внутригрупповых отношений и необходимости их специального исследования сделал еще в 1920-х гг. В 1925 г. Морено переехал в США. Там он основал в 1940 г. Институт социометрии и психодрамы, вошедший в историю как Институт Морено. Под его руководством в период с 1937-го по 1955 г. публиковались известные и популярные в то время периодические издания «Журнал межличностных отношений» и «Социометрия».

Морено активно пропагандировал свои концепции и практическую психотерапевтическую деятельность. Под эгидой ЮНЕСКО он читал лекции во многих странах Европы, был с этой целью и в Советском Союзе. На русском языке издана его «Социометрия» (1958). Среди более чем 300 научных трудов Морено основными работами были «Социометрия и культурный порядок» (1943), «Социодрама» (1944), «Психодрама» (1969). Но, пожалуй, наиболее популярной его книгой стала опубликованная в 1934 г. работа «Кто выживет? Основы социометрии, групповой психотерапии и социодрамы».

Морено исходил из того, что существуют две основные структуры, которые необходимо изучать: на социологическом уровне – макросоциологическую структуру, на социально-психологическом уровне – микросоциологическую структуру. Если на первом уровне анализируются и рассматриваются все основные социальные проблемы общества, то на втором – межличностные отношения в малых группах.

Ученый выстроил систему наук и методов, которые должны изучать оба уровня структур и разрешать возникающие проблемы. Это: соционимия – наука об основных социальных законах, социодинамика – наука о процессах, происходящих в малых группах, социометрия – система методов выявления и количественного измерения межличностных, эмоциональных отношений людей в малых группах, социатрия – система методов излечения людей, испытывающих затруднения в поведении в малых группах. Последние две системы имеют прикладной характер и базируются на теоретических представлениях о социальных группах, которые составили основное предметное поле эмпирических исследований в 1930 – 1940-х гг.

Для Морено и других представителей социометрии объектом исследований являются реально существующие малые социальные группы. Главное, чем они характеризуются, – это эмоциональные отношения людей друг к другу, составляющие атомарную (атомистическую) структуру общества. Простое наблюдение не в состоянии зафиксировать эти отношения, но они могут быть выявлены с помощью специфических методов измерения, особой техники опроса и обработки данных, которая включает в себя: социометрический тест, социометрическую матрицу, социограммы, социометрические индексы. Эта техника позволяет определить реальные конфликтные ситуации и предпринять усилия для их ликвидации.

Приведем пример одного из социометрических исследований, проведенных под руководством Морено в школьном классе, отличавшемся конфликтами и между педагогами и учащимися, и внутри самого ученического коллектива. Последнего, строго говоря, не существовало. Успеваемость была низкой, а нарушений дисциплины – более чем достаточно. Морено предположил, что одной из причин сложившейся ситуации является нежелание педагогов учитывать интересы учащихся, в частности, в такой ситуации, как кто с кем сидит рядом на занятиях.

С согласия руководства школы сотрудники его исследовательской группы пришли в класс и объявили школьникам, что они хотели бы выяснить путем письменного опроса, кого каждый из них хотел бы видеть рядом с собой на уроках, чтобы удовлетворить, насколько это будет возможно, их интересы. При этом было сказано, что, идя навстречу пожеланиям учеников, исследователи надеются на эффективность «пересаживаний» в классе, которые должны привести к общему улучшению успеваемости и дисциплины. (Впоследствии этот факт был использован аналитиками социометрической методики для «обвинения» Морено в оказании психологического давления на учащихся).

Проведя опрос (учеников попросили назвать двух–трех их товарищей, с которыми они предпочли бы сидеть рядом), исследователи составили социометрическую матрицу. Она представляла собой таблицу, в которой были три колонки: кто выбирает, кого выбирают, количество отданных выборов. Благодаря несложной обработке данных опроса были получены результаты, на основе которых педагоги и исследователи провели в классе собрание, а затем осуществили «перестановку» учащихся. Результат оказался достаточно впечатляющим: улучшилась успеваемость, снизилось (правда, не очень значительно) число нарушений дисциплины, а конфликты в коллективе стали исчезать. Это исследование получило большой резонанс в 1930 – 1940-х гг. и способствовало росту популярности социометрии.

Продолжением социометрии являются психодрама и социодрама, также разработанные Морено. Он создал «терапевтический» (его называют иногда социометрическим) театр, который означает метод группового тренинга, основанный на особенностях межличностного взаимодействия в группах. Социодрама – это моделирование и проигрывание различных социальных ситуаций, а психодрама – это моделирование и проигрывание различных ситуаций межличностного общения. Находясь на сцене, люди проигрывают определенные психические состояния и социальные роли, благодаря чему им становится психологически легче и комфортнее. Таким путем ученый лечил неврозы, алкоголизм, смягчал конфликты, выявлял неформальных лидеров, оптимизировал социально-психологический климат в малой группе.

При этом следует отметить, что в социодраме принимают участие (играют) естественные группы (семья, трудовой коллектив, студенческая группа, школьный класс), в которых исполнители могут меняться местами (например, подчиненный становится начальником, дочь – матерью, или наоборот). Что касается психодрамы, то здесь создается экспериментальная группа, выступающая аналогом театральной труппы, поскольку на сцене проигрываются определенные ситуации поведения людей. Основными участниками психодрамы выступают: профессионально подготовленный психолог – ведущий (психодраматург); главное действующее лицо – «проблемный» человек, показывающий на сцене свою реальную жизненную ситуацию; аудитория – группа присутствующих людей, которые участвуют в действии, играют различные роли, обмениваясь ими с другими людьми на сцене, в том числе и с самим главным действующим лицом. Любопытно отметить, что для своего психотерапевтического театра Морено придумал специальную трехъярусную вращающуюся сцену, которая могла создать видимость реального жизненного пространства и возможности перемещения в нем основных участников психодрамы.

2.2. Изучение социальных групп в социологии

Начиная с 1920 – 1930-х гг., проблема социальных групп превращается в пограничную для двух наук – социологии и социальной психологии. Это обстоятельство способствует их обоюдному развитию, которое продолжается и по сей день в связи с разработками проблематики социальных групп. Тем не менее подходы названных выше наук к изучению социальной группы различаются. Социологический подход определяется выявлением в первую очередь объективных критериев для анализа многообразных реальных социальных групп, тогда как социальную психологию интересует прежде всего «содержательная характеристика таких групп, выявление специфики воздействия на личность конкретной социальной группы»²².

Несмотря на существующие в литературе теоретические обоснования различий в подходах социологии и социальной психологии к изучению социальных групп, на практике оба они не просто сопряжены, но и теснейшим образом переплетаются. И эта ситуация вполне объяснима: подчас

²² Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996. С. 140.

очень трудно провести демаркационные линии в исследованиях социальных групп и сказать, что здесь кончается одно (социологическое) и начинается другое (психологическое), или наоборот. Такое положение дел в полной мере проявилось в 1930 – 1940-х гг.

Вообще упомянутые два десятилетия оказались достаточно продуктивными (может быть, даже самыми продуктивными) в западной социологии, разрабатывающей проблематику социальных групп. Именно в этот период их изучение стало «уходить» от самоцельного, самодостаточного процесса (когда главная задача сводилась к разработке теории социальных групп, их классификации, выявлению принципов взаимодействия групп и т. д.) и приобретать прикладной характер.

Как уже было показано выше, большой вклад в исследование социальных групп в промышленном производстве внес Мэйо. По существу он разработал понятие трудового коллектива как разновидности основной социальной группы на производстве. Более того, он обнаружил и показал возможности использования механизма создания и укрепления подобных социальных групп с помощью теории и практики человеческих отношений. Работы Э. Мэйо, Ф. Реглисбергера, У. Диксона, Н. Уайтхеда в области изучения социальных групп (прежде всего в сфере промышленного производства) имели преимущественно социологический характер, в отличие от многих других, в частности, проектов Дж. Морено (который, кстати, неоднократно применял социометрическую матрицу в процессе исследований, проводившихся на промышленных предприятиях), отличавшихся своей социально-психологической направленностью.

Последние имели также прикладной характер и известны тем, что в них нашла свое отражение методика изучения и измерения характера и уровня межличностного взаимодействия в социальной группе. Морено и американский социолог Э. Богардус ввели понятия «социального расстояния» и «социальной дистанции», определяющие социально-психологические отношения внутри группы и между группами. Главной характеристикой «социальной дистанции» является отношение взаимопонимания, которое устанавливается между индивидами и социальными группами.

В конце 1930-х гг. появляется теория групповой динамики (К. Левин). Это направление в микросоциологии и социальной психологии, включающее ряд дополняющих друг друга концепций, объясняющих функционирование малых социальных групп, законы формирования и развития их структуры, взаимоотношения индивидов между собой в рамках группы, а также взаимоотношения групп с другими группами и социальными институтами. Были выведены два основных принципа теории групповой динамики: а) малые группы могут рассматриваться как целостные образования; б) законы, характеризующие процессы в малых группах, могут экстраполироваться на общество в целом.

Последний принцип является достаточно спорным и не раз вызывал дискуссии в связи с теоретическими попытками провозгласить малую группу микромоделью общества, которой приписуется все его основные черты, процессы и противоречия. Из отстаивания этого принципа следовало, что все сколько-нибудь значимые общественные проблемы могут быть решены на уровне малых групп. В таком случае очевидно, что в теориях групповой динамики явно преувеличивается роль малой группы как социального явления, как своеобразного «сколка» общества.

В 1940-х гг. и в последующие годы в разработку теории социальных групп значительный вклад вносят Р. Бэйлз, Т. Ньюком, У. Уайт, Л. Фестингер, Дж. Хоманс и др. Помимо ставших уже классическими теоретических разработок малых и больших, первичных и вторичных, формальных и неформальных и т. д. групп, особое внимание обращается на добровольные ассоциации, харизматические группы, бюрократию, другими словами, те разновидности социальных групп, которые связывают их с социальной организацией.

Сами исследования социальных групп постепенно перестают быть полностью автономными и все теснее переплетаются с изучением социальных организаций, подчеркивая социологический ракурс проблематики. С другой стороны, эти работы по-прежнему выполняются на «стыке» социологии и социальной психологии, что, как уже отмечалось, в общем-то типично для изучения социальных, особенно малых групп. Не случайно социальную психологию в свое время определяли как науку о социальных группах. И сейчас их проблемы продолжают волновать представителей этой, пограничной с социологией, науки. Данное обстоятельство нельзя игнорировать в ходе историко-социологического анализа процесса изучения социальных групп.

§ 3. РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЙ В 1930 – 1940-х гг.

В указанный период происходило быстрое развитие многих отраслей социологической науки. Среди них – социология труда, социология менеджмента, социология культуры, социология образования, социология знания, военная социология, социология досуга и др. Продолжалось «победное шествие» индустриальной социологии, социологии города. Развитие отраслевых социологий было отражением не столько их потребностей в развитии теории, сколько результатом возросшего практического интереса в проведении исследований.

3.1. Военная социология

Рассмотрим в качестве примера такого интереса и его отражения в развитии отраслевой социологии возникновение военной социологии (иногда ее называют социологией армии). С началом Второй мировой войны и на протяжении всего десятилетия 1940-х гг. проводились серьезные социологические исследования в американской армии, которыми руководил С. Стауффер, один из самых известных социологов в США 1940 – 1950-х гг., ученик У. Огборна. Стауффера справедливо считают основателем военной социологии. Под его руководством была написана самая, пожалуй, серьезная книга в этой области социологического знания, ставшая затем хрестоматийной двухтомная работа «Американский солдат» (издана в 1949 г.). Значительная часть исследований Стауффера была посвящена изучению социальных групп в американской армии. Одна из основных проблем, поставленных в названной книге, касалась выявления механизмов и средств для поддержания высокого морального духа солдат. Особенно тесно эта проблема связывалась с изучением так называемых референтных групп, выступающих для индивидов (в данном случае солдат) в качестве социального эталона, с которым он сравнивает себя, свое положение и поведение.

В связи с изучением морально-психологического и боевого духа военнослужащих представляет интерес своеобразная «предыстория» социологических исследований в американской армии. Когда в конце 1930-х гг. социологи США под руководством Стауффера стали изучать морально-боевой дух в войсках, социальные установки солдат на поведение в условиях войны и боя, их выводы оказались неутешительными. Однако эти заключения противоречили выводам инспектирующей армию генералитета, по мнению которого она вполне была готова к активному участию в боевых действиях.

Нетрудно догадаться, чем грозило такое противостояние генералитета и социологов для последних. Но, как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Случилось так, что на американской военной базе в Пёрл-Харборе в декабре 1941 г., в период разгромного нападения на нее японцев, оказались социологи, которые на следующий день после бомбардировки провели опрос солдат и офицеров. Его результаты подтвердили гипотезы социологов, а обстоятельный отчет об исследовании был написан очень быстро и направлен в Министерство обороны, произведя там весьма сильное впечатление.

После происшедших событий социологи уже не имели никаких препятствий для работы в войсках и немедленно воспользовались этим обстоятельством. Всего за годы войны в американской армии было проведено более 250 исследований. Если же суммировать то, что было сделано социологами в ней до и после войны в 1940-х гг., то количество исследований вырастает до весьма внушительной цифры – 400 работ. Назовем лишь некоторые проблемы, которые ставились и изучались социологами в вооруженных силах: отношение солдат и офицеров к войне; определение иерархии факторов, влияющих как на боевую подготовку военнослужащих, так и на их поведение в бою; выявление связи между социальными установками солдат и их эффективным участием в боевых действиях; анализ установок военнослужащих на армейскую карьеру; отношения в армии между белыми и неграми; досуговые ориентации военнослужащих (их стремление определенным образом проводить свободное время); отношение военнослужащих к гражданским лицам и т. д.

3.2. Отрасли социологии в сфере производства

Продолжая разговор о развитии отраслевых социологий в 1930 – 1940-х гг., необходимо сказать о многочисленных исследованиях социологов в индустрии, на промышленных предприятиях. Эти работы были выполнены в рамках трех тесно связанных между собой отраслей – индустриальной социологии, социологии труда, социологии менеджмента (последние две «отпочковались» от первой, выделились из нее именно в 1930-х гг.).

Социология труда имела в качестве своего предмета изучение характера и содержания труда, его социальных условий и организации, выявление факторов совершенствования отношения человека к труду – с учетом доминирующего в то время характера последнего (монотонный, конвейерный труд). По существу социология труда выступала «ядром» индустриальной социологии. В рамках социологии труда возникла теория и практика гуманизации труда, преследовавшая цель изучения факторов его совершенствования с точки зрения компенсации тех потерь, которые человек несет в условиях существовавших в то время типов производства. Основное внимание, естественно, было уделено поточно-конвейерному производству, поскольку именно в его условиях происходила наиболее сильная дегуманизация личности и имело место ее разрушение.

Поскольку сам конвейерный труд гуманизировать и сделать интересным и творческим было в принципе нельзя, социологи работали над тем, как скрасить его монотонный, иссушающий ум и душу характер. Именно они рекомендовали в 1930-х гг. специальные, «гуманизирующие» конвейерный труд мероприятия, направленные на введение ряда мелких усовершенствований: создание вращающихся сидений для рабочих, введение рабочих-заместителей (которые могли бы выполнять операции вместо отлучившихся на небольшое время основных работников конвейера), организацию подсобного конвейера инструментов, разрешение курить на рабочем месте и т. д.

Практические рекомендации социологов касались и введения эмоционально воздействующих мероприятий: ликвидации перегородок между рабочими местами, чтобы можно было общаться во время трудового процесса; работы под музыку (ее писали композиторы специально для данного конвейера, она должна была, с одной стороны, своим ритмом совпадать с ритмом конвейера, а с другой – успокаивать); создания так называемых «шоколадных» конвейеров (параллельно главному), по которым передвигались бы шоколадки, жевательная резинка, прохладительные напитки и т. д. (цель та же самая – скрасить монотонность повседневного рутинного труда).

Если социология труда и одна из центральных ее доктрин – гуманизация труда были направлены на анализ характера и содержания непосредственной деятельности рабочего, а концепция человеческих отношений – на изучение отношений между рабочими, то социология менеджмента оказалась нацеленной на выявление специфики взаимодействий между управленцами (менеджерами) и рабочими. Эта отрасль социологии оказалась весьма значимой для системы производства и быстро развивалась в силу своей большой не только социальной, но и экономической эффективности.

Помимо теоретических разработок проблем управления на предприятиях социология менеджмента имела широкую практическую направленность. Она проявилась в регламентации и детализации отношений между менеджером и работником. Не случайно уже в 1930-х гг. социологию менеджмента называли «карманной социологией» бизнесмена. Доказывалось, что всем своим повседневным поведением менеджер должен показывать близость к рабочим, знание их жизни, заинтересованность в успехах и достижениях не только на производстве, но и в иных сферах деятельности. Признаком хорошего «менеджерского» тона считалась публичная, на виду у всех, демонстрация своего детального знания семейной и бытовой жизни отдельных рабочих. Например, социологами рекомендовалось менеджеру подойти в цехе во время смены к рабочему, тепло с ним поздороваться, спросить об успехах сына в школе, пообещать ему через отца рождественский подарок в случае хорошей успеваемости. Другая рекомендация касалась необходимости вести публичные, демонстративные беседы с рабочими (обязательно, чтобы многим было видно и слышно) относительно результатов, скажем, бейсбольных матчей, и при этом задавать вопрос о том, как сыграли «наши». Считалось, что таким образом устанавливаются неформальные отношения с рабочими, и у них формируется ощущение, что они в одной «команде» с боссом.

Основная идея здесь состояла в том, что всё, вплоть до последней пуговицы, должно говорить о близости руководителей к подчиненным. Отсюда и самые различные конкретные рекомендации и регламентации относительно скромных и строгих костюмов, в которых нужно приходиться к рабочим, соответствующих марок машин, в которых следует приезжать на работу, и т. д.

По мнению социологов менеджмента, двери кабинета менеджера (скажем, начальника цеха) должны быть, как правило, открыты для рабочих. В кабинете рекомендовалось иметь специальный журнальный столик с прохладительными напитками на нем и кресла, в которые могли бы

шесть рабочие для того, чтобы поговорить с начальником о производственных проблемах, которые их беспокоят и являются болезненными (начиная от условий труда, в том числе и его оплаты, и кончая настроениями в коллективе). При этом исследователи (например, П. Дракер, С. Баркин, У. Диксон) писали, что лучше узнать о возникающих недовольствах от тех или иных рабочих в ходе откровенных разговоров с ними, чем ждать, когда эти отдельные неудовлетворенности выплеснутся в организованных коллективных акциях протеста (стачках, забастовках и т. д.).

Развитие многих отраслей социологической науки в 1930 – 1940-х гг. стало возможным благодаря ее значительным достижениям в области методологии, методики и техники конкретных исследований.

§ 4. ДОСТИЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО П. ЛАЗАРСФЕЛЬДА

Период 1930 – 1940-х гг. стал весьма значимым в развитии методологии и методики социологических исследований. К этому времени был накоплен большой опыт в их организации, подготовке, проведении и обработке материалов, стали активно использоваться математические методы в социологии. Существенную роль в процессе ее обогащения новыми достижениями методологии и методики конкретного эмпирического исследования сыграл Поль Лазарсфельд (1901 – 1976).

Пауль Феликс Лазарсфельд
Paul Felix Lazarsfeld
(13 февраля 1901 – 30 августа 1976)

Он родился в Австрии, в Вене, в высококультурной, интеллигентной семье. Его мать была психоаналитиком и имела большую практику. Отец занимался адвокатской деятельностью. Будущий социолог учился в Венском университете, получив две специальности – математика и психолога. Его образование впоследствии помогло ему в ходе исследований активно использовать математические методы. Не случайно в 1925 г. он успешно защитил диссертацию по прикладной математике. После нескольких лет преподавания в колледже Лазарсфельд основал в 1929 г. Институт прикладных социальных исследований. В последующие годы (вплоть до 1933 г.) он параллельно преподавал в Венском университете прикладную социологию и занимался разработкой методики и техники эмпирических исследований. Именно в эти годы он участвовал в изучении социальных и психологических последствий безработицы в небольшом городе Мариенталь. Результаты исследования нашли отражение в ставшей впоследствии очень известной книге «Мариенталь» (1933), в авторском коллективе которой Лазарсфельд играл одну из ведущих ролей. Основными методами, использованными при проведении исследования «Мариенталь», были: анализ биографий, включенное наблюдение и количественные измерения самой безработицы с прогнозами на ее существование и развитие.

По материалам исследований в Австрии в 1935 г. появилась еще одна его работа – «Искусство спрашивать "почему"». В ней ставились вопросы изучения потребительского поведения, а по существу была разработана одна из первых методик, этому посвященная. Впоследствии она неод-

нократно использовалась в сфере не только маркетинговых исследований, но и изучения иных проблем, связанных с анализом изменения ориентаций и намерений людей.

Высоко оцененные специалистами результаты исследования в Мариентале позволили Лазарсфельду получить четырехлетний грант Фонда Рокфеллера на проведение научных исследований и попасть таким образом в США. В этой стране он работал во многих университетах: Колумбийском, Гарвардском, Чикагском и др., где выполнял с неизменным успехом научные проекты, подружился с рядом очень крупных социологов и в конце концов остался, получив американское гражданство. Следующие 4 года (1937 – 1940) известны в творческой биографии ученого как период работы в Бюро по исследованию радио и руководства этой организацией. После 1940 г., вплоть до 1950 г., Бюро, находясь в Колумбийском университете в Нью-Йорке, значительно активизирует свою деятельность как в осуществлении исследований, так и в подготовке кадров для их проведения. Лазарсфельд вместе с Р. Мертоном (дружба с которым продолжалась вплоть до самой смерти) изучает влияние на аудиторию радио и прессы (сравнивая по ряду параметров их воздействие). Затем они вдвоем пишут на эту тему книгу «Массовая коммуникация, популярные вкусы и организованное социальное действие» (1948).

О социологическом исследовании радио следует сказать особо, поскольку в 1930 – 1940-х гг. оно являлось одним из самых распространенных и эффективных средств массовой информации. Помимо этого, радио выступало мощным средством политического воздействия, возможности использования которого волновали многих лидеров западных стран, причем как в Америке, так и в Европе. Работники Бюро по исследованию радио под руководством Лазарсфельда изучали аудиторию этого СМИ, предпочтения радиослушателей, принципы составления радиопрограмм и т. д.

Попутно отметим, что в 1930 – 1940-х гг. проблематика СМИ волновала многих крупных социологов. Одним из них был Г. Лассуэлл (1902 – 1978), который анализировал проблемы использования СМИ в практике принятия политических решений. Он привлек значительный интерес к своим исследованиям очень важным постановочным вопросом, определявшим по существу проблему эффективности СМИ: кто сообщает, что сообщает, кому сообщает, по какому каналу и с какой эффективностью. Этот вопрос и попытки на него ответить на многие годы определили характер эмпирических исследований в сфере СМИ.

Возвращаясь к достижениям Лазарсфельда, интересно подчеркнуть одно обстоятельство в его творчестве – стремление находиться на переднем крае социальной проблематики, требующей своего эмпирического изучения. Когда в 1930-х гг. безработица приобрела гигантский размах и определяла многие стороны общественной жизни, он выявлял ее социальные последствия. Начали бурно развиваться новые средства массовой информации – и он в первую очередь оказался среди их исследователей. Возник значительный интерес к электоральному поведению (поведению избирателей) – Лазарсфельд вносит свой большой вклад в процесс его изучения. Когда группа Стауффера начала анализировать социально-психологические процессы в американской армии, Лазарсфельд также не остался в стороне от этого направления социологической деятельности.

В 1940-х гг. он принял самое активное участие в исследовании изменения социальных установок американских солдат (вместе со С. Стауффером и Л. Гутманом, автором известной в социологии шкалы измерений). В этом исследовании, как и в предшествовавших, он особое внимание обращал на разработку и использование самых различных шкал, причем не только порознь, но и в их комбинации. Не случайно его считают одним из самых горячих поборников применения метода шкалирования в эмпирической социологии.

В ходе исследований Лазарсфельд стремился к обогащению техники и процедуры их проведения с помощью различных методов. Он впервые ввел панельный метод, состоявший в проведении повторного исследования одного и того же объекта с определенным временным интервалом по одной и той же программе и методике. Ученый также первым обратил внимание на необходимость широкого использования в социологии латентно-структурного анализа, благодаря которому в соответствии с ответами респондентов на отдельные вопросы можно выявить их распределение по какому-то скрытому (латентному) признаку. По существу это был один из новых методов статистического анализа данных эмпирического исследования. Его использование подсказало впоследствии Р. Мертону идею трактовки латентных функций в социологии (подробнее об этом будет сказано при рассмотрении его концепций).

Лазарсфельд, его коллеги и ученики (Э. Кац, Дж. Коулмен и др.) одними из первых разработывали процедуру выборки, которая получила в социологии название «снежного кома». Суть ее состояла в том, что респондентов, опрашиваемых в связи с изучением различных проблем (впервые в исследовании электорального поведения в ходе президентской выборной кампании в США в 1940 г.), просили назвать тех, кто определенным образом повлиял на процесс принятия ими решения. Это позволяло увеличивать численность респондентов в исследовании данной проблемы – по аналогии с катящимся снежным комом, на который налипают все новые снежки.

Большое внимание Лазарсфельд уделял не только методике, но и методологии социологического исследования (по мнению некоторых аналитиков его творчества даже большее, чем методике). Сам он постоянно подчеркивал их единство, говоря о том, что это не две разные сферы социологии, но взаимосвязанные, переходящие одна в другую линии социологического исследования. Он стремился оценить методы и процедуры эмпирического исследования, выявить смыслы и значения используемых понятий. При этом основным критерием истинности научного знания у него выступал принцип верификации, состоявший в сопоставлении гипотез исследования с реальными фактами. По существу речь шла о выявлении истинности теоретической модели путем ее опытной проверки, что означало эмпирическое сравнение с реальной действительностью. Принцип верификации является типичной принадлежностью позитивизма (неопозитивизма), в парадигме которого постоянно работал Лазарсфельд.

В заключение следует отметить, что Лазарсфельд и возглавлявшаяся им школа в Колумбийском университете сыграли большую роль в разработке методологии и методики эмпирических социологических исследований. Благодаря деятельности ученого и его школы значительно «разрослось» поле этих исследований. Стало намного понятнее, где и как можно использовать силы и возможности социологов. Потенциал этой науки, особенно в прикладных ее аспектах, вырос.

§ 5. РАСЦВЕТ И «БОЛЕЗНИ» ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В рамках эмпирической, прежде всего прикладной, социологии проводятся исследования, завершающиеся выработкой рекомендаций и созданием социальных технологий, в которых нуждаются промышленное производство, политические партии и движения, средства массовой информации, административные структуры, образование, здравоохранение и др. Эмпирические исследования проводятся и в рамках академической социологии – для подтверждения и уточнения тех или иных теоретических положений, формулирования гипотез, оттачивания методического инструментария, проверки способов и средств социологического измерения, создания новых тестов, шкал, коэффициентов и т. д.

Вместе с тем, наряду с важными и актуальными проблемами прикладной и академической социологии, эмпирические исследования все чаще касаются вопросов, не всегда значимых с социальной точки зрения. Это вызывает определенную неудовлетворенность общественности, часть которой начинает относиться к социологии как к науке, которая мало что дает, к тому же скатывается в ползучий эмпиризм и мелкотемье.

Именно такую тенденцию высмеял в памфлете «Зонтиковедение – новая наука?» американский исследователь Дж. Сомервилл. Он приводит вымышленное письмо некоего «ученого», который уверял, что создал новую отрасль науки – «зонтиковедение». Этот «ученый» будто бы обследовал Манхэттен (район Нью-Йорка) и подсчитал число зонтиков, имеющихся в каждой семье, проанализировал их размеры и цвет. Затем он сообщил, что собирается сделать это же во всем штате, в стране, наконец, в мире. Иронизируя над эмпирической социологией, Сомервилл выводит законы «зонтиковедения», такие, как, например, «закон возрастания тенденции к приобретению зонтиков в дождливую погоду», «закон соответствия цветных вариаций зонтиков полу их владельцев» (последний фиксирует банальную и всем давно известную истину, согласно которой мужчины предпочитают использовать черные зонты, тогда как женщины – разноцветные) и др. Так Сомервилл высмеивал мелкотемье эмпирической социологии.

Некоторые эмпирические исследования того периода оставляют смешанное чувство. Вот, к примеру, работа французских социологов Ж. Фриш-Готье и П. Луше «Голубеводство у шахтеров Севера»²³. Она представляет собой эмпирическое изучение роли голубеводства в жизни шахтеров северной Франции. Выполнено оно в полном соответствии с принципами и нормами социологического исследования, на большом и репрезентативном массиве. В книге убедительно доказывается, что разведение голубей – один из любимых видов досуговой деятельности шахтеров, который позволяет им хорошо отдохнуть, развлечься, затем приступить к работе с новыми силами. Авторы показывают, что голубеводство позволяет снять напряжение жизни и отношений в сфере труда,

²³ Frisch-Gauthier J., Louchet P. La colombophilie chez le mineurs du Nord. P., 1961.

особенно такого тяжелого, как шахтерский. Рассматривается отношение рабочих к этому виду времяпрепровождения, в целом весьма позитивное. Респонденты в ходе письменного (анкетного) и устного (интервью) опросов в большинстве своем отвечали, что за этим занятием они забывают об острых проблемах жизни, о тяготах подземного труда. Глядя ввысь, в небо, действительно, не думаешь о том, что происходит на земле и под землей. Так что, казалось бы, работа актуальна и подчеркивает значение эмпирической социологии как средства познания проблем, находящихся на острие жизни. Но, читая книгу, невольно задумываешься над вопросом: неужели у шахтеров нет более важных проблем в их жизни, чем разведение голубей? А куда «ушли» проблемы экономического характера, улучшения жизненного уровня трудящихся? (Не будем забывать, что исследование голубеводства было проведено в 1957 г., когда и стачки, и забастовки рабочих во Франции имели массовый, нарастающий характер).

Наконец, появляется еще один вопрос: не выступает ли в этом случае эмпирическая социология средством отвлечения от наиболее острых проблем, смещения акцентов на второстепенные вопросы? Ведь, проводя исследования, публикуя свои работы, социологи тем самым привлекают внимание к ставящимся ими проблемам как наиболее актуальным. Возникают, следовательно, объективные последствия их подходов к определению значимости исследуемого материала и проблематики. Поэтому критики «ползучего эмпиризма» и мелкотемья, а зачастую и никчемности некоторых исследований, видимо, во многом правы, усматривая причины этих явлений в социологии в отрыве от широких социально значимых проблем, в стремлении выдать подчас второстепенные вопросы за ключевые.

Одна из основных причин слабости названных «болезней» эмпирической социологии (мелкотемья, отрыва от актуальных социальных проблем, «ползучего эмпиризма» и др.) в 1940–1960-х гг. состояла в относительном параллелизме теории и эмпирии, в отсутствии механизмов их «сцепления». Поиск путей установления тесной связи между ними только начинался, и первые шаги в этом направлении были сделаны скорее представителями теоретической, чем эмпирической социологии.

Завершая главу, необходимо отметить, что в целом, несмотря на определенные слабости, эмпирические исследования, благодаря новым достижениям в методологии, методике и технике их проведения, «бросили вызов» социологической теории. Последняя не могла не поднять «перчатки». В 1930-х гг. и в последующие десятилетия, уже после окончания Второй мировой войны, последовал ее ответ. В США его авторами явились в первую очередь П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон, в Западной Европе – представители Франкфуртской социологической школы. К рассмотрению теоретической линии развития социологии мы переходим в последующих главах.

Вопросы и задания

1. Почему индустриальная социология и теория человеческих отношений приобрели большую популярность как среди социологов, так и лидеров западного бизнеса?
2. Расскажите о Хоторнском эксперименте и покажите его значение для социологии.
3. Как вы можете истолковать выводы, сделанные Мэйо в ходе Хоторнского эксперимента? Со всеми ли из них вы согласны?
4. Почему в 1930 – 1940-х гг. изучение групп становится одним из доминирующих направлений в социологии? Какие исследования в этой области социологии вам известны?
5. Охарактеризуйте социометрию и социологические взгляды ее основателя – Дж. Морено. Каково ее значение для развития социологии и социальной психологии?
6. Проанализируйте развитие отраслевых социологий в 1930 – 1940-х гг. Какие отрасли социологии развивались в этот период наиболее активно и почему?
7. Опишите возникновение и развитие военной социологии. В чем, по вашему мнению, состоит значение этой отрасли социологического знания?
8. Что вы можете рассказать о развитии социологии труда, социологии менеджмента, доктрины гуманизации труда? Сохранилось ли, по вашему мнению, их значение для современного этапа развития производства и социологической науки?
9. Покажите достижения социологической науки в области методологии, методике и техники эмпирического исследования. Какую роль в этих достижениях сыграл П. Лазарфельд?
10. Почему, характеризуя состояние эмпирической социологии в 1940 – 1960-х гг., мы говорим не только о ее расцвете, но и «болезнях»? В чем заключаются эти «болезни»? Как их следовало бы «лечить»?

Литература

- Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996.
- Антонович И.И. Пол Лазарсфельд – теоретик эмпиризма // Современная американская социология. М., 1994.
- Барзгова Е.С. Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург – Бишкек, 1997.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Дону, 1999.
- Зборовский Г.Е. История социология. М., 2007.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- История социологии. Минск, 1993.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Морено Дж. Социометрия. М., 1958.
- Морено Дж. Социометрия // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX – XX вв. М., 1994.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.

ГЛАВА 4

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: П. СОРОКИН, Т. ПАРСОНС, Р. МЕРТОН

§ 1. П. Сорокин: социологические теории американского периода творчества

- 1.1. Жизненный путь и общая характеристика творчества**
- 1.2. Основные идеи работы «Социология революций»**
- 1.3. Концепция социальной стратификации и социальной мобильности**
- 1.4. Концепция социокультурной динамики**
- 1.5. Идеи интегрализма в социологии П. Сорокина**

§ 2. Теории социального действия, социальной системы и структурно-функционального анализа Т. Парсонса

- 2.1. Жизненный путь и общая характеристика творчества**
- 2.2. Теории социального действия, социальных систем, структурного функционализма**
- 2.3. Общество и его типы**
- 2.4. Стадии эволюции обществ**

§ 3. Социологические концепции Р. Мертона

- 3.1. Жизненный путь и общая характеристика творчества**
- 3.2. Разработка теории структурно-функционального анализа**
- 3.3. Теория среднего уровня**
- 3.4. Исследование девиантного поведения и способов адаптации**

§ 1. П. СОРОКИН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ АМЕРИКАНСКОГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА

1.1. Жизненный путь и общая характеристика творчества

Питирим Сорокин, русско-американский социолог (1889 – 1968), переехал в США из Чехословакии осенью 1923 г. по приглашению ряда американских социологов (биографический очерк о жизни в России и анализ российского этапа творчества П. Сорокина см. в первой части учебника²⁴). В его автобиографическом романе «Дальняя дорога»²⁵, состоящем из пяти частей, первые три посвящены российскому периоду творчества, четвертая и пятая части – американскому. Автобиография доведена до конца 1962 г. После ее написания Сорокину было отпущено судьбой еще почти 6 лет жизни.

Первые годы американского периода деятельности он работал в университетах штатов Миннесота, Иллинойс и Висконсин, с осени 1930 г. – в Гарвардском университете, куда был приглашен возглавить новый социологический факультет, открывшийся осенью 1931 г., и где работал до выхода на пенсию. Так что все творчество в США выдающегося социолога XX в. может быть рассмотрено в рамках двух периодов – миннесотского и гарвардского.

²⁴ Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учебник для вузов. Сургут – Екатеринбург, 2014.

²⁵ Sorokin P.A Long Journey. New Haven, 1963; русские переводы: Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар, 1991; Сорокин П. Дальняя дорога. М., 1992.

Питирим Александрович Сорокин
(23 января 1889 – 10 февраля 1968)

В годы миннесотского периода (1923 – 1930) Сорокин написал две крупные работы: «Социология революций» (1925) и «Социальная мобильность» (1927). Заготовки и наброски для этих работ были сделаны еще в России. В 1929 г. вместе с К. Циммерманом он публикует книгу «Основы сельской и городской социологии», заложившей основу целого направления исследований. В последующий, гарвардский период социолог создает свою знаменитую четырехтомную «Социокультурную динамику» (1937 – 1941), а также работы «Общество, культура и личность» (1947), «Причуды и слабости современной социологии» (1956), «Современные социологические теории» (1966) и др. В 1964 г. Сорокина в возрасте 75 лет избирают президентом Американской социологической ассоциации. В 1968 г., после смерти ученого, она учреждает ежегодную премию имени П. Сорокина за лучшую книгу по социологии.

Последние два десятилетия своей жизни социолог занимался не только научным творчеством, публикуя все новые и новые труды, но и практической работой в созданном им Гарвардском центре созидательного альтруизма. В его рамках осуществлялись изучение возможностей альтруистического поведения (на основе обобщаемого опыта соответствующей деятельности) и его пропаганда. Материалы работ центра регулярно публиковались, оказали определенное влияние на общество в 1950 – 1960-х гг., однако значительного интереса, особенно со стороны социологов, не вызвали.

Умер ученый 11 февраля 1968 г. в своем доме на Клифф-Стрит, № 8 в г. Винчестере, пригороде Кэмбриджа, где прожил большую часть своей жизни в США. Дом этот он очень любил, вокруг него был разбит красивый цветник. Разведение цветов было хобби социолога, который, принимая гостей, показывал им прежде всего свои розы (считается даже, что он вывел один из новых сортов), и только потом вел в дом, в котором начиналось обсуждение интересующих визитеров проблем.

В последние годы жизни Сорокин испытывал сильную ностальгию по родине и мечтал о возможности приехать хоть ненадолго в Советский Союз. Но реализовать свою мечту ему так и не удалось (подробнее об этом см. в главе 14).

1.2. Основные идеи работы «Социология революций»

Теперь остановимся подробнее на основных идеях и теориях Сорокина, изложенных им в работах американского периода жизни и творчества. В книге «Социология революций» он доказывает, что революции и сопутствующие им войны, как правило, усиливают и ускоряют дезинтеграцию общества. Ценности и идеалы, воспроизводимые в революционный период, чаще всего иллюзорны. Их анализ позволил Сорокину сформулировать закон «социального иллюзионизма». Для доказательства действенности и жизненности этого закона он сравнивает ряд лозунгов, выдвинутых Февральской и Октябрьской революциями в России 1917 г., с действительностью, наступившей через два–три года. Так, ставилась задача ликвидировать, разрушить пирамиду социального неравенства, но вместо одного неравенства появилось другое – у людей не стало даже формальных прав, включая право на жизнь. Обещали всем хлеба – получили голод и вымирание. Хотели и обещали уничтожить капитализм – разрушили средства производства и обращения.

Как теперь выясняется, закон социального иллюзионизма активно «работает» в странах, оторванных от достижений мировой цивилизации в области свободы и демократии. Пример тому – наша страна. Даже если взять послесталинский период ее развития, иллюзии и их постоянная пропаганда имели место во времена и Н.С. Хрущева, и Л.И. Брежнева, и М.С. Горбачева. Первый обещал современному ему поколению людей, что они будут жить при коммунизме, а последний – дать каждой семье к 2000 г. отдельную квартиру. Чем это все кончилось, каждому хорошо известно. Так что сорокинский закон социального иллюзионизма оказался достаточно действенным.

Социолог отмечает, что революции, несмотря на побуждения самих революционеров, изменяют поведение людей не в лучшую сторону, культивируя вражду, ненависть, злобу, обман, разрушение. Освободиться от этих явлений никому не дано, они неизбежны, ибо революции биологизируют и даже криминализируют поведение людей. Они приводят к установлению авторитарного режима, который держится на культивировании образа врага и поддержании дефицита. Сорокин прогнозировал падение власти коммунистов в России в связи с прекращением войны и ростом «сытости» населения, однако ошибся в сроках, полагая, что это произойдет достаточно быстро.

Еще один закон, сформулированный Сорокиным для общества кризисного периода, был назван им законом позитивной и негативной поляризации. В соответствии с этим законом люди во время кризисов ведут себя неоднозначно: одна часть общества становится более склонной к социальной аномии (негативный полюс), другая – к моральному совершенствованию и религиозности (позитивный полюс). Индивиды могут тяготеть либо к одному, либо к другому полюсу. Это значит, что в обществе может наблюдаться рост ожесточения, криминальных деяний, эгоизма, самоубийств, тупой покорности судьбе, равно как и активизация творческих усилий, альтруизма, стремления жить по моральным заповедям, неинституционализированной религиозности и т. д.

Реформы общества в условиях его кризиса должны исходить, по мнению Сорокина, из интегральной сущности человека и ни в коем случае не препятствовать его базовым инстинктам. Для этого, как минимум, необходимо, чтобы: а) сущности человека соответствовала форма производства и распределения благ; б) государство в конечном счете стимулировало творческую активность населения; в) утвердился морально-правовой порядок, единый как для власти, так и для населения. Сорокин утверждал в связи со сказанным, что в форму производства должна быть заложена постоянно действующая пружина, именуемая «личным интересом» работника. Как видно, идеи интегральной сущности человека, которые стали затем одним из лейтмотивов всего творчества Сорокина, были сформулированы еще в ранних работах мыслителя.

1.3. Концепция социальной стратификации и социальной мобильности

Важнейшая социологическая концепция, раскрытая им в книге «Социальная мобильность» (1927), посвящена анализу и изложению основ собственной теории социальной стратификации и социальной мобильности²⁶. В книге предлагается следующее определение социальной стратификации: «Социальная стратификация означает дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы. Она проявляется в наличии высших и низших слоев. Ее основа и сама сущность состоит в неравномерном распределении прав и привилегий, обязанностей и ответственности, социальных благ и лишений, социальной власти и влияния среди членов того или иного сообщества»²⁷. Говоря о многочисленных конкретных ипостасях социальной стратификации, Сорокин сводит их многообразию к трем ее основным формам: экономической, политической и профессиональной.

Социолог доказывает, что социальная стратификация – это постоянная характеристика любого организованного общества. Она есть всюду – в экономике и политике, науке, культуре и образовании, менеджменте и банде преступников. Нестратифицированного общества не бывает. Невозможно рассматривать изменения в положении социальных групп и слоев, если не представлять себе четко сами эти слои (страты).

Столь же нормальным и естественным состоянием общества является социальная мобильность. Под ней Сорокиным понимается «любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, –

²⁶ Сорокин П. Социальная мобильность. М., 2005.

²⁷ Там же. С. 9.

из одного положения в другое»²⁸. В соответствии с его концепцией мобильность различается по направленности (горизонтальная и вертикальная, последняя рассматривается им в двух плоскостях – как восходящая и нисходящая), по форме (коллективная и индивидуальная), по интенсивности и масштабности. Горизонтальная мобильность предполагает переход из одной социальной группы в другую, но на том же уровне социальной стратификации. Вертикальная мобильность означает перемещения индивида (группы) из одного пласта в другой (если вверх, то это будет восходящая мобильность, если вниз – то нисходящая).

Вертикальная мобильность рассматривается социологом в трех аспектах, соответствующих трем формам социальной стратификации, – политическом, экономическом, профессиональном. Он определяет основные механизмы мобильности, с помощью которых преодолеваются «сита», как бы просеивающие индивидов. Это семья, школа, церковь, армия, всевозможные профессиональные, экономические и политические организации. При рассмотрении названных структур в русле вертикальной мобильности Сорокин анализирует их в качестве «каналов социальной циркуляции». Так, характеризуя в этом плане школу, он пишет: «В обществах, где "школы" были доступны всем членам, школьная система представляла собой "социальный лифт", передвигающийся с самых нижних этажей общества до самых верхних. В обществах, где школы вообще или школы привилегированные доступны только их высшим слоям, школьная система представляет собой лифт,двигающийся только в пределах верхних этажей социального здания, перевозящий вверх и вниз лишь обитателей этих верхних этажей. Но даже в таких обществах некоторым индивидам из низших слоев общества удавалось проникнуть в этот школьный лифт и благодаря ему возвыситься»²⁹.

На базе богатого эмпирического материала Сорокин делает вывод, что в любом обществе социальная циркуляция индивидов и их распределение осуществляется не по воле случая, а по необходимости, и при этом строго контролируется разнообразными институтами. При этом он доказывает, что «церковь, семья и школа, а также профессиональные организации выступают не только средствами образования и воспитания человеческих существ, – помимо этого они выполняют функции социального отбора и распределения членов общества. Эти функции имеют чрезвычайно большое социальное значение, едва ли не меньшее, чем образование и воспитание»³⁰.

1.4. Концепция социокультурной динамики

Основные теоретические концепции Сорокина были направлены на объяснение эволюционных изменений в обществе через трансформации культуры. Социолог пишет, что «в самом широком смысле слова культуру можно трактовать как некую совокупность, которая создана или модифицирована в результате сознательной или бессознательной деятельности двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением»³¹.

Теория социокультурной динамики не случайно занимает центральное место в социологическом творчестве Сорокина. В ней заметно стремление социолога проанализировать источники и движущие силы социальных изменений и их диалектику в обществе. Признавая большую роль теорий, в которых подчеркивается значение географического, биологического и психологического факторов в социокультурном изменении, он считает, что «основные достижения и основной взгляд принадлежат социологическим теориям, которые рассмотрели различные социальные и культурные факторы как главные движущие силы социокультурного изменения»³².

Анализируя общественную реальность в историческом срезе, Сорокин характеризовал ее как иерархию различных социальных и культурных систем, начиная с мелких и кончая самыми крупными и объемными – суперсистемами. Последние существуют на протяжении столетий, охватывают все виды социальных взаимодействий, все формы материальной и духовной жизни людей, включая науку, искусство, религию, язык и т. д. В процессе анализа суперсистем Сорокин особое

²⁸ Сорокин П. Социальная мобильность. М., 2005. С. 119.

²⁹ Там же. С. 154 – 155.

³⁰ Там же. С. 193 – 194.

³¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. С. 33.

³² Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 386.

внимание уделяет характеристике культурных суперсистем, где главную роль играют ценности. Эта категория занимает в концепции социокультурной динамики одно из центральных мест, о чем чуть ниже будет специально сказано.

В каждую историческую эпоху, согласно трактовке социолога, доминирует и господствует одна из культурных суперсистем, в структуре которой можно обнаружить как остатки ее «предшественницы», так и ростки «наследницы». Этот поиск составляет важную задачу социологии и должен осуществляться, в соответствии с концепцией ученого, сквозь призму анализа ценностей различного характера, к числу которых в первую очередь относятся нормы (как правовые, так и в особенности культурные и моральные).

Сорокин рассматривал исторический процесс через призму движения типов культур, каждый из которых выступает как определенная целостность. Таких основных типов социолог выделяет три: чувственный, рациональный (умозрительный), идеациональный. Первый характеризуется преобладанием непосредственного чувственного восприятия действительности, второй – господством рационального мышления, третий – доминантой интуиции. Каждый из этих типов культуры находится в развитии и присущ человеческому обществу на различных этапах его прогресса.

Рассматривая процесс перехода от чувственной культуры к идеациональной, Сорокин писал: «Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает спускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующий новое поколение – людей будущего»³³.

В соответствии с концепцией социокультурной динамики все люди, так или иначе, вступают в систему социального взаимодействия под влиянием целого ряда факторов: бессознательных (рефлексы), биосознательных (голод, жажда, половые влечения) и социосознательных (значения, нормы, ценности) регуляторов. Система последней группы регуляторов есть культурное качество. Каждая эпоха вырабатывает свои культурные качества, которые меняются от одной из них к другой и определяют типы социокультурной динамики. На основании таких качеств создаются образцы культурной жизни.

Центральная категория в концепции социокультурной динамики Сорокина – ценности. Их классификация представлена четырьмя группами. Первая включает ценности, возникающие в результате познавательной деятельности (основная среди них – истина), вторая охватывает ценности эстетического удовлетворения (центральная – красота), третья касается ценностей социальной адаптации и морали (доминанта – добро), четвертая группа предполагает наличие ценностей, объединяющих все в единое целое (польза). Любую социально значимую человеческую активность и деятельность можно объяснить с помощью этих поистине универсальных категорий, наиболее интегральной среди которых, по мнению Сорокина, является польза.

Интерес социолога к проблемам социокультурной динамики был связан в значительной степени с кризисом современной ему культуры, понимаемой в самом широком смысле слова – вплоть до почти полного отождествления культуры и общества (о чем им написана книга «Кризис нашего века», изданная в Нью-Йорке в 1941 г., а затем и еще одна работа – «Общество, культура, личность»). Социолог стремился обосновать возможность преодоления кризиса культуры и общества посредством «моральной реконструкции человечества», в которой значительная роль уделялась реализации идеи интегрализма.

1.5. Идеи интегрализма в социологии П. Сорокина

Сквозь всю теоретическую социологию Сорокина красной нитью проходит идея интегрализма. По сути она оказалась сквозной для всего творчества ученого, коснувшись различных социальных субъектов, процессов и структур. Наиболее ярко она проявилась, пожалуй, в анализе личности и общества. «Новая интегральная теория личности, – писал ученый, – не отрицает,

³³ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

что человек является животным организмом, наделенным «бессознательным», рефлексивно-инстинктивным механизмом тела, но она подчеркивает, что, помимо этой формы бытия, человек является сознательным, рациональным мыслителем и сверх-сознательным творцом или духом»³⁴.

Человек интегрален, считал социолог, прежде всего по своей природе, которая складывается под комплексным влиянием ряда факторов космического, биологического, психологического, социокультурного характера. Для получения истины, являющейся главной целью деятельности человека, он пользуется тремя основными каналами – чувствами, разумом, интуицией. В результате их интегрального использования знание о мире человека становится полным. Прочитируем в этой связи самого Сорокина: «Истина, полученная с помощью интегрального использования всех трех каналов познания – чувства, разума и интуиции – это более полная и более ценная истина, нежели та, которая получена через один из этих каналов. История человеческого знания – это кладбище, заполненное неправильными эмпирическими наблюдениями, неправильными рассуждениями и псевдоинтуициями. При интегральном использовании этих трех каналов познания они дополняют друг друга и контролируют»³⁵.

Говоря о теории интегрального типа общества Сорокина, следует отметить, что в ней он стремился представить свой вариант будущего. В 1960-х гг. в ряду концепций конвергенции (сближения, соединения обществ и стран с различным социальным строем) она занимала одно из центральных мест благодаря реалистическому подходу к пониманию взаимосвязи различных организаций и систем общественной жизни и необходимости использования лучших достижений каждой из них в интересах человечества. В отечественной литературе 1960 – 1970-х гг. эта теория подвергалась критике, подчас огульной и необоснованной.

Между тем ряд положений, касающихся действительных завоеваний человеческого общества, отражал реализм подхода Сорокина. Это, в частности, касается плюрализма форм собственности и политической структуры, стимулирования труда и экономической дисциплины, отношений с другими странами и способов планирования и т. д. Доказательством концептуальной значимости социологической теории является то, что человечество, пусть трудно, медленно, мучительно, но все же продвигается по пути интеграции.

Интегральная теория общества Сорокина была положена в основу его заглавного доклада VI Всемирному социологическому конгрессу, проходившему в 1966 г. во французском городе Эвиане. В это время социолог уже тяжело болел и не сумел приехать на конгресс. От его имени доклад был зачитан одним из членов американской делегации и распространен в письменной форме как документ конгресса для обсуждения его участниками. Доклад был посвящен проблеме единства и многообразия в социологии. В нем Сорокин сравнивал социологию с двуликим Янусом, одно лицо которого – единство, другое – разнообразие.

В то время призыв ученого к конвергенции социологии, сближению и единению ее представителей из разных стран был воспринят рядом отечественных авторов, в том числе и участников конгресса, как крайне реакционный и подвергнут резкой критике. Однако прошедшие годы показали, что Сорокин был прав. Время же для действительного единства в социологии при всем многообразии позиций приходит только теперь. Это единство в многообразии становится возможным благодаря возникновению новой атмосферы в науке в целом, в социологии в особенности.

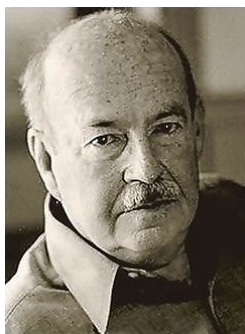
§ 2. ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ, СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА Т. ПАРСОНСА

2.1. Жизненный путь и общая характеристика творчества

Талкотт Парсонс (1902 – 1979) родился в США (Колорадо-Спрингс). Детство провел в спокойной, стабильной, мелкобуржуазной атмосфере Среднего Запада, где господствовали протестантизм и пуританство. В 1920 – 1924 гг. получил образование в Амхерстском колледже (Гарвард), затем в Лондонской школе экономики, Гейдельбергском университете (1925 – 1926).

³⁴ Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1993. С. 143.

³⁵ Сорокин П. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134.

Толкотт Парсонс
Talcott Parsons
(13 декабря 1902 – 8 мая 1979)

В Гейдельбергском университете он защитил докторскую диссертацию по экономике. С 1927 г. преподавал экономику в Гарвардском университете. Там же в 1931 г. он перешел работать на социологический факультет, где познакомился с Сорокиным. В этом университете Парсонс проработал 42 года и ушел в 1973 г. на пенсию. В 1944 г. он был назначен деканом социологического факультета Гарвардского университета. Избирался президентом социологического сообщества восточных штатов США, а в 1949 г. – президентом Американской социологической ассоциации. В 1967 г. Парсонс был избран президентом Американской академии наук и искусств, причем он был первым из обществоведов, оказавшихся во главе этого очень престижного творческого сообщества. Умер ученый в Мюнхене.

Будущий социолог начинал свою карьеру как экономист. Находясь в Англии, он познакомился с работами А. Маршалла, обучаясь в Германии – с трудами Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера, также оказавшими на него большое влияние. Кстати, свою первую и, пожалуй, главную книгу «Структура социального действия» (1937) он начинает с вопроса «Кто сейчас читает Зиммеля?». Эта книга считается одним из лучших теоретико-социологических произведений XX века. Сам Парсонс считал «Структуру социального действия» главным поворотным пунктом в его профессиональной карьере³⁶.

Основные работы, помимо названной: «Социальная система» (1951), «К общей теории действия» (совместно с Э. Шилзом, 1951), «Общества: эволюционные и сравнительные перспективы» (1966), «Социологическая теория и современное общество» (1967), «Социальная структура и личность» (1970), «Социальная система и эволюция теории действия» (1977), «Теория действия и человеческое состояние» (1978). На русском языке изданы две большие работы американского социолога³⁷. Некоторые переводы Парсонса на русский язык содержатся также в ряде книг³⁸. Его работы сложны для восприятия и пользуются дурной славой трудных для понимания теорий.

Американский социолог в своей жизни, бедной внешними событиями (по существу почти всю свою творческую жизнь он провел в одном – Гарвардском – университете) испытал и бремя славы и популярности, когда практически не было крупных работ в социологии, в которых на него не ссылались бы, и полосу сильной критики и принижения значения его трудов (1970-е гг.). Но он всегда верил в то, что его идеи и концепции окажутся полезными и для социологической науки, и для общества в целом.

Назовем основные концепции, созданные Парсонсом. Это – теории социального действия, социальной системы, структурный функционализм. В методологическом отношении они тесно связаны между собой, причем первая является базовой. Изложение содержания каждой из этих теорий, не затрагивающее тех или иных характеристик остальных двух, по существу невозможно. Тем более что в творчестве социолога они исторически «нанизывались» одна на другую именно в той последовательности, в какой выше названы.

В целом социология американского ученого, посвященная анализу общества и его эволюционного развития, направлена на обоснование стабильности, интеграции, порядка и равновесия в нем. Его творчество – пример развития чистой теории, причем носящей достаточно абстрактный характер. Когда у Парсонса однажды спросили, почему он занимается такой общей и абстрактной

³⁶ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

³⁷ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997; Он же. О структуре социального действия. М., 2000.

³⁸ Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. М., 1968; Американская социологическая мысль. М., 1994.

теорией, он полушутя ответил, что к тому времени, когда ему нужно было заниматься изучением общества, все частные области социологической теории были уже разобраны, и ему ничего не оставалось делать, как заинтересоваться общей теорией.

Продолжая тему шуток в связи с абстрактным характером теорий Парсонса, следует отметить, что он (абстрактный характер теорий) неоднократно выступал объектом иронии. Приведем один из таких примеров. Он связан с ответом Р. Мертон на вопрос известного отечественного социолога и социального психолога Г.М. Андреевой. Как-то раз во время своего визита в Советский Союз (это было в 1960-х гг.) Мертон выступил в Институте философии АН СССР с докладом о состоянии современной социологической теории. После доклада ему был задан ряд вопросов. Один из них принадлежал Андреевой и касался трудностей в понимании абстрактных теорий Парсонса. Вопрос звучал примерно так: «Господин Мертон! Как Вам удастся понять смысл и содержание теорий Парсонса? Когда я его читаю, то понимаю не больше, чем на 10 %». Мертон, с присущим ему чувством юмора, незамедлительно отреагировал: «Вы знаете, когда я его читаю, то понимаю не больше, чем на 20 %. Но я думаю, что когда Парсонс читает сам себя, то понимает свои теории не больше, чем на 30 %».

Множество теоретиков повлияли на становление взглядов Парсонса. Среди них в первую очередь – Э. Дюркгейм и М. Вебер. Особенно это касалось теорий социального действия и структурно-функционального анализа. Но не только они. Нельзя не назвать концепций В. Парето и А. Маршалла, когда речь идет о системном подходе к обществу и его структурам. Серьезное влияние оказала на взгляды ученого, касающиеся социокультурного развития общества, британская социальная антропология, прежде всего творчество двух ее наиболее известных представителей – Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна. Сам Парсонс определял свою социологическую теорию как синтез трех направлений: структурно-функционального анализа Дюркгейма, теории социального действия Вебера, социальной антропологии Малиновского и Радклифф-Брауна³⁹.

Выявление идейных истоков «великой теории» Парсонса (как ее чаще всего характеризуют в США) важно для понимания того существенного обстоятельства, что американская социологическая теория (которую, как правило, социологи этой страны называют самобытной, оригинальной, определившей на многие десятилетия вперед развитие теоретической социологии в целом во всем мире) возникла на базе европейских теоретических традиций в социологии, заложенных Дюркгеймом, Вебером, Парето и другими крупными ее представителями.

Основное содержание работ Парсонса составляет по существу тот же ряд идей, что был характерен для них. Социолог видел социальный мир в понятиях человеческих идей – ценностей, норм, значений. Он обращал основное внимание на организацию человеческих актов в системы действия. При этом систему он понимал как совокупность взаимосвязанных частей, несводимых к их простой сумме. В этом смысле он уподоблял общество как систему живому организму. Вводя понятия «система» и «функция», Парсонс пытался ответить на вопрос, поставленный еще Т. Гоббсом: «Как возможен социальный порядок?». Основной ответ состоял в том, что система стремится к равновесию, сбалансированности частей, сохранению собственной независимости.

2.2. Теории социального действия, социальных систем, структурного функционализма

Теперь о существовании основных теорий Парсонса. Начнем с первой – теории социального действия, а затем последовательно охарактеризуем идеи, выдвинутые в концепциях социальной системы и структурного функционализма. Суть этой теории (ее основные положения были изложены впервые в работе Парсонса 1937 г. «Структура социального действия») сводится к следующему. Любое социальное действие предполагает наличие, во-первых, действующего лица (актера), во-вторых, конкретной ситуации, в-третьих, условий действия, состоящих из его цели и нормативных предписаний. «Действие – это некоторый процесс в системе "субъект действия – ситуация", имеющий мотивационное значение для действующего индивида или – в случае коллектива – для составляющих его индивидов», – писал американский социолог⁴⁰.

³⁹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 676.

⁴⁰ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 463.

Само действие, которому Парсонс придает ключевое значение, выступает как самоорганизующаяся система, характеризующаяся наличием символических механизмов регуляции (языка, ценностей и др.), нормативностью (зависимостью действия от принятых в обществе норм и ценностей), автономностью (независимостью от условий среды). Действие включает в себя минимум «конкретных элементов» – «конкретную цель, конкретные средства, конкретные условия (включая институциональные правила) и конкретную норму, управляющую отношениями между средствами и целью. Собственно говоря, это и есть элементарные единицы анализа...»⁴¹. В своей совокупности и взаимосвязи они позволяют рассматривать социальное действие как систему.

Таким образом, всей логикой своего анализа американский социолог должен был неминуемо прийти от теории социального действия к теории социальной системы, что и произошло на самом деле. Не случайно вслед за «Структурой социального действия» появилась другая, пожалуй, не менее фундаментальная работа «Социальная система» (1951). На разработку Парсонсом теории социальной системы серьезное влияние оказали труды основателя системного подхода Л. Берта-ланфи и «отца» кибернетики Н. Винера.

Главная задача, которая стояла перед социологом при развитии системного подхода применительно к анализу общества, состояла в обосновании возможности сохранения в нем равновесия, порядка, согласованности, сбалансированности частей – с учетом того доказанного наукой положения, что закрытые системы стремятся к росту энтропии (другими словами, беспорядка). Путь анализа, избранный Парсонсом, состоял в доказательстве того, что общество является не только закрытой (в определенных смыслах), но и открытой системой, в которой порядок возможно (и необходимо) постоянно поддерживать за счет поиска путей, условий, факторов его взаимодействия с окружающей средой.

Социальные системы у Парсонса предстают как открытые системы, находящиеся в ситуациях постоянного взаимообмена на входах в окружающую среду и выходах из нее. Они изначально дифференцированы на различные подсистемы, которые также постоянно вовлечены в процессы взаимообмена. В этом смысле социальные системы и подсистемы образуются за счет процессов социального взаимодействия между действующими субъектами⁴².

В первой главе «Социальной системы» Парсонс указывает, что «сведенная к самым простым понятиям социальная система состоит из множества индивидуальных действующих лиц...». Далее он пишет: «Понимаемая таким образом социальная система является всего лишь одним из трех аспектов сложной структуры конкретной системы действия. Два других аспекта представляют собой системы личности отдельных действующих лиц и культурную систему, на основе которой строится их действие. Каждая из этих систем должна рассматриваться как независимая ось организации элементов системы действия в том смысле, что ни одна из них не может быть сведена к другой или к их комбинации. Каждая из систем необходимо предполагает существование других, ибо без личностей и культуры не может быть социальной системы. ...Система координат действия является общей для всех трех, благодаря чему между ними оказываются возможными определенные трансформации»⁴³.

Как видно, центральное место в теориях социального действия и социальной системы занимает понятие «система действия». Под ней Парсонс понимает различные уровни социальной реальности, определенным образом взаимосвязанные между собой. В дальнейшем анализе он выделяет уже не три, а четыре основные системы действия: социальная система, культура, личность, организм.

По отношению к каждой из названных систем все остальные выступают ее средой. Так, средой социальной системы являются культура, личность, организм; средой личности – соответственно социальная система, культура, организм; средой культуры – социальная система, личность, организм; средой организма – социальная система, культура, личность. Особое значение придавалось социальной системе, поскольку было замечено и доказано, что она является «независимым центром реальной эмпирической организации действия и теоретического анализа»⁴⁴.

Важнейшая особенность любой системы – наличие в ней структуры, под которой Парсонс понимает «совокупность относительно устойчивых стандартизированных отношений между элементами. А поскольку элементом социальной системы является актор, то социальная структура представляет собой стандартизированную систему социальных отношений между акторами»⁴⁵.

⁴¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 280 – 281.

⁴² Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 18.

⁴³ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 464.

⁴⁴ Там же. С. 475.

⁴⁵ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 405.

Чтобы каждая из названных выше систем действия нормально функционировала, необходимо «соблюдение» ими четырех условий, четырех системных требований: а) каждая система должна приспосабливаться к своему окружению (потребность адаптации); б) каждая система должна иметь значения (средства) для достижения целей и мобилизации своих ресурсов (потребность целедостижения или целеполагания); в) каждая система должна поддерживать свое единство и внутреннюю координацию своих частей (потребность интеграции); г) каждая система должна стремиться к состоянию равновесия (потребность к поддержанию и соблюдению ценностного образца системы).

В работах последующих лет, прежде всего в книге «Общества: эволюционные и сравнительные перспективы» (1966) Парсонс стремится соединить в анализе четыре основных системы действия (социальная система, культура, личность, организм) и функциональные категории (адаптация, целедостижение, интеграция, поддержание ценностного образца). В краткой, лапидарной форме эта связь находит у него следующее выражение: «В рамках систем действия культурные системы специализируются на функции поддержания образца; социальные системы – на интеграции действующих единиц (человеческих индивидов) или, точнее, личностей, исполняющих роли; системы личности – на достижении цели; а поведенческий организм – на адаптации»⁴⁶. В дальнейшем американский социолог дает развернутый анализ всех четырех систем действия и их роли в обществе.

Функциональная характеристика систем действия позволяет выявить некоторые важные связи между элементами структуры общества, такими, как функции, подсистемы, социальные институты, действующие субъекты (акторы), исполняющие определенные социальные нормы и роли. В приводимой ниже таблице 2 можно конкретно увидеть основные элементы четырехфункциональной модели социальной системы Т. Парсонса.

Таблица 2

Модель социальной системы

<i>Функции</i>	<i>Подсистемы</i>	<i>Социальные институты</i>	<i>Действующие субъекты (акторы)</i>
Адаптация	Экономика	Заводы, банки	Предприниматель-работник
Целедостижение	Политика	Партии, движения	Функционер-рядовой член
Интеграция	Социальный контроль	Государственный аппарат	Чиновник-гражданин
Поддержание ценностного образца	Социализация	Семья, школа, религия	Учитель-ученик

Названные в модели «функциональные императивы» (адаптация, целедостижение, интеграция, поддержание ценностного образца) являются, с точки зрения Парсонса, основными условиями для соблюдения в обществе равновесия как главной характеристики любой социальной системы, которая стремится к порядку и устойчивости. Для достижения этой цели служат подсистемы экономики, политики, институты социального контроля и социализация. Каждая подсистема использует для реализации своих задач и решения основных функциональных проблем соответствующие социальные институты (экономика – заводы, банки и др., политика – партии и движения и т. д.). Наконец, для понимания модели социальной системы необходимо иметь в виду исполнителей основных социальных ролей, которые тесно связаны с соблюдением соответствующих норм поведения.

2.3. Общество и его типы

Рассматривая концепцию социальной системы Парсонса, следует остановиться на его понимании общества. Социолог связывает понятия социальной системы и общества, но не сводит их друг к другу. Он считает, что общество является особым типом социальной системы – социальной системой, достигшей наивысшего уровня самодостаточности, «саморавновесия» в отношении к своему окружению. «Общество, – писал Парсонс, – это такой тип социальной системы среди любого универсума социальных систем, который достигает самого высокого уровня самодостаточности как система по отношению к своему окружению»⁴⁷.

⁴⁶ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 497.

⁴⁷ Там же. С. 499.

Что такое «самодостаточность» общества? У Парсонса это понятие «работает», когда рассматривается отношение общества к окружающей его среде. Он указывает, что «самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимобмена и способность контролировать взаимобмен в интересах своего функционирования»⁴⁸. Среду в этом контексте социолог рассматривает прежде всего как физическую, она имеет для общества адаптивное значение в том смысле, что является источником материальных ресурсов, которые используются обществом через производственные, технологические и экономические механизмы. У физической среды есть и второй значимый для общества аспект, в соответствии с которым «эффективное социетальное целедостижение нуждается в контроле за действиями в пределах определенной территории. Поэтому мы имеем дело с двумя проявлениями самодостаточности общества, которые относятся соответственно к экономическому и политическому функционированию в отношениях с физическим окружением – через технологию и организованное использование силы при исполнении военных и полицейских функций»⁴⁹.

С точки зрения общей теории действия американского социолога общество не есть совокупность индивидов. Тела и личности людей выступают внешним окружением социальных систем и не могут поэтому включаться в понятие общества. Ядром самой социальной системы выступает, по Парсонсу, система нормативных образцов («структурированный нормативный порядок»), посредством которых упорядочивается и организуется совместная жизнедеятельность индивидов⁵⁰. Главными чертами этой системы являются, в соответствии со взглядами Парсонса, упорядоченность отношений между людьми и коллективность их существования.

Типологию общества американский социолог рассматривает в соответствии с типологией социальных действий, критериями которых выступают четыре пары переменных значений: универсализм – партикуляризм, достижение – предписание, эмоциональность – эмоциональная нейтральность, диффузность – специфичность. На перекрестье первых двух пар появляются четыре типа общества: общества универсалистского образца достижения, общества универсалистского образца предписания, общества партикуляристского образца достижения, общества партикуляристского образца предписания.

Первый тип – к нему относятся общества универсалистского образца достижения – характеризуется стремлением большей части населения стран этого типа к достижению и успеху. Названные две цели по существу превращаются в самоцель общественного развития, интегрирующую вокруг себя все общество. Характер деятельности общества такого типа определяется прежде всего инструментальными ценностями и действиями людей, преследующих получение конкретной пользы. Вся система социальной стратификации в нем, «расположение» социальных слоев относительно друг друга обусловлены прежде всего результатами их деятельности, реальными достижениями и успехами. Ими же определяются статусные и ролевые характеристики людей, их шансы на продвижение и карьеру. Нетрудно догадаться, что образцом такой страны Парсонс считает прежде всего США.

Второй тип охватывает общества универсалистского образца предписания, которые характеризуются тенденцией соответствующих стран к установлению тоталитарных и авторитарных режимов, диктующих (предписывающих) населению нормы и ценности поведения во всех сферах жизнедеятельности и построенных на действии системы жесткого социального контроля. Статусно-ролевые характеристики общества этого типа базируются не на признании индивидуальных заслуг и успехов, а на увязывании результатов деятельности отдельных людей с их коллективами. Отсюда проистекает жесткая социальная и идеологическая дихотомия, деление на «тех, кто с нами», и «тех, кто против нас». Отнесение людей к той и другой группе может иметь зачастую достаточно произвольный характер, что предполагает возможность постоянного нарушения и даже извращения системы правовых и моральных норм в обществах такого типа. Наиболее яркими примерами стран, относящихся к этому типу обществ, являются для Парсонса Советский Союз и фашистская Германия, которые он во многих отношениях ставил в один ряд.

К третьему типу относятся общества партикуляристского образца достижения. Если в обществах предшествующих двух типов всеобщий, универсальный характер приобретали достижения (в первом случае) и предписания (во втором случае), то в странах третьего типа имеет смысл говорить о достижениях в каких-то ограниченных сферах жизни. Это могут быть также общества, экономика которых имеет монокультурный характер. В качестве исторического примера такого типа общества Парсонс приводил древний Китай, в котором семейные и общинные связи имели определяющее значение для жизни всей страны, поскольку пронизывали всю структуру и иерар-

⁴⁸ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 20.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 500.

хию социальных взаимодействий (вплоть до власти императора). Господствовала строгая субординация отношений, не принимавшая в расчет ориентацию отдельных людей на достижения и успех в конкретных видах деятельности.

Наконец, к четвертому типу Парсонс относил общества партикуляристского образца предписания. В странах этого типа у людей отсутствует ориентация на достижения, а предписания имеют ограниченный характер. Для населения особенно характерно пассивное и даже негативное отношение к труду. Длительное сохранение и часто консервация традиций образа жизни приводят к недостаточной выраженности социальной структуры и ее медленному, нединамичному изменению. В таких условиях, считает социолог, возможны узурпация власти и установление диктатуры отдельных режимов. Поскольку они не обладают широкой социальной базой и массовой поддержкой населения, являясь к тому же коррумпированными по своей сути, на смену им могут приходиться через незначительный промежуток времени другие аналогичные диктаторские режимы. Типичным примером обществ такого типа Парсонс считал многие страны Латинской Америки.

Предложенная американским социологом классификация обществ, построенная на использовании парных «типовых переменных» (универсализм – партикуляризм, достижение – предписание), имеет достаточно широкий и абстрактный характер. Вместе с тем, она позволяет увидеть некоторые общие, типичные для ряда стран принципы их функционирования и развития, связанные с их как экономическими, так и политическими характеристиками.

При всей сложности теоретических построений ученого в них проходит лейтмотивом главная задача социологии – исследование структур и механизмов, которые обеспечивали бы устойчивость общества как социальной системы. Общество выступает в качестве структуры взаимосвязанных четырех основных элементов: ценностей, норм, ролей и коллективных организаций. Ценности Парсонс рассматривает как главный связующий элемент социальной и культурной систем. Нормы, в отличие от ценностей, характеризуются им как преимущественно элементы социальной системы. Роли выступают элементом, связывающим личность с обществом, а коллективная организация скрепляет внутрисоциальную структуру.

Каждый из этих элементов, согласно концепции американского социолога, может быть соотнесен с основными функциональными категориями. Так, нормы осуществляют преимущественно функцию интеграции, ценности поддерживают образцы функционирования социальной системы, коллективные организации связаны с реальным достижением целей в интересах этой системы, а роли направлены на эффективность адаптации личности⁵¹.

Акцентируя в структурно-функциональном анализе первую его часть – структурность (в отличие от Мертона, подчеркивавшего значимость второй стороны – функций социальной системы), Парсонс делал упор на доказательстве стабильности структуры применительно к рассматриваемым им социальным системам. Определяя понятие стабильности системы в ее взаимосвязи со структурой, социолог писал: «Система стабильна или находится в относительном равновесии, если отношение между ее структурой и процессами, протекающими внутри нее, и между ней и окружением таково, что свойства и отношения, названные нами структурой, оказываются неизменными»⁵².

На решение задачи обоснования стабильности системы и был направлен структурно-функциональный анализ, в соответствии с которым общество и его подсистемы рассматривались сквозь призму их структур с точки зрения выполнения ими определенного набора функций. При этом встречаются разные сочетания структурного и функционального аспектов анализа социальных явлений. При структурном подходе объект рассматривается путем дифференциации его на ряд взаимосвязанных элементов, при функциональном – выявляются связи между элементами в целом.

В 1960-х гг. стало очевидным, что при таком толковании социальных процессов, как у Парсонса, трудно объяснить противоречия, конфликты, дестабилизацию, многие аномальные явления. Появилась необходимость в углублении структурно-функционального анализа. Мертон сделал это за счет широкого использования понятий дисфункций (неблагоприятных последствий), явных и латентных функций (осознаваемых и неосознаваемых последствий). Парсонс же искал другие пути усиления своей концепции.

⁵¹ См. подробнее об этом: Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 512; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 18 – 19.

⁵² Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 479.

2.4. Стадии эволюции обществ

Так возник его неэволюционизм, связанный с анализом структурной дифференциации общества. С точки зрения эволюционной характеристики она означала поэтапное – от примитивного состояния общества (первый этап) через промежуточное (второй этап) к современному (третий этап) – усложнение социальной структуры, уменьшающее стабильность общества и его подсистем. Если в примитивном обществе дифференциация отсутствует, то в промежуточном типе обществе она начинает постепенно проявлять себя, но по-настоящему дает о себе знать в современном обществе. «При переходе от первобытного к промежуточному обществу, – писал Парсонс, – ключевую роль играет язык, который является прежде всего частью культурной системы. При переходе от промежуточного к современному обществу такую роль играет институционализация кодов нормативного порядка, присущего социетальной структуре и связанного с системой права»⁵³.

Существенную роль при переходе от первобытного общества к промежуточному играет письменность, поскольку она «способствует независимости культурной системы от более преходящих потребностей общества»; закон же, развившись до необходимого уровня при переходе к современному обществу, «содействует независимости нормативных компонентов социальной структуры от принуждения политических и экономических интересов»⁵⁴.

Особое внимание ученый уделяет эволюции современного общества, которое в процессе развертывания, перехода от одного этапа к другому испытывает на себе последовательную смену революций. Конечно, речь при этом не идет о марксовом понимании социальной революции. Парсонс говорит о трех революциях современного общества – промышленной, демократической и образовательной. Промышленная революция «отделяет» одну от другой, дифференцирует экономическую и политическую системы общества. Демократическая революция разделяет политическую и социальную системы. Образовательная революция преследует цель отделить систему воспроизводства культуры от социальной системы.

Обращает на себя внимание теоретическая постановка проблемы о соотношении эволюции и революции в жизни современного общества. В теоретической социологии Парсонс был одним из первых среди тех, кто не просто обратил внимание на наличие такой проблемы, а раскрыл реальные механизмы взаимодействия эволюции и революции и показал, как можно их исследовать.

Промышленную революцию он тесно связывает с появлением и развитием системы фабричного производства, рыночных и кредитно-финансовых отношений. Именно они привели к дифференциации социальной структуры, появлению новых профессиональных ролей, возникновению наций. На базе промышленной революции стала возможной революция демократическая, означавшая значительное возрастание свободы человека, демократического контроля общества над должностными лицами (механизм выборов), появление гражданского общества и правового государства. Наконец, обе названные революции (промышленная и демократическая) привели к необходимости революции образовательной, связанной с предоставлением равных шансов и возможностей каждому человеку получать образование. Результатом этой революции, по Парсонсу, стало изменение базы для социального расслоения, поскольку теперь решающее значение приобрели способности, знания, образование, а не богатство и власть. С точки зрения хронологической промышленная революция охватывала начальный этап капиталистического развития, его зарождение и становление, демократическая – этап развитого капитализма; образовательная же революция, по мнению американского социолога, становится характерной для второй половины XX в.

Еще при жизни Парсонса вся его социологическая концепция – назовем ее парадигмой структурного функционализма – неоднократно подвергалась критике за консерватизм, стремление уйти от анализа противоречий и напряжений в обществе. Однако в этом – особенность структурного функционализма, характеризующегося широкой системной ориентацией. Он консервативен не потому, что таков Парсонс, а по своей природе, так сказать, концептуально. И какие бы попытки сделать его более эволюционным, склонным к изменению некоторых взглядов ни предпринимались, он останется концепцией, подчеркивающей общественное согласие и стремление к порядку и единству в обществе.

⁵³ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 522.

⁵⁴ Там же. С. 523.

§ 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ Р. МЕРТОНА

3.1. Жизненный путь и общая характеристика творчества

Роберт Кинг Мертон
Robert King Merton
(4 июля 1910 – 23 февраля 2003)

Роберт Кинг Мертон (1910 – 2003) родился в Филадельфии в семье рабочего. В 1931 г. окончил университет в Темпле, штат Филадельфия. Преподавательскую деятельность начал в Гарвардском университете. Там же получил стипендию для написания докторской диссертации, которую защитил в 1936 г. Тема его работы – «Наука, техника и общество в Англии XVII века» (диссертация была опубликована отдельной книгой в 1938 г.). После трех лет обучения в Гарвардском университете (где его учителями были Сорокин и Парсонс) и двух – в университете Тулана (штат Нью-Орлеан) Мертон стал профессором Колумбийского университета в Нью-Йорке. Здесь он работал в течение 38 лет, с 1941-го по 1979 г., после чего ушел на пенсию.

Работая в Колумбийском университете, Мертон вместе с Лазарсфельдом основал и был со-директором Бюро прикладных исследований. В конце 1930 – 1940-х гг. он принимал активное участие в проведении конкретных исследований в области изучения СМИ, межличностных отношений, социологии науки, социологии девиантного поведения, социологии медицины и др. Так, в Гарвардском университете после защиты докторской диссертации он разрабатывал теорию отклоняющегося поведения (на основе проведенных эмпирических исследований и полученных на их базе материалов). Это позволило ему выявить типы социальной адаптации (о чем далее будет сказано подробнее).

Участие во многих конкретных исследованиях вместе с его другом Лазарсфельдом сыграло затем большую роль в осмыслении необходимости соединить теоретические и эмпирические исследования. И если задача Лазарсфельда состояла в том, чтобы вовлечь Мертона в осуществление конкретных проектов на базе глубокого теоретического осмысления каждого из них, то последний видел свое предназначение в том, чтобы стимулировать друга и коллегу к разработке методов конкретно-социологического исследования как средства построения социологических теорий.

Учитывая значительные заслуги Мертона перед американской и мировой социологией, общее собрание Американской социологической ассоциации избрало его президентом этого научного сообщества на 1957 г. В 1968 г. он стал членом Национальной академии наук. С 1971-го по 1979 г. был председателем Консультативного совета по образованию фонда Дж.С. Гугенхайма. Награжден почетными степенями 21 крупнейшего университета США и Европы. После выхода на пенсию Мертон, находясь и работая в Нью-Йорке, принимал посильное, но достаточно активное участие в академической жизни.

Его работы написаны в области общей теории социологии, социологии науки, социологии отклоняющегося поведения, социологии профессий и др. Основные среди них: коллективный фундаментальный труд под редакцией Мертона «Социальная теория и социальная структура» (1949), в котором рассматривается проблема взаимосвязи между общей социологической теорией и эмпирическими исследованиями, намечаются контуры теорий среднего уровня, разрабатываются понятия явных и латентных функций и дисфункций; «На плечах гигантов» (1965), где излагаются достижения предшествующей социологической мысли; «Теоретическая социология» (1967), посвященная трактовке социологических теорий разных уровней обобщения; «Социальная теория и

функциональный анализ» (1969), интерпретирующая особенности структурно-функциональной парадигмы в социологии, а также многие другие работы в области изучения массового сознания, СМИ, девиантного поведения, социальной дезорганизации, бюрократии.

Следует специально сказать о трудах Мертона в области социологии науки. Две работы должны быть названы в первую очередь – «Наука, техника и общество Англии XVII века» (1938) и «Социология науки» (1973). Мертон рассматривает науку как особый социальный институт, представляющий собой систему ценностно-нормативных регуляторов. Он говорит о четырех основополагающих институциональных характеристиках науки: «общности», «универсализме», «бескорыстности» и «организованном скептицизме». Кроме того, американский социолог рассматривает связь между научными открытиями и ценностями пуританской религиозной морали (применительно к Англии), находясь в этом вопросе под сильным влиянием веберовских идей о зависимости европейского капитализма от норм и ценностей протестантского вероучения. В целом работы Мертона в области социологии науки являются одними из самых глубоких в этой отрасли социологического знания.

Фрагменты из некоторых его работ переведены на русский язык и опубликованы в книгах «Социология преступности» (1966), «Структурно-функциональный анализ в социологии» (1968), в журнале «Социологические исследования», в сборнике текстов «Американская социологическая мысль» (1996) и др. Наиболее значимым стал полный перевод его основного труда «Социальная теория и социальная структура» в 2006 г.

Однако, как сегодня становится ясным, для развития профессионального социологического образования этого явно недостаточно. Требуются переводы многих других работ Мертона, являющегося одним из классиков мировой социологической науки XX в.

3.2. Разработка теории структурно-функционального анализа

Мертон внес большой вклад в разработку теории структурного функционализма. В отличие от Парсонса, подчеркивавшего значимость анализа механизмов поддержания социального порядка, он обратил главное внимание на изучение функциональных и дисфункциональных явлений, возникающих вследствие напряжений и противоречий в обществе и его социальной структуре. Под функциями американский социолог понимает «те наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы. Дисфункции – это те наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы»⁵⁵. Мертон предполагает также эмпирическую возможность нефункциональных последствий, которые просто безразличны для рассматриваемой системы.

Далее он специально характеризует явные и латентные функции и подчеркивает важность такого выделения. Первые (явные функции) означают объективные и преднамеренные последствия социального действия, вторые (латентные функции) – непреднамеренные и неосознанные последствия⁵⁶. Мертон отмечает, что «разграничение между явными и латентными функциями было введено для того, чтобы исключить то смешивание сознательной мотивации социального поведения с его объективными последствиями, которое часто обнаруживается в социологической литературе»⁵⁷. Американский социолог предупреждает об ошибочности отождествления мотивов и функций, поскольку первые выступают как субъективные категории, вторые же – как объективные. Мотивы и функции изменяются независимо друг от друга, о чем следует всегда помнить социологам.

Интересен пример, который использует Мертон для показа важности анализа явных и латентных функций. Он связан с Хоторнским экспериментом и касается выявления отношения между освещенностью и производительностью труда. Речь идет о том, что первоначально и в контрольной, и в экспериментальной группах производительность труда росла, чтобы ни делали с освещенностью. У исследователей данного вопроса, как пишет Мертон, «отсутствовала специфически социологическая координатная система и они выступали просто как «инженеры»⁵⁸. Социоло-

⁵⁵ Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 428.

⁵⁶ Там же. С. 428.

⁵⁷ Там же. С. 439.

⁵⁸ Там же. С. 445.

ги не учитывали латентной социальной функции, принимая в расчет лишь явную. Они в начале эксперимента не обратили внимания на его социальные последствия для отношений между членами контрольной и экспериментальной групп. В конце концов сложившаяся ситуация заставила социологов задуматься над скрытыми, не очевидными вещами, связанными с отношениями между людьми. Таким образом, главная задача социологии – изучение не столько явных, сколько скрытых, латентных функций.

Такой подход существенно расширяет горизонты социологического познания. «Поэтому, – считает Мертон, – открытия в области скрытых функций представляют собой больший прирост социологического знания, чем открытия в области явных функций. Они представляют, следовательно, и большие отклонения от знаний о социальной жизни, основанных на здравом смысле»⁵⁹.

В работе «Социальная теория и социальная структура» он утверждает, что функциональный анализ является как самым перспективным, так, по-видимому, и наименее систематизированным направлением среди существующих социологических теорий. Вместе с тем, он полагает, что ряд положений, считавшихся фундаментальными для функционализма, оказываются по меньшей мере спорными, а, возможно, и ненужными для него. К таковым он относит три основных постулата функционального анализа, которые формулирует и излагает в сжатой форме: а) стандартизованные виды социальной деятельности и элементы культуры являются функциональными для всей социальной или культурной системы; б) все элементы социальной и культурной системы выполняют социальные функции; в) все эти функции необходимы и незаменимы. Первый постулат назван постулатом функционального единства общества, второй – постулатом универсального функционализма, третий – постулатом необходимости⁶⁰.

Абсолютность этих постулатов опровергается, по мнению Мертона, конкретными, эмпирическими исследованиями многих социальных явлений и процессов. Так, постулат функционального единства общества ставится под сомнение тем, что в развитых странах такого единства просто не существует, что подтверждается, к примеру, наличием религиозного плюрализма. Постулат обязательности может быть оспорен с помощью такого аргумента, как отсутствие в качестве обязательных атрибутов общества ряда социальных институтов. Такие институты, как семья, религия, социальная стратификация, существуют не в любом типе общества, считает американский социолог.

Наряду с постулатом функционального единства общества социолог формулирует основную теорему функционального анализа: точно также как одно и то же явление может иметь многочисленные функции, так одна и та же функция может по-разному выполняться различными явлениями. Все социологические явления могут подвергаться функциональному анализу. Основное требование здесь состоит в том, чтобы объект анализа представлял стандартизованные (т. е. повторяющиеся, типизированные) явления, такие как, например, социальные процессы, социальные роли, культурные стандарты, эмоциональные реакции, институциональные типы, социальные нормы, групповые организации, социальные структуры, средства социального контроля и т. д.⁶¹.

Теория структурно-функционального анализа, разрабатывавшаяся Мертоном, существенно отличалась по уровню абстрактности от того, что делал в этой области социологического анализа Парсонс. По существу Мертон стремился конкретизировать абстрактные теоретические размышления его старшего коллеги, «спустить» их с высоких «теоретических небес» на более низкий и приземленный уровень. Мертона постоянно тянуло к теоретизированию иного характера, более тесно связанного с эмпирическими исследованиями. Решению этой задачи была посвящена разработка теорий среднего уровня.

3.3. Теория среднего уровня

Одной из центральных в работах Мертона была идея соединения теоретического и эмпирического, макро- и микросоциологического уровней знания. Уже в середине 1950-х гг. он считал, что наступил «золотой век» их единства. Однако в то время Мертон выдавал желаемое за действительное. Параллельному развитию эмпирической и теоретической социологии предстоял еще дол-

⁵⁹ Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 447.

⁶⁰ Там же. С. 400 – 413.

⁶¹ Там же. С. 427.

гий путь. Сам ученый внес немалый вклад в преодоление этого параллелизма, этой сложившейся своеобразной социологической дихотомии, и сделал он это прежде всего своей теорией среднего уровня, или среднего ранга (The theory of the middle range), которая базировалась на его концепции функционального анализа.

Последняя приобретала у американского социолога «полуэмпирический» характер – в том смысле, что открывала возможности перевода этого анализа в операциональную плоскость, а затем – в плоскость конкретного социологического исследования. Важная особенность функционального анализа как концепции состоит в том, что он позволяет интерпретировать эмпирические данные, применять их для создания обобщающих теорий. Эту особенность очень хорошо видел и использовал при создании теории среднего ранга Мертон. Ее контуры вырисовывались в его трудах 1940 – 1950-х гг., однако принципы создания были детально описаны и систематизированы в работе «О социологических теориях среднего уровня», опубликованной в книге американского социолога «Теоретическая социология» (издана в Нью-Йорке в 1967 г.).

Работа социолога над теориями среднего уровня имела двойственный характер. С одной стороны, она включала в себя обоснование необходимости особого типа теорий, специфической аналитической деятельности, которая существенным образом должна была отличаться от других типов теоретизирования (в первую очередь сугубо абстрактного). Это была работа методологического характера, поскольку касалась общей теоретической ориентации, анализа понятий, логики их построения, связи с интерпретацией получаемых эмпирических данных. С другой стороны, американский ученый работал над созданием конкретных теорий среднего уровня в различных областях, точнее говоря, отраслях социологической науки (об этом подробнее будет сказано чуть дальше).

Согласно анализируемой теории Мертона, существуют три уровня социологического знания: широкие социологические теории, теории среднего ранга, малые рабочие гипотезы, возникающие в изобилии в повседневных исследованиях. Теории среднего ранга выполняют роль связующего звена, мостика между первым и третьим уровнями. Исходя из этих теорий, Мертон приходит к выводу о необходимости «посредника» между эмпирическими исследованиями действительности и теоретическими обобщениями закономерностей социального поведения. Теории среднего уровня могут быть как результатом обобщения большой группы социальных фактов, так и средством конкретизации отдельных областей социологии.

Американский социолог считал эти теории единственно реально существующими и заслуживающими внимания. Социологическая теория в строгом смысле слова – это и есть, по Мертону, теория среднего уровня. Именно такая теория позволяет «создать» язык эмпирического исследования. Всеохватывающие системные теории «высшего уровня» представлялись ему достаточно абстрактными, рабочие же гипотезы «низшего уровня» – второстепенными, не имеющими подлинно социологического значения. Исходной категорией анализа в теориях среднего уровня для американского социолога выступала социальная группа, поскольку именно через нее осуществляется связь между индивидом и общественными структурами.

Мертон прекрасно понимал, что в социологии, как и в любой другой науке (а он, как уже было сказано выше, добился заметных результатов в разработке социологии науки), должны существовать теории разного уровня. Одни используются для объяснения широких социальных процессов, другие «обслуживают» более локальные, конкретные. Благодаря тщательному описанию и анализу различных теорий Мертоном в 1960 – 1970-х гг. наиболее разработанной концепцией социологического знания считалась трехуровневая. По мере развития этой концепции прежде всего обогащалось представление о втором уровне социологического знания. Оно, в свою очередь, стимулировало разработку общих социологических теорий и развитие эмпирических социологических исследований. Теории среднего уровня по сравнению с общей социологической теорией имеют более узкую область применения. Каждая из таких теорий в своей предметной области ограничена относительно автономными сферами общественной жизни, изучением тенденций их развития, механизмов действия.

Вместе с тем, ученый показал, что все три уровня социологического знания тесно связаны между собой. Более того, переход от одного к другому открывает перед социологом каждый раз новые возможности. Особое значение имеет переход от общетеоретического к операциональному уровню, результат которого конкретизируется в эмпирическом исследовании. Относительная самостоятельность уровней и их значимость давали основание Мертону надеяться, что по мере развития социологии будет усиливаться взаимодействие социологов, занятых разработкой каждого из них.

Он разрабатывал теории среднего уровня в самых различных областях социологического знания: социологии массовых коммуникаций и науки, военной социологии и социологии медицины, социологии власти и социологии политики. Но, пожалуй, самый глубокий след оставила его теория среднего уровня в сфере изучения отклоняющегося поведения. Здесь на его идеи существенно повлияли взгляды Э. Дюркгейма, изучавшего аномию, самоубийство, иные формы девиантного поведения.

3.4. Исследование девиантного поведения и способов адаптации

Изучая дисфункциональные явления, Мертон уделил большое внимание анализу различных типов девиантного поведения, которые он рассматривал как реакцию на деформации и напряжения социальной структуры. Результатом этого исследования явилась работа «Социальная структура и аномия». Под аномией Мертон понимал особое нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы моральных ценностей и вакуумом идеалов. Причиной аномии он считал противоречие между «нормами-целями» культуры (стремление к власти, богатству, успеху как установки и мотивы личности) и существующими социальными нормами-средствами достижения этих целей.

Остановимся на этой проблеме подробнее. Изучая социальные и культурные источники отклоняющегося поведения, американский социолог сосредоточил внимание на типах приспособления (адаптации) к культурным целям и институционализированным средствам (нормам) людей, занимающих различное положение в социальной структуре общества. В результате им были предложены пять типов приспособления, схематично представленных в следующей ниже таблице 3 («+» обозначает «принятие», «-» означает «отвержение», а «+ -» – отвержение господствующих ценностей и замена их новыми»).

Таблица 3

Типология способов индивидуальной адаптации

<i>Способы адаптации</i>	<i>Одобряемые обществом цели</i>	<i>Одобряемые обществом средства</i>
Конформизм	+	+
Иновация	+	-
Ритуализм	-	+
Ретритизм	-	-
Мятеж	+ -	+ -

Представленная типология в литературе определяется иногда как «классификация типов девиации Мертона»⁶². Однако у самого социолога она называется несколько по-другому – «типология способов индивидуальной адаптации»⁶³.

Конформизм означает полную солидарность личности и с общественными целями, и с социально одобряемыми средствами их достижения. Этот тип личностного поведения противоположен девиантному. Он основан на зависимости человека от господствующих стандартов, мнений, стереотипов и установок с целью самосохранения, безопасности, выживания. Без наличия конформистского поведения нельзя было бы говорить о стабильности, социальном порядке и преемственности в развитии общества. Чем более широко представлен конформистский тип приспособления, тем более устойчивым и спокойным (надежным) является общественный порядок.

Все остальные типы поведения могут быть рассмотрены как в той или иной степени девиантные. Вместе с тем, все они, в том числе и конформистский, выступают способами приспособления к целям и средствам их достижения, характерными для данного общества. Мертон не противопоставляет их друг другу, точно также как не считает девиацию исключительно негативным явлением (что делают многие).

Иновационный способ адаптации предполагает согласие с общественно одобряемыми целями и в то же время поиск новых средств их достижения. В отличие от исключительно позитивной характеристики инновационного типа поведения, присущей отечественной социологии, в западных теориях и типологиях отклоняющегося поведения он трактуется более широко и многообразно, включая явно выраженные негативные средства достижения цели.

Мертон, например, пишет о таких, как использование мошенничества, рэкета, шантажа для того, чтобы стать богатым человеком (общественно одобряемая цель). Свой анализ инновационного способа отклоняющегося поведения он заключает следующей мыслью: «В обществах, подобных нашему (имеются ввиду развитые капиталистические страны, в первую очередь США, но сегодня есть все основания относить к ним и Россию. – Г.З.), культурное акцентирование денежного успеха

⁶² См., например: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 218; Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология. Парадигмы и темы. М., 1998. С. 217.

⁶³ Merton R.K. Social Theory and Social Structure. N.Y., 1957. P. 140.

для всех и социальная структура, слишком сильно ограничивающая практическое использование одобряемых средств большинством, вызывают побуждение к инновационной деятельности, отступающей от институциональных норм. Но такая форма приспособления возможна только при несовершенстве социализации индивидов, позволяющей им пренебрегать институциональными средствами, сохраняя при этом устремленность к успеху»⁶⁴.

Следующий способ адаптации – ритуализм. Он характеризуется принятием общественно одобряемых, институциональных средств достижения целей, но отказом от некоторых из самих целей. В частности, это касается безудержного стремления к успеху. Для многих «ритуалистов» характерен афоризм «Высоко взлетишь – больно упадешь», отсюда для них типичны, по мнению Мертона, высказывания «Я стараюсь не высовываться», «Не нашего ума дело», «Я играю осторожно» и т. д. Как отмечает американский социолог, «это тип приспособления индивида, лично стремящегося избежать опасностей и неудач посредством отказа от основных культурных целей и приверженности любому обещающему безопасность рутинному распорядку и институциональным нормам»⁶⁵.

Ретритизм как способ адаптации отмечен двумя отказами – и от общественно одобряемых целей, и от подобных же средств их достижения. Это такой способ адаптации и одновременно тип отклоняющегося поведения, который связан с уходом или даже бегством от реальности жизни (термин «ретритизм» происходит от английского retreat – бегство). Он характерен прежде всего для маргиналов – бродяг, наркоманов, «бомжей», душевнобольных, алкоголиков и т. д. Они создают собственную замкнутую субкультуру, которая по своей природе чрезвычайно пассивна и не направлена открыто против общества. Зато последнее, как правило, не приемлет ретритизм в достаточно жесткой и агрессивной форме, требуя от государства непримиримой борьбы с ним. Ретритизм презируют потому, что относящиеся к этому способу адаптации и типу отклоняющегося поведения люди отказываются от стремления к успеху как главной цели жизни и от принятых в обществе институциональных средств ее достижения. По существу ретритизм означает способ самоизоляции от общества, отказа от взаимодействия с ним.

Наконец, пятый способ адаптации и, вместе с тем, тип девиации – мятеж. Он означает отрицание господствующих в обществе целей и средств и их замену новыми. В сравнении с ретритизмом, который также отвергает принятые в обществе цели и средства, мятеж как способ отклоняющегося поведения характеризуется внутренней и внешней активностью его субъектов, готовностью изменить общество в корне, даже путем социальной революции. Мятеж – это наиболее радикальный способ адаптации, возникающий тогда, когда существующее общество в каких-то важных аспектах своей жизни исчерпало себя – как с точки зрения целей, так и принятых в нем средств его изменения.

Рассмотренная типология отклоняющегося поведения и способов индивидуальной адаптации свидетельствует о том, что личность пытается противостоять аномии, вырабатывая определенные приспособительные реакции. Именно эти пять способов адаптации, охарактеризованные Мертоном, и есть основные пути поиска равновесия между личностью и обществом. Причем важно отметить, что ищет их прежде всего не общество, а индивид. Своим положением в обществе озабочен в первую очередь он сам. Задача современных развитых социальных систем – пойти ему навстречу, облегчить поиск взаимопонимания, своеобразного «консенсуса», создать благоприятные условия деятельности, которые снизили бы до минимальных пределов возможности социальных отклонений в поведении.

Подведем итог. Развитие социологической теории в трудах П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона сыграло громадную роль и в американской, и в мировой социологии. Были предложены концепции, которые не только противостояли засилью эмпиризма в социологии, но и направлялись на объединение, синтез теорий, методов и социальных фактов, добываемых в ходе конкретных социологических исследований. Концепции и теории, созданные названными выше социологами, определили развитие этой науки на многие годы и десятилетия, оказав существенное влияние на процесс возникновения новых парадигм, направлений, течений и школ. Структурный функционализм (несмотря на его критику в 1960 – 1970-х гг.) и по сей день остается одной из основных парадигм мировой социологии. Более того, многие его идеи оказались использованы неофункционализмом в 1980 – 1990-х гг. Интегральные теории определили тенденции развития социологии в последние несколько десятилетий. Теория «среднего ранга», как и ранее, является хорошим средством, предохраняющим, с одной стороны, от излишне абстрактного теоретизирования без использования материалов конкретных исследований, с другой стороны – от «ползучего эмпиризма», от увлечения сбором конкретных данных без их должного теоретического осмысления на уровне рабочих гипотез.

⁶⁴ Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 110.

⁶⁵ Там же. С. 111.

«Великая теоретическая троица» (П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон) и сейчас продолжает оставаться великой. Каждый из трех социологов давно «канонизирован» в мировой социологии и приобрел статус ее классиков. Их творчеству посвящаются книги, сборники научных трудов, материалы национальных и международных конференций и семинаров.

Вопросы и задания

1. Расскажите о жизненном пути и дайте общую характеристику творчества П. Сорокина в американский период его деятельности.
2. В чем состоит существо основных положений работы Сорокина «Социология революций»?
3. Проанализируйте концепцию социальной стратификации и социальной мобильности Сорокина и покажите ее современное значение.
4. Охарактеризуйте концепцию социокультурной динамики Сорокина. Почему социологи уделяют ей особое внимание в процессе анализа творчества ученого?
5. Объясните, почему идеи интегрализма имеют сквозной характер в социологии Сорокина. Раскройте существо этих идей.
6. Расскажите о жизненном пути и дайте общую характеристику творчества Т. Парсонса.
7. Проанализируйте содержание теорий социального действия, социальных систем, структурного функционализма Парсонса.
8. О каких системах действия писал Парсонс? Какие основные условия их нормального функционирования он выделял?
9. В чем существо трактовки общества и его типов, предложенной Парсонсом?
10. О каких стадиях эволюции общества писал Парсонс? Каким ему представлялось соотношение эволюции и революции?
11. Расскажите о жизненном пути и дайте общую характеристику творчества Р. Мертона.
12. В чем состоит отличие теории структурно-функционального анализа Мертона от аналогичной теории Парсонса? Охарактеризуйте понятия функций и дисфункций, явных и латентных функций в концепции Мертона.
13. В чем существо теории среднего уровня Мертона? Почему появление этой теории рассматривается многими исследователями как «революционный переворот» в социологии?
14. Охарактеризуйте трактовку Мертоном девиантного поведения и способов адаптации индивида. В чем Вы видите значение предложенной американским социологом типологии способов индивидуальной адаптации?
15. Покажите значение творчества Сорокина, Парсонса, Мертона для развития социологической теории в XX в.

Литература

- Антонович И.И. Толкотт Парсонс – основатель функционализма, создатель теории социальной системы // Современная американская социология. М., 1994.
- Баразгова Е.С. Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург – Бишкек, 1997.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону, 1999.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социология. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- История социологии. Минск, 1993.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- История социологии XIX – первой половины XX в. М., 2004.
- Капитонов В.А. Социология XX века. Ростов-на-Дону, 1996.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. Социальная структура и anomia // Социологические исследования. 1992. № 2 – 4.
- Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1996.
- Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

- Очерки по истории теоретической социологии XIX – XX вв. М., 1994.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. Функциональная теория изменения. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.
- Сорокин П. Социологические теории современности. М., 1992.
- Сорокин П. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10.
- Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1993.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1993.
- Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1996.
- Штомпка П. Роберт Мертон: динамический функционализм // Современная американская социология. М., 1994.

ГЛАВА 5

ПСИХОАНАЛИЗ В СОЦИОЛОГИИ

§ 1. 3. Фрейд – создатель психоанализа

§ 2. Консервативное течение психоаналитической ориентации в социологии

2.1. «Индивидуальная психосоциология» А. Адлера

2.2. Психосоциологические взгляды К. Юнга

2.3. Проблема личности и типология поведения в творчестве К. Хорни

§ 3. Гуманизм социологического учения Э. Фромма

3.1. Основные этапы жизненного пути

3.2. Концепция личности в творчестве Э. Фромма

3.3. Теория социального характера Э. Фромма

3.4. Развитие капиталистического общества и проблема отчуждения в творчестве Э. Фромма

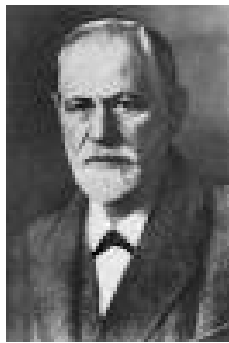
§ 4. Теория социального характера Д. Рисмена

Процесс развития мировой социологии в первой половине и середине XX в., а затем и во второй его половине трудно представить без учета такого направления и, вместе с тем, метода в науке, как психоанализ. При этом в качестве клинического метода диагностики и объяснения невротических состояний человека психоанализ социологов особенно не волнует. Однако сказать коротко об этом нужно. Речь идет о терапевтической методике, заключающейся в свободном изложении пациентом истории своей жизни, ее ранних событий, в которых психотерапевт пытается найти ответ на вопрос о причинах невроза больного.

Что касается социологов, то они стремятся рассматривать психоанализ прежде всего как направление науки о поведении человека, в котором значительное место занимают вопросы деятельности индивида, проблематика структуры личности, связь между сознательным и бессознательным и др., т. е. те проблемы, которые оказали существенное воздействие на развитие социологии. Конечно, нужно также иметь в виду, что принципы психоанализа постепенно распространились и использовались и в социальной философии, и в культурологии, и в истории, и в других общественных и социогуманитарных науках.

§ 1. 3. ФРЕЙД – СОЗДАТЕЛЬ ПСИХОАНАЛИЗА

Создателем психоанализа является выдающийся австрийский психолог, психиатр, социальный мыслитель Зигмунд Фрейд (1856 – 1939). Строго говоря, Фрейд никогда не был социологом. Говорим же мы о нем в курсе истории социологии потому, что его взгляды на человека, личность, действие, поведение позволяют интерпретировать их (а для социологической науки первой половины XX в. это одна из важнейших проблем) с учетом целого ряда факторов, включая сознательное и бессознательное. Последнее приобретает у Фрейда особое значение, поскольку, по его мнению, поведение человека во многом зависит от бессознательных влечений, формирующихся на ранних этапах его жизни. При этом значительная часть опыта детства теряется в памяти индивида, однако сам этот опыт составляет ту основу, на которой формируется сознание и самосознание личности.

Зигмунд Фрейд
Sigmund Freud
(6 мая 1856 – 23 сентября 1939)

Отдельные социологические теории и направления испытали на себе сильное воздействие идей Фрейда, что позволяет ряду авторов утверждать о наличии особой социологической парадигмы психоанализа (впрочем, суждение это отнюдь не является бесспорным). Назовем его работы, имеющие значение для социологии: «Введение в психоанализ. Лекции», «По ту сторону принципа удовольствия», «Я» и «Оно», «Психопатология обыденной жизни», «О психоанализе». Все главные труды австрийского ученого переведены на русский язык. Особенно активно они издавались в нашей стране в 1990-х гг. Далее мы увидим не раз, что такая ситуация типична для всего неофрейдизма, чему не следует удивляться, памятуя об этом периоде как времени бурного развития демократии и свободомыслия в России.

Основные положения социального плана, присущие теориям Фрейда, состоят в следующем. Главная проблема психоаналитической ориентации в социологии – наличие противоречия, конфликта между личностью и обществом. Она имеет место потому, считал он, что существует социальный контроль, который ограничивает свободу личности. Сам он и его сторонники полагали, что современная цивилизация, ее моральные нормы, санкции, запреты, репрессивность, жесткий контроль подавляют влечения человека, в первую очередь сексуальные, и ведут к отчуждению, неудовлетворенности, деформации характеров, неврозам и т. д. Но отрицать полностью необходимость такого контроля Фрейд не мог, понимая его целесообразность и значение в борьбе с обузданием человеческих инстинктов. Лучшим выходом в таких «двойственных» условиях он признавал психотерапию – средство адаптации к существующей ситуации.

Конфликт между личностью и обществом в работах австрийского ученого обладает поистине драматическим содержанием и связан с природой человека, которая имеет явно выраженный консервативный характер и вряд ли может быть подвержена серьезным изменениям. Правда, в отдельных ситуациях, полагал Фрейд, благодаря применению психоаналитического метода и хорошо организованному процессу социализации личности, трансформация человека происходить может. Но такого рода перспективы не имеют сколько-нибудь устойчивого характера, и сексуальные и агрессивные инстинкты человека вряд ли будут удовлетворены и сублимированы настолько, чтобы разум сумел ими управлять. А это значит, что опасность реализации таких инстинктов и для человека, и для общества в целом сохраняется постоянно.

В соответствии с учением психоанализа поведение людей определяют не только (а часто и не столько) внешние, но и внутренние силы. Последние могут иметь как сознательный, так и бессознательный характер. В этом положении отражена одна из важнейших составляющих учения Фрейда, сыгравшая в развитии социологии первой половины – середины XX в. весьма значимую роль. Заслуга австрийского ученого состоит в том, что он много внимания уделил изучению бессознательных влечений людей и обосновал возможность бессознательной мотивации действий.

Центральная идея психоанализа основана на гипотезе о доминирующей роли в человеческой жизни бессознательных импульсов, в основном сексуального характера. Более того, по Фрейду проблема разрешения сексуальных противоречий имеет решающее значение не только в индивидуальном развитии каждого человека, но и в историческом процессе также.

Ученый выделял два инстинкта, движущие поведением человека: инстинкт самосохранения и сексуальный инстинкт (либидо). Бессознательное трактовалось им как сфера, насыщенная энергией либидо – слепого инстинкта, не знающего ничего, кроме принципа удовольствия, которое человек испытывает, когда эта энергия разряжается. Однако позиция Фрейда в социальном плане здесь была слишком жесткой и потому ограниченной. Он однозначно полагал, что социальные отношения людей определяются их сексуальными комплексами, не допуская возможности обратного влияния и иных зависимостей. На самом же деле, как было установлено в первую очередь его оп-

понентами из числа бывших последователей, не говоря уже о социологах, значительно более серьезное воздействие на поведение человека оказывают социальные отношения, а не сексуальные.

Что касается инстинкта самосохранения, то его исследование нашло свое выражение в учении Фрейда о противоборстве двух инстинктов – жизни (ЭРОС) и смерти (ТАНАТОС). Их борьба определяет природу общества, его функционирование, развитие, конфликты.

Одна из значимых для социологии проблем творчества Фрейда – структура личности индивида. Он выделял в ней, а по существу расчленял структуру личности на три элемента: Оно, Я, Сверх-Я (Ид, Эго, Супер-Эго). В этой структуре нашла свое отражение противоречивая связь предсознательного, бессознательного и сознательного – тех понятий, которые более всего волновали австрийского ученого.

Говоря об идеях Фрейда, оказавших влияние на развитие социологии, нельзя не коснуться вопроса о связи между сознанием (скорее даже «бессознанием») человека и его речью. Ученый подчеркивал, что многие речевые ошибки, неправильное произношение или расположение слов являются не случайными, а вытекают из подсознания человека, из внутреннего конфликта между словами и поступками. Обмолвки могут быть смешными, грустными, тяжелыми, но, как правило, совершенно непредсказуемыми. При этом в них часто выражаются спрятанные глубоко в психике человека чувства. Вот один из примеров, им приводимых. Женщину – немку спрашивают: «В каком полку служит Ваш сын?». В ответ она произносит: «В 42-м полку убийц», хотя хотела сказать «В 42-м минометном полку» (по-немецки минометный – *morser*, убийца же – *morder*). Фрейд предлагал использовать этот метод (он получил название анализа свободных ассоциаций) для изучения некоторых сторон поведения человека, связанных с его подавленными желаниями. Не случайно мы часто говорим: фрейдовская оговорка, оговориться по Фрейду. Подобные речевые ситуации стали впоследствии активно исследоваться социологами в рамках символического интеракционизма, этнометодологии и других концепций (например, в книге Э. Гоффмана «Формы разговора»).

У Фрейда было много последователей, которые, примыкая к психоанализу, оказали немалое влияние на развитие социологии. Это австрийский психолог А. Адлер, швейцарский психоаналитик и социолог К. Юнг, представительница немецкой (затем американской) науки врач и социолог К. Хорни, американский психолог Г. Салливан, немецко-американский философ, психоаналитик и социолог Э. Фромм и др.

В социологии возникла психоаналитическая ориентация, имевшая два течения: либерально-радикальное и консервативное. В основе первого лежит идея полного уничтожения существующих социальных, моральных, политических норм и институтов для высвобождения витальных человеческих влечений, осуществления двуединой революции – социальной и сексуальной. Об этом направлении будет сказано позднее и подробнее в главе, посвященной Франкфуртской социологической школе. Что касается данной главы, то в ней в качестве предмета рассмотрения предстанут либерально-радикальные и критические взгляды Э. Фромма и Д. Рисмена. Сейчас же речь пойдет о консервативном течении.

§ 2. КОНСЕРВАТИВНОЕ ТЕЧЕНИЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ

2.1. «Индивидуальная психосоциология» А. Адлера

Альфред Адлер (1870 – 1937), также как и З. Фрейд, был австрийским психологом и психиатром, взгляды которого оказали немалое влияние на состояние социологии в первой половине и середине XX в. Проработав долгое время в Европе, Адлер затем переселился в США. Его считают одним из основателей «индивидуальной психологии» и «индивидуальной психосоциологии», которая, получив широкое распространение и в Европе, и в США, стимулировала развитие понимающей социологии, символического интеракционизма и в целом всей гуманистической парадигмы. Основные работы Адлера, имеющие значение для социологии, переведены на русский язык в 1990-х гг.⁶⁶.

⁶⁶ Адлер А. Индивидуальная психология. М., 1995; Его же. Наука жить. М., 1997; Его же. Понять природу человека. СПб., 1997.

Альфред Адлер
Alfred Adler
(7 февраля 1870 – 28 мая 1937)

Придерживаясь вначале взглядов Фрейда, Адлер затем пошел дальше по пути социологизации психоанализа. Он отверг фрейдовскую идею господства бессознательного, а также положение о доминанте сексуального инстинкта в поведении человека, и пришел к выводу об основной роли социальных факторов, его обуславливающих. У него появилась вместо сексуальной иная доминанта – воля человека к власти, на основе которой «строится» его характер, а следствием становятся неврозы. На складывание характера влияет весь стиль жизни человека, начиная с детской поры, когда формируется система его целенаправленных стремлений. В них доминирует потребность в самореализации через утверждение собственного превосходства. Эта потребность выступает как «ядро» механизма компенсации так называемого комплекса неполноценности.

Чтобы вступить в теоретическую полемику с Фрейдом, Адлеру нужно было отказаться от трактовки первым структуры личности (выделение в ней Я, Оно, Сверх-Я) и принять принцип единства личности, действия которой обусловлены господством социальных факторов. Именно это он и сделал, что вызвало разрыв с ним Фрейда.

Основной характеристикой индивидуальной психосоциологии у Адлера становится социальное чувство (социальный интерес), направленное на преодоление «комплекса неполноценности» и выполняющее роль «компенсации и сверхкомпенсации». Во всех неврозах и психозах, во всех человеческих неудачах, драмах и трагедиях, в проявлениях девиантного поведения (преступности, алкоголизме, самоубийствах, половых извращениях) исследователь видел недостаточность социального чувства. В работе «Понять природу человека» он рассматривал личность в основном в социальном контексте, считал, что на нее оказывают влияние, прежде всего, общественные отношения, в которые она включена. Из этого тезиса вытекало положение о том, что действия человека нельзя рассматривать в отрыве от его социальной среды, в ходе взаимодействия с которой и проявляются те или иные качества индивида.

Таким образом, с одной стороны, ученый исследует биологические и психологические характеристики комплекса неполноценности человека, с другой – акцентирует внимание на возможности их преодоления, компенсации за счет реализации «социального чувства». Исследователи Адлера отмечают, что две категории были ключевыми в его творчестве: «комплекс неполноценности» и «принцип компенсации и сверхкомпенсации». Именно в механизмах компенсации и сверхкомпенсации он видел доминирующие мотивы человеческих поступков и действий.

Если компенсация означала желание индивида преодолеть комплекс неполноценности за счет социального чувства, связанного со стремлением к превосходству, то сверхкомпенсация подразумевала готовность преодолеть этот комплекс в результате одностороннего развития какой-либо из ряда вон выходящей черты или способности личности. При этом человек мог не осознавать такого стремления, поскольку оно оказывалось в сфере бессознательного. Заслуга Адлера состояла в попытке социологизировать бессознательное, связать его с внутренним развитием личности.

2.2. Психосоциологические взгляды К. Юнга

Карл Густав Юнг
Carl Gustav Jung
(26 июля 1875 – 6 июня 1961)

В рамках постфрейдистского психосоциологического учения значительных результатов добился швейцарский исследователь Карл Юнг (1875 – 1961). Основные его работы переведены на русский язык и были изданы в нашей стране в 1990-х гг.⁶⁷ Как и Адлер, Юнг определенное время находился под влиянием Фрейда (другом и сотрудником которого ему довелось быть), но затем также отказался от идей пансексуализма и сексуального происхождения неврозов (что привело к разрыву с Фрейдом и отходу от его концепции психоанализа). Юнг предложил иную трактовку либидо, характеризуя его в качестве психической энергии человека, определяющей как интенсивность психической жизни личности, так и психоэнергетическую основу развития культуры и цивилизации.

По мнению ученого, в психике человека происходит искаженное «проигрывание» бессознательных мотивов. Однако он не отверг идею о решающей роли бессознательного в поведении человека. Более того, Юнг усложнил структуру бессознательного, выделив в нем личное бессознательное и коллективное бессознательное. Эти два компонента, наряду с личным сознанием и коллективным сознанием, в единстве составляли своеобразную четырехэлементную структуру личности. Особое значение Юнг придавал коллективному бессознательному, характеризуя его как то, что транслируется от поколения к поколению и составляет определенные «архетипы» поведения человека.

Проблема архетипов занимала в его творчестве заметное место, поскольку с их помощью он объяснял не только мифы, религии, искусство, сновидения, но и целый ряд проблем философии, социологии, политики и других наук. Напоминая «коллективные представления» Дюркгейма, архетипы у Юнга выступали основой многих форм мышления, коллективных образов и символов, представляя своеобразные закодированные программы поведения человека. Центральное место среди всех архетипов занимал архетип «самость», выступавший у Юнга потенциальным центром личности.

Возвращаясь к проблеме бессознательного у швейцарского исследователя, отметим, что многие исторические и культурные процессы Юнг объяснял его влиянием. При этом сама история и ее конкретные проявления рассматривались сквозь призму «бессознательной деятельности души человека». Что касается культуры, то ее развитие Юнг характеризовал как процесс подавления инстинктов людей. Именно на этой почве возникает конфликт между природой и культурой, приводящий к человеческим неврозам. В этом процессе существенную роль играет индустриальное, промышленное развитие общества, отдаляющее человека от его природы, усиливающее иррационализм и приводящее к нарастанию массовых психозов, составляющих основу тоталитаризма.

Юнг выделил два основных противоположных типа личности – экстравертированный и интровертированный. Основой такой типологии явилось отношение личности к социальной среде. Личность интровертированного типа обращает всю свою психическую энергию внутрь себя, тогда как экстраверт – во внешнюю среду. Эта типология была важной для изучения взаимоотношений личности и социальной среды, она оказала большое влияние на развитие как социологии, так и социальной психологии.

⁶⁷ Юнг К. Психологические типы. М., 1995; Его же. Душа и миф. Шесть архетипов. М., 1997; Его же. Дух и жизнь. М., 1997.

2.3. Проблема личности и типология поведения в творчестве К. Хорни

Карен Хорни
Karen Horney
(16 сентября 1885 – 4 декабря 1952)

Карен Хорни (1885 – 1952) считается первым наиболее крупным теоретиком и основателем неопрейдистской социологии. Работая в Германии до 1932 г. в знаменитом Берлинском психоаналитическом институте, она выполняла исследования в рамках классического психоанализа. В преддверии прихода к власти фашизма вынуждена была эмигрировать (как и многие ее коллеги) в США. В 1941 г. создала и стала руководителем Американского института психоанализа. Поэтому ее справедливо характеризуют как немецко-американского ученого. Основные работы: «Невротическая личность нашего времени», «Новые пути в психоанализе», «Неврозы и развитие человека». В России недавно был издан трехтомник К. Хорни⁶⁸.

Хорни долгое время находилась под влиянием идей сначала Фрейда, затем – Адлера и Юнга. Приняв положение об обусловленности человеческого поведения бессознательными психическими процессами, она постепенно перешла в оппозицию ко многим идеям Фрейда. Так, она подвергла критике его теорию инстинктов, концепцию либидо, акцентуацию биологического генезиса психических явлений (прежде всего бессознательного), игнорирование им роли так называемых «культурных факторов». Хорни полагала, что бессознательные импульсы (инстинкты) несут на себе определенный отпечаток конкретной культуры, поскольку возникают благодаря действию не только биологических факторов, но и социальной среды. При этом роль последней может быть даже большей, чем первых. Бессознательные влечения связаны, по ее мнению, с общественными потребностями и могут даже выполнять приспособительную функцию.

Отсюда следовал подход исследовательницы к рассмотрению внутриличностных конфликтов и способов их разрешения. Эти конфликты, будучи связанными с бессознательными комплексами, инстинктами, влечениями, так или иначе являются отражением социальных противоречий и антагонизмов на психологическом уровне.

Внимание Хорни к внутриличностным конфликтам было отражением ее более широкого научного интереса к проблеме развития личности. Она рассматривала два основных пути этого развития: нормальный и невротический. Если первый осуществляется как обычная реализация задатков и способностей человека, то второй является отражением патологических изменений в характере и может привести к самоотчуждению, деперсонализации, разрушению личности.

Поэтому Хорни большое внимание уделяла поиску причин и способов лечения неврозов. Она полагала, что неврозы необходимо рассматривать и как следствие воздействия на человека «большого общества», и как результат отношений между родителями и детьми, и как фактор нарушения межличностных отношений. При этом она считала, что в психике человека существует огромный потенциал, связанный с его самореализацией. Именно он может позволить индивиду справиться с травмирующим воздействием конкретной социальной среды, культуры, конкретных общественных и межличностных отношений. Для достижения этой цели, по мнению Хорни, человек должен реализовать изначальное стремление к своему «реальному Я», что позволит ему сохранить собственную автономию по отношению к разрушительному воздействию социальной и культурной среды.

⁶⁸ Хорни К. Новые пути в психоанализе. Собр. соч.: В 3 т. М., 1997.

Соглашаясь с идеей Фрейда о роли бессознательного, Хорни вместо сексуального инстинкта видела в качестве основного фактора поведения человека его стремление к безопасности. Это стремление она связывала с наличием у человека в качестве сущностной характеристики его личности чувства беспокойства, тревоги, отчуждения.

Отсюда – ее типология моделей поведения людей. Первый тип определяется стремлением человека к людям как основным средством достижения безопасности (быть вместе с ними, принадлежать к одной социальной общности). Второй тип поведения может быть охарактеризован как стремление уйти от людей (безопасность – в своем собственном индивидуальном мире, поскольку социальная среда является фактором отчуждения). Третий тип поведения человека выступает как его стремление быть против людей (мир людей предстает как враждебный мир, который надо разрушить). Из этой классификации вытекала еще одна классификация – конфликтной, невротической личности. Ее основные типы – устойчивый, устранимый, деструктивный, соответствующие основным типам поведения.

В целом учение Хорни можно определить как психосоциологическое по своему характеру с выраженной тенденцией его социологической направленности. Однако противоречий в объяснении отношений между внутриличностными и социальными факторами, детерминирующими поведение и деятельность человека, она так и не смогла избежать. Это нашло свое отражение в рассматриваемых ею способах решения проблемы невротизации исключительно за счет поиска ресурсов в самой личности, без обращения к социальным и культурным факторам, их трансформации в интересах человека.

§ 3. ГУМАНИЗМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Э. ФРОММА

Рассматривая проблемы психоанализа в послефрейдовской социальной мысли, нельзя не выделить ее вершину. В социологическом плане ею выступает учение Э. Фромма, на рассмотрении которого именно по этой причине остановимся значительно подробнее, чем на изложении социальных взглядов других сторонников психоаналитической ориентации.

3.1. Основные этапы жизненного пути

Эрих Фромм (1900 – 1980), немецко-американский философ, социолог, психоаналитик, родился во Франкфурте, в ортодоксальной еврейской семье. Его дед и прадед (по отцовской линии) были раввинами, отец торговал виноградным вином. Мать по происхождению была из русских эмигрантов, переселившихся в Финляндию и принявших иудаизм. Естественно, что в семье, в которой воспитывался Фромм, царил дух религиозности, тщательного соблюдения обрядов, трудолюбия.

Будущий мыслитель получил хорошее начальное образование, к которому добавилось в гимназии изучение латыни, французского и английского языков. Тексты из Ветхого Завета, которыми он очень интересовался, пробудили в нем интерес к жизни человеческого сообщества, к идеям мира и интернационализма. Немудрено, что, когда в 1914 г. началась Первая мировая война, она вызвала у юного Фромма резкое неприятие и протест.

Еще одно событие потрясло его в это время: самоубийство молодой женщины, художницы, друга семьи Фроммов, которое произошло после смерти ее старого, больного отца. Причем эта женщина завещала похоронить ее рядом с отцом. Фромм старается понять, что заставило молодую женщину предпочесть радостям жизни единение с отцом, даже после его смерти. Проблемы жизни и любви заставляют его серьезно задуматься над вопросами психоанализа, проникновения в мотивацию человеческого поведения.

Эрих Фромм
Erich Fromm
(23 марта 1900 – 18 марта 1980)

В 1918 г. он поступает сначала во Франкфуртский, а затем в Гейдельбергский университет, где изучает философию, психологию, социологию. Его учителями были братья М. и А. Веберы, К. Ясперс, Г. Риккерт и другие светила мировой науки. В 22 года Фромм стал доктором философии, затем продолжил образование в Мюнхене и закончил его в Институте психоанализа в Берлине. Именно в это время он находился под сильным влиянием идей Фрейда, но затем «ушел» от них, перейдя на позиции неотрейдизма, чему немало способствовали взгляды Л. Фейербаха и К. Маркса. И те, и другие были важнейшими источниками профессиональных интересов Фромма в 1920-х гг. Стимулировал увлечение психоанализом и первый брак Фромма с психологом Фридой Райхман (она была намного старше его), под ее влиянием он увлекся клинической практикой с использованием этого метода. Вместе супруги прожили всего четыре года, но сохранили дружеское расположение друг к другу на последующую жизнь.

В 1927 – 1929 гг. Фромм начинает много печататься, чему способствовал его доклад (принесший ему большую известность) «Психоанализ и социология». Все 1930-е гг. (вплоть до 1939 г.) он тесно связан научными интересами и работами с Франкфуртской социологической школой и Франкфуртским институтом социальных исследований, его директором М. Хоркхаймером. В институте Фромм руководит отделом социальной психологии, проводит эмпирические исследования среди рабочих и служащих и в 1932 г. делает вывод о том, что рабочие не окажут сопротивления диктаторскому режиму Гитлера. Это было первое в Европе социологическое исследование ценностных ориентаций в больших и малых группах. Социологи и социальные психологи под руководством Фромма проанализировали 600 анкет, каждая из которых содержала 270 открытых вопросов, направленных на изучение неосознанных мотивов поведения.

С приходом фашистов к власти в Германии в 1933 г. Фромм перебирается сначала в Чикаго, затем – в Нью-Йорк. Начинается американский период жизни и творчества. Здесь он вместе с Франкфуртской школой продолжает исследование социально-психологических проблем авторитарности и участвует в выпуске периодического издания «Журнал социальных исследований». В 1941 г. выходит в свет его книга «Бегство от свободы», сделавшая ему имя в США.

В 1940-х гг. в результате конфронтации с Т. Адорно и Г. Маркузе Фромм отходит от Франкфуртской школы, отрывается от немецких корней и становится полностью американским исследователем. Когда в 1946 г. в Вашингтоне создается Институт психологии, психиатрии и психоанализа, Фромм активно включается в подготовку специалистов по психоанализу. Лекции, которые он читал студентам, пользовались большой популярностью, а сам он считался их любимцем. Ученый никогда не читал лекций в узком направлении психоанализа. Он стремился к междисциплинарному уровню и характеру лекций, в рамках которого сочетались бы идеи социальной психологии, социологии, антропологии, политологии. Курсы, которые читал Фромм, были пронизаны идеями гуманизма.

После окончания мировой войны он принимает решение не возвращаться в Германию. Он поселяется в Мексике на берегу моря в г. Куэрно-Вако, становится профессором Национального университета Мехико, читает лекции в США. Последние 11 лет жизни Фромм живет в Локарно (Швейцария), пишет книги и статьи на двух языках – английском и немецком, печатается во всех странах мира, после долгих лет разлуки с Европой с удовольствием выступает перед немецкоязычной аудиторией.

В 1950-х гг. Фромм полностью отходит от теорий Фрейда и формирует свою собственную концепцию личности, которую он назвал «радикальным гуманизмом». Первой программной работой в этой области считается его книга «Человек для себя» (1947). Идея «нового человека» характерна для всего послевоенного творчества Фромма. Наиболее яркими работами в этом плане стали

его книги «Здоровое общество» (1955), «Образ человека у Маркса» (1961), «Душа человека» (1964), «Анатомия человеческой деструктивности» (1973), «Иметь или быть» (1976). В ФРГ издается десяти томное собрание его сочинений.

1950-е гг. примечательны также интересом Фромма к социально-теоретическим и социально-политическим проблемам. Этот интерес еще более усиливается в 1960 – 1970-х гг. Фромм внимательно следит за изменением ситуации в мире, выступает против гонки вооружений. В 1962 г. он приезжает в Москву в качестве наблюдателя на конференцию по разоружению. В это время он пророчески пишет: «Наша безопасность – в разумном и здоровом мышлении. Речь идет о том самом реалистическом и трезвом взгляде на мир, который дает знание фактов о себе и противнике и оценивает вероятность событий не только на основе возможностей, но и на основе проверенных фактов».

В нашей стране конец 1980-х – 1990-е гг. отмечены всплеском интереса к творчеству Фромма, что выразилось, в частности, в переводе на русский язык и издании всех его наиболее значительных работ.

3.2. Концепция личности в творчестве Э. Фромма

Научное наследие Фромма нельзя строго отнести к какой-то одной дисциплине. Однако можно определить ведущую проблему всего его творчества – проблему человека. Она занимает центральное место в его работах разных лет, но преимущественно в период после Второй мировой войны. Причинами актуализации личностной проблематики были и осмысление им ценности жизни человека (война активизирует саму по себе постановку этих вопросов), и развитие капитализма в новых условиях, заставившее по-другому взглянуть на проблему отчуждения человека и влияния на него деструктивных сил, и, наконец, общий резко возросший интерес к проблематике человека в мировой общественной мысли, появление и развитие радикального гуманизма. Сам Фромм называет ряд крупных представителей этого течения общественной мысли, так или иначе повлиявших на его взгляды. Это А. Швейцер, Э. Блох, И. Иллич, югославские философы из группы «Праксис» и др.

Главное в учении Фромма – идея социальной обусловленности поведения человека, в целом процесса формирования личности. Он исходит из принципиального положения, что структура личности среднего индивида и социально-экономическая структура теснейшим образом взаимосвязаны. Социальная среда для личности оказывается более значимой, чем ее инстинкты, в том числе инстинкт пола. По мнению ученого, поведение человека нельзя объяснить на основе раскрытия только биологических механизмов, извечно присущих людям. Но нельзя искать основные мотивы поведения исключительно в социокультурных факторах. Социолог считает, что надо избегать изолированного анализа только биологического, только психического или только социального, поскольку в человеке все сплетено как в уникально едином существе.

Фромм показал, что основной подход к изучению человеческой личности должен состоять в понимании отношения человека к миру, к другим людям, к природе и к самому себе. Человек реагирует на преобразования внешней обстановки тем, что изменяется сам. Психологические факторы, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию экономического и социального прогресса.

Ученый пишет, что человек знает все о самом себе, о своем прошлом, будущем, о том, что его ждет неминуемая смерть, что он бессилен и ничтожен. Человек осознает свою беспомощность и ограниченность своего существования. Человек, указывает Фромм, – это единственное животное, для которого собственное существование является проблемой. Он ее должен решить, и от этого никуда не уйти.

Фромм считает, что личность противоречива вследствие противоречивости воздействия на нее как объективных природных процессов (жизнь и смерть), так и экономических и политических (характер влияния НТР, индустриализма, политической власти и т. д.). Отсюда – учение Фромма о бытии и обладании. Смысл его в следующем. Человечество в результате наступившего кризиса близко к экономической и психологической катастрофе. Выход из кризисного положения связан только с изменением характера человека. Сейчас его ведущая установка – на обладание, будущее же – за установкой на бытие. Речь идет о переходе от потребительского общества к здоровому, нормальному обществу, основанному на господстве гуманизма. Это и есть стратегический план Фромма на спасение и изменение человеческого общества.

Ученый полагает, что за «душу» человека идет борьба двух принципов – обладания и бытия. Принцип «иметь» черпает свою силу в конечном счете в биологическом факторе, в стремлении к самосохранению, а принцип «быть», что значит «отдавать», «жертвовать собой» – в социальном факторе. Он обретает силу в специфических условиях человеческого существования. Следовательно, по Фромму, человек должен быть самим собой, развивать присущие ему качества, а не стремиться к стяжательству, к непомерным вожделениям. Это и есть проблема модусов человеческого существования, сформулированная ученым в виде известной дихотомии – иметь или быть.

Крайне важная категория учения Фромма о личности – любовь. Под ней он понимал и жизненную потребность каждого человеческого существа, и великую, объединяющую людей силу. Однако современное западное общество не создает для ее (любви) развития соответствующих условий; наоборот, вместо объединяющей любви продуцируется разъединяющее зло. В работе «Искусство любить» (она переведена на русский язык) рассматривается как теория, так и практика любви. В разделе «Теория любви» любовь характеризуется как разрешение проблемы человеческого существования на протяжении всей его истории.

Фромм анализирует различные виды любви, выделяя особо любовь между родителями и детьми. По такому критерию, как объекты любви, ученый выделяет следующие ее виды: братская любовь, материнская любовь, эротическая любовь, любовь к себе, любовь к богу. Специальный раздел работы имеет название «Любовь и ее разложение в современном западном обществе». В других исследованиях, в частности, в работе «Душа человека» Фромм выделяет «любовь к мертвому» и «любовь к живому», противопоставляя последнюю различным формам насилия. Как гуманист, он не мог пройти мимо этой сугубо личностной, но в то же время социально-этической проблемы.

Изучая проблему человека, ученый анализирует его потребности – в общении, в творчестве, в познании, в освоении бытия, в ощущении глубоких корней, в стремлении к уподоблению и дружбе. Но, поскольку Фромм исследует глубинные проявления человеческого поведения, он не может уйти от анализа деструктивных, разрушающих форм личностного бытия. Рассматривая «анатомию человеческой деструктивности» (именно так названа одна из работ мыслителя), Фромм показывает ее причины. Это может быть утрата связей с самим собой, в результате чего возникает феномен деперсонализации, разрушения личности. В качестве еще одной причины анализируется потеря связей и контактов с обществом, другими людьми, отношения с которыми могут приобретать функциональный, овеществленный характер. Причиной «деструктивности» личности могут стать общественные и политические обстоятельства, создаваемые человеком, но подчиняющие его себе. В книге «Анатомия человеческой деструктивности» Фромм пишет, что он обращается к реальным условиям существования живого действительного человека.

Ученый подчеркивает, что в каждом человеке заложены две тенденции – любовь к жизни (биофилия) и любовь к смерти (некрофилия). Человек может стать биофилом или некрофилом. Если он утрачивает стремление к жизни, торжествует инстинкт смерти. В словарях некрофилия характеризуется как подверженность сексуальному влечению к трупу. У Фромма это понятие значительно шире и богаче. Оно вообще строится не на сексуальной основе. Речь идет о стремлении к разрушению в самых различных формах.

Один из случаев некрофилии Фромм рассматривает в работе «Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии». В книге под таким названием приводится и другая, близкая по духу работа Фромма «Генрих Гиммлер: клинический случай садизма»⁶⁹. Подход к некрофилии у Фромма связан с анализом ее возникновения в условиях современного отчужденного, дегуманизированного общества. Ученый рассматривает некрофильство как потенциальную опору диктатур, терроризма. На вопрос «как распознать некрофила?» Фромм отвечает: его влекут к себе тьма и бездна. Человек сам возвращает в себе комплексы некрофила, связанные с жестокостью, дистрофией чувств.

3.3. Теория социального характера Э. Фромма

В связи с широкой постановкой проблем личности и поиском путей их решения Фромм пришел к выводу о значимости теории социального характера и выявлении его определенных типов. Здесь он продолжает традицию всего неотрейдиизма и постфрейдиизма, выдвигая концепцию

⁶⁹ См.: Фромм Э. Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии. М., 1992.

социального характера на видное место в своем творчестве. Перед этим мы видели, как это же самое делали и А. Адлер, и К. Юнг, и К. Хорни. У каждого из них был, конечно же, свой подход к рассмотрению этой проблемы, свои основания для типологизации характера. Нам же важно отметить наличие самого подхода к проблеме.

Социальный характер у Фромма – это форма связи между психикой индивида и социальной структурой общества. Он отличает социальный характер, являющийся ядром общества, от индивидуального характера. Разница состоит в том, что индивидуальный характер присущ людям в рамках одной культуры, тогда как социальный характер служит основанием для выявления отличий одной культуры от другой.

Характер – это, по Фромму, форма кристаллизации психической энергии человека, которая позволяет использовать ее как производительную силу в социальной жизни. В работе «Человек для себя» ученый пишет: «...фундаментальная основа характера мне видится ... в специфического вида отношениях личности с миром. В процессе жизни человек вступает в отношения с миром 1) посредством овладения вещами и их ассимиляции и 2) посредством отношений с людьми (и с самим собой). Первое я называю процессом ассимиляции; второе – процессом социализации»⁷⁰. Фромм считает, что ориентации, посредством которых индивид вступает в отношения с миром, и определяют суть его характера. На основе такого подхода к характеру он дает следующую его дефиницию: «характер можно определить как (относительно перманентную) форму, служащую проводником человеческой энергии в процессе ассимиляции и социализации»⁷¹.

Рассмотрев характер на уровне психологии личности, Фромм затем переходит к его социологическому анализу. «Тот факт, – пишет он, – что большинство членов некоего социального класса или культуры обладают сходством значимых элементов характера, и что можно говорить о «социальном характере», репрезентирующем суть склада характера, общую большинству членов данной культуры, указывает на степень участия в формировании характера социальных и культурных моделей»⁷².

Каждой ступени развития общества присущ свой социальный характер. Фромм рассматривает свойственные современному ему этапу капитализма типы социального характера, связывая их с двумя ориентациями: неплодотворными и плодотворными. При этом основное внимание уделяется типам характера в связи с неплодотворной ориентацией, что в общем-то становится понятным с учетом негативного восприятия им капиталистического общества, в котором он жил, и его резко критическим анализом в целом ряде работ. Основными типами социального характера неплодотворной ориентации являются: рецептивный (пассивный), эксплуататорский, стяжательский, рыночный. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Рецептивный (пассивный) характер (или ориентация) означает, что человек стремится обрести что-либо извне, т. е. из внешнего источника. Люди с таким типом характера зависят не только от авторитетов, дающих им знания и оказывающих помощь, но и вообще от людей, способных оказать какую бы то ни было поддержку. Это люди, которые не могут взять на себя бремя решения и тяжесть ответственности. Рецептивную ориентацию Фромм называет берущей.

Эксплуататорский тип характера близок к рецептивному тем, что люди, которым он присущ, видят источник получения всего и вся вовне. Однако отличие состоит в том, что они не надеются получить от других что-либо в дар, а отнимают у них желаемое силой или хитростью. Фромм пишет: «Поскольку они удовлетворяются только вещами, которые могут отнять у других, они склонны переоценивать то, что принадлежит другим, и недооценивать свое собственное»⁷³. Эксплуататорскую ориентацию Фромм называет овладевающей.

Стяжательский тип характера (стяжательская ориентация) совершенно отличается от первых двух типов. Главное в нем – стяжательство, экономия, скупость. Люди, относящиеся к этому типу характера, стараются как можно меньше давать не только в плане денег, материальных предметов и вещей, но даже любви. Основное здесь – обладание. Стяжательский тип характера отличается педантичностью, упорядоченностью, аккуратностью, иногда доводимыми до абсурда. Э. Фромм называет такую ориентацию сберегающей.

Наиболее подробно он рассматривает рыночный тип характера. Если предшествующие три типа характера имели место и раньше, то рыночный тип стал доминировать только в современную эпоху. Модель этой ориентации характера задается рынком и его экономической функцией в современном обществе. Поскольку отличительная черта современного рынка – не место

⁷⁰ Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992. С. 62.

⁷¹ Там же. С. 63.

⁷² Там же. С. 64.

⁷³ Там же. С. 69.

встречи, а механизм абстрактного и безличного спроса, постольку рыночный тип характера означает стремление людей рассматривать любую ценность, в том числе и ценность людей, как меновую. Для таких людей оценки и на индивидуально-личностном, и на товарном рынке одни и те же. Фромм пишет в этой связи: «Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтобы стать ходким товаром»⁷⁴. Поэтому не случайно он называет рыночную ориентацию обменивающейся.

В анализе рыночного типа характера важны рассуждения ученого о равенстве, а также то, что отсюда вытекает. Он отмечает: «Сегодня равенство стало эквивалентом взаимозаменяемости, а это уже прямое отрицание индивидуальности. Равенство вместо того, чтобы быть условием развития своеобразия каждого человека, означает изжитие индивидуальности, «самоотказ», характерный для рыночной ориентации. Равенство связывалось с различием, а стало синонимом «безразличия»; и в самом деле, безразличие это как раз то, что характеризует отношение современного человека к самому себе и к другим»⁷⁵. Хотя Фромм относит рыночный тип характера к одной из неплодотворных ориентаций, последний занимает особое место, отличаясь от остальных трех. Здесь личные качества как бы уходят на задний план, а на авангардные позиции выходит то, что может быть предметом обмена.

Фромм подчеркивает, что все четыре типа характера «имеют свою долю в человеческом жизнеустройстве, а доминирующее положение той или иной специфической ориентации в большой степени зависит от особенностей культуры, в которой живет индивид»⁷⁶. Так, рецептивную ориентацию можно часто обнаружить в обществах, где за одной группой закреплено право эксплуатировать другую (Фромм имеет в виду прежде всего рабовладельческое общество). Стяжательский характер с его девизом «Я беру то, что мне нужно» заставляет нас вспомнить о предках, пиратах, феодалах, магнатах-грабителях XIX в. Стяжательская ориентация существовала бок о бок с эксплуататорской в XVIII – XIX вв. Рыночная ориентация не имеет истоков в этих столетиях. Она является современным продуктом. Упаковка, ярлык, фирменная марка стали важны как для товаров, так и для людей лишь с недавнего времени.

Подводя итог рассмотрению типов социального характера неплодотворной ориентации, Фромм делает вывод: «Обезличивание, бессодержательность, утрата смысла жизни, автоматизация индивида ведут к растущей неудовлетворенности и потребности искать более адекватный образ жизни и нормы, которые могли бы привести к этой цели». И далее: «Плодотворная ориентация ... демонстрирует такой тип характера, при котором рост и развитие всех возможностей человека является целью, которой подчинены все остальные действия»⁷⁷.

Итак, плодотворная ориентация, или плодотворный характер, как называет ее также Фромм, преследует цель человеческого развития и является идеалом гуманистической этики. Он большое внимание уделяет анализу понятия «плодотворность». По его мнению, это человеческая способность использовать свои силы и реализовать заложенные в человеке возможности. В другом месте он ассоциирует плодотворность с творчеством, особенно с художественным. Еще один подход к плодотворности связан с рассмотрением ее как установки, к которой способно каждое человеческое существо, не искалеченное ментально и эмоционально. Плодотворность также выступает синонимом активности. В итоге она рассматривается как особый способ отношения человека к миру. Фромм называет три типа плодотворного характера, или плодотворной ориентации: деятельный, любящий, разумный.

Выявляя типы социального характера, он пишет, что классическому капитализму свойственны такие черты социального характера, как стремление к накоплению, индивидуализм, агрессивность. Что касается современного буржуазного общества, то он называет иные черты: стремление к потреблению, чувство неуверенности, одиночества, скуки и т. д. Конкретизируя категорию социального характера применительно к рабочему, Фромм отмечает такие его стороны, как пунктуальность, дисциплина, способность к совместному труду. Социальный характер крестьянина отличается индивидуализмом, упорством, противоборством всем попыткам его изменить.

⁷⁴ Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992. С. 73.

⁷⁵ Там же. С. 77.

⁷⁶ Там же. С. 80.

⁷⁷ Там же. С. 84.

3.4. Развитие капиталистического общества и проблема отчуждения в работах Э. Фромма

Исследование капиталистического общества занимало в творчестве Фромма весьма заметное место. По своему характеру это был анализ радикального гуманиста, который видел многие негативные стороны буржуазного общества, направленного против человека. Он считал, что капитализм тотально противостоит человеку, приводя ко всеобщему отчуждению: производства от человека, человека от природы, человека от предмета и результата труда и в конце концов – человека от человека. Но главное – это отчуждение личности от общества, которое имеет много промежуточных звеньев и механизмов. Фромм пишет, что общество отчуждения «опредмечивает» человека, превращает его в песчинку, колесико.

Цель этого процесса – не только экономическая (эксплуатация, извлечение прибыли), но и, что не менее важно для Фромма, – военно-политическая. Речь идет о том, что так легче, согласно его точке зрения, «вращать гигантскую машину вооружения». Такое общество, без сомнения, создает особый «деструктивный тип личности», который становится угрозой самому существованию человечества.

Основные позитивные идеи Фромма в отношении преодоления отчуждения личности от общества состоят в следующем:

- производство должно служить человеку, а не экономике;
- отношения между человеком и природой должны строиться не на эксплуатации, а на кооперации;
- антагонизмы должны быть повсюду заменены отношениями солидарности;
- лишь разумное, а не максимальное потребление служит здоровью и благосостоянию человека;
- каждый человек должен быть заинтересован в активной деятельности на благо других людей и вовлечен в нее;
- высшей целью всех социальных мероприятий должно быть человеческое благо и предотвращение экономических страданий.

Таким образом, Фромм выступал против потребительского общества, суть которого в 1960 – 1970-х гг. заключалась в резком возрастании интереса людей к потреблению как главному виду деятельности (некоторые особенности этого общества Россия переживает сейчас). Он предупреждал об ограниченности и опасности этого общества, его направленности против личности, угрозе, которое это общество представляло для активности и эффективной и плодотворной деятельности человека. Потребительство, считал Фромм, также ведет к отчуждению, только с другой стороны, «отбирая» человека у активной социальной деятельности.

В связи с проблемой отчуждения тесно стоит проблема свободы, анализу которой Фромм посвятил одну из первых своих крупных работ («Бегство от свободы»). Он проводит разграничительную черту между «свободой от...» и «свободой для...». Ученый доказывает, что всегда нужно стараться увидеть конкретное лицо свободы и ее предназначение. Люди часто делают акцент на первом аспекте свободы, тогда как не меньшее значение имеет второй. Для Фромма «свобода от...» является условием «свободы для...». Свобода от инстинктов, от отчуждения, от тоталитаризма становится основой свободы для солидарности с другими людьми, для любви, для активной деятельности. Каждое общество порождает свой исторический тип свободы. Иногда она бывает такая, что от нее хочется бежать – это свобода капиталистического общества.

Ученый анализирует проблему свободы не только в условиях капиталистического общества, но и в рамках перехода к нему от предшествующих этапов развития человечества. Рассматривая две основные формы свободы – «от» и «для» – на различных стадиях эволюции человеческого общества, он доказывает, что началом свободы становятся действия неподчинения, критицизма. Но это неполная свобода, ее реализация должна завершиться солидарностью с обществом, другими людьми, наконец, с самим собой. Если же социально-экономические и политические условия не позволяют человеку реализовать потребность связей с миром, то свобода человека превращается в тяжкое бремя. Тогда люди бегут от такой свободы. По мнению Фромма, подобная ситуация типична для общества с тоталитарным режимом.

Вообще ученый рассматривал развитие общества от этапа к этапу как движение от негативной свободы (несвободы) к позитивной свободе (подлинной свободе). Но история развития общества рождала парадоксы на почве свободы и несвободы, их соотношения. Так, освободившись

от плена феодальных уз и, казалось бы, обретя значительную свободу, человек расплатился за это утратой чувства солидарности и уверенности при капитализме. Другими словами, приобретения в сфере свободы обернулись потерями в ней.

Капиталистическое общество Фромм считал дегуманизирующим и болезненным. Кстати, таким же он считал и советское общество. Особую опасность, по его мнению, представляло то, что капитализм как общество тотального отчуждения в массовом порядке производит не людей, а отчужденные автоматы, не способные на человеческие чувства. Фромм был убежден в том, что капитализм как общество переживает глубочайший кризис, который обусловлен экономическими и психологическими противоречиями самой индустриальной системы. Он, конечно же, видел выдающиеся достижения этого общества в науке, технике, материальном благосостоянии людей. Однако большие надежды многих людей на безграничную личную свободу, всеобщий и беспрепятственный рост материального изобилия, господство над природой оказались несбыточными. Цивилизация, по Фромму, находится на грани самоуничтожения.

Каковы пути спасения от кризиса? Согласно мнению ученого, это создание нового человека и нового общества, соответствующего потребностям неотчужденного индивида. Его программа предполагала спасение человечества от экономической и психологической катастрофы путем коренного изменения характера человека, выражающегося в переходе от доминирующей установки на обладание к установке на бытие, в смене типа потребления – от патологического к здоровому, в децентрализации промышленности и политики, в осуществлении политической и индустриальной демократии соучастия, в замене бюрократического способа управления гуманистическим.

Социология Фромма стала мощным импульсом для развития не только этой науки, но и всей современной западной интеллектуальной культуры. Наряду с теоретическим влиянием и значением, она сыграла и практическую роль в активизации молодежных движений конца 1960-х гг., убеждая новое поколение в бесперспективности капиталистического общества, в котором оно жило, и тем самым заставляя задуматься над изменением социального характера и этого поколения, и общества в целом.

§ 4. ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА Д. РИСМЕНА

Дэвид Рисмен
David Riesman
(22 сентября 1909 – 10 мая 2002)

Теоретические идеи Фромма, особенно в области концепций социального характера и отчуждения личности при капитализме, оказали большое влияние на современную ему социологическую мысль. Одним из исследователей, испытавших это влияние, стал американский социолог, социальный психолог, представитель психоанализа американской социологической школы, ученый либерально-радикального течения психоанализа Дэвид Рисмен (1909 – 2002). Его основные работы: «Одинокая толпа: изучение изменения американского характера» (1950, в соавторстве с Н. Глейзером и Р. Денни), «Лица в толпе» (1952). Рисмен оказался одним из популярнейших авторов и основателей концепции социального характера (наряду с Фроммом).

Американский социолог говорит о трех типах характеров, соответствующих трем типам общества.

Первый тип – консервативный, конформный, ориентированный на традиции, устоявшиеся образцы поведения в клане, касте, сословии. Он присущ доиндустриальному обществу.

Второй тип характера был определен Рисменом как «изнутри ориентированная личность», свойственная периоду развития раннеиндустриального общества с ослабленными традициями, отсутствием или неразвитыми СМИ, слабым контролем со стороны первичных групп. Личность, являющаяся «носителем» этого типа характера, оказывается сильной, целеустремленной, предприимчивой, склонной к нововведениям и переменам. Вместе с тем, здесь еще сохраняется роль традиционных норм и ценностей.

Третий тип характера рождается в условиях перехода к потребительскому, т. е. развитому индустриальному обществу и получает название «извне ориентированная личность». Поведение личности с таким типом характера обусловлено влиянием бюрократии, СМИ, моды, господствующей системы связей и отношений, но ни в коем случае не традициями и принципами, принятыми нормами и ценностями. У «извне ориентированной личности» отсутствует сильное самостоятельное Я, тем более сверх-Я. Это стандартизированная и обезличенная фигура, объект манипулирования и результат отчуждения. У личности такого типа есть стремление к подлинно человеческим проявлениям (любовь, страсть, правдивость, честность и т. д.), но вся система внешнего воздействия мешает ей в этом.

Все названные типы характеров сосуществуют в современном обществе, считает Рисмен. Однако удельный вес и влияние каждого из них разные, они зависят от экономических, социальных, демографических факторов, уровня урбанизированности общества и др. Последний, третий тип характеризует «одинокость в толпе», но, вместе с тем, рождает стремление к подлинно позитивному социальному характеру – «автономной личности», имеющей ясные, рациональные цели, личности неконформной, независимой от влияний потребительского общества, культурной среды.

Рисмен рассматривает социальные характеры с позиций либерального критицизма, подчас довольно остро. Эта критика направлена против бюрократии, потребительского общества. Она касается разных сфер жизни – труда, игры, образования, досуга, религии, власти, свободы и т. д. В своей критике социолог иногда склоняется к некоторой идеализации периода классического капитализма.

Работы Рисмена сыграли большую роль в духовной подготовке событий 1968 г., связанных с бунтарскими выступлениями молодежи, прежде всего американской, вступившей в своеобразный «конфликт культур» с истеблишментом (в отличие от выступлений молодежи в европейских странах, где наблюдались процессы реального противоборства с властью, объединившие студентов и рабочих).

Подводя итог рассмотрению психоанализа в социологии, отметим, что им был пройден путь от фрейдизма до неофрейдизма. Последний возник преимущественно в США на почве соединения психоанализа с американской социологией, а его основными представителями были К. Хорни, Э. Фромм, Д. Рисмен. В неофрейдизме заметно усиливается роль социальных факторов, рассматриваемых сквозь призму их влияния на психику личности. Бессознательное (являющееся основной категорией у Фрейда и связанное у него с сугубо биологическими механизмами) превращается в неофрейдизме в связующее звено между социальными и психическими структурами (к примеру, у Фромма – «социальное бессознательное»).

Межличностные отношения выступают в неофрейдизме предметом основного внимания (взамен психических процессов). Приспособление личности к социальной среде приобретает роль одной из центральных проблем в неофрейдизме, наряду с типологией социального характера, вне которой особенности такой адаптации будут непонятны. С точки зрения «нового» психоанализа главной задачей этого метода становится поиск дефектов и конфликтов в системе социальных связей человека, что способствует его успешной адаптации к существующему образу жизни.

Ряд аспектов психоаналитической ориентации в социологии оказался связанным с деятельностью представителей Франкфуртской социологической школы, к рассмотрению которой мы переходим в следующей главе.

Вопросы и задания

1. В чем существо социологического подхода к психоанализу?
2. Какие проблемы психоаналитической ориентации в социологии анализировались в теориях З. Фрейда и как это делалось?
3. Охарактеризуйте основные положения «индивидуальной психосоциологии» А. Адлера.
4. В чем заключались особенности психосоциологических взглядов К. Юнга?

5. Раскройте существо концепции К. Хорни и охарактеризуйте типы поведения личности, предложенные ею.
6. В чем заключается гуманизм социологического учения Э. Фромма?
7. Опишите основные этапы жизненного пути Фромма.
8. Проанализируйте концепцию личности Фромма.
9. Что понимал под социальным характером Фромм? Изложите его учение о типах социального характера.
10. Почему проблема свободы занимала в творчестве Фромма центральное место? Как трактовал свободу ученый?
11. Как раскрывалась проблема отчуждения в работах Фромма? Изложите основные идеи ученого в отношении преодоления отчуждения личности от общества.
12. Охарактеризуйте значение социологических идей Фромма.
13. В чем состояли основные положения теории социального характера Д. Рисмена? Приведите типологию социального характера ученого.

Литература

- Адлер А. Понять природу человека. СПб., 1997.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
- Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. Тексты. М., 1996.
- Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992.
- Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
- Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1992.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
- Хорни К. Новые пути в психоанализе. Собр. соч.: В 3 т. М., 1997.
- Юнг К. Психологические типы. М., 1995.
- Юнг К. Дух и жизнь. М., 1997.
- Юнг К. Душа и миф. Шесть архетипов. М., 1997.

ГЛАВА 6

ФРАНКФУРТСКАЯ ШКОЛА В СОЦИОЛОГИИ

§ 1. Общая характеристика

§ 2. Взгляды Г. Маркузе

§ 3. Идеи Т. Адорно

§ 4. Творчество Ю. Хабермаса

4.1. Критическая направленность работ

4.2. Теории коммуникативного действия и колонизации жизненного мира

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Под Франкфуртской школой в социологии принято понимать одно из наиболее влиятельных леворадикальных течений, возникшее в конце 1920-х гг. и оформившееся в 1930-х гг. на базе франкфуртского Института социальных исследований и «Журнала социальных исследований». И тем, и другим руководил в то время Макс Хоркхаймер (1895 – 1973), стоявший у истоков школы (сам Институт социальных исследований был основан раньше, в 1922 г., политологом Ф. Вайлем).

В 1934 – 1939 гг., с приходом к власти фашизма, Институт и центр школы с ее руководством перебрались в Женеву, затем в Париж. С началом Второй мировой войны в 1939 г. социологи переехали в США, где в течение 10 лет работали при Колумбийском университете в Нью-Йорке. По мере переездов в другие страны и города создавались филиалы Института в Швейцарии, Франции, США. В 1949 г. Институт вернулся во Франкфурт-на-Майне. Расформирован он был в 1969 г., что означало по существу организационный распад школы. Наиболее видные ее представители, кроме М. Хоркхаймера, – Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ю. Хабермас. Последний – ныне единственный из всех крупных представителей этой школы – продолжает активно работать, считаясь одним из выдающихся современных немецких мыслителей (хотя много лет уже находится не в Германии, занимаясь научным творчеством и ведя педагогическую деятельность в Великобритании).

Наиболее значительные, «классические» работы представителей Франкфуртской школы, или, как их часто называют, франкфуртцев были созданы в 1930 – 1960-х гг. К их числу относятся: коллективные труды «Штудии об авторитете и семье» (1936, руководитель Хоркхаймер), «Авторитарная личность» (1950); работы Хоркхаймера «Критическая и традиционная теория» (1937), «Диалектика просвещения» (совместно с Адорно, 1947), «Помрачение разума» (1947); исследования Адорно «Философия новой музыки» (1949), «Ведение в социологию музыки» (1962), «Негативная диалектика» (1966); сочинения Маркузе «Разум и революция» (1941), «Эрос и цивилизация» (1955), «Одномерный человек» (1964), «Эссе об освобождении» (1969), «Контрреволюция и бунт» (1972) и др. Что касается работ Фромма, то они были названы в предшествующей главе. Особое место в перечне трудов, созданных франкфуртцами, занимают работы Хабермаса, представителя второй волны Франкфуртской школы. Это: «Знание и человеческие интересы» (1968), «К рациональному обществу» (1970), «Кризис легитимности» (1973), «Теория и практика» (1974), «Коммуникация и эволюция общества» (1979), «Теория коммуникативного действия» (1981).

Франкфуртская школа известна тем, что утвердилась как леворадикальная (критическая) социология. Ее влияние сильно росло с 1940-х до конца 1960-х – начала 1970-х гг. Эта школа обосновала в социологическом плане движение «новых левых» (в конце 1960-х гг.), особенно идеи его экстремистского крыла. Как известно, направленность этого движения состояла в его противопоставлении и даже противостоянии официальной идеологии буржуазного консерватизма, с одной

стороны, социализма в СССР – с другой. Однако в начале 1970-х гг. движение «новых левых» потерпело поражение, что выразилось в разгроме, как ее называли, «молодежной (студенческой) революции». Революционные идеи, тесно связанные и по существу даже возвращенные Франкфуртской школой, после смерти Адорно, Хоркхаймера, а затем и Маркузе, постепенно потеряли свое влияние.

Особое место в жизни Франкфуртской школы занимало отношение к марксизму. Отрицая справедливость и достаточную обоснованность идей марксизма в отношении капитализма и замены его социализмом, представители Франкфуртской школы сыграли значительную роль в появлении неомарксизма. Он означал не просто обновленный марксизм, как могло бы следовать из этимологии этого термина, а новое направление социальной мысли, в котором философские, политэкономические, социологические понятия, использовавшиеся в марксизме, оказываются соединенными с помощью центральной категории – отчуждения, трактуемого исключительно в социально-экономическом смысле. В свете такого подхода понятно, почему капитализм рассматривается франкфуртцами как общество всеобщего отчуждения и подвергается резкой и беспощадной критике (отсюда одно из названий теории Франкфуртской школы – «критическая теория» или «критическая социология»).

При этом неомарксизм связывается ими как с отрицанием духовной культуры капитализма, так и с признанием необходимости антикапиталистической революции. Почти как у К. Маркса, но только «почти», ибо она рассматривается как такой катастрофический поворотный пункт в истории человечества, за которым должно появиться нечто принципиально новое, в корне отрицающее прошлое развитие человечества.

Отсюда и совершенно новая социальная база этой антикапиталистической революции, совсем не такая, как у Маркса. Если главной ее движущей силой и лидером («гегемоном»), согласно последнему, является пролетариат, то, в соответствии с неомарксизмом, в таком качестве должны выступить те группы, которые находятся на «социальном дне» капиталистического общества. Это: люмпенизированные слои населения; представители стран «третьего мира» (их не коснулся процесс капиталистической модернизации); противостоящие западной культуре и негативно настроенные по отношению к ценностям буржуазного общества группы интеллектуалов; безработные; молодежные группы и движения, в том числе те их представители, которые по убеждению не хотели работать; представители сексуальных меньшинств, крайне недовольные преследованиями и гонимые хотя бы поэтому бороться против буржуазного государства; наркоманы и т. д.

Многочисленность этих групп в западных странах и массовый характер некоторых из них создавали серьезные предпосылки для популярности неомарксизма и его виднейших теоретиков в лице лидеров Франкфуртской школы, что сыграло заметную роль в идеологическом обосновании и обеспечении движения «новых левых», а через него – и молодежной революции («бунта») 1968 г.

Франкфуртскую школу справедливо называют критической, потому что основной идейный пафос ее представителей, причем как в довоенный, начальный период существования, так и в послевоенный, был связан с критикой не только капиталистического и социалистического (в СССР) обществ, но и теорий, в которых содержалась их апологетика. Поскольку главной критической (по отношению к капитализму) теорией был так называемый «аутентичный» (подлинный) марксизм, а апологетической (по отношению к социализму) теорией в то время была ленинско-сталинская «модель марксизма», понятно, что марксистские идеи (в том числе в их искаженном варианте) стали предметом особого внимания представителей школы. Не случайно именно их называют основателями и приверженцами неомарксизма как направления западной социально-философской мысли, представители которого стремились к истолкованию Маркса в духе неогегельянства, фрейдизма, «философии жизни» и других течений мысли, связанных с подчеркиванием в качестве центральной проблемы отчуждения.

Критический характер Франкфуртской школы проявился не только по отношению к капиталистическому обществу и ряду теорий, связанных с ним непосредственно, в первую очередь марксистских. Подобная судьба – стать объектом критики – была уготована представителями школы направлению структурно-функционального анализа за значительный разрыв между абстрактно понимаемой социологической теорией и социальной практикой. Это направление было «обвинено» сторонниками школы в определенной социальной и даже идейной ангажированности, проявившейся в возможности использования парадигмы структурного функционализма в целях усиления социального контроля для поддержания в капиталистическом обществе порядка и равновесия.

В этой связи следует специально остановиться на антипозитивистской позиции Франкфуртской школы. Критическое отношение к буржуазной рациональности не могло не сказаться на восприятии представителями школы позитивизма и сциентизма. Последние ассоциировались в сознании сторонников школы с академической социологией и индустриализмом, против которого они резко выступали.

Основными проблемами и темами Франкфуртской школы были: социологический анализ капитализма, предпринятый сквозь призму проблемы отчуждения; критика современного общества за его антигуманный, антиличностный характер; концепция авторитарной личности и попытка с помощью конкретных социологических исследований доказать, что этому типу личности действительно соответствует определенная социальная реальность; разработка методологии исследований в области социологии культуры, искусства (Адорно), коммуникаций (Хабермас), движений леворадикального толка (Маркузе).

Однако среди названных тем и проблем особое место занимает отношение к творчеству Маркса и марксизму как теоретическому направлению и революционной практике. Основной задачей многие представители школы считали возвращение к гуманистическим идеям и ценностям «раннего», молодого Маркса, взгляды которого противопоставлялись позиции зрелого и «антигуманного» Маркса. Критическому анализу подвергались идеи руководящей роли рабочего класса, социалистической революции и устройства будущего общества.

Далее будут рассмотрены взгляды отдельных представителей Франкфуртской школы.

§ 2. ВЗГЛЯДЫ Г. МАРКУЗЕ

Герберт Маркузе
Herbert Marcuse
(19 июля 1898 – 29 июля 1979)

Герберт Маркузе (1898 – 1979), немецко-американский социальный философ и социолог, родился в Берлине. Из гимназии был призван в армию в 1916 г. После войны, в 1919 г., поступил в Берлинский университет, затем через два года продолжил обучение на философском факультете Фрайбургского университета. Поработав в книжном бизнесе, Маркузе вернулся в 1929 г. в университет г. Фрайбурга для того, чтобы стать преподавателем. Однако после прихода к власти фашизма он теряет такую возможность, переезжает во Франкфурт-на-Майне (в 1933 г.), а затем вместе с Институтом социальных исследований, где работал, едет сначала в Женеву, а вслед за этим – в Нью-Йорк, где в 1934 г. оказывается в Колумбийском университете.

Начинается новый, американский период жизни, который длится уже до ее конца. Во время Второй мировой войны Маркузе занимается антифашистской контрпропагандой, сотрудничая с информационной службой американской разведки. С 1950 г. работает в Русском институте Колумбийского университета, с 1952 г. – в Русском центре Гарвардского университета. В 1954 – 1965 гг. был профессором Брандейского университета, с 1965-го по 1970 г. (т. е. до выхода на пенсию) работал профессором философского факультета Калифорнийского университета в г. Сан-Диего. Несмотря на то, что значительную часть своей жизни он провел в США, где написал большинство своих главных работ, тесных идейных связей с Франкфуртской школой и ее наиболее крупными представителями он никогда не порывал. Что же касается характера его собственных концепций, то они были весьма близки критическому духу школы и создавались в русле идей неомарксизма.

Маркузе является автором ряда популярных книг: «Разум и революция» (1941), «Эрос и цивилизация» (1955), «Советский марксизм» (1958), «Одномерный человек» (1964), «Эссе об освобождении» (1969), «Конец утопии», «Контрреволюция и бунт» (1972) и др.

Подвергая в этих работах критическому анализу индустриальное («позднекапиталистическое») общество, Маркузе считает, что благодаря характерным для него технологиям оно зашло в тупик тоталитаризма. Технология не может быть безразличной по отношению к обществу и личности; в условиях капитализма она способствует подавлению индивидуальности и свободы. Происходит выравнивание людей на уровне их «усреднения», что облегчает осуществление власти и господства одних над другими. Именно при таких технологиях возникает «одномерное общество». Поскольку в нем индивид не в состоянии критически оценить ни общество, ни свое место в нем, ни, тем более, перспективы собственного развития, он становится «одномерным человеком». Его многомерное культурное, социальное, моральное, чисто человеческое, индивидуальное (антропологическое) развитие становится невозможным.

Такой подход есть не что иное, как продолжение «критической теории» Хоркхаймера. Согласно Маркузе, современное индустриальное общество обеспечивает нейтральные позиции и молчаливое с ним согласие своих членов тем, что сначала способствует формированию у них определенной структуры элементарных жизненных («витальных») потребностей («влечений», как он их характеризует), соответствующих требованиям этого общества и не выходящих за его социокультурные пределы; затем создает необходимые условия для удовлетворения этих потребностей или, по крайней мере, не препятствует их реализации. Главными среди них, вслед за З. Фрейдом, оказавшим глубокое влияние на идеи Маркузе, последний считал сексуальные потребности («влечения»).

Все это означает, что революция против такого «одномерного» общества может быть успешной лишь тогда, когда она выйдет на уровень витальных антропологических потребностей. Речь идет о том, чтобы создать необходимые предпосылки, способствовать превращению социальной революции в антропологическую, т. е. сексуальную, или, точнее говоря, соединению их в единую революцию.

Таким образом, Маркузе был поставлен один из центральных социологических вопросов: «Как возможна революция в позднекапиталистическом обществе?». Эту проблему он решал многие годы. В конце концов социолог пришел к выводу, что такое решение может иметь трехуровневый характер. Первый уровень оказался сугубо индивидуальным, антропологическим; предполагалось, что революция должна была стать сексуальной, поскольку речь идет об «освобождении» подавленных капиталистическим обществом эротических влечений. Второй уровень имел уже культурный характер. Здесь главным является борьба против «репрессивной культуры» индустриального общества. Суть же «культурной революции» состоит в победе авангардистского сюрреалистического искусства, в котором выражается бунт названных выше влечений.

Наконец, на третьем – социальном – уровне ряд общественных групп, не интегрированных в современное индустриальное общество (представители стран «третьего мира», люмпенизированные слои, бунтующие, не согласные с истеблишментом, интеллектуалы, студенты, сексуальные и этнические меньшинства и т. д.) осуществляет социальную революцию, направленную против «позднекапиталистического общества», стремящегося к тоталитаризму, репрессивной культуры этого общества и господствующего авторитарного типа личности.

В этой связи специально следует отметить отказ Маркузе (и других представителей Франкфуртской школы) видеть в рабочем классе главную революционную силу (как полагал Маркс, с идеями которого по этому вопросу шла активная полемика). Основным аргумент состоял в том, что рабочим классом стали успешно управлять с помощью «массовой культуры», и он перестал представлять угрозу для индустриального общества. Поэтому на авангардные революционные позиции выдвигаются названные выше новые социальные силы.

Таким образом, к концу 1960-х гг. у Маркузе сложилась трехуровневая социологическая концепция революции, соединившая в себе сексуальную, культурную и социальную составляющие. Эта концепция получила большой резонанс у новых левых, молодежного (студенческого) движения, объявивших «тотальную революционную войну» против капиталистического общества. Концепция обеспечила социологу огромную популярность среди различных групп и движений, и прежде всего среди экстремистов.

Однако, увидев практическое воплощение своих идей в терроризме, нигилизме, аморализме, он испугался такого резонанса своих идей и их последствий, а потому отмежевался от левых экстремистов, что привело к резкому падению его авторитета в левых кругах. Особенно заметно это стало после выхода в свет его работы «Контрреволюция и бунт», в которой экстремистские и террористические действия в 1968 – 1969 гг. получили осуждение. Идея «Великого Отказа» от «репрессивной тотальности» капиталистического общества, на основе чего только и можно построить свободное сообщество людей, – а это была одна из центральных социологических идей Г. Маркузе, – не нашла в его творчестве необходимых и реальных механизмов и средств для своего осуществления.

§ 3. ИДЕИ Т. АДОРНО

Теодор Адорно
Theodor Ludwig Wiesengrund Adorno
(11 сентября 1903 – 6 августа 1969)

Теодор Адорно (1903 – 1969) известен как крупный социолог, участвовавший в зарождении и становлении Франкфуртской школы. Родившись в Германии (во Франкфурте-на-Майне), он получил прекрасное музыкальное образование, которое продолжал совершенствовать в Вене. Адорно проходил обучение музыкальной композиции у одного из самых известных композиторов XX в. и основателей музыкального авангарда А. Шенберга. В молодые годы он проявил большой интерес к теоретическим занятиям философией, эстетикой, художественной и особенно музыкальной культурой. Именно в этих областях науки он стал главным теоретиком Франкфуртской школы.

Особенно велики его достижения в области социологии музыки, где были написаны одни из первых и наиболее глубоких работ («Философия новой музыки», «Введение в социологию музыки» и др.). Благодаря активным занятиям в сфере музыкального искусства и критическим выступлениям в печати с анализом его произведений Адорно приобрел славу одного из ведущих теоретиков музыки и музыкальных критиков Германии.

Защитив докторскую диссертацию, он готов был вести преподавательскую деятельность. Но приход Гитлера к власти круто изменил его судьбу, равно как и многих ученых-обществоведов, тем более людей еврейской национальности. Адорно был вынужден уехать из Германии. Сначала он оказался в Великобритании, а через четыре года – в США. В этой стране он вначале участвовал в проведении исследований в сфере музыкального искусства на радио в рамках знаменитого проекта, которым руководил П. Лазарсфельд. Однако маркетинговая концепция проекта противоречила теоретическим установкам самого Адорно, и он, выйдя из проекта, переезжает в Калифорнийский университет, где работает вместе с М. Хоркхаймером.

После войны социолог возвращается во Франкфурт-на-Майне, где в университете имени Гёте ведет активную работу. Он участвует в ряде теоретических дискуссий (с К. Поппером, неопозитивистами, сторонниками реформы высшего образования ФРГ и др.) и, конечно же, принимает близко к сердцу движение «новых левых». Критицизм этого движения оказывается созвучным многим идеям Адорно, часть которых движение восприняло и сделало «своими». Сам социолог поддержал это движение на его первом этапе, однако постарался «откреститься» от него на втором этапе, когда оно стало откровенно нигилистическим и экстремистским. Студенческая молодежь отшатнулась от него, но в леворадикальной критической социологии его авторитет продолжал оставаться высоким еще долгое время после смерти, наступившей внезапно от сердечного приступа в августе 1969 г. Поэтому тезис о том, что он принял движение «новых левых» близко к сердцу, можно толковать не только фигурально, но и буквально.

Социологическая проблематика нашла свое отражение в ряде крупных работ Адорно, в первую очередь в «Диалектике просвещения» (написанной совместно с Хоркхаймером и опубликованной в 1947 г.). В этой работе содержится по существу программное изложение неомарксизма, его социально-философских и социологических идей. Центральное место занимает в ней рассмотрение проблемы отчуждения как сквозной для всей капиталистической истории Запада. Этот исторический процесс рассматривается как постепенная утрата человеком своей индивидуальной свободы в условиях усиливающегося безумия буржуазного общества. Последнее Адорно характе-

ризуется как «неудавшуюся цивилизацию», отличающуюся признаками «фашизоидности» (независимо от того, существуют ли в странах позднего капитализма фашистские режимы или нет).

Вслед за «Диалектикой просвещения» в 1950 г. выходит коллективный труд, выполненный при участии и под руководством Адорно, – «Авторитарная личность». Эта работа создавалась на материалах конкретно-социологических исследований, в основу которых была положена концепция авторитарной личности Фромма. Авторитарная личность рассматривалась как один из наиболее характерных типов личности в условиях капиталистического общества, а ее свойства и признаки анализировались с позиций их антигуманной направленности.

Одна из значительных сторон социологического творчества Адорно – его работы в области социологии музыки. Помимо названных выше, следует упомянуть два труда, опубликованных друг за другом и повлиявших на развитие этой отрасли социологического знания, – «Призмы. Критика культуры и общество» (1955) и «Диссонансы. Музыка в управляемом мире» (1956). В анализе музыки как социального явления проводится крайне важная идея о том, что определенные виды музыки можно рассматривать как моделирование процесса отчуждения (обесчеловечивания) человека, происходящего в условиях позднего капитализма. Как и анализу общества и его теорий, трактовке социологом музыки также присущ критический характер. Процесс «подавления» личности «общественной тотальностью» в виде определенной музыки является одной из тем социологии Адорно.

Критический характер его теоретических построений проявился наиболее ярко в «Негативной диалектике» (1966). Название книги отражает не столько название концепции, сколько ее характер, установку автора на критическое переосмысление диалектики как Гегеля, так и ряда мыслителей XX в. Под «негативной диалектикой» следует понимать критику традиционных понятий и категорий диалектики, абсолютизацию ее отрицающей функции, т. е. принципа негативности – в противоположность диалектическому принципу, согласно которому главное – не отрицание, а утверждение, использующее лишь в качестве одного из своих моментов отрицание.

Строго говоря, «негативная диалектика» была «изобретением» не только Адорно, но и всей Франкфуртской школы. При этом она не выступала самоцелью и создавалась не ради исключительно формально-логических упражнений с понятиями и категориями. Наиболее значимым было ее применение к отрицанию существовавших социально-экономических, культурных и духовно-идеологических реалий. Как отмечают исследователи творчества Франкфуртской школы в целом и Адорно в частности, наиболее характерная черта этой диалектики – вульгарный социологизм. Такова точка зрения известного отечественного историка социологии Ю.Н. Давыдова. Характеризуя взгляды Адорно, он пишет: «Поскольку критика «угнетательского и эксплуататорского разума» в негативной диалектике ... осуществляется главным образом посредством редукции логико-гносеологических понятий к определенным общественно-экономическим реалиям, характерная черта этой программы «критического переосмысления» диалектики – вульгарный социологизм»⁷⁸. Эта черта негативной диалектики по существу базировалась на изначальном признании факта эксплуатации человека человеком, его подавления и угнетения.

§ 4. ТВОРЧЕСТВО Ю. ХАБЕРМАСА

4.1. Критическая направленность работ

Юрген Хабермас является наиболее ярким представителем второго поколения Франкфуртской школы. Так получилось, что год его рождения (1929) пришелся на год возникновения школы. Он получил прекрасное образование в университетах Германии и Швейцарии (Геттинген, Бонн, Цюрих), обучаясь философии, психологии, истории, экономике и литературе. Социологией Хабермас стал заниматься с 1956 г., когда начал работать ассистентом Адорно в Институте социальных исследований Франкфуртского университета. Он принимает участие в эмпирических исследованиях, проводит собственные изыскания, поскольку Хоркхаймер – один из лидеров школы – постоянно требует подтверждения теоретических размышлений и выводов конкретными данными.

⁷⁸ История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 525.

Юрген Хабермас
Jürgen Habermas
(18 июня 1929)

В 1962 г. появилась в печати работа Хабермаса «Структура общественного мнения», являвшая собой сочетание теории и эмпирии. Годом раньше появилась коллективная работа представителей Франкфуртской школы «Студент и политика», одним из авторов которой был Хабермас. Уже в этой работе, основанной на эмпирическом исследовании политического сознания западногерманских студентов, предсказывается всплеск их активности, имеющей протестный характер и направленной против консерватизма властей. Однако студенческий «бунт» потерпел поражение, движение «новых левых» захлебнулось, и в 1969 г. Хабермас публикует иную по духу работу – «Движение протеста и реформа высшей школы», в которой содержится уже критика студенческого движения.

В 1970-х гг. Хабермас анализирует кризисные явления западного общества (в первую очередь европейского, но и американского тоже). Этому анализу посвящается его книга «Проблемы легитимации в условиях позднего капитализма» (1973), явившаяся, пожалуй, одной из последних «критических» работ, выполненных в духе Франкфуртской школы. Дальнейшие его труды имели иной характер, и прежде всего это касалось главной работы 1980 – 1990-х гг. – двухтомной «Теории коммуникативного действия» (1981), о которой чуть ниже будет сказано специально (хотя интерес к критической теории общества у немецкого социолога не потерялся). В «Проблемах легитимации...» анализируются основные противоречия капитализма, приводящие к нарушению традиций этого общества, рассматриваются новые политические движения и культуры, направленные против легитимности имеющегося социального порядка.

Критические «стрелы» Хабермаса были направлены не только в сторону капиталистического общества, но и той системы знания, которая в нем создавалась и существовала. Поскольку речь шла о социально обусловленном знании, оно рассматривалось в тесной связи с человеческими интересами и действиями. Именно этой проблеме была посвящена одна из наиболее сложных его работ «Знание и интересы» (1968). При этом он исходил из тезиса, что «критика знания возможна только как социальная теория»⁷⁹.

Критике в этой работе был подвергнут в основном позитивизм и неопозитивизм. По мнению Хабермаса, последний полезен для исследования природных процессов, объективных по отношению к людям, но явно недостаточен для интерпретации коммуникации, межличностного взаимодействия и языка. Немецкий социолог стремился доказать, в противоположность неопозитивизму, что познающие субъекты играют активную роль в конституировании мира, в котором они живут и который знают. Нетрудно обнаружить здесь близость позиции немецкого ученого взглядам феноменологической социологии, которая во многих своих аспектах была ему близка.

Согласно позиции Хабермаса, социальное действие формируется совокупными «усилиями» труда и языка, сферы которых, с одной стороны, связаны, с другой – разъединены. Но при этом они были и остаются главными сферами человеческого бытия, детерминирующими основные интересы, существующие в обществе. Выделяется три типа интересов, которые имеют не только индивидуально-личностный, но и социальный характер: 1) технический познавательный интерес (присущ естествознанию и техническим наукам и состоит в стремлении к контролю над природными процессами и их рациональному использованию); 2) практический интерес (он возникает в рамках межличностного взаимодействия, в ходе которого вырабатываются идеалы и цели деятельности); 3) освободительный интерес (означающий стремление человека к эмансипации, освобождению от различных форм отчуждения и угнетения).

⁷⁹ Цит. по: Хэлд Д. Интересы, знание и действие (к критической методологии Юргена Хабермаса) // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 82.

Освободительному (эмансипационному) интересу Хабермас уделяет особое внимание. Этот интерес заключается в освобождении от объективных сил и условий искаженной коммуникации между людьми. Он заложен в стремлении людей действовать рационально, на основе имеющихся знаний и норм. Рациональные способности людей требуют развития особого вида (формы) знания, в качестве которого социолог рассматривает самопознание.

На рубеже 1960 – 1970-х гг., с учетом идей, сформулированных в работе «Знание и интересы», Хабермас предложил широкую концепцию разделения двух сфер человеческого существования: труда (взаимодействие людей с природой) и интеракции (межличностное взаимодействие). Анализируя труд, социолог постоянно обращался к марксовской характеристике этой категории, включая его рассмотрение производительных сил и производственных отношений, средств труда и средств производства. По Марксу, именно они определяли качество труда. Хабермас исходил из иных детерминант труда, видя их в технологиях, рациональной организации производства, его эффективности.

Что касается другой главной сферы человеческого бытия – интеракции, то она, по его мнению, является основной формой осуществления труда, выступая как коммуникация. Интересно отметить, что если труд рассматривается Хабермасом как практика, то коммуникация – в виде теории. Отсюда следует необходимость их единства и взаимосвязи, которая и обеспечит эффективность человеческого бытия. Именно в этом вопросе содержится критическая переоценка марксизма, к которой прибегает Хабермас, смещая акценты в анализе труда с его производительных характеристик на коммуникативные.

Еще одно различие труда и интеракции как ведущих сфер человеческой деятельности заключается в том, что первый имеет, считает социолог, инструментальный характер, связан с рациональными способами достижения целей действия (чем больше рациональности в труде, тем более он эффективен). Что касается интеракции, то она также способна принимать рациональный характер, причем в рамках коммуникативной рациональности, означающей, в отличие от преимущественно монологической формы труда, диалогическую форму взаимодействия не столько инструментальной направленности (как средство для достижения определенных целей), сколько терминальной ориентации (коммуникация как самоцель).

4.2. Теории коммуникативного действия и колонизации жизненного мира

Диалогическая форма коммуникации требует особого внимания к языку, вне которого специфика коммуникативного действия не может быть понята. Поэтому не случайно проблема языка в «Теории коммуникативного действия» Хабермаса занимает одно из центральных мест. Саму коммуникацию немецкий социолог рассматривает как опосредованную языком интеракцию. В процессе коммуникации выявляются смыслы и значения языковых выражений.

Не менее значимое место в названной выше книге занимает проблема дискурса – понятия, предназначенного для анализа социальной обусловленности речевых высказываний. Дискурс, также как и интеракция, является для Хабермаса формой коммуникативного действия, направленной на достижение консенсуса, соглашения (прежде всего языкового, речевого) между субъектами коммуникации. Такой консенсус означает установление равновесия между интересами и симметричное распределение шансов не только в использовании речевых актов, но и в последующих действиях субъектов коммуникации.

Рассматривая далее основные оригинальные концепции Хабермаса – теории коммуникативного действия и колонизации жизненного мира, следует отметить, что в них он близок к феноменологической социологии, поскольку исходным пунктом его анализа является категория «жизненного мира». Это понятие означает для немецкого социолога символическое самовоспроизводство, возникающее из тех границ значений, которые составляют основу жизненного опыта индивида. «Жизненный мир» – это коллективный процесс интерпретаций тех или иных ситуаций, в которых оказываются люди. Сами же ситуации являются фрагментами «жизненного мира». Целью теории коммуникативного действия является описание разворачивания «жизненного мира» в эволюционной перспективе.

По существу понятия жизненного мира и коммуникативного действия у Хабермаса выступают как взаимодополняющие, поскольку коммуникативное действие можно рассматривать как происходящее в рамках жизненного мира, а сам этот мир не может существовать вне его коммуникативной «начинки». При этом рационализация жизненного мира происходит в условиях возрастания рациональной коммуникации.

Понятие «жизненного мира» у Хабермаса тесно корреспондирует с понятием «системы действий», или просто системы. Общество, согласно его позиции, есть одновременно и «жизненный мир», и система. Но если первый означает субъективный мир, внутреннее состояние, то вторая оказывается скорее объективным миром фактов. Поскольку же и система, и «жизненный мир» тесно связаны, то правильнее их рассматривать как неразделенное единство. По мнению немецкого социолога, «фундаментальная проблема социальной теории состоит в том, как удовлетворительным образом соединить две концептуальные стратегии, обозначенные понятиями "система" и "жизненный мир"»⁸⁰.

Эти две концептуальные стратегии Хабермас называет системной интеграцией и социальной интеграцией. Сторонники системной интеграции рассматривают общество как саморегулирующуюся систему и подчеркивают, что ее интеграция осуществляется посредством внешнего контроля. Она направлена на объединение разрозненных действий людей, ориентированных на их адаптацию к внешнему миру.

Теоретики, обращающие особое внимание на социальную интеграцию, отталкиваются от коммуникативного действия и отождествляют общество с жизненным миром. Ее цель – иная, она состоит в сохранении индивидуальной и социальной идентичности на основе принятых в обществе и разделяемых большинством ценностей.

О какой же колонизации жизненного мира говорит Хабермас? Под ней он понимает, прежде всего, «насилие», применяемое системой по отношению к жизненному миру таким образом, что это ведёт к ограничению коммуникации в нем. Такие институты системы общества, как политика, власть, экономика, финансы, осуществляют деятельность, пагубно влияющую на жизненный мир.

Это приводит к его обеднению, вызывает в нем патологию и кризисы, а коммуникация становится менее эффективной, более истощенной и раздробленной, поскольку оказывается загнанной в жесткие рамки системы. Более того, ослабляются некоторые ее функции. Так, функцию языковой координации начинают выполнять деньги и власть, что приводит к монетаризации и бюрократизации жизненного мира. Если языковая координация в рамках коммуникативного действия (взаимодействия) приводит к согласию, консенсусу, интеграции, то деньги и власть усиливают социальную дезинтеграцию.

Колонизация жизненного мира системой очень беспокоит Хабермаса. Но он убежден в том, что, какой бы обширной ни была колонизация, жизненный мир «никогда не вымывается полностью». Оказываясь зависимым от социальных систем (структур), вынужденный подчиняться и приспособляться к ним, он может и противостоять, и даже противодействовать колонизации. Конечно, все это ведет к обострению противоречий в жизни общества.

Как результат колонизации системой, люди лишаются богатства жизни, которое могло стать возможным, если бы мог расцвести жизненный мир. Многие социальные движения, считает Хабермас, возникшие на «границе» между жизненным миром и системой за последние десятилетия, можно объяснить сопротивлением колонизации и обеднением жизненного мира. Так что колонизация жизненного мира системой – это, по существу, отличительная черта современности.

Спустя треть века после выхода книги с этой концепцией немецкого социолога мало что изменилось в принципе в отношениях между системой и жизненным миром. Отсюда следует и центральная идея, как называют его, «незавершенного проекта современности» Хабермаса – создать условия для полноценного сотрудничества рациональностей системы и жизненного мира.

Рассмотрение Хабермасом эволюции «жизненного мира» приводит к выделению социологом трех относительно независимых миров, отличных от самого «жизненного мира». Это объективный, социальный и субъективный миры. При этом объективный мир состоит из фактов (элементы системы), социальный мир – из норм и ценностей, а субъективный мир – из восприятия социальных действий.

«Жизненный мир» обладает социальной структурой, формирующейся вокруг коммуникации и языка как средства человеческого общения. Эта структура связана, по Хабермасу, с накоплением практического знания. Коммуникации и языку немецкий социолог уделяет особое внимание, критикуя Маркса за их недооценку. Он согласен с последним, что человека от животного отличают и отделяют труд и язык. Но если труд Маркс анализирует, по мнению немецкого социолога, убедительно и досконально, то языку по существу не уделяется должного внимания.

Здесь необходимо специально остановиться на отношении Хабермаса к позиции марксизма в отношении труда и производства. Дело в том, что, по мнению первого, доминанта экономического фактора в развитии общества по-настоящему применима и «работает», когда дается объяснение перехода от средневекового общества к капиталистическому. Когда же рассматривается процесс развития капитализма во второй половине XX в. и его трансформация в постиндустриальное, ин-

⁸⁰ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 473.

формационное и иные состояния общества, то на первый план выходит не примат экономики, а развитие языка и коммуникации. Оно связано в первую очередь с развитием компьютеризации, массовым внедрением ее в жизнь. Такова точка зрения Хабермаса.

В соответствии с ней конфликты в обществе перемещаются из сферы производства в сферу коммуникации и языка. Для объяснения этого процесса необходима принципиально новая теория. Марксистская концепция труда и производства была хороша, но для другого, более раннего времени. Сейчас же нужна иная теория, объясняющая появление таких кризисов, которых не было раньше. Речь идет не столько об экономическом кризисе, сколько о кризисе рациональности и тесно связанном с ним кризисе мотивационной сферы.

Одна из центральных категорий в творчестве Хабермаса – социальное действие. В его анализе явно ощущается влияние идей М. Вебера. Рассматривая это понятие, представитель Франкфуртской школы выделяет формальные действия, ориентированные на результат, и коммуникативные действия, направленные на взаимопонимание между их субъектами. Для него важным становится выявление степени рациональности (как и у Вебера) действия. В результате Хабермас выделяет 4 идеальных типа социального действия: телеологическое (в котором он особо выделяет стратегическое), нормативное (норморегулирующее), драматургическое, коммуникативное (речевые действия, разговор).

Стратегическое действие означает, что субъект действия выбирает наиболее эффективное средство «получения желаемого». Нормативное действие – это социальное действие, целью участников которого является достижение взаимовыгодных ожиданий, осуществляемое посредством подчинения своего поведения разделяемым ценностям и нормам. Нормативное действие рационально настолько, насколько оно соответствует социально принятым стандартам поведения. Драматургическое действие есть в первую очередь создание публичного имиджа. Эффективность драматургического действия определяется его «искренностью». Что касается коммуникативного действия (центрального понятия в теории Хабермаса), то целью его является свободное соглашение участников для достижения совместных результатов в определенной ситуации. Таким образом, социальное действие становится у немецкого социолога взаимодействием.

Большинство его работ объединяет идея социальной эволюции, которая дает и исходный импульс для синтеза различных теоретических построений, и одновременно конечную перспективу оформления теории коммуникативного действия. Говоря о теории социальной эволюции Хабермаса, следует отметить пять ее стадий: мифопоэтическую, космологическую, религиозную, метафизическую, современную. Каждая новая стадия характеризуется большей степенью рациональности, чем предыдущая, и большей способностью отличаться от нее. Каждая последующая стадия социальной эволюции дает новые средства для решения социальных проблем, включая и возможность объяснения того, почему эти средства лучше, чем им предшествующие.

Исторический процесс немецкий социолог рассматривает и в ином ракурсе, также связанном с выделением определенных фаз социального развития. При этом некоторые критерии указанной выше периодизации попадают в иную схему исторического развития общества, согласно которой в нем целесообразно выделять три следующие друг за другом типа культур: неолитические, развитые, модернистские. Каждой из этих культур соответствует определенный тип общества. Критериями же их выделения являются: уровень связи (степень разрыва) с мифическим мышлением, характер структурированности системы действий, степень их правового регулирования.

С учетом этих критериев неолитические общества характеризуются господством мифического сознания, доконвенционально структурированной системой действий, крайне слабым уровнем их правового регулирования. Развитые общества отличаются разрывом с мифическим сознанием и появлением рациональных картин мира, конвенционально структурированной системой действий, постепенным оформлением их правового регулирования. Модернистские общества характеризуются полной сменой типа мышления, высокой степенью его рационализации, постконвенционально структурированной системой действий, господством системы рационального права, регулирующего эти действия.

Постепенно Хабермас стал переходить от критической теории общества к разъяснительной, какой, строго говоря, и является теория коммуникативного действия. Необходимость в разъяснительной по характеру теории была вызвана стремлением немецкого социолога обосновать такое явление современности, как фрагментация повседневного сознания и охват его различными системами. Сознание перестало (или перестает) быть революционным, и критическая теория должна быть заменена объяснением процесса соединения рациональной культуры с повседневной коммуникацией.

Подводя краткий итог рассмотрению Франкфуртской школы, следует отметить, что критический анализ капиталистического и социалистического типов обществ, равно как и социальных теорий, в них рождавшихся и им посвященных, оказался для социологии в высшей степени полезным. В этом анализе акцентировалось внимание на том, чего не должно быть. Подчеркивалась опасность ошибочных действий, предпринимаемых в современных странах. При этом под такими действиями понимались прежде всего те, что имеют антигуманистический и авторитарный характер.

Критический подход представителей Франкфуртской школы к имевшим место социальным (социологическим) теориям сопровождался стремлением сформулировать новые задачи социальных наук, переосмыслить роль неопозитивизма в развитии научного знания, оценить с иных позиций тенденции мирового развития, раскрыть процессы формирования и развития различных типов личности и культуры.

Обоснование важности и даже необходимости молодежного (студенческого) протестного движения конца 1960-х гг. явилось важным вкладом Франкфуртской школы в общественно-политическую жизнь мира первых двух десятилетий второй половины XX в. Поэтому вполне понятно, что поражение этого движения привело к кризису и распаду самой школы. Однако социологические и социально-философские идеи ее представителей оказывали и по сей день продолжают оказывать влияние на развитие общественной мысли.

Вопросы и задания

1. Что собой представляла Франкфуртская школа в социологии? Дайте ее общую характеристику. Назовите наиболее крупных социологов, входивших в нее, и перечислите проблемы и темы, которыми они занимались.
2. В чем заключаются особенности отношения Франкфуртской школы к марксизму? Почему эту школу называют критической?
3. Проанализируйте взгляды Г. Маркузе. Как он относился к перспективам осуществления социальной революции? В чем состоял его теоретический подход к этой проблеме?
4. Охарактеризуйте социологические идеи Т. Адорно. Во всем ли вы согласны с критическим характером теоретических построений его «Негативной диалектики»?
5. Почему теоретические достижения Ю. Хабермаса считаются сегодня одной из вершин социологической науки?
6. Что дает основания относить Хабермаса к представителям Франкфуртской социологической школы?
7. Охарактеризуйте основные положения теорий коммуникативного действия и колонизации жизненного мира Хабермаса.
8. Раскройте содержание категории «жизненный мир», которую активно использует Хабермас.
9. В чем смысл идеи социальной эволюции Хабермаса?
10. Покажите значение для последующего развития науки Франкфуртской социологической школы.

Литература

- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2004.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону, 1999.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 2.; СПб., 2000. Т. 4.
- Капитонов Э.А. Социология XX века. Ростов-на-Дону, 1996.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
- Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции и интервью. М., 1995.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М., 1997.

ГЛАВА 7

ПАРАДИГМЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ. ТЕОРИИ КОНФЛИКТА И ОБМЕНА

§ 1 Понятие парадигмы в социологии: различия в подходах

1.1. Подходы к пониманию парадигмы в отечественной социологии

1.2. Подходы к трактовке парадигмы в западной социологии

§ 2. Парадигма конфликта

2.1. Проблема конфликта в творчестве К. Маркса и его критиков

2.2. Взгляды Л. Козера на парадигму конфликта

2.3. Взгляды Р. Дарендорфа на парадигму конфликта

2.4. Другие теории конфликта

§ 3. Парадигма обмена

3.1. Общая характеристика

3.2. Теория обмена Дж.К. Хоманса

3.3. Взгляды П. Блау

§ 1. ПОНЯТИЕ ПАРАДИГМЫ В СОЦИОЛОГИИ: РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ

Развитие теоретической социологии во второй половине XX в. было тесно связано с понятием парадигмы. Как уже указывалось в первой части учебника⁸¹, оно было введено в широкий исследовательский оборот американским философом и историком науки Т. Куном в середине 1970-х гг. В развитии любой науки, по мнению американского ученого, следует выделять четыре стадии. Первая – стадия ее нормального состояния, в рамках которой происходит накопление знаний в пределах существующих научных теорий и представлений. Вторая стадия приобретает аномальный характер, поскольку полученные данные не могут быть объяснены с позиций существующих и принятых научных теорий. В связи с этим наступает третья стадия – кризисная для развития науки. Именно она приводит к четвертой стадии – научной революции, в ходе которой старые концепции заменяются новыми, способными объяснить открытые учеными научные факты, не поддававшиеся объяснению в рамках имевшегося теоретического знания. Появление парадигмы Кун как раз и связывал с революцией в науке, качественным скачком в развитии знания.

1.1. Подходы к пониманию парадигмы в отечественной социологии

В связи с тем, что понятие парадигмы играет в современной социологии ключевую роль, и по существу превратилось в категорию методологического характера, необходимо подробнее остановиться и на самом понятии, и на его трактовках, и на применении парадигмального подхода к тем или иным социологическим теориям.

⁸¹ Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учебник для вузов. Сургут – Екатеринбург, 2014.

Начнем с того, что парадигма означает определенную совокупность фундаментальных оснований научного знания. Она выступает как исходная концептуальная схема. Иногда под парадигмой понимают крупные теории или группы теорий, а также всеми признанные достижения в данной области науки. Ряд авторов относят к парадигме не только принципиально новые теории, но и методы исследования.

Однако следует отметить, что в последние 20 – 25 лет понятие парадигмы, по сравнению с его трактовкой Куном, стало меняться по своему содержанию. К парадигмальным начали относить теории, концепции, направления, течения, движения научной мысли, которые отнюдь не носят революционного для нее характера, а составляют прибавку знания, подчас значительную, но не оказывающую радикального воздействия на развитие науки. Именно такое отношение к понятию парадигмы стало проявляться в социологической науке.

Очевидно, что, в связи с наличием целого ряда фундаментальных теорий, социология выступает как полипарадигматическая (полипарадигмальная) дисциплина (иногда пишут мультипарадигмальная), т. е. как наука, имеющая множество парадигм. Весь вопрос состоит в том, что считать парадигмой в социологии, а что – нет. Здесь необходимо отметить еще один важный критерий парадигмы – период влияния того или иного фундаментального знания, той или иной концепции и теории на науку в целом. Если он невелик, если о концепции достаточно быстро забывают и по прошествии какого-то времени ее не используют в теоретических и эмпирических исследованиях, вряд ли можно считать эту концепцию парадигмальной.

С учетом такого подхода применительно к классическому этапу развития социологии (XIX – начало XX в.) можно говорить о четырех наиболее крупных направлениях, сыгравших роль парадигм социологической науки. Это позитивизм, эволюционизм, марксизм, веберизм (см. первую часть учебника⁸²). Развитие социологической науки в XX в. подтвердило в полной мере парадигмальный характер названных выше направлений социологической мысли.

Более того, оно показало, что социология почти сразу стала развиваться как полипарадигматическая наука. Позитивизм как единственное направление социологии просуществовал совсем недолго, буквально через четверть века к нему «присоединились» (на правах особых направлений науки) эволюционизм и марксизм, а еще через полвека «прибавилось» веберизм. Говоря о появлении и развитии парадигм в социологии XX в., нам еще предстоит разобраться, какие направления и теории могут быть отнесены к ним, а какие – нет.

Для этого нужно выяснить критерии парадигмы в социологии. Г.В. Осипов пишет по этому поводу: «В социологической парадигме объектом социологии являются социальная реальность и ее стратегические элементы. Критериями разграничения парадигмы социологии как науки с ее многовариантным парадигматическим статусом выступают качественно отличные друг от друга стратегические элементы, интерпретация взаимодействия которых позволяет понять природу социальной реальности»⁸³.

Исследуя современное состояние социологии и используя идеи американского исследователя – теоретика Дж. Ритцера (но почему-то не ссылаясь на его работы), Г.В. Осипов выделяет несколько парадигм, базирующихся на теориях К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Б. Скиннера. Это парадигмы социальных фактов, социальных дефиниций, социального поведения. К первой Осипов относит структурный функционализм и теорию социальных конфликтов, ко второй – символический интеракционизм и этнометодологию, к третьей – теорию обмена и психологический редукционизм⁸⁴.

Другой подход к проблеме парадигм в социологии предлагают С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканян, Н.Е. Покровский. Все анализируемые ими парадигмы они группируют как: а) структурные (связаны с исследованием общества и его структур); б) интерпретативные (связаны с исследованием действий отдельных людей); в) интегральные и объединительные (объединяющие первые и вторые и ориентированные на изучение самоорганизующихся систем). Вначале названные выше социологи рассматривают парадигмы, сложившиеся до 1990-х гг.: структурный функционализм, парадигму конфликта, интерпретативные парадигмы («понимающую социологию», символический интеракционизм, феноменологию, этнометодологию), интегральную социологию П. Сорокина, объединительные парадигмы. Затем следует выделение социальных теорий 1990-х гг., относящихся, в соответствии с установившейся сегодня в мировой социологии под влиянием ее признанных авторитетов терминологии, к так называемой постнеклассической социологии⁸⁵.

В отечественной литературе существует и иной взгляд на парадигмальный характер социологии. В соответствии с точкой зрения Н.Л. Поляковой имеет смысл говорить не о множестве со-

⁸² Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учебник для вузов. Сургут – Екатеринбург, 2014.

⁸³ Осипов Г.В. Парадигма // Российская социологическая энциклопедия. М., 1997. С. 368.

⁸⁴ Осипов Г.В. Социология и социализм. М., 1990. С. 74 – 93.

⁸⁵ Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998. С. 19 – 25.

циологических парадигм, а лишь о двух – классической и современной⁸⁶. Что дает основание для подобного мнения? Западные социологи единодушно утверждают, что в связи с переломным характером современной эпохи описывать социальные сдвиги на уровне взглядов К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма уже невозможно. Поэтому на смену созданной ими картине социальной реальности, их представлениям об обществе, его социальной структуре и организации, индивиде должна прийти новая парадигма.

Что было характерно для картины социального мира, созданной Марксом, Вебером, Дюркгеймом? Прежде всего два важных положения. Первое касается общества, основным конституирующим признаком которого является труд. Это в равной мере присуще и Марксу с его экономическим детерминизмом, в котором основная роль принадлежит производству, и Веберу с его признанием фундаментальной значимости хозяйственной сферы, и Дюркгейму с подчеркиванием им решающей роли общественного разделения труда в социальной жизни. Другими словами, несмотря на глубокие различия, общим для них является признание труда как наиболее фундаментального принципа, определяющего процессы создания, функционирования и развития общества. По существу речь идет о парадигме трудового общества. Вторая характеристика «классической» картины социального мира – «человек труда», являющийся главным действующим лицом трудового общества. Имеется ввиду индивид, ориентированный исключительно на трудовой процесс и трудовые достижения.

Новая парадигма, отличающаяся от классической и возникшая в 1980-х гг., основывается на появлении принципиально иного типа общества. Пишут о так называемом «информационном» обществе, базирующемся на новой социальной реальности – информационной основе. В качестве фактора, определяющего общественное устройство, рассматривается система производства – но не вещей и товаров, а информации. В свою очередь, в таком постмодернистском обществе на смену «экономическому человеку» приходит личность другого типа, в образе жизни которой доминируют иные мотивационные механизмы, иные ценности, выходящие за пределы материальных и утилитарных, потребительских устремлений. При этом нужно иметь в виду, что приставка «пост» в термине «постмодернистское», так же как и в других близких и созвучных понятиях – «постиндустриальное», «посттрудовое», «посткапиталистическое» – означает не только «после», т. е. общество, пришедшее на смену модернистскому, индустриальному и т. д., но и отрицание старого общества по существу, содержательно, принципиально.

1.2. Подходы к трактовке парадигмы в западной социологии

Несколько иные подходы к определению парадигм мы встречаем в западной социологической литературе. Так, один из наиболее крупных современных социологов Э. Гидденс (Великобритания) в качестве таковых рассматривает концепции О. Конта, Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, применительно же к современному состоянию социологии – функционализм, структурализм, символический интеракционизм, марксизм, теорию конфликтов⁸⁷. В учебнике по социологии, написанном М. Тейлором, Л. Рин, С. Розенталем, К. Догби, характеризуются пять парадигм (по терминологии авторов, теоретических перспектив) современной социологии: функционализм, теория конфликта, теория обмена, символический интеракционизм, этнометодология⁸⁸.

Приведенных точек зрения отечественных и зарубежных авторов на полипарадигмальный характер современной социологии вполне достаточно, чтобы сделать вывод об усилении теоретического плюрализма, проявляющегося в дальнейшей дифференциации социологии, появлении в ней большого количества разноплановых направлений. Не ставя перед собой задачу систематизированного изложения содержания всего множества парадигм (это должно быть целью специальной большой работы), охарактеризуем некоторые из них, наиболее принятые и распространенные. Отметим, кстати, что одну из них мы уже рассматривали. Это – структурный функционализм, представленный наиболее полно в творчестве Т. Парсонса и Р. Мертона.

Не прибегая здесь к систематизации парадигм западной социологии XX в. и поиску соответствующих подходов, мы будем исходить из принципа их постепенного (с точки зрения перио-

⁸⁶ Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.

⁸⁷ Giddens A. *Sociology*. Cambridge, 1989; Giddens A. *In Defence of Sociology*. Cambridge, 1997.

⁸⁸ Taylor M., Rhyne L., Rosenthal St., Dogby K. *Introduction to Sociology*. N.Y., 1987. P. 13.

дов ее развития) появления и принятия научным сообществом в качестве фундаментальных моделей постановки проблем и их решения. В этом случае последовательность их рассмотрения будет такой: парадигмы конфликта, обмена, символического интеракционизма, феноменологической социологии, этнометодологии. Затем речь пойдет о теориях и движениях в социологии конца XX – начала XXI в. Отдельные из них «претендуют» сегодня на роль новых, рождающихся парадигм.

Характеризуя ту или иную парадигму, следует иметь в виду, что каждая из них является определенным способом объяснения социальных, институциональных, групповых, межличностных и иных явлений, отношений и процессов. Ценность рассмотрения всех парадигм современной социологии состоит в появлении для социолога возможности на этой основе увидеть необходимость перехода от макросоциологического к микросоциологическому (и наоборот) уровню изучения общественной жизни, что позволило бы сочетать анализ человеческого поведения и деятельности социальных структур различной степени сложности.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое необходимо иметь в виду при характеристике тех или иных парадигм: некоторые из них оказываются тесно связанными между собой, иногда даже по принципу «матрешки». Так, парадигма конфликта, к рассмотрению которой мы сейчас перейдем, является в одной из своих форм частью более широкой парадигмы марксизма. Последняя, в свою очередь, рассматривается в социологии как одна из составных частей группы структурных парадигм.

§ 2. ПАРАДИГМА КОНФЛИКТА

У истоков этой парадигмы в XIX – начале XX в. стояли такие известные представители классического этапа социологии, как К. Маркс, Л. Гумплович, Г. Зиммель (об их творчестве и подходах к проблеме конфликта см. подробнее в первой части учебника⁸⁹). Поскольку основателем парадигмы конфликта специалисты считают Маркса, остановимся в первую очередь на его взглядах, с ней связанных.

2.1. Проблема конфликта в творчестве К. Маркса и его критиков

Согласно концепции Маркса, именно конфликты объясняют социальные процессы и изменения, именно они пронизывают жизнь общества во всех его направлениях, именно конфликтами объясняется осуществление революций и переход к новому типу общества. Маркс характеризовал конфликт как естественное состояние классового, основанного на частной собственности общества, присущее изначально его природе. В качестве основного типа конфликта для него выступало взаимодействие между производительными силами и производственными отношениями, которые на определенном этапе общественного развития гармонизировали между собой, но затем между ними наступало несоответствие. Оно было вызвано тормозящим и сдерживающим развитие производительных сил состоянием производственных отношений.

В конце концов отношения между ними доходили до антагонизма и конфликта. Последний мог быть разрешен лишь ценой перехода от одних производственных отношений (переставших соответствовать уровню и характеру развития производительных сил) к другим, после чего в обществе вновь устанавливалось состояние относительно равновесия.

Однако все дело в том, что антагонизм между производственными отношениями и производительными силами перерастал в конфликт между классами, выражавшими различные стороны и интересы развития способа производства. Таким образом, классовая борьба становилась особым

⁸⁹ Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учебник для вузов. Сургут – Екатеринбург, 2014.

типом конфликта. Сами антагонистические классы (эксплуататоров и эксплуатируемых) должны были, по мнению Маркса, исчезнуть лишь в коммунистической формации, поскольку последняя, по определению, может быть только бесклассовым, а, следовательно, бесконфликтным обществом.

Идеи Маркса о вездесущих проявлениях и универсальности социальных конфликтов, о том, что они пронизывают жизнь общества в целом, в той или иной форме оказались поддержанными в последующем развитии социологии. В конце XIX – начале XX в. подобные положения высказывали Г. Зиммель, М. Вебер, В. Парето.

Нельзя также не сказать о том, что марксистская парадигма конфликта нашла свое специфическое продолжение в трудах представителей Франкфуртской школы – как ее первого поколения (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе), так и второго (Ю. Хабермас). Если первое поколение лишь провозгласило вероятность прихода на смену «марксовому», «конфликтному» капитализму неконфликтного «позднего капитализма», то второе работами Хабермаса постаралось раскрыть его содержание и доказать изменение трудовой основы общества, которое приводит, по мнению социолога, к снятию остроты социальных антагонизмов и реальной возможности классовых компромиссов. «Преодолевая» классический марксизм, Хабермас стремился обосновать разрыв «труда» и «интеракции» в том смысле, что на смену первому как господствующему типу отношений приходит универсальное взаимодействие людей во всех сферах жизни.

В современной социологии наиболее последовательно выражают позицию всеобщности и универсальности конфликта, его ведущей роли в жизни общества немецко-британский социолог (живший последние десятилетия в Англии) Р. Дарендорф (о чем подробнее будет сказано дальше) и английский исследователь Дж. Рекс. Главная работа первого, опубликованная в 1959 г., – «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе»⁹⁰. Основная книга Дж. Рекса, написанная в рамках теории конфликта в 1961 г., – «Ключевые проблемы в социологической теории»⁹¹. Но правильнее было бы начать с изложения теории конфликта американского социолога Л. Козера, который «опередил» своих коллег на несколько лет.

2.2. Взгляды Л. Козера на парадигму конфликта

Льюис Козер
Lewis Coser
(27 ноября 1913 – 8 июля 2003)

Основная работа Льюиса Козера (1913 – 2003), ставшая поистине социологическим бестселлером, – «Функции социального конфликта»⁹². Не менее известна специалистам и вышедшая вслед за ней его книга «Дальнейшие исследования социального конфликта»⁹³. И Козер, и Дарендорф противопоставили собственные теории социального конфликта структурному функционализму, делавшему упор на стабильности и равновесии социальной системы.

⁹⁰ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. L., 1959.

⁹¹ Rex J. Key Problems in Sociological Theory. L., 1961.

⁹² Coser L.A. The Functions of Social Conflict. N.Y., 1956; перевод на русский язык: Козер Л.А. Функции социального конфликта. М., 2000.

⁹³ Coser L.A. Continuities in the Study of Social Conflict. N.Y., 1967.

Козер считал, что конфликты играют интегрирующую и стабилизирующую роль в обществе. В предисловии к русскому изданию «Функций социального конфликта» он писал: «...я стремился обосновать тот тезис, что в различных социальных условиях социальные конфликты выполняют позитивные функции. Конечно, не любой и не все социальные конфликты выполняют позитивные функции, но социолог должен выявить те социальные контексты и социальные условия, в которых социальный конфликт помогает скорее выздоровлению, чем загниванию общества или его составляющих»⁹⁴.

Американский социолог полемирует с теми своими коллегами, которые рассматривают конфликт как сугубо дисфункциональное явление: Т. Парсонсом, Дж. Ландбергом, Э. Мэйо, Ф. Ретлисбергером, Л. Уорнером, К. Левиным. Он пишет, что многие современные ему социологи далеки от понимания необходимости и признания позитивной роли конфликта как элемента социальных отношений. Они склонны видеть в нем лишь разрушительный феномен. В противоположность вышеуказанной позиции Козер обращается к изучению идей Г. Зиммеля, работа которого «Конфликт» строится вокруг главного тезиса: «конфликт – это форма социализации». Подход немецкого социолога к проблеме конфликта гораздо более созвучен творчеству Козера, нежели его американских коллег.

Существует несколько исходных позиций, которые позволяют понять различия между парадигмами структурного функционализма и конфликта. Вот некоторые из них.

Парадигма структурного функционализма: социальная жизнь строится на взаимодействии и сотрудничестве; социальные системы стремятся к устойчивости; социальные системы интегрированы; социальные системы основаны на согласии; в основе социальной жизни лежат нормы и ценности. Парадигма конфликта: социальная жизнь порождает конфликт; социальные системы стремятся к изменениям; социальные системы раздраемы противоречиями; социальная жизнь порождает столкновение групповых интересов; в основе социальной жизни лежат интересы. Несмотря на существенные различия в трактовках базовых положений об обществе, полное противопоставление взглядов Козера идеям структурного функционализма, как считают специалисты, не вполне корректно, поскольку основоположник парадигмы конфликта исходил из нормативных характеристик функционализма (о чем, кстати, свидетельствует название одной из основных работ Козера – «Функции социального конфликта»).

Поскольку речь идет в первую очередь о позитивных функциях конфликта, американский социолог характеризует такие среди них, как группосозидающие и группосохраняющие функции. Благодаря конфликту происходит разрядка напряженности между его антагонистическими сторонами. Важными оказываются коммуникативно-информационная и связующая функции, поскольку на основе выявления необходимой информации и установления коммуникации, вслед за которыми становится реальным партнерское взаимодействие, может происходить замена враждебных отношений дружественными. Среди функций конфликта, рассматриваемых Козером, следует отметить созидание и конструирование общественных объединений, способствующих сплоченности группы. Наконец, вслед за американским социологом назовем такую функцию, как стимулирование социальных изменений.

Конфликт, по его мнению, возникает из различия интересов групп в борьбе за собственный статус, власть и долю вознаграждения. Он выполняет ряд позитивных функций, способствуя разрядке напряженности, стимулируя социальные изменения, создание общественных объединений, развитие коммуникативных связей. Американский социолог анализирует «парадокс Зиммеля», согласно которому важным средством сдерживания конфликта является выяснение возможностей его участников до реального наступления самой конфликтной ситуации, что позволяет смягчить ее последствия. Это важное теоретическое положение сегодня имеет большое практическое значение и в международных отношениях, и во внутренней жизни стран, переживающих сложные, в том числе переходные процессы.

Американский социолог завершает свою работу очень важным выводом, касающимся анализа конфликта как на внутригрупповом, так и внегрупповом уровнях и связывающим его с социальными структурами, институтами и социальной системой. Он приходит к заключению, что дело не в конфликте как таковом, а в характере самой социальной структуры и социальной системы. Козер пишет: «Анализ различных типов конфликта и социальных структур привел нас к заключению, что конфликт бывает дисфункционален для тех социальных структур, которые недостаточно или вовсе нетерпимы по отношению к конфликту, и в которых сам конфликт не институционализирован. Острота конфликта, грозящего «полным разрывом» и подрывающего основополагающие принципы социальной системы, напрямую связана с жесткостью ее структуры. Равновесию подобной структуры угрожает не конфликт как таковой, а сама эта жесткость, способствующая аккумуляции враждебных чувств и направляющая их вдоль одной оси, когда конфликт все-таки вырывается наружу»⁹⁵.

⁹⁴ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 25.

⁹⁵ Там же. С. 184.

2.3. Взгляды Р. Дарендорфа на парадигму конфликта

Ральф Густав Дарендорф
Ralf Gustav Dahrendorf
(1 мая 1929 – 17 июня 2009)

Ральф Дарендорф (1929 – 2009) полагает, что в основе конфликта лежит противоположность интересов и отношений его участников (сторон). Причем наличие противоречивых отношений объясняется глубоким различием интересов. Поэтому для выяснения природы конфликта следует понять, какие интересы не совпадают, какова степень этого несовпадения и как осознают его сами участники конфликта. Здесь, однако, требуется соблюдение одного важного условия: стороны конфликта должны характеризоваться заметной идентичностью. Другими словами, вступают в конфликт друг с другом социальные группы, организации, институты, нации и т. д.

Противоположные интересы, определяющие «лицо» конфликта, рассматриваются социологом как явные и неявные, очевидные и скрытые (латентные). При этом последние могут не всегда осознаваться участниками конфликта, что ставит в повестку дня в качестве одного из средств его регулирования необходимость четкого осмысления интересов обеих сторон в возникшей сложной ситуации. В этой связи Дарендорф пишет: «Латентные интересы принадлежат социальным позициям; они не обязательно являются осознаваемыми и признаваемыми представителями этих позиций: предприниматель может отклоняться от своих латентных интересов и быть заодно с рабочими; немцы в 1914 г. могли вопреки своим ролевым ожиданиям осознавать симпатию к Франции»⁹⁶.

Конфликт, по его мнению, является естественным результатом любой системы управления, как бы совершенна она ни была. При этом основной социальной ролью конфликта становится стабилизация экономических и социальных процессов. В этом смысле конфликт позитивен. Чтобы использовать его роль в интересах общества и отдельных социальных групп, необходимо не разрешение и тем более не подавление (против этого термина Дарендорф резко выступал, считая, что он создает ненужную иллюзию полного устранения конфликта), а регулирование конфликта. В связи с этим Дарендорф писал: «Социальные конфликты, т. е. систематически вырастающие из социальной структуры противоречия, принципиально нельзя «разрешить» в смысле окончательного устранения. ...Прекращение конфликтов, которое, в противоположность подавлению и «отмене» обещает успех, поскольку оно соответствует социальной реальности, я буду называть регулированием конфликтов. Регулирование социальных конфликтов является решающим средством уменьшения насильственности почти всех видов конфликтов. Конфликты не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в какой их удастся регулировать, они становятся контролируруемыми, и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур»⁹⁷.

Для регулирования социальных конфликтов необходимо соблюдение ряда условий. Должны существовать специальные социальные институты с соответствующими полномочиями для регулирования конфликтов, их решения становятся обязательными для конфликтующих сторон; эти институты вырабатывают правила поведения для них (что также признается данными сторонами); власти максимально способствуют реализации арбитражных функций.

⁹⁶ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142.

⁹⁷ Там же. С. 145.

Понимая под конфликтом «структурно произведенные отношения противоположности норм и ожиданий, институтов и групп», Дарендорф использовал их в качестве критериев выделения типов конфликтов. Следовательно, речь шла о конфликтах между нормами, ожиданиями, институтами, группами. При этом он выделял конфликты между различными ожиданиями применительно к одной роли, между ролями, внутри социальных групп, между группами. Однако имелись в виду конфликты не только реальных, но и потенциальных групп, которые, с точки зрения несения ими конфликтотенных начал, Дарендорф называл квазигруппами. Кроме того, он много писал, особенно в последние годы жизни, о конфликтах между отдельными странами и группами стран, внутри общества в целом.

Ученый утверждал, что конфликтная модель общества является ведущей и объясняющей практически все сколько-нибудь значимые социальные процессы. Эта модель базируется на следующих трех положениях: а) в каждом обществе несогласия и конфликты повсеместны; б) каждое общество базируется на насилии одних его членов над другими; в) конфликты являются следствием изменений и сами ведут к ним.

Суть социального конфликта, по Дарендорфу, – борьба различных групп за власть, борьба, которая выступает как антагонизм между властью и сопротивлением ей. Сам конфликт порождается властью, выступающей следствием неравного положения людей в обществе, в котором одни имеют ее, а также силу и деньги (поэтому командуют), другие – не имеют этого ничего (поэтому вынуждены подчиняться). Главное, к чему призывает социолог, – не доводить социальные конфликты до социальных потрясений.

2.4. Другие теории конфликта

Еще одна широко распространенная теория конфликта принадлежит американскому социологу Рендаллу Коллинзу (род. в 1913 г.). Ее основным положением была посвящена книга ученого «Социология конфликта»⁹⁸. Концепция конфликта Коллинза получила в западной литературе (Дж. Ритцер) название обобщающей – на том основании, что он пытался соединить и обобщить макросоциологические и микросоциологические трактовки конфликта. Аналитический путь Коллинза к изучению конфликта начинался не в обществе и его структурах, а в личности, индивиде – с учетом того, что сам он «исповедовал» парадигмы феноменологии и этнометодологии.

Всячески откровенно от идеологических наслоений в характеристике конфликта, он писал, что дело не в том, хорош или плох тот или иной конфликт. Главное, что это единственно реальный и, вследствие этого, центральный процесс социальной жизни.

Целый ряд конфликтов Коллинз анализировал в связи с явлениями социальной стратификации, поэтому некоторые исследователи назвали его теорию конфликтной теорией стратификации. В основе «стратификационных» конфликтов лежит антагонизм интересов людей, принадлежащих к различным стратам общества.

Американский социолог разработал принципы анализа конфликтов. Вот некоторые из них. Коллинз считал, что, исследуя конфликты, связанные со стратификацией, нужно изучать влияющие на взаимодействие материальные условия и факторы материальной жизни. Главное – выяснить, какими ресурсами обладает каждая из сторон конфликта. Отсюда вытекает следующий принцип – принимать в расчет то обстоятельство, что группы, располагающие большими ресурсами, попытаются эксплуатировать тех, у кого ресурсов не хватает. Еще один принцип касался изучения конфликтов в духовной сфере жизни, особенно таких, которые касаются убеждений и идеалов людей в структуре тех или иных групп и связаны с их интересами, ресурсами и властью. При этом Коллинз полагал, и это был тоже один из принципов его анализа конфликтов, что их изучение не должно ограничиваться сферой только теории, но обязательно включает в себя проведение необходимых эмпирических исследований.

Рассматривая различные теории конфликта в социологической науке, следует сказать и о тех, что основаны на признании его неестественности и опасности для общества. Конфликт рассматривается как социальная болезнь. Такой точки зрения придерживаются Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н. Смелзер. Особенность этой позиции состоит в том, что конфликт характеризуется как на-

⁹⁸ Collins R. Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science. N.Y., 1975.

рушение структурно-функционального равновесия в социальном процессе (Парсонс), поэтому главная задача – вовремя его обнаружить и принять эффективные меры по преодолению. Сам конфликт рассматривается как социальный процесс, имеющий свою биографию (история, корни, фон, кризисы, поворотные точки), свои фазы и этапы.

В последние два–три десятилетия теория конфликта получила развитие в работах Д. Белла, К. Боулдинга (США), М. Крозье, А. Турена (Франция), Ю. Гальтунга (Норвегия) и др. Они подчеркивают объективную ценность конфликта, не допускающего заострения социальной системы и стимулирующего ее развитие. Вместе с тем, социологи обращают внимание на те конфликты, которые тормозят этот процесс. К их числу они относят и классовую борьбу. Причины социальных конфликтов зачастую усматриваются в несовершенстве психологических механизмов, действующих в обществе, в межгрупповых отношениях. Главное, по мнению социологов, – не допускать расширения социальных конфликтов, перерастания их в состояние повышенной социальной напряженности. Эту задачу должны решать не только правительства, социальные институты, но и социологи, изучающие межгрупповые отношения и общественные процессы.

Еще одна социологическая теория конфликта направлена на доказательство его тесной связи с антагонистическим противоречием. В социологической литературе такой позиции придерживается, в частности, известный английский социолог Э. Гидденс. В двух своих работах, вышедших в 1980-х гг., – «Социология: учебник 90-х годов» и «Устройство общества»⁹⁹, он характеризует конфликт как «антагонизм между индивидами или группами в обществе. Конфликт может принимать две формы: столкновения интересов двух и более индивидов и групп и активной коллективной борьбы друг с другом». Рассматривая отличие противоречия от конфликта, Гидденс указывает на то, что первое выражает уязвимое звено в социальных конструкциях, тогда как второй подчеркивает наличие противоборства сторон. При этом далеко не всегда противоречие приводит к конфликту. Для того чтобы это произошло, необходимо осознать противоположность интересов и сформировать соответствующую мотивацию поведения.

Развитие социологических теорий конфликта (а их достаточно много, и обо всех сказать невозможно) способствовало возникновению его прикладных исследований, которые привели к появлению научно-практического направления – конфликтологии. Ярким примером работы, выполненной в ее рамках, может служить книга американских авторов Р. Фишера и У. Ури «Путь к согласию, или переговоры без поражения» (она была переведена на 30 языков, в том числе на русский в 1990 г.). В этой книге, равно как и во многих других конфликтологических работах, даются практические советы и рекомендации по разрешению конфликтов, поиску путей примирения противоположных интересов.

§ 3. ПАРАДИГМА ОБМЕНА

3.1. Общая характеристика

Еще одна парадигма современной западной социологии – теория социального обмена, развиваемая наиболее интенсивно американскими социологами Джорджем Хомансом (1910 – 1989) и Питером Блау (1918 – 2002). Функционирование человека и общества, в соответствии с этой теорией, базируется на обмене широко понимаемыми различными социальными благами и формами деятельности. Благодаря такому обмену существуют власть, престиж, статус, порядок и др.

Стремление (на психологическом уровне) человека к обмену рассматривается как фундаментальное начало его деятельности и поведения. Благодаря обмену в обществе имеют место не только различные структурные образования (в том числе такие сложные, как социальные институты и организации), но и действуют многие механизмы отношений, в частности, признание, уважение, одобрение, успех, дружба, любовь и т. д. Таким образом, на основе обмена можно интерпретировать и объяснять любые проявления социальной жизни. Но при этом необходимо соблюдать одно важное условие: они должны рассматриваться в тесной связи с социальным взаимодействием

⁹⁹ Giddens A. Sociology. Cambridge, 1989; Giddens A. The constitution of Society. Cambridge, 1984.

и поведением индивидов. Абстрактные процессы и отношения не рассматриваются сторонниками теории обмена под углом зрения социологического (а отчасти и психологического) подхода на том основании, что они (процессы и отношения) «лишены» конкретного человека.

Собственно говоря, именно здесь, в вопросе об исследовании элементарного человеческого поведения и его субъекта – индивида – в качестве предмета социологии и проходит водораздел между парадигмами обмена и структурного функционализма, о чем постоянно пишут их исследователи. Если в последнем подчеркивается необходимость изучения социальных систем и социальных структур, а человек предполагается и мыслится лишь как абстрактная «начинка» и той, и другой, то сторонники теории обмена ставят перед собой цель «вернуть» человека в социологию, «забрав» его предварительно из психологии.

Поэтому не случайно эту теорию, и в первую очередь взгляды Хоманса как наиболее яркого ее представителя и по существу основателя, рассматривают как направление социальной мысли, соединяющее социологию и психологию. Об этом свидетельствует и бихевиористское происхождение теории обмена, что также всегда подчеркивается исследователями.

Напомним, что бихевиоризм – это направление, возникшее в американской социологии и психологии, в основе которого лежит понимание поведения (behavior) как совокупности реакций (ответов) на воздействие внешней среды (стимулов). Поэтому схема поведения выглядит в нем достаточно жестко: стимул – реакция. Подобный подход приводит к возможности трактовать поведение человека как определенную реакцию на действие того или иного стимулирующего фактора в качестве формы обмена.

Взаимодействие между людьми на такой основе рассматривается социологами как обмен «выгодами», приносящий пользу обеим сторонам. Обменные акты понимаются как элементарные социальные действия, на которых покоятся все уровни общественной и индивидуальной жизни. Отметим при этом, что речь идет не о сделках, связанных с куплей-продажей, что было бы крайне примитивным теоретическим толкованием социального обмена. Имеются в виду отношения и взаимодействия между людьми, связанные с социальным «присвоением» качеств, характеристик, свойств личности другими.

Большую роль в появлении теории социального обмена сыграли американские социальные психологи Дж. Тибо и Х. Келли, которые, рассматривая социальную психологию групп в духе бихевиоризма, характеризовали взаимодействия их членов, используя в качестве центральных понятия вознаграждений и издержек. В одной из своих работ они писали: «Соотношение вознаграждений и издержек для каждого из двух субъектов окажется тем лучше, чем (1) большей наградой для него будет возможное поведение другого человека и (2) чем ниже возможные издержки такого поведения. Если каждый способен предоставить второму максимальное вознаграждение при собственных минимальных издержках, то взаимоотношение не только позволит добиться и тому, и другому превосходного сочетания наград и затрат, но и предоставит дополнительное преимущество, заключающееся в том, что оба человека добьются оптимального соотношения вознаграждений и издержек одновременно»¹⁰⁰.

Важно отметить, что эти «обменные» понятия вознаграждений и издержек они применили к анализу власти и подчинения, тем самым, показав практическое значение социального обмена как проблемы социально-психологического исследования.

Дж. Тибо и Х. Келли рассматривали обмен и с экономической точки зрения, используя теорию взаимодействующих исходов, которая показывает зависимость взаимоотношений от суммы «вознаграждений», получаемых каждым их участником (под ними понимаются статус, власть, престиж и т. д.). Другими словами, всякое межличностное отношение – это взаимодействие, характеризующееся в рамках «исходов» (вознаграждений и издержек, потерь) для каждого его субъекта. Интеракция и обмен между субъектами взаимодействия будет продолжаться до тех пор, пока вознаграждения (позитивные исходы) превосходят потери (негативные исходы). Сами эти исходы (и позитивные, и негативные) могут быть как материальными, так и психологическими.

Важный принцип, влияющий на характер взаимодействия, – принцип комплементарности, или дополнительности, который выступает как экзогенная (внешняя) переменная. В понимании исхода взаимодействия (обмена) большую роль играет «уровень сравнения альтернатив», в котором центральное место занимает ценность, приписываемая исходу взаимодействия.

Перейдем к непосредственной характеристике взглядов ведущих теоретиков обмена – Дж. Хоманса и П. Блау.

¹⁰⁰ См.: Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 320.

3.2. Теория обмена Дж. Хоманса

Джордж Каспар Хоманс
George Casper Homans
(11 августа 1910 – 29 мая 1989)

На идеи и взгляды Хоманса глубокое влияние оказали психологические теории бихевиоризма и необихевиоризма. Он сам неоднократно говорил об этом, признавая, что, по его мнению, поведение человека без учета этих теорий нельзя ни понять, ни объяснить. В этом плане наибольшее воздействие Хоманс испытал со стороны творчества Б. Скиннера. Находясь под прессингом психологических концепций, социолог, вместе с тем, видел их ограниченность. Это, в частности, касалось взглядов Скиннера, который доказывал, что изучение поведения голубей может быть использовано для понимания и объяснения социального поведения.

Хоманс писал о том, что поведение людей необходимо исследовать только с учетом взаимодействия индивида с другим индивидом (индивидуумами). Главная причина такого подхода заключалась в том, что люди по своей природе социальны и значительную часть времени жизни проводят не в одиночестве, а во взаимодействии с другими людьми. Основной же формой этого взаимодействия является обмен деятельностью, составляющий содержание социального поведения. В изучении межличностного взаимодействия и поведения людей на основе обмена Хоманс видел главную задачу социологии.

Видя в «элементарном социальном поведении», т. е. повседневном, наблюдаемом поведении индивидов предмет социологии, Хоманс выделял в структуре этого поведения, во-первых, деятельность, во-вторых, чувства, в-третьих, взаимодействия (интеракции). Последний элемент – интеракция – и рассматривался как процесс обмена между взаимодействующими индивидами. Другими словами, интеракция (равная обмену) оказывалась изначально присущей поведению человека.

Научные интересы американского исследователя лежали не просто в сфере изучения социального поведения и взаимодействия. Его волновали проблемы подкрепления этого поведения и его механизмы, связанные с вознаграждениями и наказаниями, которые заставляют людей делать то, что они делают. Принципиальная суть подхода Хоманса состояла в доказательстве того, что взаимодействия между людьми с большой вероятностью будут продолжаться, если они базируются на обмене вознаграждениями. И наоборот, эти взаимодействия вряд ли будут продолжаться, если одной из сторон они обошлись слишком дорого.

Рассмотрим подробнее некоторые положения теории обмена на примере книги Джорджа Хоманса «Социальное поведение: его элементарные нормы»¹⁰¹, одна из глав которой называется «Общие положения теории обмена»¹⁰². Ключевыми понятиями теории обмена являются: действие, поведение, вознаграждение (награда), успех, наказание, ценность, стимул, лишение, расходы, результат действия, доходы, одобрение, агрессия, рациональность.

Хоманс говорит о шести аксиоматических положениях (постулатах) теории обмена.

1. Аксиома успеха: чем чаще соответствующие действия людей получают вознаграждения, тем вероятнее, что эти действия будут осуществляться ими с определенной частотой и дальше.

¹⁰¹ Homans G.K. Social Behavior: Its Elementary Forms. N.Y., 1961.

¹⁰² См. перевод этой главы: Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века / Под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург, 1996. С. 92 – 118.

2. Аксиома стимула: если в прошлом тот или иной стимул (или набор стимулов) был связан с вознаграждением действия индивида, то чем более похожи на него стимулы в настоящем, тем вероятнее, что человек совершит такое же (или похожее на него) действие.
3. Аксиома ценности: чем большую ценность представляет для индивида результат его действия, тем более вероятно совершение им данного действия и в последующем.
4. Аксиома депривации–пресыщения: чем чаще в недавнем прошлом индивид получал определенную награду, тем менее ценным становится для него любое последующее получение этой награды.
5. Аксиома агрессии–одобрения: а) если действие индивида не вызовет ожидаемого вознаграждения или неожиданного наказания, он испытает состояние гнева, и возрастет вероятность того, что более ценным для человека станет агрессивное поведение; б) если действие индивида получит ожидаемое (либо даже большее) одобрение или не приведет к ожидаемому наказанию, то он испытает чувство удовольствия, и тогда возрастет вероятность того, что он воспроизведет одобряемое поведение, поскольку оно будет для него более ценным.
6. Аксиома рациональности: при выборе между альтернативными действиями индивид изберет то, для которого ценность результата, помноженная на вероятность его получения, наибольшая.

Все эти шесть аксиоматических положений призваны конкретизировать понятие обмена как основного способа поведения людей в ходе взаимодействия между ними. Хоманс открыто говорит о том, что его как социолога волнуют прежде всего действия людей, их поступки. Он пишет: «Нас будут гораздо больше интересовать поступки людей, чем их отношения, особенно, если последние не ведут к действию. Нам приелась социальная наука, в которой люди всегда «ориентируют себя» или на самом деле лишь "ориентируются" на действие, но никогда не действуют»¹⁰³. Названные выше положения теории обмена имеют существенное значение для оптимизации поведения людей и их взаимодействия в самых различных социальных структурах и сферах.

Таким образом, нельзя не признать полезности некоторых закономерностей поведения, открытых и описанных Хомансом. Однако нужно иметь в виду, что американский социолог недооценивает макроструктуры общества и его социальные институты, сводя все многообразие общественных отношений к обмену в рамках описанных им образцов на уровне межличностного взаимодействия.

Основным объектом внимания социолога становятся отдельные группы, исследуя которые можно показать зависимость между взаимодействием их членов и чувствами, испытываемыми этими людьми в процессе такого взаимодействия. Не случайно одна из основных работ американского социолога, написанная в 1950 г., называлась «Человеческая группа»¹⁰⁴.

При всей важности таких исследований, которые позволяют наблюдать и фиксировать поведение взаимодействующих людей и факторы, на него влияющие, они так или иначе вызывают у читателя вопросы. Например, можно ли объяснить поведение людей стремлением их к получению награды, достижению успеха, проявлению агрессивности и т. д.? При ответе на эти и другие вопросы мы должны всегда помнить, что обмен – это далеко не полная и не единственная модель взаимодействия людей. Тем более что при переходе от микротеоретического к макротеоретическому уровню анализа эта модель уже не работает, поскольку с ее помощью объяснить и интерпретировать многочисленные «крупные» явления и процессы социальной жизни становится невозможно.

Концепция Хоманса выступает как явно редуционистская по нескольким соображениям. Во-первых, это редуционизм бихевиористского образца. Оказавшись под заметным влиянием одного из крупнейших представителей социального бихевиоризма психолога Скиннера, который руководствовался идеей «оперантного поведения» (это поведение, основанное на взаимовыгодном отношении индивидов друг к другу в процессе общения), Хоманс сводит анализ человеческого взаимодействия к обмену наградами, наказаниями и т. д.

Во-вторых, американский социолог рассматривает этот обмен прежде всего на уровне сознания, тем самым редуцируя социальное (социологическое) к уровню психологического. Делает он это потому, что считает психологические принципы человеческого поведения универсальными, удачно объясняющими его механизмы.

Наконец, в-третьих (что вытекает из «во-первых» и «во-вторых»), Хоманс редуцирует макросоциологическое к микросоциологическому. Такая редукция ведет начало от его негативного отношения к структурному функционализму и критики им этого направления в связи с тем, что представители последнего игнорируют человека, его поведение и взаимодействие с другими людьми в рамках тех или иных социальных групп.

Между тем, по мнению американского социолога, именно здесь, в области изучения межличностного взаимодействия, сосредоточены возможности социологии как науки. Она, считает Хоманс, должна рассматривать общество состоящим из взаимодействующих человеческих инди-

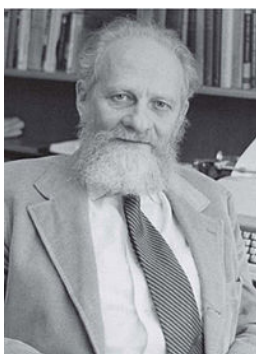
¹⁰³ Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века / Под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург, 1996. С. 92.

¹⁰⁴ Homans G. The Human Group. N.Y., 1950.

видов, что является задачей микросоциологии. Причем это взаимодействие, как уже отмечалось, характеризуется социологом в качестве поведения, базирующегося на обмене наградами, поощрениями, достижениями, успехом, ценностями, агрессией, пресыщением и т. д.

В рамках парадигмы обмена на первый план выходит ценностно-нормативный уровень взаимодействия. Но если у Хоманса этот уровень (ценности, нормы, роли, статус) явно преобладает, то его последователи (П. Блау, Р. Эмерсон) стремятся усилить концепцию за счет перехода к более широким структурным связям на основе структурно-функционального анализа взаимодействия. Все исследователи этой парадигмы отмечают заметное преувеличение роли психологических аспектов концепции. Тем не менее ценность ее – в стремлении найти переход от микросоциологического к макросоциологическому уровню изучения общественной жизни, что позволило бы сочетать анализ человеческого поведения и деятельности социальных структур различной степени сложности.

3.3. Взгляды П. Блау

Питер Майкл Блау
Peter Michael Blau
(7 февраля 1918 – 2 марта 2002)

Рассматривая парадигму обмена, нельзя не охарактеризовать взгляды еще одного американского социолога – П. Блау. Основная его работа, написанная в рамках теории обмена, – «Обмен и власть в социальной жизни»¹⁰⁵. В отличие от Хоманса, его интересовали больше не психологические, а социологические аспекты обмена, причем не только в межличностных отношениях, но и в различных типах социальных структур. Сам обмен Блау определяет как «действия, зависящие от получаемых одними людьми от других вознаграждений и прекращающиеся с окончанием этих вознаграждений»¹⁰⁶.

Будучи другом и учеником Хоманса, Блау во многом использовал его характеристики обмена как элементарной экономической модели поведения людей. Отсюда – приращение категориям выгоды, пользы важного значения, что связано с объяснением различных сторон взаимодействий между индивидами и общественными структурами. Так, одним из принципов теоретического подхода Блау к обмену был следующий: чем больше выгоды человек ожидает получить от другого в ходе осуществления собственной деятельности, тем больше вероятности того, что она будет осуществлена.

Однако этот принцип обмена вполне может быть экстраполирован на взаимодействия между организациями и иными социальными структурами. В отношениях между ними, считает социолог, обмен имеет зачастую не прямой, а косвенный и поэтому значительно более сложный и опосредованный характер. В него активно «вмешиваются» факторы нормативности и контроля. Такой подход дает возможность Блау осуществить попытку перевода трактовки обмена с микроуровня на мезоуровень (уровень фирм, организаций, социальных структур, институтов) и далее на макроуровень (крупные социальные структуры, институты).

¹⁰⁵ Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964.

¹⁰⁶ Ibidem. P. 6.

По мнению Блау, социальное взаимодействие осуществляется, прежде всего, в рамках различных социальных групп. Причем людей влечет больше к тем группам, где они чувствуют, что могут получить от установленных отношений больше вознаграждений, чем в других группах (еще раз отметим, что речь идет совсем необязательно о материальных выгодах). Поэтому они стремятся войти в такие группы, быть принятыми в них.

Но зачастую Блау рассматривал этот аспект взаимодействия применительно к такой разновидности социальной группы как социальная организация, и тогда его общая характеристика обретала новые грани. Так, социолог рассматривал под таким углом зрения попытки принятых на работу новичков (выражаясь современным социологическим языком, мы бы сказали, адаптантов) войти в ту или иную организацию с целью произвести благоприятное впечатление на членов группы и ее лидеров, рассчитывая на получение ожидаемого вознаграждения в течение определенного периода времени.

Блау, как известно, является одним из крупнейших специалистов в теории организации. Одна из особенностей его подхода к исследованиям в этой области состояла в том, чтобы рассматривать становление и развитие организаций под углом зрения эффективности осуществляемых в ней обменов. Он выделяет два типа организаций в зависимости от характера обменных процессов в них. Первый тип порождается непосредственно процессами обмена и конкуренции и возникает зачастую случайно. Второй тип, как считает Ритцер, «не является случайно возникающим: социальная организация создается для достижения конкретных целей, например, для производства товаров, которые можно продать с целью получения прибыли, для участия в турнирах по боулингу, в коллективных сделках, а также для политических побед. Рассматривая данные типы организации, Блау преодолел рамки «элементарных форм социального поведения», которые обычно интересуют социальных бихевиористов»¹⁰⁷.

Наряду с проблемами организации, рассматриваемыми в тесной связи с отношениями социального обмена, Блау поставил вопрос о его связи с проблемами власти. Социолог рассматривает властные отношения как один из частных случаев социального обмена. Здесь на него оказало влияние веберовское понимание власти и ее типов, каждый из которых характеризуется Блау с позиций парадигмы обмена. Но эти обменные отношения он определяет как стремление каждой из сторон получить право (часто монопольное) на некоторое вознаграждение, вытекающее из ее социального положения в структуре власти.

Американский социолог считал, что нельзя исследовать процессы социального взаимодействия в отрыве от соответствующей социальной структуры. Более того, она сама возникает в его ходе, является результатом социального взаимодействия. Однако, появившись таким образом, социальная структура становится самостоятельной и уже сама оказывает влияние на процесс социального взаимодействия.

Понятно поэтому, что американского социолога постоянно интересовали проблемы социальной структуры, социальных организаций и институтов. Определяя в самом общем виде социальные структуры как многомерное пространство, образуемое линиями дифференциации, он характеризует их как входящие друг в друга серии последующих уровней все более широкого масштаба. Так, «при изучении структуры трудовых коллективов их непосредственной социальной средой являются условия в подразделении организации, где они работают. При изучении структуры фирм такой непосредственной социальной средой являются условия рынка. ... Следующий, более низкий уровень состоит из совокупности элементов изучаемой структуры. Примерами таких составляющих элементов могут быть члены трудового коллектива, этнические группы города, отделы и филиалы компании»¹⁰⁸. Как видно, при конкретном изучении социальной структуры срабатывает «принцип матрешки».

Таким образом, в отличие от Хоманса, Блау интересовали не только внутриличностные отношения, но и взаимодействия между различными типами социальных структур преимущественно на мезо- и макроуровне. В объяснении этих взаимодействий он использовал не только психологические принципы, как Хоманс, который пытался исключительно с их помощью объяснить социальное поведение, но и социологические механизмы, направленные на адаптацию теории обмена «к формату социальных отношений». Блау писал: «Сложные социальные структуры, характеризующие крупные сообщества, фундаментальным образом отличаются от более простых, свойственных малым группам. Структура социальных отношений в малой группе образуется в ходе социального взаимодействия ее членов. Поскольку большинство из членов крупного сообщества или целого общества не взаимодействуют непосредственным образом, порядок социальных отношений между ними должен опосредоваться каким-то иным механизмом»¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 331.

¹⁰⁸ Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 19.

¹⁰⁹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 332.

Этим механизмом для него стали нормативно-ценностные регуляторы взаимодействий, которые обуславливали ситуации как прямого, так и непрямого социального обмена. В качестве яркого примера последнего он рассматривал благотворительность. Если раньше щедрая леди, пишет Блау, приносила беднякам корзинки с продуктами и одеждой и за это в качестве обмена получала их благодарность и признательность, то сейчас между благотворителями и получателями не существует прямого контактного обмена. Как далее говорит Блау, «состоятельные бизнесмены и представители высшего класса занимаются благотворительностью, чтобы соответствовать распространённым в их социальном классе нормативным ожиданиям и приобрести общественное одобрение со стороны себе равных, а не с целью заслужить благодарность индивидов, которые получают эти благотворительные средства»¹¹⁰.

Чем норма отличается от ценности с точки зрения теории обмена Блау? Норма объясняет уровень обмена между индивидом и сообществом, тогда как ценность характеризует широкий уровень отношений между сообществами. Стало быть, ценности, по существу, расширяют отношения обмена в рамках социального пространства и времени.

В целом в рамках парадигмы обмена ценностно-нормативный уровень взаимодействия выходит на передний план. Но если у Хоманса этот уровень (ценности, нормы, роли, статус) явно преобладает, то его последователи (Блау, Эмерсон) стремятся усилить концепцию за счет перехода к более широким структурным связям на основе структурно-функционального анализа взаимодействия. Все исследователи этой парадигмы отмечают заметное преувеличение роли психологических аспектов концепции. Тем не менее, ценность ее – в стремлении найти переход от микросоциологического к макросоциологическому уровню изучения общественной жизни, что позволило бы сочетать анализ человеческого поведения и деятельности социальных структур различной степени сложности.

Как видно, одна из основных задач социологии Блау состояла в том, чтобы соединить, интегрировать теории обмена и социальной структуры. Каждая из них добавляет свое в понимание социального взаимодействия. Так, теория обмена сама по себе недостаточна для объяснения сложных социальных структур (особенно на мезо- и макроуровне). С другой стороны, концепции социальной структуры, лишённые аналитических возможностей характеристики поведения людей в процессе обмена между ними социальными качествами и свойствами, ценностями и благами, не в состоянии объяснить многие отношения и процессы в обществе.

По существу же мы видим у Блау две «картины» социального анализа. Первая является результатом использования теории обмена для анализа микропроцессов, связанных с межличностным взаимодействием. Вторая выступает как «картина», висящая над первой, и свидетельствует об активном применении им теорий социальной структуры, более широко – структурного функционализма для характеристики макропроцессов общества. В этом случае центральной проблемой становится глубина и плотность связи между названными уровнями анализа. Попытка синтезировать их в творчестве Блау, конечно же, имела место. Однако, по нашему мнению, вряд ли ее можно считать реализованной до конца.

Начало, положенное Блау в изучении обмена на разных уровнях синтеза и интеграции, получило продолжение уже в 1990-х гг. в работах К. Кук, Дж. О'Брайена и П. Коллока. Они исследовали отношения обмена на нескольких уровнях анализа, в том числе обмена между взаимосвязанными индивидами, корпорациями, нациями и государствами. Эти авторы считают сильной стороной теории обмена микро-макроинтеграцию, поскольку «в рамках одной теоретической структуры имеются положения, применимые как к индивидуальным акторам, так и к макроуровню (или системному уровню), и теория пытается ясно сформулировать, какое влияние оказывают изменения в пределах одного уровня анализа на другой»¹¹¹.

В самые последние годы в исследованиях ряда теоретиков появились новые аспекты, связанные с риском и ненадежностью в отношениях обмена. Интерес к проблеме риска порождает вопрос о доверии субъектов обмена друг к другу и третьим лицам (структурам). Вопрос формулируется так: может ли один субъект доверять другому, что тот возместит ему издержки, если он уже получил выгоду и пользу?

Заканчивая рассмотрение парадигмы обмена, следует отметить, что, с точки зрения одних авторов, теория обмена уже прошла пик популярности, хотя ее теоретический, эмпирический и прикладной ресурс еще далеко не выработан. Другие авторы, наоборот, полагают, что теория обмена имеет значительную перспективу, а в настоящее время она выступает как «важная составная часть социологической теории и продолжает привлекать новых приверженцев и осваивать новые направления»¹¹².

¹¹⁰ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 333.

¹¹¹ Там же. С. 339.

¹¹² Там же. С. 90.

Завершая характеристику парадигм конфликта и обмена, следует отметить, что, несмотря на уже пройденный ими пик популярности, теоретический, эмпирический и прикладной ресурс этих теорий еще далеко не выработан. Главное заключается в том, что и социальные конфликты, и социальные обмены продолжают «пронизывать» как повседневную, обыденную жизнь людей, так и деятельность многих общественных структур (институтов, организаций и т. д.). Другими словами, они характеризуют различные уровни и формы межличностного и социального взаимодействия, выступая тем самым в качестве как реальных, так и идеальных типов поведения. А это значит, что мы вполне можем использовать парадигмы конфликта и обмена и как модели объяснения тех или иных картин общественной жизни, социальных явлений и процессов, и как способы решения многих сложных проблем, возникающих в процессе социального взаимодействия.

Еще одной парадигмой, в центре которой стоят вопросы индивидуального и социального взаимодействия, является символический интеракционизм. Его анализу посвящается следующая глава.

Вопросы и задания

1. Изложите позицию Т. Куна в отношении парадигмы в науке.
2. Каковы критерии парадигмы в социологии? Охарактеризуйте подходы к пониманию парадигмы и ее критериев, существующие в отечественной социологии.
3. Как в современной западной социологии трактуется парадигма?
4. В чем состоит существо парадигмы конфликта?
5. Почему проблема конфликта занимала в социологическом творчестве К. Маркса важное место? С чем в его позиции были не согласны критики Маркса?
6. Как рассматривает парадигму конфликта Л. Козер? Принимаете ли вы его позицию или готовы с ней полемизировать? Обоснуйте свои взгляды.
7. Почему в социологической науке имеет место противопоставление парадигм конфликта и структурного функционализма?
8. Раскройте существо взглядов Р. Дарендорфа на конфликт. Попробуйте сравнить его позицию с позицией Л. Козера.
9. Дайте общую характеристику парадигмы обмена. В чем вы видите ее значение для социологии?
10. Покажите связь теории обмена с бихевиоризмом.
11. Охарактеризуйте существо теории обмена Дж. Хоманса. Попробуйте изложить своими словами аксиоматические положения этой теории.
12. В чем состояла позиция П. Блау, касающаяся парадигмы обмена?
13. Насколько значимы сегодня рассмотренные парадигмы конфликта и обмена? Обоснуйте свою позицию.

Литература

- Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону, 1999.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
- Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.
- Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1994.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 2001. С. 393 – 427.
- Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.
- Козер Л.А. Завершение конфликта // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Култыгин В.П. Концепция социального обмена в современной социологии // Социологические исследования. 1997. № 5.

- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.
- Фотев Г. Джордж Хоманс: теория социального обмена // Современная американская социология. М., 1994.
- Хоманс Дж.К. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века / Под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург, 1996.

ГЛАВА 8

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

§ 1. Общая характеристика символического интеракционизма

1.1. Специфика символического интеракционизма как социологической парадигмы

1.2. Чикагское и Айовское направления

§ 2. Дж.Г. Мид – основатель символического интеракционизма

2.1. Концепция символического интеракционизма

2.2. Концепция личности и ее структуры

§ 3. Социологическое творчество Г. Блумера

3.1. Проблема символического взаимодействия

3.2. Анализ коллективного поведения

§ 4. Идеи символического интеракционизма в работах Э. Гоффмана

4.1. Общая характеристика творчества

4.2. Исследование мира повседневной жизни людей

4.3. Рамочный анализ

4.4. Проблема личности и «драматургический подход»

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

1.1. Специфика символического интеракционизма как социологической парадигмы

Одно из основных социологических направлений, ставшее парадигмальным в последующем развитии науки, – символический интеракционизм. Его главной особенностью является анализ социальных взаимодействий между людьми на основе того символического содержания, которое они вкладывают в свои конкретные действия. Поскольку основными символами, с помощью (а часто и на базе) которых осуществляется взаимодействие, выступают жесты, ритуалы и, конечно, в первую очередь, язык, сторонники этой социологической парадигмы уделяют их исследованию главное внимание, объясняя таким образом многие социальные и межиндивидуальные, групповые и внутригрупповые процессы.

Каждый из символов имеет социальный смысл и социальное значение – это открытие было положено в основу характеризующей нас парадигмы. Согласно ей изучение характера, форм и средств использования людьми тех или иных символов, а также социальных значений и смыслов, придаваемых им индивидами в ходе их взаимодействия, является одним из основных способов исследования социального поведения, деятельности личности, в целом получения определенной картины и модели конкретного общества.

Предшественниками символического интеракционизма справедливо считают тех ученых, которые уделили значительное внимание рассмотрению проблем социального взаимодействия, более того, характеризовали его как основную предметную составляющую социологической науки. К числу таких исследователей необходимо отнести в первую очередь Ч. Кули, Г. Зиммеля, У. Томаса.

Символический интеракционизм в известной степени противостоит структурному функционализму. Если представители последнего шли от структуры социального процесса к поведению людей, то сторонники символического интеракционизма идут от действующей личности к социальной структуре. Таким образом, формируется субъективистский взгляд на эту структуру. Смысл его состоит в том, чтобы обнаружить, как люди в своей деятельности и общении производят, воспроизводят и изменяют социальные структуры. Это и характеризует одну из сторон гуманистической парадигмы как базовой для неклассической социологии, да и всей современной социологической науки. (Другими сторонами названной парадигмы явились феноменологическая социология и этнометодология, о которых речь пойдет в следующей главе).

В отличие от теоретической направленности структурного функционализма символический интеракционизм характеризуется преимущественно эмпирическим вектором. Его важная особенность состоит в изучении конкретных коммуникативных форм символического взаимодействия между людьми, средств связи между ними, в первую очередь языка. Благодаря новым возможностям развития и изучения информационных процессов (на основе научно-технических достижений, связанных с появлением нескольких поколений ЭВМ) границы символического интеракционизма значительно расширились (начиная с 1980-х гг.). Но суть его не изменилась. Главным по-прежнему остается признание того, что социальный мир является системой коммуникаций и межличностного взаимодействия на основе субъективно значимых символов и может рассматриваться именно в такой своей ипостаси.

Как направление социологической мысли, символический интеракционизм очень неоднороден. Учения Дж.Г. Мида, Г. Блумера, Э. Гоффмана серьезно отличаются друг от друга по поднимаемым проблемам, их содержанию. Представители этого направления часто уходят от обсуждения вопросов функционирования общества, его структур, институтов и организаций, обращая главное внимание на личность, ее восприятие окружающего мира, других людей и их взаимодействия.

В рамках символического интеракционизма рассматриваются значения символов, которые выступают как необходимые условия и средства социальных взаимодействий. Причем большое внимание уделяется основному символическому средству – языку. Социальный символ, выступающий знаковой структурой, является важнейшим и необходимым элементом выполнения социальной роли, без которой говорить о взаимодействии бессмысленно. За социальными символами скрывается соотнесение индивидом своих действий с социальными нормами и образцами поведения. Зная социальные символы как знаки взаимодействия, можно изучать его особенности.

Н. Смелзер образно и содержательно передает смысл символического интеракционизма. Он пишет, что «люди не реагируют непосредственно на взаимодействия внешнего мира наподобие лягушки, которая автоматически выбрасывает язык, когда слышит жужжание мухи. Вместо этого люди придают определенные значения получаемым стимулам и реагируют в большей степени на эти значения, или символы, а не на сами стимулы. В числе символов, на которые реагируют люди, могут быть слова, предметы, дистанция, на которой общаются люди, выражение их лиц и поступки, треугольные нашивки в виде слов «Остановись!» или «Как ты думаешь?» на модных джинсах и рубашках, легкий кивок головы, сигнализирующий другу, что пора уходить с вечера – все это символы. Прошлый опыт человечества и взаимопонимание того, что означают определенные символы, в большинстве случаев облегчают общение людей ...Сторонники теории символической интеракции наблюдают действия людей в обычной обстановке повседневной жизни. Они изучают значения, которые люди придают своим действиям, и то, почему люди это делают»¹¹³.

1.2. Чикагское и Айовское направления

В литературе принято выделять в структуре символического интеракционизма два направления (или две ветви) – Чикагское и Айовское (по названию университетов, где работали их представители). В числе наиболее крупных авторов Чикагского направления – Дж.Г. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани, Айовского – М. Кун, Т. Партленд. Очень тесно связаны с символическим интеракционизмом взгляды сторонников так называемого «драматургического подхода», в первую очередь его наиболее видного сторонника Э. Гоффмана.

¹¹³ Смелзер Н.Дж. Социология // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 128 – 129.

Рассматривая отличия Чикагского направления от Айовского, следует прежде всего отметить стремление представителей первого из них изучать социальные взаимодействия между людьми с точки зрения их процессуального, изменяющегося характера, тогда как для «айовцев» более типично исследование сложившихся и стабильных символических структур. Социологи Чикагского направления анализировали процессы формулирования и изменения социальных значений в ходе непрерывно происходящего определения и переопределения ситуаций взаимодействия их участниками. Представители Айовского направления стремились к формализации исследований и их результатов, много работали над созданием измерительных процедур и шкал оценок.

Это было необходимо делать потому, что сторонники символического интеракционизма в целом, независимо от их принадлежности к тому или иному его направлению, проявляли большой интерес к проведению эмпирических исследований и методам изучения социальных взаимодействий, обращая особое внимание на так называемые мягкие, или качественные методы. Они исходили из содержательной уникальности и неповторимости любого социального взаимодействия, что уже само по себе ставит задачу его изучения с помощью качественных методов, которые позволяют эту неповторимость учитывать при исследовании и обработке полученных данных.

Далее, эти методы важны при характеристике интерпретации индивидами поведения взаимодействующих с ними людей. При этом сторонники символического интеракционизма исходят из того, что познание самого взаимодействия можно осуществлять лишь с позиции действующего индивида. Это означает, что со стороны последнего должно иметь место стремление прочувствовать и понять состояние другого человека. Социологу же с помощью специальной исследовательской методики и техники (прежде всего социометрической) следует измерить и зафиксировать отношения между взаимодействующими индивидами.

Поэтому не случайно среди рекомендуемых и активно используемых символическими интеракционистами методов распространены такие, как интервью, включенное наблюдение, case study (глубокое и всесторонне изучение отдельного случая, явления), метод изучения биографий, документальный метод (в части исследования личных документов: писем, дневников, автобиографий и др.). Представители символического интеракционизма считают, что социолог должен занять важное место в исследовательском процессе, по существу «стать его элементом», что позволило бы ему лучше понять позиции взаимодействующих индивидов.

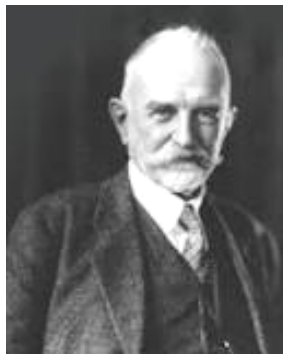
Особое значение в этом плане придавалось методу включенного наблюдения, который предполагает возможность более глубокого «эмпирического» проникновения во внутренний мир взаимодействующего индивида и изучения при этом смыслов и значений, придаваемых им тем или иным символам, характеризующим социальную интеракцию. Главное здесь заключается в том, чтобы через субъективные интерпретации взаимодействующих людей воспроизвести конкретный социальный мир, в первую очередь ту социальную среду, в которой живут исследуемые индивиды.

Таким образом, характеризовавшаяся социологами социальная ситуация определялась прежде всего субъективными смыслами и значениями, которые принадлежали взаимодействующим индивидам и выявлялись исследователями на основании интерпретации этой ситуации самими людьми.

§ 2. ДЖ.Г. МИД – ОСНОВАТЕЛЬ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

2.1. Концепция символического интеракционизма

Джордж Герберт Мид (1863 – 1931) родился в штате Массачусетс. После окончания Гарвардского университета и стажировки в Германии он становится профессором Чикагского университета и преподает в нем вплоть до 1931 г. При жизни был малоизвестен, поскольку не опубликовал ни одного крупного научного труда, а свою деятельность ограничил только чтением курсов лекций (пользовавшихся большим успехом у слушателей).

Джордж Герберт Мид
George Herbert Mead
(27 февраля 1863 – 26 апреля 1931)

Популярность Мида выросла после смерти, когда группа его бывших студентов и почитателей таланта издала сочинения ученого в четырех томах, основанные на лекционных конспектах студентов и авторских рукописях. Главная работа – «Сознание, Я и Общество»¹¹⁴. Далее, в процессе анализа творчества Мида, мы будем постоянно ссылаться на эту работу и цитировать ее. В философском плане автор названной книги был последователем американских ученых У. Джемса и Дж. Дьюи, сторонником прагматизма.

Центральным в учении Мида является понятие межличностного взаимодействия (также как и у Ч. Кули – основателя интеракционизма). С этой категорией тесно связана другая, не менее важная в творчестве Мида, – социальный акт. Он рассматривается как диалог между индивидами, как постоянный, непрекращающийся обмен установками и действиями между ними. Социальный акт включает четыре стадии: импульс, восприятие, манипуляцию и консуммацию (потребление). Импульс рассматривается как побуждение участника взаимодействия внешней социальной средой к действию, восприятие (перцепция) – как формирование в сознании индивида представления об объекте будущего действия, манипуляция – как процесс взаимодействия субъекта и объекта, консуммация (потребление) – как получение пользы от объекта взаимодействия и ее оценка.

Рассматривая социальный акт как взаимодействие, американский исследователь выделяет два его типа – несимволическое и символическое взаимодействие. Первый тип означает непосредственную реакцию людей на действия друг друга. Что касается второго, основного типа взаимодействия – символического, то в ходе его имеет место обмен «установками, смыслами и значениями» в различных формах, в первую очередь языковой. Последняя может выступать как жестовая, письменная, вербальная форма коммуникации.

Среди жестов выделяются «незначущие» (имеющие бессознательный, инстинктивный характер, например, реакция боксеров и фехтовальщиков на действия противников) и «значущие», прежде всего голосовые. Анализу именно голосового жеста и превращению его в значимый символ взаимодействия Мид уделяет особое внимание. Совокупность и взаимосвязь голосовых жестов рассматривается им как речь.

Американский ученый постоянно подчеркивает, что социальный мир человека и человечества формируется в результате процессов социальных взаимодействий, в которых большую роль играет «символическое окружение». Согласно Миду, общение между людьми осуществляется при помощи особых средств – символов, к которым он относит жест и язык. Символическое окружение человека оказывает на него решающее влияние, поскольку способствует формированию сознания личности и человеческого Я. Жест – это начальный, незавершенный элемент человеческого поведения. Жест и реакция на него опосредуется значением, которое как бы «располагается» между жестом и воспринимающим его человеком. Смысл жеста вызывает (если он понятен) инстинктивную реакцию. Мид пишет: «Жест выражает некое результирующее социального действия, результирующее, на которое имеется определенный отклик со стороны вовлеченных в это действие индивидов: таким образом, смысл дается или формулируется в терминах отклика»¹¹⁵. Но жест не имеет социально закрепленного значения. Зато его имеет язык. Как указывает социолог, «решающее значение языка для развития человеческого сознания заключается в том, что этот стимул обладает способностью воздействовать на говорящего индивида так, как он воздействует на другого»¹¹⁶.

¹¹⁴ Mead. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

¹¹⁵ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 221.

¹¹⁶ Там же. С. 217.

По мере трансляции символов индивид передает партнеру и ряд стимулов к поведению. На этой основе межличностное взаимодействие сводится к процессу «перенимания ролей». В результате своеобразного копирования действий социального партнера происходит передача определенной социально значимой информации.

Концепция межиндивидуального взаимодействия Мида включает в себя положение об обусловленности его (взаимодействия) социальными факторами. Характер восприятия индивидом окружающей социальной действительности детерминирован опытом его общения с другими людьми и собственной способностью воспринимать мир и себя так, как этот мир видят другие и как это выражено символами (жестами и языком).

По мнению социолога, человеческие действия имеют изначально значимый социальный характер. Объяснить поведение индивида можно лишь в терминах организованного поведения социальной группы; если же действия индивида не рассматривать как единое целое, то объяснить их нельзя.

Мид подробно исследует проблему приспособления действий индивидов друг к другу в рамках социального процесса. Приспособление, характеризуемое им как взаимодействие, «происходит посредством коммуникации: посредством жестов на более низких уровнях человеческой эволюции и посредством значимых символов (жестов, обладающих смыслом и являющихся, следовательно, чем-то большим, чем простые заместительные стимулы) на более высоких уровнях человеческой эволюции»¹¹⁷. В качестве основного фактора приспособления действий индивидов (рассматриваемого как взаимодействие) у ученого выступает смысл, который «возникает и располагается в пространстве отношений между жестом данного человеческого организма и последующим поведением этого организма, возмещенным другому человеческому организму посредством этого жеста»¹¹⁸. Отклик же одного организма на жест другого в любом данном социальном действии и будет смыслом этого жеста.

Согласно взглядам Мида, совокупность процессов взаимодействия создает общество и социального индивида. Происхождение Я целиком социально, главная его характеристика – способность становиться объектом для себя самого, следовательно, способность к самосознанию, что отличает его от неодушевленных предметов и живых организмов.

2.2. Концепция личности и её структуры

Концепция символического интеракционизма в творчестве Мида оказалась тесно связанной с его концепцией личности, что неудивительно, поскольку ученого интересовало взаимодействие прежде всего индивидов – «носителей» личностных характеристик. Более того, именно концепция личности легла в основу символического интеракционизма. Особое место в этой концепции занимал вопрос о структуре личности, рассматривавшейся им как структура системы «Я».

Мид выделяет в системе «Я» две подсистемы: «I» и «Me». «Me» – это свойственная данному индивиду совокупность установок «других», ценностей и норм сообщества; это то, как индивиды видят себя глазами других индивидов и как они усваивают эти обобщенные представления о себе. «I», наоборот, имеет автономный, самоценный характер, означает представление индивидом самого себя, так сказать, «самопредставление» и выступает как его самость. «I» является источником спонтанного, непредсказуемого поведения, отражает специфику реакций индивида на социальные стимулы, тождествен социальному процессу, как бы «сливается» с ним. По сути дела, Мид стремился к отождествлению «I» не только с социальным процессом, но и с автономностью и свободой человека, его возможностями и перспективами выбирать и переструктурировать социальные роли. Реагируя отклоняющимся от ожиданий образом, «I» вносит в структуру взаимодействий изменения, которые, суммируясь, меняют содержание социального процесса, не давая ему превращаться в жесткий социальный порядок.

Позиция социолога в отношении структуры личности свидетельствует о признании им по существу ее двойственной природы, связанной, с одной стороны, с характеристикой самости личности (внутреннего стержня, не связанного с чьими-либо мнениями и оценками), с другой – выявлением и восприятием представлений о себе со стороны иных людей. Уже в такой трактовке личности заложено понимание источников социального взаимодействия, сосредоточенных в ее природе и структуре.

¹¹⁷ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 220.

¹¹⁸ Там же. С. 220.

Рассматривая взгляды американского социолога на соотношение «I» и «Me», мы использовали понятие «перспектива». Оно занимает в творчестве исследователя проблемы личности весьма значимое место. Перспектива рассматривается им не столько для показа ожидаемого в будущем результата действия, сколько для выявления особого отношения каждого индивида к его социальной среде, которая выступает для него как «обобщенный другой» – еще одно важное понятие, введенное в широкий научный оборот американским исследователем.

В целом ряде социальных взаимодействий коммуникация их участников возможна и достижима именно потому, что они разделяют общую перспективу и берут на себя исполнение роли «обобщенного другого». В этом понятии отражается и обобщается мнение группы (конкретной социальной среды) относительно общего объекта взаимодействия. «Именно в форме обобщенного другого, – пишет Мид, – социальный процесс влияет на поведение вовлеченных в него и поддерживающих его индивидов, т. е. сообщество осуществляет контроль над поведением своих индивидуальных членов, ибо как раз в этой форме социальный процесс (сообщество) проникает в качестве определяющего фактора в мышление индивида»¹¹⁹.

При этом нельзя не отметить то обстоятельство, что, рассматривая «обобщенного другого» как социальную среду участника взаимодействия, ученый выделяет специально понятие «значимого другого» как доминанты «обобщенного другого». Это понятие сыграло важную роль в социологии, стимулировав в дальнейшем разработку проблемы референтной группы, трактуемой как реальная или воображаемая социальная группа, выступающая для индивида в качестве эталона, с которым он сопоставляет свое социальное положение, поведение и установки.

Характеризуя концепцию личности Мида, лежащую в основе парадигмы символического интеракционизма, нельзя не коснуться его взглядов на процесс становления личности (самости в терминологии Мида), которому он уделял много внимания в своем творчестве. Американский ученый выделяет две основные стадии в этом процессе, рассматриваемом им на материалах исследования детей. «На первой из этих стадий, – пишет Мид, – самость индивида конституируется просто организацией отдельных установок других индивидов по отношению к нему самому и друг к другу в рамках специфических социальных действий, в которых он вместе с ними участвует. Лишь на второй стадии процесса полного развития самости она конституируется организацией не только этих отдельных установок, но также и социальных установок обобщенного другого или социальной группы, к которой он принадлежит, или как некоего целого»¹²⁰.

Обе стадии связаны с изучением и характеристикой игры как основной формы деятельности индивидов детского возраста. На первой игра (play) сопряжена с выполнением ролей, не принадлежащих самому ребенку. Это роли родителей и других родственников, докторов, продавцов и т. д. Дети играют их в процессе «общения» с самими собой (ребенок назначает себе от имени доктора лечение и тут же принимает его, от имени продавца продает себе товары и продукты и приобретает их и т. д.). При этом в качестве важного участника процесса взаимодействия выступают куклы, которые могут заменять, в зависимости от ситуации, либо самого ребенка, либо его «визави» по игре. Идет процесс формирования, социализации личности ребенка. Вторая стадия этого процесса также связана с игрой, но уже иной (game), характеризующейся наличием состязания, соревнования с другими (как правило, сверстниками). В таких играх дети видят себя не только (и даже не столько) собственными глазами, но и глазами других участников состязаний. Это вызывает необходимость реагировать на их установки и действия, а также выполняемые ими роли.

Ребенок, таким образом, вступает в организованное сообщество, где принципы символического взаимодействия и коммуникации становятся определяющими социальное поведение. «Коренное различие между соревнованием и игрой, – указывает Мид, – состоит в том, что в первом ребенку необходимо иметь установку всех других вовлеченных в это соревнование индивидов. Установки других игроков, усваиваемые участником соревнования, организуются в своего рода единство, и эта организация как раз и контролирует отклик данного индивида»¹²¹.

В целом, по Миду, поведение человека обусловлено структурой его личности, его социальной ролью и восприятием установок «обобщенного другого». Вместе с тем, говоря об ограниченности взглядов американского ученого, нужно отметить, что его анализ межиндивидуального общения зачастую сводится лишь к формальной стороне, без характеристики предметной деятельности индивидов и других факторов социального взаимодействия.

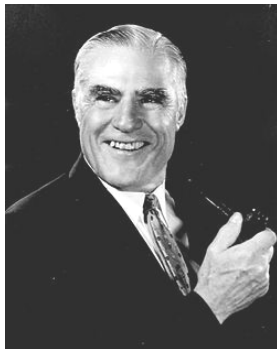
¹¹⁹ Мид Дж. Азия // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 227.

¹²⁰ Там же. С. 230.

¹²¹ Там же. С. 226.

§ 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Г. БЛУМЕРА

3.1. Проблема символического взаимодействия

Герберт Блумер
Herbert Blumer
(7 марта 1900 – 13 апреля 1987)

Герберт Блумер (1900 – 1987) родился в Сент-Луисе (штат Миссури), изучал социологию в Чикагском университете. В 1925 – 1952 гг. преподавал в Чикагском университете, с 1952 г. – в Калифорнийском университете (Беркли). Здесь он был сначала профессором и руководителем кафедры, а с 1959 г. – директором Института социальных наук. С 1942-го по 1953 г. работал редактором журнала «American Journal of Sociology». Будучи представителем Чикагской школы, Блумер опирался на работы Ч. Кули, Дж. Дьюи, У. Томаса, став учеником и последователем Дж.Г. Мид. Именно Блумеру социологическая наука обязана введением в широкий научный оборот термина «символический интеракционизм».

Как и Мид, он выделяет два уровня взаимодействия – несимволический и символический. Различия между ними Блумер видит прежде всего в том, что несимволическое взаимодействие характерно для живой природы, тогда как символическое, определяющееся наличием коммуникации между участниками интеракции посредством использования символов, присуще только человеческому обществу.

При этом суть феномена символического взаимодействия определяется символической природой языка как основного фактора человеческой интеракции. В процессе общения язык порождает одинаковую реакцию разных людей на языковые конструкции. В то же время любое слово (как символ) обладает частным значением, возникшим в результате взаимодействия и договора между людьми об этом значении. Опираясь на прагматизм, Блумер исходит из того, что значение объекта определяется не присущими ему свойствами, а его ролью в поведении. Объект – это то, что он значит в ожидаемом и реальном социальном взаимодействии.

Значения возникают в процессах социального взаимодействия, причем под последними Блумер понимал исключительно микропроцессы. Сами значения выступают как способ неразрывной связи и между индивидами, и между явлениями (объектами) в рамках символического взаимодействия. Люди приписывают значения символам, т. е. интерпретируют их, вследствие чего объекты, с которыми они взаимодействуют, наделяются смыслом. Поэтому не случайно ученый уделяет большое внимание анализу интерпретации. Благодаря ей становится понятным, как стремится взаимодействовать с объектом индивид. На основании интерпретации может быть переопределена (определена по-новому) ситуация действия.

Здесь обязательно и необходимо принять во внимание то обстоятельство, что описанный процесс (именно процесс, а не взятое само по себе какое-либо статичное состояние) касается не отдельного индивида, а, как минимум (простейший случай) двух взаимодействующих людей. Следовательно, речь идет о процессе взаимной интерпретации, на основании которой и рождается взаимное понимание. В таком случае в процессе совместной, обоюдной, взаимной интерпретации символов происходит своеобразное «конструирование социальной реальности» (об этом подробнее мы будем говорить в следующей главе, посвященной (частично) феноменологической социологии и анализу взглядов П. Бергера и Т. Лукмана). Оно есть не что иное, как принятие и приписывание

значений, которые и образуют символическую среду жизни, отношений, взаимодействий, коммуникации, общения индивидов.

В первой главе одной из главных своих работ – «Символический интеракционизм: перспектива и метод» (1969) – Блумер следующим образом излагает основные положения собственной теории: а) человеческая деятельность осуществляется в отношении объектов на основании тех значений, которые индивиды им придают; б) сами значения выводятся из социального взаимодействия, в которое люди вступают между собой, т. е. являются продуктом социальной интеракции между индивидами; в) значения изменяются и применяются посредством интерпретации – процесса, используемого каждым индивидом в отношении знаков (символов), его окружающих.

Рассуждения Блумера, можно конкретизировать на следующем простом примере: белый лист на столе является тем, на чем человек может записать свои мысли, яблоко – тем, что можно съесть. Другими словами, люди действуют в отношении вещей (объектов) на основе смыслов, которыми располагают о них. Однако смыслы не присущи вещам самим по себе и не являются чем-то индивидуальным. Они возникают в процессе взаимодействия и вписываются в него, поэтому по своей природе смыслы являются социальным феноменом. Но, вместе с тем, эти смыслы задаются и преобразуются благодаря процессу их интерпретации людьми. Следовательно, одной из главных задач социологии является исследование способов практического осуществления людьми интерпретации смысла объектов в рамках их повседневной социальной жизни.

Таким образом, у социолога действующий человек перестает быть простым исполнителем каких-то внешних требований. Наоборот, главным оказываются творческие результаты деятельности субъектов взаимодействия, проявляющиеся в процессе интерпретации ими символов, знаков, значений тех или иных объектов. Принятие данного положения способствовало развитию символического интеракционизма на пути его социологического «вторжения» в сферу анализа микропроцессов и использования для этого эмпирических методов исследования. Наиболее привлекательными областями такого исследования были и продолжают оставаться криминальные формы отклоняющегося поведения, процессы внутрисемейной интеракции, формирования различных субкультур.

Будучи последователем Мида, Блумер считал большим вкладом последнего в социологию постановку им проблемы социального взаимодействия в качестве взаимодействия символического. С социологической точки зрения общество является, по Блумеру, символической интеракцией. Отсюда центральной проблемой социологии является изучение социального взаимодействия и коллективного поведения как символических построений на основе их интерпретаций социологом.

Рассматривая символическое взаимодействие как процесс интеракции, Блумер подчеркивает возможность применения этого понятия к характеристике деятельности (действий) отдельного индивида, что может быть достигнуто с помощью обычного эмпирического наблюдения. Вот как выражает эту мысль сам американский социолог в названной выше книге «Символический интеракционизм: перспектива и метод» в главе под названием «Общество как символическая интеракция»: «Каждому из нас знакомы такого рода действия, когда человек сердится на самого себя, противопоставляет себя себе, гордится сам собой, спорит сам с собой, старается сохранить свое мужество, говорит самому себе, что он должен сделать то или иное дело, ставит перед самим собой цели, вступает с самим собой в компромиссы и планирует, что он должен для этого сделать. То, что человек действует в отношении самого себя такими или сотнями иных способов, подтверждается обыкновением эмпирическим наблюдением»¹²².

3.2. Анализ коллективного поведения

Далее следует сказать о трактовке Блумером одной из центральных, по его мнению, категорий – коллективного поведения. У него есть специальная работа, этому посвященная и написанная в 1951 г., – «Коллективное поведение». Всякую групповую активность он понимает как коллективное поведение. «Групповая активность, – пишет ученый, – означает, что индивиды действуют вместе определенным образом, что между ними существует некое разделение труда и что налицо определенное взаимное приспособление различных линий индивидуального поведения. В этом смысле групповая активность является коллективным делом»¹²³.

¹²² Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. New Jersey, 1969. P. 70.

¹²³ Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 166.

Основой коллективного поведения, согласно точке зрения американского социолога, являются общие значения, а также экспектации (ожидания), которые разделяются группой индивидов. Однако так бывает далеко не всегда. Есть немало примеров и конкретных случаев коллективного поведения, которые не определяются воздействием общих значений и экспектаций. Чтобы лучше понять такие различия в коллективном поведении групп индивидов, Блумер выделяет элементарные и организованные его формы.

К первым он относит такое коллективное поведение, которое не находится под влиянием каких-либо правил (в качестве примеров элементарных форм коллективного поведения социолог называет возбужденную толпу, биржевую панику, состояние военной истерии, обстановку социальной напряженности). Что касается организованных форм коллективного поведения, то к ним Блумер относит обычаи, условности, организацию, социальные институты, т. е. те формы, которые «претерпевают определенное развитие, представленное переходом от расплывчатого и неорганизованного состояния к устоявшемуся и организованному статусу»¹²⁴.

Детально анализируя элементарное коллективное поведение, Блумер раскрывает его механизмы, такие, как толчея, коллективное возбуждение, социальная инфекция (под ней он понимает сравнительно быстрое, бессознательное и нерациональное распространение каких-либо настроений, порывов или форм поведения, приводя в качестве примеров эволюцию военной истерии или процесс развития биржевой паники). Социолог выделяет и подробно характеризует через их поведение четыре типа элементарных коллективных групп: действующую толпу, экспрессивную толпу, массу и общественность. Здесь он часто следует за Г. Лебоном, Э. Россом и другими исследователями социально-психологических состояний больших групп людей.

Под действующей толпой Блумер понимает спонтанно создающуюся группу, живущую сиюминутным настоящим, не обладающую социальной организацией, разделением труда, структурой установленных ролей, признанным лидерством, общими значениями и экспектациями. Такую толпу социолог называет «некультурной» и «неморальной» группой. В ней индивид теряет самоконтроль и обычное критическое восприятие, демонстрирует неспособность анализировать и интерпретировать действия других, прежде чем откликнуться и реагировать на них. В этих условиях индивид оказывается легко подверженным внушению со стороны его окружения.

Понимая определенную опасность для общества действующей толпы, Блумер приводит собственные рекомендации противоборства с ней. Он пишет: «Чтобы предотвратить образование сорища или рассеять его, необходимо переориентировать внимание таким образом, чтобы оно не было коллективно сосредоточено на каком-то одном объекте. Таков теоретический принцип, лежащий в основе контроля над толпами. Когда внимание членов толпы направлено на различные объекты, они образуют некий агрегат индивидов, а не толпу, объединенную тесным контактом. Так, способами, с помощью которых можно рассеять толпу, являются: обращение людей в состояние паники, возбуждение в них интереса к другим объектам, привлечение их к дискуссии или аргументированному спору»¹²⁵.

Фундаментальное отличие экспрессивной толпы от действующей состоит в том, что первая не вырабатывает конкретной цели и не участвует в построении определенного плана действий. Она представляет собой разрядку внутреннего напряжения в поведении. Самым типичным в такой ситуации становится превращающееся в самоцель внешнее выражение возбужденных чувств, поэтому коллективное поведение может принимать формы смеха, плача, крика, скачков и танцев.

Говоря о массе, Блумер называет следующие ее отличительные черты: а) самое различное общественное положение ее участников (по профессиональным признакам, культурному уровню и материальному благосостоянию); б) анонимность индивидов; в) отсутствие взаимодействия и обмена переживаниями у членов массы; г) рыхлая организация и неспособность действовать с теми согласованностью и единством, которые отличают толпу. Масса состоит из некоего конгломерата обособленных, изолированных индивидов, поведение которых – массовое поведение – не определяется никаким предустановленным правилом или экспектацией и является спонтанным, самобытным и элементарным. В качестве примеров массового поведения Блумер приводит клондайкскую золотую лихорадку и оклахомский земельный бум. Так, в период лихорадки каждый индивид имел собственную цель, старался опередить другого, каждый должен был заботиться только о себе, поэтому между участниками процесса поиска золота наблюдались минимум кооперации, преданности и лояльности.

При рассмотрении массового поведения Блумер уделяет внимание характеристике массовой рекламы. В ней призыв должен быть адресован анонимным индивидам, каждый из которых действует на основании собственного выбора. Покупатели представляют собой некую разнородную группу, включающую представителей различных слоев общества; однако в качестве членов массы потребителей рекламы и покупателей они являются однородными и по существу одинаковыми.

¹²⁴ Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 167.

¹²⁵ Там же. С. 178.

Еще одна коллективная группа, которую рассматривает Блумер в ходе анализа элементарного коллективного поведения, – общественность. Как отмечает социолог, она не существует в качестве устоявшейся группы и возникает не в результате замысла, а как естественный отклик на определенную ситуацию и проблему. Это аморфная группа, размер и состав членов которой меняются вместе с проблемой. Общественность отличают разногласия и дискуссии относительно того, что и как следует делать. Внутри ее возникают споры и конфликты. Именно это обстоятельство существенным образом отличает общественность от толпы, участников которой характеризуют взаимная поддержка и единодушие.

Блумер в качестве субъектов коллективного поведения рассматривает не только спонтанные коллективные группы, но и фиксированные формы социального поведения, среди которых он выделяет общие, специфические и экспрессивные социальные движения. К общим социальным движениям он относит рабочее, молодежное, женское и движение за мир. В основе этих движений – последовательные и всеобъемлющие изменения человеческих ценностей, изменения, которые социолог называет культурными течениями. Они символизируют общие сдвиги в мышлении людей. В числе основных ценностей, определяющих общие социальные движения, можно назвать здоровье, свободное образование, эмансипацию женщин, расширение права голоса, усиливающееся внимание к детям и растущий престиж науки.

Среди специфических социальных движений Блумер выделяет в первую очередь реформистские и революционные. Они обладают четко определенными целями, организацией, структурой, преданными и верными членами, определенными статусными позициями индивидов. Наряду с общими моментами каждое из движений отличается от другого по целому ряду характеристик: направленности, функциям, характеру, тактике и т. д.

Что касается экспрессивных социальных движений (к ним Блумер относит в первую очередь религиозные движения и моду и подробно их рассматривает в таком качестве), то они характеризуются отсутствием стремления изменить институты социального строя или их реальный характер. Главный смысл этих движений – разрядка в каком-либо виде экспрессивного социального поведения, которое может оказывать глубокое воздействие на индивидуальности людей и характер социального строя.

§ 4. ИДЕИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА В РАБОТАХ Э. ГОФФМАНА

4.1. Общая характеристика творчества

Эрвина Гоффмана (1922 – 1982), канадско-американского социолога, чаще всего относят к представителям символического интеракционизма. «Пройдя» социологическую школу Чикагского университета (уже в период падения ее величия и значения), формируясь и развиваясь под влиянием идей Мида, он защитил в этом университете в 1953 г. докторскую диссертацию, посвященную исследованию коммуникационных структур на Шетландских островах. Его дальнейший творческий путь был связан с работой сначала в Вашингтоне (в Национальном институте психического здоровья), а затем в Беркли, где он стал профессором. Гоффман был избран президентом Американской социологической ассоциации в 1981 г., что свидетельствовало о признании его больших заслуг научным сообществом США. Его основные работы: «Представление себя другим в повседневной жизни» (1959), «Соприкосновения» (1961), «Убежища» (1961), «Поведение в общественных местах» (1963), «Клеймо» (1964), «Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом-к-лицу» (1967), «Стратегическое взаимодействие» (1969), «Рамочный анализ» (1974), «Формы разговора» (1981). Из всех названных работ на русский язык переведены полностью три¹²⁶.

¹²⁶ Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000; Гоффман Э. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004; Гоффман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М., 2009.

Эрвин Гоффман
Erving Goffman
(11 июня 1922 – 19 ноября 1982)

Гоффман является одним из наиболее интересных и оригинальных исследователей в социологии. Его творчество оказалось достаточно сложным для однозначной оценки и отнесения к какой-либо одной конкретной парадигме, одному направлению. На этот счет до сих пор идут дебаты. Одни считают, что взгляды Гоффмана больше всего соответствуют характеристикам и принципам символического интеракционизма, другие обнаруживают в его творчестве феноменологические мотивы, третьи полагают, что он выступал как раз с антифеноменологических позиций, четвертые видят в нем «всего понемножку» – и символического интеракциониста, и феноменолога, и этнометодолога. В данной главе будут рассмотрены идеи и положения учения Гоффмана, свидетельствующие о его приверженности и принадлежности к символическому интеракционизму.

Оснований для обозначенного выше отношения к социологии Гоффмана, включающей в себя элементы целого ряда направлений и парадигм, вполне достаточно. Вступив на социологическую стезю в конце 1940-х гг., он буквально «завалил» читателя многочисленными социологическими и социально-психологическими работами, очень непохожими одна на другую. Каждый раз он начинал новую линию анализа и не продолжал ее, как правило, в следующих публикациях. Однако при внимательном разборе его работ можно уловить то общее, что было присуще так или иначе большинству из них. Это – интерес к личности, к повседневому (ритуальному) поведению людей, доступному для наблюдения и осуществляющемуся в форме их социального взаимодействия. При этом характерным для ученого был «драматургический» (иногда его называют драматическим) подход (с позиций метода социодрамы) к социальному взаимодействию, который рассматривался им как универсальный метод социологического исследования.

4.2. Исследование мира повседневной жизни людей

Основным объектом исследования для Гоффмана выступает повседневное поведение людей, мир их повседневной жизни. В одной из наиболее крупных своих работ, написанной за 8 лет до смерти (1974), книге «Рамочный анализ», в ее русском переводе фигурирует другое название – «Анализ фреймов» (на нее мы будем ссылаться еще не раз), он пишет: «Мы постоянно убеждаемся, что мир повседневной жизни, мир здравого смысла занимает высшее положение среди различных областей реальности, так как только в его пределах становится возможным общение с нашими ближними. Но мир здравого смысла с самого начала является социокультурным миром, и многие вопросы, связанные с межсубъективностью символических отношений, берут в нем начало, определены им и находят в нем свое разрешение»¹²⁷.

Гоффмана интересовали явления взаимодействия людей «лицом к лицу». Ему важно было показать, каким образом действия людей в повседневной жизни (часто мелкие и незначительные) структурированы социально, как они выражены в символической интеракции. При этом его не волновали, как он говорит, центральные проблемы социологии – социальной организации и социаль-

¹²⁷ Goffman E. Frame Analysis. N.Y., 1974. P. 15.

ной структуры. «Я не обращаюсь к структуре социальной жизни, – пишет социолог, – но апеллирую к структуре опыта, который есть у индивидов в любой момент их социальной жизни. Я считаю общество первичным во всех отношениях, а любые текущие участия индивида – вторичными; моя работа имеет дело только со вторичными проблемами»¹²⁸.

Для изучения повседневных действий и явлений социальной жизни, символов, с помощью которых они выражаются, смыслов и значений, которые придают им индивиды, Гоффман часто прибегал к использованию методов включенного наблюдения и анализа документов, притом не всяких, а возникающих естественным образом (например, радиопередач или рекламных объявлений и изображений). В процессе такого изучения его интересовали общие и повторяющиеся особенности социальной жизни, которые находили отражение в соответствующих социальных формах. Поэтому некоторые исследователи творчества Гоффмана считают, что проблема выявления социальных форм была для него одной из основных. С ней оказалась тесно связанной и проблема рамочного анализа.

4.3. Рамочный анализ

Что такое рамочный анализ? В его основе – многозначное понятие рамки, которая выступает как некая обрамляющая социальное содержание теоретическая конструкция. (Кстати сказать, термин «рамка» впервые был введен в научный оборот Г. Бейтсоном, о чем пишет сам Гоффман, поясняя, что использует это понятие в том же значении, которое придал ему Бейтсон). Возможно, это нечто близкое к веберовскому «идеальному типу». Рамка – это некий образец, познавательное приспособление, это – «строительные леса» анализа, которые затем должны быть убраны. При этом сами «строительные леса» могут выступать в различных формах – ритуалов, игры, пьесы, драмы и т. д. Рамочный анализ становится средством изучения социальных взаимодействий – тех «кирпичиков» (продолжая строительную терминологию), которые лежат в фундаменте социальной реальности.

Рассуждая о возможности использования термина «рамка» и применения рамочного анализа, Гоффман связывает ее с определением ситуации и исследованием организации опыта. В «Рамочном анализе» он пишет: «Я предполагаю, что определения ситуации строятся в соответствии с принципами организации, которые управляют событиями, по крайней мере, социальными, и нашей субъективной вовлеченностью в них. Рамка – это слово, которое я использую для обращения к тем базисным элементам, которые я способен идентифицировать. Это мое определение рамки. Моя фраза «рамочный анализ» является призывом для обращения к исследованию с помощью этих терминов организации опыта»¹²⁹.

Здесь мы выходим еще на одну из центральных проблем творчества Гоффмана, интересовавших его на протяжении всей жизни, – изучения социальной реальности. В этом вопросе он следует традиции У. Джемса. Вместо того чтобы спрашивать, что такое социальная реальность, Джемс (а вслед за ним и Гоффман) формулирует вопрос по-другому: при каких условиях и обстоятельствах мы считаем вещи реальными? Изучение обстоятельств и составляет одну из главных задач рамочного анализа. Таким путем осуществляется познание социального. Рамка как бы сама начинает «создавать» окружающую взаимодействующих индивидов реальность.

Обратим внимание на то, что Гоффмана интересуют прежде всего человек, индивид, восприятие им повседневного мира, включенность в него, накапливающийся социальный опыт личности. Главным для социолога здесь является исследование не самих реальных объектов и явлений, а тех смыслов и значений, которые придают им люди, тех интерпретаций социальных процессов, с которыми они постоянно сталкиваются. По существу, это следование традиции, идущей, с одной стороны, от М. Вебера, с другой – от У. Джемса и А. Шюца (о творчестве последнего подробно будет сказано в следующей главе). Отсюда понятно, что реальные социальные макроструктуры Гоффмана не волнуют, поскольку они не базируются, по его мнению, на социальных взаимодействиях людей. В этом смысле они не могут стать объектом рамочного анализа.

¹²⁸ Goffman E. Frame Analysis. N.Y., 1974. P. 22.

¹²⁹ Ibidem. P. 19.

Такой подход дал основание ряду социологов подвергнуть критике позицию Гоффмана за разрыв связей между микро- и макроанализом. Насколько справедлива данная критика, если учесть, что американский социолог изначально не ставил перед собой задачи преодоления рва между этими двумя видами анализа, – остается специально выяснить. Видимо, к его творчеству следует относиться, исходя не из общих задач, стоящих перед всей наукой в целом, а тех проблем, которые он ставил перед собой. Они же, эти проблемы, имели достаточно конкретный характер и не выходили на уровень изучения социального макромира. Гоффмана интересовало не общество в целом, а восприятие людьми повседневности собственного бытия, осуществляющегося в самых различных формах. На изучение этой проблемы и был нацелен рамочный анализ.

4.4. Проблема личности и «драматургический подход»

Вернемся, однако, к проблеме личности в творчестве Гоффмана. Дело в том, что она является одной из наиболее характерных для всего символического интеракционизма. Достаточно вспомнить излагавшиеся несколько ранее в этой главе взгляды Мида на структуру личности (самости), препарированную им сквозь призму соотношения «I» и «Me». Гоффман придерживается концепции множественности Я. Согласно ей, человек имеет столько разных социальных Я, сколько существует групп, в жизни которых он участвует и мнения членов которых для него значимы. В каждой из этих групп человек представляет себя другим по-разному, стало быть, демонстрирует различные стороны своей личности, своего социального Я. Отсюда следует и трактовка Гоффманом взаимодействия, которое, по его мнению, на самом деле происходит не столько между конкретными индивидами, сколько между различными сторонами и проявлениями их личности.

Поэтому не случайно концепция личности Гоффмана связана с теорией ролей. Возникают «драматургические», «театральные» проблемы взаимодействия, каждый из участников которого представлял свою деятельность другим. Появляется проблема коммуникации между ними, осуществляющейся в форме знаковой активности. Выделяя два вида коммуникации – произвольную (когда люди предоставляют информацию о себе в общезначимых символах) и непроизвольную (непреднамеренную, невербальную и более театральную), Гоффман акцентирует внимание больше на второй. С этим, безусловно, связан его «драматургический» подход. Но он не является самоцелью, о чем говорит сам социолог в «Заключении» своей книги «Представление себя другим в повседневной жизни»: «Настоящее исследование на самом деле не интересовало элементы театра, которые проникают в повседневную жизнь. Его интерес был сосредоточен на структуре социальных контактов, непосредственных взаимодействий между людьми – на структуре тех явлений в общественной жизни, которые возникают всякий раз, когда какие-либо лица физически присутствуют в пространстве взаимодействия. Ключевой фактор в этой структуре – поддержание какого-либо единого определения ситуации...»¹³⁰.

Подводя общий итог рассмотрению символического интеракционизма, необходимо отметить интерес его сторонников не столько к социологическим проблемам общетеоретического характера, сколько к вопросам конкретного плана, требующим эмпирического изучения. Это в первую очередь различные формы повседневной жизни, взаимодействия между людьми в их рамках. Сторонники символического интеракционизма никогда не разрабатывали теорий общественного развития, проблем государства, власти и др., поскольку это противоречило пониманию ими основного объекта в социологическом исследовании – личности и «ядра» его предметного поля – интерпретации повседневного поведения индивидов в процессе их символического взаимодействия. В эту же область научных разработок, связанную с изучением повседневной жизни, они внесли свой достойный вклад, который и позволяет рассматривать символический интеракционизм как одну из парадигм современной социологии.

¹³⁰ Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С. 302.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте специфику символического интеракционизма как социологической парадигмы. Чем эта парадигма отличается от других, вам известных?
2. Покажите различия Чикагского и Айовского направлений символического интеракционизма. В какой степени эти различия касаются методов социологического исследования, используемых представителями обоих направлений?
3. Почему основателем символического интеракционизма считают Дж. Мида? Изложите его концепцию символического взаимодействия.
4. Как трактовал структуру личности Мид?
5. Как представлял процесс становления личности Мид?
6. Можно ли говорить о связи концепций символического интеракционизма и личности в творчестве Мида? Если да, то в чем вы ее видите?
7. В чем существо подхода Г. Блумера к проблеме символического взаимодействия? Чем его подход отличался от трактовки Дж. Мида?
8. Почему Блумер уделял в своем творчестве значительное внимание анализу коллективного поведения? Какие основные механизмы элементарного коллективного поведения он рассматривал?
9. Охарактеризуйте подход Блумера к выделению типов элементарных коллективных групп. Чем отличались друг от друга действующая толпа, экспрессивная толпа, масса и общественность? Что дает их характеристика для понимания коллективного поведения?
10. Дайте общую характеристику социологического творчества Гоффмана.
11. Почему основным объектом исследования для Гоффмана выступал мир повседневной жизни людей? Что он понимал под этим миром? Как предлагал его изучать с позиций социологии?
12. Что означает рамочный анализ в творчестве Гоффмана? Каково его предназначение?
13. В чем суть «драматургического подхода» Гоффмана к проблеме личности? Чем концепция личности Гоффмана отличалась от аналогичной концепции Мида?
14. Покажите значение символического интеракционизма для развития социологической науки.

Литература

- Барзгова Е.С. Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург – Бишкек, 1997.
- Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону, 1999.
- Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
- Гоффман Э. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
- Гоффман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М., 2009.
- Гоффман Э. Рамочный анализ // Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века. Екатеринбург, 1996.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.
- Капитонов Э.А. Социология XX века. История и технологии. Ростов-на-Дону, 1996.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Кравченко Е.И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М., 1997.
- Кравченко Е.И. Социологическая концепция Э. Гоффмана // Современная американская социология. М., 1994.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Мелентьева Н.В. Джордж Герберт Мид // Современная американская социология. М., 1994.
- Мид Дж. От жеста к символу. Интернализированные другие и самость. Азия. Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль. М., 1996.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Фотев Г. Герберт Блумер: символический интеракционизм // Современная американская социология. М., 1994.

ГЛАВА 9

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ

§ 1. Понятие феноменологической социологии и ее теоретические истоки

1.1. Понятие феноменологической социологии

1.2. Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве Э. Гуссерля

1.3. Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве М. Шелера

§ 2. А. Шюц – основоположник феноменологической социологии

2.1. Краткий биографический очерк

2.2. Повседневная социальная реальность и жизненный мир как предмет феноменологической социологии

2.3. Повседневное знание и его социализация как проблема феноменологической социологии

2.4. Концепция «возвращающегося домой»

§ 3. Проблемы феноменологической социологии в творчестве П. Бергера и Т. Лукмана

3.1. Краткий биографический очерк

3.2. Социальное конструирование реальности

3.3. Проблема социализации и роль знания в ее анализе

§ 4. Этнометодология как парадигма социологии второй половины XX в.

4.1. Общая характеристика

4.2. Основные понятия и принципы этнометодологии

§ 1. ПОНЯТИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ И ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

1.1. Понятие феноменологической социологии

Тесно связанной с символическим интеракционизмом в рамках гуманистической социальной науки является феноменологическая социология, которую также рассматривают как направление или даже парадигму социологии XX в. В качестве самого общего ее определения можно принять предлагаемую Л.Г. Иониным характеристику феноменологической социологии как теоретико-методологического направления в современной социологии, рассматривающего общество в виде явления, созданного и постоянно воссоздаваемого в духовном взаимодействии индивидов¹³¹.

В литературе возникновение феноменологической социологии часто связывают со стремлением противостоять, с одной стороны, натурализму, позитивизму, структурному функционализму, с другой – эмпиризму. Отчасти это верно. Однако для появления и утверждения феноменологической социологии были и иные, не менее важные причины, находившиеся в логике развития социологической науки в целом.

¹³¹ См.: Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 525.

Они состояли в необходимости изучения социального мира как повседневного (обыденного) жизненного мира индивида, причем не просто индивида, а чувствующего, переживающего, стремящегося к чему-либо человека. В этом случае социальный мир как объект социологического изучения превращался в мир феноменальный, мир субъективного опыта. Он становился тем жизненным миром, в котором действия людей имеют субъективный смысл и зависят от объектов, на них воздействующих. Этот жизненный феноменальный мир субъективного опыта и должен был стать объектом самого пристального внимания феноменологической социологии.

Сторонники феноменологической социологии исходят из того, что внешний, окружающий людей мир есть результат их деятельности, творение их сознания. Не отрицая объективности этого мира (поскольку он существует как таковой и вне людей, вне их сознания), социологи полагают, что он становится значимым для людей только тогда, когда они его воспринимают и когда он из внешнего, объективного становится для индивидов внутренним, субъективным. При этом воспринимают люди, как правило, не сам мир, а его явления (феномены).

Задача феноменологической социологии в таком случае состоит в том, чтобы выяснить, обнаружить, понять, познать, как, каким образом люди структурируют (упорядочивают) воспринимаемый мир (его феномены, явления) в своем сознании и как воплощают свое знание мира в повседневных действиях, т. е. в обыденной жизни. Поэтому не случайно одной из важных отраслей социологической науки, тесно связанной с ее феноменологическим направлением, является социология знания (о чем дальше пойдет особый разговор). Следовательно, представителей феноменологической социологии интересует не столько объективный мир социальных явлений и процессов и различия внутри него, сколько то, как этот мир и его различные структуры воспринимаются обычными людьми в их повседневной жизни. Поэтому можно с полным правом говорить о том, что сторонники феноменологической социологии стремятся теоретически осмыслить социальный мир в его человеческом, духовном бытии.

1.2. Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве Э. Гуссерля

Эдмунд Густав Альбрехт Гуссерль
Edmund Gustav Albrecht Husserl
(8 апреля 1859 – 26 апреля 1938)

Теоретические истоки феноменологической социологии связаны, в первую очередь, с именем немецкого философа Эдмунда Гуссерля (1859 – 1938), который стремился создать философски обоснованную феноменологическую теорию научного знания. Главная ее задача – изучать «чистое сознание», исходить из «первоначального опыта» и «первоначального знания». Понять «чистое сознание» можно лишь путем интуитивного описания, лежащего в основе феноменологического анализа, т. е. описания феномена, данного сознанию индивида.

Центральное, ключевое понятие феноменологии – интенциональность, что означает направленность сознания на определенный, значимый для него объект. Следовательно, интенциональность конституирует сознание и наделяет его содержанием. Признание постоянной направленности сознания на объект и необходимости для науки описывать этот процесс и есть существо феноменологического подхода.

В рамках своей феноменологической философии Гуссерль сформулировал учение о «жизненном мире», оказавшее наибольшее влияние на возникновение феноменологической социологии. Что такое гуссерлевский жизненный мир? Это целостная структура человеческой практики, это то, чем люди живут, имея об этом часто смутное, непроясненное, нерелефированное знание. Обращение ученых (философов, психологов) к этому миру, стремление проникнуть в него есть попытка выяснить глубинные реальности повседневной жизни. Учение немецкого философа о жизненном мире направлено против «чистого» познания, оторванного от непосредственной реальности человеческого бытия. Ратуя за развитие науки таким феноменологическим путем, Гуссерль хотел «снять» ее объективную односторонность (особенно естествознания), что было свойственно позитивизму и имело большую популярность в первые десятилетия XX в.

Обратившись к изучению жизненного мира, наука, по мнению Гуссерля, совершит определенную редукцию по отношению к самой себе. Почему? Потому что она таким образом уйдет от изучения только лишь научной картины мира и обратится к его донаучным значениям, т. е. к миру повседневной жизни или, в терминологии философа, к жизненному миру. Это нужно сделать еще и потому, считает философ, что жизненный мир выступает как некая целостность, самоочевидность, самодоверность. Он представляет собой основу для любых научных идеализаций, хотя и субъективен. Дело в том, что жизненный мир – это культурно-исторический мир, точнее, его образ, который дан сознанию индивида, социальной группы, социальной общности.

Следовательно, жизненный мир – это сфера непосредственно переживаемого опыта, которая может быть описана феноменологически. Знание, полученное таким образом, – это научное знание о повседневной жизни, которое превратится впоследствии в социологии знания в повседневное, или в обыденное знание, имеющее определенную социальную природу. Все сказанное дает основание считать взгляды Гуссерля важной теоретической предпосылкой не только феноменологической социологии в целом, но и феноменологической социологии знания.

1.3. Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве М. Шелера

Макс Шелер
Max Scheler
(22 августа 1874 – 19 мая 1928)

Сформулированные выше идеи развивал в своем творчестве ученик и последователь Гуссерля, немецкий философ и социолог Макс Шелер (1874 – 1928), который, кстати, ввел в научный оборот сам термин «социология знания». Исходной позицией феноменологической социологии Шелера явилось разграничение всего бытия на две сферы: субструктуры (или реальных социальных факторов) и суперструктуры (или духовных, идеальных форм). К первой немецкий мыслитель относит географические, биологические, демографические, экономические, политические феномены (явления). Они представляют собой определенную базу социальной детерминации идей. Что касается суперструктуры, то она существует, по Шелеру, независимо от субструктуры, поскольку является сферой «абсолютного духа», «идеальных сущностей», а человеческое познание есть способ приобщения к этой сфере.

Переход из сферы субструктуры в сферу суперструктуры осуществляется, согласно Шелеру, через «структуру человеческих побуждений». Это определенные импульсы, инстинкты, которые порождаются биологическими, географическими, экономическими и иными явлениями. В свою очередь, эти импульсы, побуждения вызывают стремления к тому или иному типу знания. Так, импульс, побуждение к спасению порождает тягу к религиозному знанию, а такое интеллектуальное побуждение, как чувство удивления, порождает стремление к философскому, «образовательному» знанию.

В связи с феноменологическим подходом к пониманию общества Шелер вывел «закон трех фаз», характеризующий исторический процесс. На первой фазе возникает «независимая переменная» в виде кровнородственных связей и основанных на них социальных институтов. На второй фазе появляется совокупность политических факторов, на третьей фазе – экономических факторов. Они и влияют на возникновение тех или иных идей и знаний. Поскольку вместе с истинным знанием появляются предрассудки, иллюзорное знание, то задача феноменологической социологии состоит в том, чтобы изучать и их. Стало быть, знание как таковое выступает для Шелера в качестве совокупности самых разнообразных представлений: научных, философских, религиозных, мистических и др.

Отсюда вытекает классификация знания, рассматриваемого немецким социологом в качестве ценностного феномена. Он выделяет три «высших рода» знания: знание ради господства, или деятельностное знание позитивных наук; знание ради образования, или образовательное знание философии; знание ради спасения, или религиозное знание. Для краткости Шелер определяет их как позитивное, метафизическое и религиозное знание. Каждый из этих трех родов знания несводим к другому, он существует, «заложен» в самой природе человека.

Все они различаются между собой по социальным формам, мотивации, познавательным актам, целям познания, образцам типов личностей, формам исторического движения. Так, с точки зрения выделения в качестве критерия познавательных актов первый род знания (позитивное) характеризуется наблюдением, экспериментом, индукцией, дедукцией, второй (метафизическое знание) – созерцанием, познанием сущности путем усмотрения, третий (религиозное знание) – верой, страхом, надеждой, любовью. В плане критериального выделения образцов типов личностей первый род знания базируется на исследователе, второй – на мудреце, третий – на святом.

Говоря о социальных формах каждого рода знания, Шелер считает, что для позитивного знания создаются учебные и исследовательские организации, более или менее тесно связанные с техническими и промышленными организациями, профессиональными сообществами (юристов, врачей, ученых, государственных чиновников). Для образовательного знания существуют «школы мудрости» (в античном смысле) и образовательные сообщества, которые связывают воедино учебную, исследовательскую и жизненную практику своих членов и которые сообща признают какую-либо относящуюся к мирозданию «систему» идей и ценностей. Для религиозного, целительного знания существуют общины, церкви, секты, объединенные теологически направления мысли¹³².

Идея Шелера сводится к тому, что имеется определенное внутреннее сродство между данными типами знания (научно-позитивное, метафизическое, религиозное), типами их носителей (ученый, исследователь; мудрец, мыслитель, философ; провидец, святой) и типами (формами) организации (школа в современном смысле, исследовательский институт; школа мудрости в античном смысле; церковь или секта). Как пишет социолог, «все эти формы, каждая на свой лад, разрабатывают догмы, принципы, теории в таких формулировках, которые, возвышаясь над естественным языком, составляют сферу «образовательного языка», выражаются в «искусственных» знаковых системах в соответствии с сообща признаваемыми ими конвенциями измерения и определенной «аксиоматики»¹³³.

В связи с «аксиоматикой» феноменологической социологии знания необходимо сказать о ее «высших аксиомах», которые Шелер формулирует и провозглашает в работе «Проблемы социологии знания» (1924) как исходные принципы феноменологического учения о знании. Их три.

1. Знание индивида (если его рассматривать не как обособленного человека, а как члена социальной общности) по существу априорно, т. е. предшествует всем этапам развития его самосознания и ценностного сознания.

2. Способы общения индивида, передачи знания различаются в зависимости от структуры социальной общности, к которой человек принадлежит. Среди этих способов Шелер выделяет «идентификацию», «подражание», «понимание», «сопереживание на основе бессознательного заражения», «вывод по аналогии».

3. В основе происхождения нашего знания о реальности и наполнения его знанием предметных сфер – «внешний мир», «внутренний мир», «мир живой природы», «мир мертвой природы» – лежит «закон порядка», в соответствии с которым первый мир первичен по отношению ко второму, а третий мир – по отношению к четвертому.

¹³² Шелер М. Формы знания и общество // Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 135 – 143.

¹³³ Там же. С. 138.

Основные идеи творчества Гуссерля и Шелера сыграли заметную роль в появлении феноменологической социологии, а концепция одного из ее основателей и наиболее ярких представителей – А. Шюца оказалась сформулированной под непосредственным влиянием идей немецких мыслителей начала XX в. К ее рассмотрению мы и переходим.

§ 2. А. ШЮЦ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

2.1. Краткий биографический очерк

Альфред Шюц
Alfred Schütz
(13 апреля 1899 – 20 мая 1959)

Альфред Шюц (1899 – 1959) в течение своей жизни не был широко известным социологом. Только после смерти его работы привлекли интерес и внимание большого количества социологов. Научная, социологическая карьера Шюца была абсолютно необычной. Родившись в Вене, он получил академическое образование в Венском университете. Вскоре после его окончания начал работать в банке, и почти вся последующая жизненная карьера оказалась тесно связанной с работой Шюца в качестве банкира. Эта деятельность, удовлетворяя его в экономическом и финансовом отношениях, не приносила глубокого внутреннего, смысложизненного удовлетворения, которое давали ему занятия феноменологической социологией. В 1932 г. он опубликовал на немецком языке свою наиболее важную работу «Феноменология социального мира», которая многие годы оставалась неизвестной широкому кругу социологов. Лишь спустя 35 лет, в 1967 г., уже после смерти социолога она была переведена на английский язык и вызвала значительный спрос и интерес.

В 1939 г. Шюц эмигрировал сначала во Францию (Париж), а затем в США, где делил свое время между работой консультантом ряда банков и преподаванием феноменологической социологии. Последним он стал заниматься лишь с 1943 г. в Нью-Йорке, где начал читать курс в Новой школе социальных исследований. Его «двойная» карьера продолжалась вплоть до 1956 г., когда он окончательно отошел от банковских забот и весь сосредоточился только на занятиях феноменологической социологией. Как видно, то, о чем он писал в своих работах – разделении научного знания и знания повседневной жизни, – нашло своеобразное отражение в его личной жизненной судьбе. В то время Новая школа социальных исследований считалась авангардистской, и внимание в ней к идеям Шюца не стало заметным явлением в ее деятельности. Зато отдельные студенты, в первую очередь П. Бергер и Т. Лукман, проявили к концепции своего педагога большой интерес, став его учениками и добившись значительных научных результатов в области феноменологической социологии.

2.2. Повседневная социальная реальность и жизненный мир как предмет феноменологической социологии

Рассмотрим основные положения феноменологической социологии А. Шюца. Его взгляды базировались на идеях У. Джемса, М. Вебера, Дж.Г. Мида, а также, как было отмечено выше, Э. Гуссерля и М. Шелера. Социолог критиковал позитивизм за неверное понимание природы социальных явлений, которую его представители приравнивали к природе естественных, т. е. природных явлений. Главное отличие, по Шюцу, состояло в том, что природные явления не имеют внутреннего смысла, тогда как социальные явления его имеют. А смысл этот придает социальным явлениям интерпретирующая деятельность человека. Отсюда – центральные понятия его феноменологической социологии: жизненный мир, повседневный мир (повседневность), социальный мир. Все названные понятия тождественны. В целом это мир, наполненный смыслом, который придают ему люди в повседневной жизни. Задача социологии – изучать не реальность мира, а те смыслы и значения, которые люди придают его объектам. По существу мы видим здесь определенную разновидность понимающей социологии.

Близость Шюца идеям Вебера состоит и в том, что он использует понятие конструкторов (у Вебера это идеальные типы). В концепции австрийского социолога рассматриваются «конструкторы первого порядка» (повседневные типы) и «конструкторы второго порядка» (объективные научные понятия). Вторые связаны с первыми генетически и отражают их. Но обычно социолог имеет дело с конструкторами второго порядка, т. е. с научными понятиями, и через них получает знание о повседневном мире. Таким образом Шюц пытался установить связь между абстрактными научными понятиями и жизненным миром, миром повседневной деятельности и знания. Здесь главное заключалось в том, чтобы понять процесс становления объективности социальных феноменов на основе субъективного опыта индивидов.

Люди, считал социолог, живут в целом ряде миров (мир опыта, мир науки, мир религиозной веры, мир душевной болезни, мир художественной фантазии и т. д.). Каждый из них есть совокупность данных опыта, которая характеризуется определенным «когнитивным стилем». Когнитивный стиль – это сложное образование, показывающее специфическую форму вовлеченности личности в активную деятельность. Австрийский социолог считает, что «исследование основных принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт и, в частности, опыт социального мира, является первостепенной задачей методологии общественных наук»¹³⁴.

Для австрийского социолога как для феноменолога основное – это не сами объекты, а их значения, созданные деятельностью нашего разума. Самый значимый итог феноменологической социологии Шюца – это анализ свойств обыденного мышления и повседневности, которую он рассматривал как одну из сфер человеческого опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира.

Следовательно, главной задачей социологии является получение «организованного знания социальной реальности», открытие общих принципов организации социальной жизни. С этой целью Шюц формулирует «правила» социальной жизни, предназначенные для оптимизации взаимопонимания людей (например, правило «взаимозаменяемости точек зрения»: «если я поменяюсь местами с другим человеком, то буду воспринимать ту же самую часть мира, по существу, в той же перспективе, что и он»).

В соответствии с научной позицией Шюца люди воспринимают различные объекты как феномены (явления) на основании пяти чувств, присущих человеку. Однако выявление формы, цвета, звука и т. д. объекта позволяет сказать нам о нем не так много, как хотелось бы. Для того чтобы объект стал для людей значимым, они должны перейти от чувственного опыта по отношению к нему к его логическому упорядочению и определению. Этот переход осуществляется сначала в сознании отдельного индивида, а затем, что еще более важно, во взаимодействии между индивидами (происходит переход от субъективности к intersubjectivity).

Здесь приобретает значение особое понимание того, что такое человеческое действие. Если в рамках многих теоретических подходов действие выступает как отношение к внешним объектам и другим людям, то в феноменологической социологии оно рассматривается как воздействие соз-

¹³⁴ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 536.

нения на чувственный опыт с целью получения знания. Другими словами, действие есть внутренний процесс осознания – как индивидуального, так и группового, коллективного. В этом состоит суть феноменологической социологии. В то же время нужно иметь в виду, что особую роль в ней играет знание, без него упорядочивание чувственного восприятия мира человеком невозможно. Поскольку чувственное восприятие – компонент повседневной жизни, постольку главную роль в феноменологической социологии играет повседневное знание.

Шюц исходит из того, что мир, в котором живут люди, – это мир объектов с более или менее определенными качествами. Каждый из этих объектов связан с предшествующим опытом обыденного сознания людей, живущих в своём повседневном бытии среди себе подобных. Человеческий мир – это и мир природы, и мир культурных объектов и социальных институтов. Люди стремятся наладить с ним взаимоотношения и воспринимают его как не субъективный, а интерсубъективный мир. Последний и есть социальная реальность. Задача же социологии состоит в том, чтобы получить о нем упорядоченное знание, а также раскрыть значения и смыслы, которые лежат в основе этого знания.

Интерсубъективный мир, по Шюцу, – это общий для всех людей мир, актуально данный или потенциально доступный каждому на основе интеркоммуникации и языка. Социолог называет этот мир «высшей реальностью», потому что с какой бы иной реальностью ни имел дело человек, как бы далеко он ни удалялся от повседневной действительности, в конечном счете он всегда в нее возвращается. В этом смысле она является первичной и высшей по отношению к другим реальностям.

2.3. Повседневное знание и его социализация как проблема феноменологической социологии

В своей повседневной жизни, утверждает Шюц, люди имеют обыденное знание о самых различных сферах социального мира, в котором живут. Конечно, это знание может быть фрагментарным (хотя и не обязательно), непоследовательным, но его достаточно, чтобы наладить взаимоотношения с людьми, культурными объектами, социальными институтами. Происходит это потому, что с самого начала мир является не просто интерсубъективным, а выступает как мир значений, многие из которых люди в состоянии распознавать. Любой человек воспринимается нами как такой же, что и мы. Это касается в первую очередь его наблюдаемого, явного поведения. Мы, как правило, знаем, что делает другой человек, ради чего он это делает, почему делает именно так, а не иначе в данное время и в данных обстоятельствах. Это означает, что мы воспринимаем действия другого человека с точки зрения его мотивов и целей.

Каждый член общества создает запас того, что Шюц называет знанием здравого смысла. Это знание разделяют и другие члены общества, что позволяет им нормально жить и общаться. Именно такое знание наиболее важно для решения практических задач повседневной жизни. Однако знание здравого смысла не является раз и навсегда данным, оно постоянно изменяется в процессе взаимодействия, интеракции. Так происходит потому, что каждый человек по-своему интерпретирует мир. В данной интерпретации есть значения, которые понятны другим, и это помогает каждому иметь необходимый запас знания здравого смысла, чтобы понимать действия других и видеть в них нечто новое, изменяющееся.

На характер знания здравого смысла накладывает отпечаток биографическая ситуация индивида. В течение жизни она постоянно изменяется. Биографическая ситуация способствует накоплению знаний о мире, поскольку она есть не что иное как осмысленный опыт человека. Задача социолога состоит в том, чтобы его увидеть и зафиксировать.

Здесь возникает главный вопрос: как это сделать? По мнению Шюца, делать это надо не на индивидуально-личностном уровне, а в процессе взаимодействия людей в рамках их интерсубъективного мира. Причем здесь большую роль играет принадлежность человека к собственной «домашней» группе, как называет ее социолог. Это узкая социальная группа, в рамках которой формируется социокультурный мир данного человека. Поскольку человек из одной социальной группы видит мир несколько иначе, чем человек из другой, необходимо понимать, что приход в эту последнюю всегда чреват для появляющегося в ней возникновением проблемных ситуаций – с учетом наличия у членов этой группы отличающихся шкал измерения значений и социальных объектов.

Интерсубъективный характер повседневного знания ставит, как считает австрийский социолог, проблему его социализации. Шюц называет три аспекта этой проблемы: а) взаимность перспектив, или структурная социализация знания; б) социальное происхождение знания, или его генетическая социализация; в) социальное распределение знания.

Взаимность перспектив рассматривается как их взаимозаменяемость, находящая отражение во взаимозаменяемости точек зрения: если я поменяюсь местами с другим человеком, то буду воспринимать ту же самую часть мира в той же перспективе, что и он. Следовательно, структурная социализация знания, т. е. его усвоение и освоение как социального опыта осуществляется благодаря относительно одинаковому восприятию этих знаний как мной, так и другими людьми.

Рассматривая второй аспект социализации повседневного знания – его социальное происхождение, Шюц отмечает, что лишь очень малая часть знания о мире и о людях рождается в личном опыте. Большая его часть передается родителями, друзьями, педагогами и, стало быть, имеет социальное происхождение. В этом процессе в качестве средства, механизма выступает словарь и синтаксис повседневного языка. Диалект повседневности, считает социолог, – это, преимущественно, язык имен, вещей и событий.

В отношении третьего аспекта социализации знания – его социального распределения – позиция социолога состоит в следующем. Знание следует рассматривать как форму связи между людьми. О нем мы можем говорить только тогда, когда оно релевантно (соотносимо) другому знанию, точнее, знанию другого человека. Это и есть социальное распределение знания. В связи с поставленной таким образом проблемой Шюц подчеркивает: «Любой индивидуальный запас наличных знаний в тот или момент жизни разграничен на зоны в различной степени ясности, отчетливости, точности. Эта структура порождается системой преобладающих релевантностей и, таким образом, биографически детерминирована. Знание этих индивидуальных различий, само по себе, уже элемент обыденного опыта: я знаю, к кому и при каких типичных обстоятельствах я должен обратиться как к компетентному доктору или юристу. Другими словами, в повседневной жизни я конструирую типологию знаний другого, их объем и структуру. Поступая таким образом, я предполагаю, что он руководствуется определенной структурой релевантностей, которая выражается у него в наборе постоянных мотивов, побуждающих его к особому типу поведения и определяющих даже его личность»¹³⁵. Социолог отмечает, что запас наличного знания у людей различается его объемом, качеством и структурой. В чем-то человек является экспертом, в чем-то – дилетантом.

Социализация знания, в том числе и его социальное распределение, имеет место оттого, что каждый из нас как бы «разделяет» время и пространство другого, находящегося в той же системе отношений, что и мы. Здесь приобретает важность следующее суждение Шюца: «Временная общность – здесь имеется в виду не только внешнее (хронологическое), но также и внутреннее время – означает, что каждый партнер соучаствует в непосредственно текущей жизни другого, что он может схватывать в живом настоящем мысли другого шаг за шагом, по мере их смены. Происходят события, строятся планы на будущее, возникают надежды, беспокойство. Короче говоря, каждый из партнеров включается в биографию другого; они вместе взрослеют, старятся; они живут в чистом «мы-отношении»¹³⁶. Аналогичные суждения могут быть применены и по отношению к пространственной общности индивидов, которая связывает их не просто в силу территориальной близости, контактов, связей, но главным образом благодаря обоюдному восприятию знаний, отражающих пространственную включенность людей в жизнь и биографию друг друга.

Приведенные выше размышления Шюца приводят нас к осознанию того, что мы отчетливо осмысливаем общее и различное между нами и другими людьми. При всей уникальности жизненного пути, биографического опыта, образования, воспитания, социального окружения, профессионального и социального статуса каждого из нас, при всем понимании того, что мы смотрим в разные стороны, стоя фактически лицом друг к другу, нам удается без труда действовать совместно, заключать сделки, получать услуги, оказывать их самим и т. д. Решающую роль здесь играет повседневное знание, которым владеет каждый из нас на уровне, необходимом для достижения различных целей. Этот уровень мы можем вслед за Шюцем определить как повседневное знание личности в рамках его определенной типизации.

Таким образом, особую роль приобретает типизация повседневного, обыденного знания, к которой прибегает австрийский социолог. Речь идет о том, что это знание не индивидуальных особенностей и характеристик, а типов личности (например, тип «продавец», тип «страховой агент», тип «парикмахер», тип «клиент» и т. д.), из которого складывается запас наличного знания, являющийся основой социального мира. Эти типы являются «кровью повседневной жизни» (по мнению одного из исследователей творчества Шюца).

¹³⁵ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 132.

¹³⁶ Там же. С. 133.

Человек ориентируется в социальном мире, взаимодействует с другими людьми прежде всего благодаря тому, что обладает запасом знания о многочисленных типах личности. Именно такое знание и лежит в основе научных абстракций. Научная типология знания, в соответствии с позицией австрийского социолога, не появляется на голом месте, сразу и из ничего. Она строится прежде всего на элементарных типах повседневного знания. Следовательно, его типизация, отражение ее в сознании людей является основным инструментом получения научного знания, которое базируется на обыденном, повседневном знании.

Обращение социолога к анализу структур жизненного мира, обыденного знания, его стремление рационализировать это знание путем его различных типизаций и доказать, что на такой основе возникает научное знание, позволяет говорить о создании особой концепции, даже методологии, которая затем активно применялась рядом социологов, в первую очередь таких, как П. Бергер и Т. Лукман. Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению их взглядов, остановимся еще на одной концепции Шюца, тесно связанной с его феноменологией и вытекающей из нее. Речь идет о концепции «возвращающегося домой».

2.4. Концепция «возвращающегося домой»

«Возвращающийся домой» – так называется одна из работ А. Шюца, написанная в жанре эссе и посвященная описанию и анализу взаимопонимания между людьми, процесса возвращения домой человека, который в нем давно не был. В основе ее – автобиографические наблюдения и воспоминания, фрагменты собственной жизни социолога периода Первой мировой войны: в качестве солдата австрийской армии он успел принять участие в самом конце боевых действий. Молодой Шюц испытал на себе все трудности и самой войны, и возвращения домой после ее окончания. Причем речь идет не столько о трудностях житейских, бытовых, чисто физических страданиях, сколько о явлениях социально-психологического порядка, связанных с установлением взаимопонимания, диалога с близкими людьми по возвращении домой.

Неожиданно оказалось, что эта проблема вообще в высшей степени актуальна и для личности, и для общества в лице тех или иных социальных общностей, групп, институтов. Ведь в принципе человек возвращается домой не только после войны, но и после длительного отсутствия, связанного с иными причинами. Это могут быть путешествия, эмиграции, продолжительные командировки и т. д., в ходе которых индивид лишен тесной связи с домом. И каждый раз возвращение в него чревато непредсказуемыми последствиями.

Другими словами, концепция «возвращающегося домой» дает возможность социологического исследования поведения различных групп людей (военнослужащих, эмигрантов, чужестранцев, путешественников, обучающихся в других городах и странах студентов, находящихся в деловых командировках людей и т. д.), исключенных на длительное время из привычной для них повседневной жизни вдали от своего дома и затем включающихся в нее. Более того, речь может идти о только появившихся социальных группах, в том числе маргинальных, у которых возникают свои образы новой социальной реальности, несоместимые с первой, старой, домашней, привычной для них в прошлом. Следовательно, феноменологическая социология позволяет изучать, как представители определенных социальных групп сквозь призму своих биографий (или биографических ситуаций) интерпретируют социальные связи и отношения, многие социальные объекты и явления, а также то, к каким возможным социальным действиям ведет несовпадение различных образов социальной реальности, включая реальность дома.

В связи со сказанным возникает вопрос, что такое «дом», что стоит за этим понятием. Под ним Шюц понимает определенный образ, или способ жизни, который «составляется» индивидом из привычных для него человеческих связей и отношений, существующих в семье, дружеской среде, включая привычные повседневные вещи, общение, разговор и т. д. «Составляется» не в смысле «создается», поскольку человек застает готовым все это и просто воспринимает его как данность, формируя, складывая в своем сознании привычную картину образов и отношений. Понятно, что человек знает прежде всего свою социальную реальность. Он в ней формируется, проходит основные фазы социализации, из этой реальности уходит в другую, привыкает к другой (или не привыкает, если это, к примеру, война – разве можно привыкнуть к ней, забыв все остальное?).

Но потом наступает время возвращения в первую, начальную социальную реальность, с которой связана прежняя жизнь, – домой. «Дом, – пишет Шюц, – это то, с чего мы начинаем, сказал бы поэт. Дом – это место, куда каждый намерен вернуться, когда он не там, – сказал бы юрист. Мы

будем понимать под домом нулевую точку системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем. Географически это определенное место на поверхности земли. Но дом – это не только пристанище: мой дом, моя комната, мой сад, моя крепость. Символическая характеристика понятия «дом» эмоционально окрашена и трудна для описания. Дом означает различные вещи для разных людей. Он означает, конечно, отцовский дом и родной язык, семью, друзей, любимый пейзаж и песни, что пела нам мать, определенным образом приготовленную пищу, привычные повседневные вещи, фольклор и личные привычки, – короче, особый способ жизни, составленный из маленьких и привычных элементов, дорогих нам. ... Дом означает одно для человека, который никогда не покидает его, другое – для того, кто обитает вдали от него, и третье – для тех, кто в него возвращается»¹³⁷.

Что значит с социологической точки зрения жизнь дома и жить дома? Здесь мы вновь должны обратиться к цитированию Шюца, который пишет, что «жизнь дома означает по большей части жизнь в актуальных или потенциальных первичных группах (здесь он ссылается на Ч. Кули. – Г.З.), т. е. в общем с другими пространстве и времени, в общем окружении объектов как возможных целей, средств и интересов, основанных на непрерывной системе релевантностей. Жить дома – это значит воспринимать другого как уникальную личность в живом настоящем, разделять с нею антиципации будущего в качестве планов, надежд и желаний, наконец, это означает шанс восстановить отношения, если они прерваны. Для каждого из партнеров чужая жизнь становится частью его автобиографии, элементом личной истории»¹³⁸.

Жизнь дома с другими Шюц связывает с возникновением общего пространства и времени. При этом «общность пространства означает, что определенный сектор внешнего мира доступен всем участникам отношения лицом-к-лицу. Внутри этого общего горизонта есть объекты общего интереса и общей релевантности. Общность времени не простирается столь далеко и не означает внешнего (объективированного) времени, разделяемого с партнером, но она означает, что каждый из них участвует во внутренней жизни другого»¹³⁹.

Возвращение домой определяет, детерминирует новое восприятие социального мира. Так, в армии солдат привык подчиняться приказам командиров и действовать в условиях заданных свыше порядков, в которые он сам не может вмешаться и должен пассивно выполнять чью-то волю свыше. Возвратившись (или возвращаясь) домой, он попадает в изменившуюся ситуацию собственного выбора целей и средств их достижения. Шюц доказывает, что новая ситуация обнаруживается не только возвратившимся (возвращающимся), но и теми, кто «составляет» дом, в который приходит солдат. Социолог в связи с этим пишет, что «поначалу не только родина покажет возвращающемуся домой незнакомое лицо, но и он покажется странным тем, кто его ждет». Для всех – и для возвращающегося, и тех, к кому он приходит – становится очевидным, что он уже не тот, прежний, а другой.

Здесь необходимо сказать о термине «возвращающийся». Он фигурирует в виде возвратного несовершенного причастия, с помощью которого передается процесс, длящийся во времени. Человек физически уже вернулся, он дома, но феноменологически, психологически, социально он еще долго будет «возвращаться», если «вернется» вообще. Здесь Шюц говорит о практических шагах, которые должны быть осуществлены, чтобы это произошло: «Многое сделано, но еще больше предстоит сделать, чтобы подготовить возвращающегося домой ветерана к необходимости приживания к дому. Равно необходимо подготовить к его приходу и домашнюю группу. Через прессу и радио следует разъяснять домочадцам, что человек, которого они ждут, уже не тот, другой, и даже не такой, каким его воображают. Повернуть пропагандистскую машину в противоположном направлении, разрушить псевдотипы батальной жизни и жизни солдата вообще и заменить его на правду – не простая задача»¹⁴⁰.

Рассматривая взгляды ученого на проблему «возвращающегося домой», нельзя не отметить ее актуальности в наше время. Более того, можно, с нашей точки зрения, говорить о росте этой актуальности, о значительном увеличении числа людей, которые находятся в состоянии «возвращения домой». Концепция Шюца являет собой пример социологической теории, направленной на решение конкретной жизненной массовой ситуации. Она ориентирована на достижение взаимопонимания людей, диалог между ними. Потребность в решении подобных проблем породила становление неклассической метапарадигмы социального знания и, как одну из ее парадигм, феноменологическую социологию.

¹³⁷ Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 139.

¹³⁸ Там же. С. 140.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 142.

§ 3. ПРОБЛЕМЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ П. БЕРГЕРА И Т. ЛУКМАНА

3.1. Краткий биографический очерк

Питер Людвиг Бергер
Peter Ludwig Berger
(17 марта 1929)

Томас Лукман
Thomas Luckmann
(14 октября 1927)

Одними из наиболее крупных представителей феноменологической социологии, прежде всего социологии знания, являются Питер Бергер и Томас Лукман, а их совместная работа «Социальное конструирование реальности» (опубликована на английском языке в 1966 г., на русском – в 1995 г.) признана классической и стала в один ряд с социологическими «бестселлерами» второй половины XX в.

Бергер родился в Вене в 1929 г. В 1946 г., после непродолжительного обучения в Лондонском университете, эмигрировал в США, где через 5 лет получил гражданство. Учился в Нью-Йорке, в Новой школе социальных исследований у Шюца, где в 1954 г. получил степень доктора философии. В 1950 – 1960-х гг. преподавал в ряде американских университетов и колледжей, был директором Института церкви и общины. Написал ряд ярких работ по социологии религии (в частности, «Шум торжественных ассамблей» и «Двусмысленное видение»). Затем появилась книга «Приглашение в социологию» (на русский язык переведена в 1996 г.), быстро ставшая очень популярной. В этой книге предметом социологии выступает взаимосвязь между «человеком в обществе» и «обществом в человеке». В 1960-е гг. начинается многолетняя творческая дружба с Лукманом. Общие интересы обоих социологов касались как феноменологической социологии знания, так и социологии религии. Затем научные интересы Бергера оказались связанными с анализом социокультурных и экономических проблем современного мира, что в значительной степени было обусловлено его работой на посту директора Института изучения экономической культуры Бостонского университета.

Лукман родился в 1927 г. в Югославии. В 1957 г. стал магистром в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Работая под руководством Шюца, он там же становится доктором философии (1956). Его преподавательская работа была связана с университетами Нью-Йорка, Фрайбурга, Франкфурта. С 1970 г. по настоящее время Лукман – профессор социологии в университете г. Констанца (ФРГ). Написал ряд трудов в области социологии религии, социологии языка (монография «Социология языка»). Но главные его работы связаны с феноменологической социологией знания. Несмотря на то, что Лукман и Бергер живут в разных странах, это не мешает им регулярно встречаться и вместе писать – как на английском, так и на немецком языках. В этой связи интересно отметить, что работа, на которую далее будут идти постоянные ссылки («Социальное конструирование реальности»), появилась сначала на немецком, а затем уже – на английском языке.

3.2. Социальное конструирование реальности

Находясь под влиянием идей Шюца, Бергер и Лукман выделяли среди множества реальностей одну как наиболее значимую – реальность повседневной жизни. Она представляется как интерес-субъективный мир, т. е. мир, который человек разделяет с другими людьми. В этом мире господствует повседневное знание, т. е. знание, которое человек разделяет с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни. Ее реальность, считают социологи, конструируется интерес-субъективным человеческим сознанием. Поэтому вопрос о качественном различии между объективной и субъективной реальностью повседневной жизни по существу снимается.

В реальности обыденного бытия и ее знании одной из центральных является проблема пространственной и (особенно!) временной структуры мира повседневной жизни. Последняя необычайно сложна, считают Бергер и Лукман, поскольку сталкиваются различные уровни эмпирической темпоральности. Прежде всего они говорят о том, что человек воспринимает время как непрерывное и конечное. Но на время жизни человека и его восприятие накладывает печать временная структура жизни общества с его революциями, кризисами, достижениями и т. д. Все это в большой степени определяет характер социального взаимодействия людей в повседневной жизни.

Другой фактор, обуславливающий в значительной степени этот процесс, – язык. «Очень важная характеристика языка схвачена в выражении, что люди должны говорить о себе до тех пор, пока они себя как следует не узнают»¹⁴¹. В этом смысле «язык делает мою субъективность «более реальной» не только для моего партнера по беседе, но и для меня самого»¹⁴².

Язык объективен как знаковая система (в отличие от речи). При этом он выполняет важные функции соединения различных реальностей повседневной жизни. «Хотя язык может использоваться и по отношению к другим реальностям, но даже и тогда он сохраняет свои корни в реальности повседневной жизни»¹⁴³. Вместе с тем, с помощью языка весь мир (для меня) может актуализироваться в любое время, даже если я не беседую с кем-либо в данный момент.

Что же представляет собой, по Бергеру и Лукману, мое знание повседневной жизни? Как считают социологи, оно напоминает инструмент, прорубающий дорогу в лесу и проливающий узкую полосу света на то, что находится впереди и непосредственно рядом, между тем как со всех сторон дорогу обступает темнота. «Мое знание повседневной жизни, – пишут социологи, – организовано в понятиях релевантностей. Некоторые из них определяются моими непосредственными практическими интересами, другие – всей моей ситуацией в обществе. Мне неважно, каким образом моя жена готовит мой любимый гуляш, если он получается хорошо. Меня не интересует то, что акции общества падают, если я не владею этими акциями; что католики модернизируют свое учение, если я атеист; что можно лететь без пересадки в Африку, если я туда не собираюсь»¹⁴⁴. Вместе с тем, мои релевантные структуры во многом пересекаются с релевантными структурами других. Знание этих структур есть важный элемент моего знания повседневной жизни.

Знание повседневной жизни связано и с проблемой социального распределения знания. Оно начинается с того простого факта (и его признания), что я не знаю всего того, что знают мои партнеры, и наоборот. В повседневной жизни знание социально распределено в том смысле, что разные индивиды и типы индивидов обладают им в различной степени. Кроме того, у каждого может быть такое знание, которое он с кем-то разделяет и которое он не разделяет ни с кем. Здесь имеет еще значение социально доступный запас знания, который тоже как бы «участвует» в социальном распределении знания. «В повседневной жизни я знаю (хотя бы приблизительно), – пишут социологи, – что и от кого я могу скрыть, от кого я могу получить информацию, которой не располагаю, и вообще какого рода знаний можно ожидать от разных людей»¹⁴⁵.

По мнению ученых, знание в обществе – это совокупность того, что каждый знает о социальном мире: правила поведения, моральные принципы, предписания, ценности, верования, пословицы, поговорки и т. д. Такое знание составляет мотивационную динамику институционализированного поведения и является «реализацией в двойном смысле слова – в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности»¹⁴⁶.

¹⁴¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 67.

¹⁴² Там же. С. 66.

¹⁴³ Там же. С. 67.

¹⁴⁴ Там же. С. 77.

¹⁴⁵ Там же. С. 79.

¹⁴⁶ Там же. С. 111.

Повседневное знание тесно сопряжено с повседневной деятельностью, которая, как полагают социологи, постоянно подвергается габитуализации (т. е. опривычиванию). Отсюда большое внимание уделяется понятию «габитус» (его ввел в широкий научный оборот французский социолог П. Бурдьё, хотя и до него термин использовался М. Вебером, Э. Дюркгеймом и другими учеными; подробнее концепцию габитуса Бурдьё мы далее будем специально рассматривать). На самом деле привычная деятельность всегда способствует появлению повседневного знания. Отсюда появляются стандартные значения вариантов поведения.

Бергер и Лукман рассматривают не только повседневное, обыденное знание, но и теоретическое, значение которого они, по всей видимости, принижают. Теоретическое знание, говорят социологи, «лишь небольшая и отнюдь не самая важная часть того, что считается знанием в обществе»¹⁴⁷. С этим утверждением, особенно второй его частью, вряд ли можно согласиться в начале XXI в., когда роль науки и научного знания невиданно возросла и имеет поистине необозримые перспективы. Однако не следует удивляться проанализированному выше подходу, ведь он в полной мере соответствует сути феноменологической социологии и гипертрофированию роли повседневного знания.

3.3. Проблема социализации и роль знания в ее анализе

Феноменологическая характеристика повседневного знания в творчестве Бергера и Лукмана тесно связана с анализом ими проблемы социализации. Отметим прежде всего, что социологи, рассматривая понятие социализации, стремились исходить из уже имевшихся к тому времени философско-социологических взглядов на него. В примечаниях к третьей главе «Социального конструирования реальности» (в которой развернуто их описание социализации в связи с анализом общества как субъективной реальности) они пишут: «Наши определения социализации и двух ее подтипов (первичной и вторичной. – Г.З.) соответствуют современному их употреблению в социальных науках. Мы лишь приспособили словесное их выражение к целям нашего общетеоретического подхода»¹⁴⁸.

Действительно, во взглядах социологов можно обнаружить немало сходства с подходами к социализации У. Джемса, Дж. Дьюи, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Дж.Г. Мида. Бергер и Лукман считают, что человек не рождается членом общества, а появляется на свет лишь с предрасположенностью к социальности. Членом общества он становится лишь в ходе длительного процесса социализации, отправным пунктом которого является интернализация. Последняя означает прежде всего постоянную, непрерывную идентификацию людей друг с другом, поскольку каждый из них участвует в бытии другого.

Социализацию социологи определяют как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть»¹⁴⁹. В этом «вхождении» следует различать первичную социализацию, которой индивид подвергается в детстве и вследствие чего он становится членом общества, и вторичную социализацию, благодаря которой уже социализированный индивид включается в «новые сектора объективного мира общества». Первичная социализация рассматривается социологами как «нечто гораздо большее, чем просто когнитивное обучение». Решающей ее фазой является формирование в сознании индивида образа обобщенного другого. Эта кристаллизация происходит наряду с интернализацией языка, который, по мнению социологов, представляет собой наиболее значимую часть и наиболее важный инструмент социализации¹⁵⁰.

Целью процесса первичной социализации является конструирование первого мира индивида, который обладает особым качеством устойчивости, поскольку в ходе этого процесса ребенок интернализует мир своих значимых других как единственно возможный для себя мир; ведь выбора значимых других у него нет. Следовательно, считают Бергер и Лукман, мир, интернализуемый в ходе первичной социализации, укореняется в сознании прочнее, чем миры, конструируемые в про-

¹⁴⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 109.

¹⁴⁸ Там же. С. 317.

¹⁴⁹ Там же. С. 212.

¹⁵⁰ Там же. С. 217.

цессе вторичной социализации¹⁵¹. Однако понимание процесса социализации в его трактовке социологами для нас важно не как самоцель. Главное – роль и место знания, определяющего процесс социализации.

В этом плане нужно обратить внимание на рассмотрение социологами проблем социализации сквозь призму социального распределения знания. Отличие вторичной социализации от первичной, выясняется далее, состоит в том, что она выступает как «приобретение специфически ролевого знания, когда роли прямо или косвенно связаны с разделением труда»¹⁵². Здесь имеет значение указание социологов на то, что характер вторичной социализации зависит от статуса связанной с ней системы знания.

Другой вопрос – об институциональном распределении знания между первичной и вторичной социализациями. Если распределение знания является относительно простым, можно использовать одни и те же институциональные средства как в первичной, так и во вторичной социализации. Если оно оказывается сложным, необходимы специальные механизмы вторичной социализации с подготовленным для этой цели персоналом. По мнению социологов, лучшей иллюстрацией вторичной социализации, осуществляющейся при содействии вспомогательных специализированных средств, является развитие современного образования¹⁵³.

В связи с анализом распределения знания появляется третий вопрос. Он касается социального взаимодействия между учителями и учениками, которое имеет формализованный характер вследствие того, что предназначением педагогов как институциональных функционеров является передача социального знания. Здесь, однако, важен вопрос о характере образования. Бергер и Лукман в качестве примера проводят различие между инженерным и музыкальным образованием. Они пишут: «Инженерное образование можно получить в процессе формального, весьма рационального, эмоционально нейтрального обучения. Музыкальное же образование обычно включает более высокую степень идентификации с маэстро и гораздо более глубокое погружение в реальность музыки. Это различие – результат внутренних различий между инженерным и музыкальным знанием, а также между образами жизни, соответствующими этим двум системам знания»¹⁵⁴.

Как видно, в основу того или иного вида образования кладется знание, обладающее определенной спецификой, и образ жизни, соответствующий ему. Следует отметить, что, к сожалению, такой подход к соотношению образования и знания ни в зарубежной, ни в отечественной литературе не принят. Доминирует иная позиция по вопросу о дифференциации профессионального образования на определенные виды, в соответствии с которой последняя обусловлена характером и содержанием труда, а также потребностями производства. Социологи предлагают иной вариант трактовки дифференциации профессионального образования, исходя из феноменологической социологии знания, для которой реальность социального мира состоит прежде всего в совокупности знаний о нем и конструировании этой реальности на их основе. В таком случае профессиональное образование и его дифференциация должны рассматриваться как следствие развития знания и его дифференциации (а не как результат развития труда и производства).

Завершая рассмотрение парадигмы феноменологической социологии как одного из наиболее развитых направлений социологии XX в., отметим, что в ней подчеркивается роль субъективной стороны и предмета исследования – отношения человека к повседневному бытию, делается акцент на активном, сознательном, творческом элементе «конструирования» социального мира, который может рассматриваться только в связи с позициями, целями и интересами взаимодействующих субъектов. В этом проявляется направленность феноменологической социологии против позитивизма и неопозитивизма, явно недооценивающих роль и значение гуманистической линии в социальных науках.

Еще одно направление гуманистической социологии, претендующее на роль парадигмы, – этнометодология.

¹⁵¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 219.

¹⁵² Там же. С. 225.

¹⁵³ Там же. С. 238 – 239.

¹⁵⁴ Там же. С. 235.

§ 4. ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ КАК ПАРАДИГМА СОЦИОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

4.1. Общая характеристика

Этнометодология определенным образом связана с символическим интеракционизмом и феноменологической социологией, поскольку и для нее основное в предметной зоне – изучение взаимодействия между людьми. Но если феноменологов интересовал (преимущественно) вопрос о том, что люди думают, то этнометодологов – о том, что они делают. Вместе с названными выше двумя парадигмами этнометодология составляет своеобразную «триаду» гуманистической социологии (последнюю иногда называют гуманистической парадигмой в социологии).

Основателем этнометодологии является американский социолог Гарольд Гарфинкель (1917 – 2011). Его считают учеником Т. Парсонса, у которого он стажировался в Гарвардском университете. Был он и студентом А. Шюца. Объединение идей этих двух крупных социологов способствовало появлению этнометодологии и ее превращению в особую парадигму. Впоследствии Гарфинкель стал профессором Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Главный его труд – «Исследования по этнометодологии» – был опубликован в 1967 г. (переведен на русский язык в 2007 г.) Именно ему принадлежит термин «этнометодология». Наиболее яркие представители направления – Д. Дуглас, Г. Сакс, П. Макхью, А. Сикурел, Э. Ливингстон. Последний опубликовал в 1987 г. книгу «Понять этнометодологию», являющуюся одной из наиболее интересных работ в рассматриваемой области социологического знания. Особенность этой книги состоит в том, что в ней читателя знакомят не только с теоретическими идеями этнометодологии, но и с техникой ее исследовательской практики.

Само слово «этнометодология» имеет древнегреческие корни и означает «методы», к которым прибегают люди в своей повседневной деятельности (Дж. Ритцер). Смысл этнометодологии состоит в превращении методов этнографии и социальной антропологии в общую методологию социологических исследований. Речь идет об использовании методов изучения различных общин и примитивных культур и переводе их на язык анализа современных социальных и культурных явлений и процессов. С учетом сформулированного научного интереса предметом этнометодологии являются процедуры интерпретации социальных явлений и их научного осмысления, осуществляемого как раскрытие механизмов социальной коммуникации между людьми. Поскольку последняя имеет место прежде всего в виде речи, языкового общения, приобретающего формальные очертания и структуры, становится понятным утверждение Гарфинкеля и Сакса: «Интересы этнометодологии ... настойчиво фокусируются на формальных структурах ежедневной деятельности»¹⁵⁵.

По мнению социологов, задача этнометодологии состоит в характеристике методов социологического исследования, связанного с рациональным, корректным языковым описанием практических повседневных социальных взаимодействий. Одним из решающих условий успешности этого описания является значение контекста (социальной среды), в котором происходит взаимодействие.

Однако именно в вопросе о том, что такое социальный контекст взаимодействия, и существуют принципиальные расхождения между этнометодологией и, скажем так, традиционной европейской и американской социологией, представленной идеями М. Вебера и Т. Парсонса (и это несмотря на то, что Гарфинкель, как уже отмечалось, был учеником американского социолога). Так, для Парсонса взаимодействие и его понимание участниками этого процесса обусловлено влиянием общих социокультурных норм и ценностей и их принятием (либо неприятием, что ведет к конфликтам); таким образом, оно детерминировано извне. Для Гарфинкеля же (и других этнометодологов) коммуникация между индивидами и ее интерпретация осуществляются на основе субъективного конструирования людьми социального мира и социального порядка. Происходит своего рода локальное производство социального порядка на основе повседневной рациональности, характерной для индивидов.

Этнометодология, следовательно, имеет дело с повседневными, обыденными действиями людей и их практическим мышлением в ходе осуществления такой деятельности. Исходя из этого, Гарфинкель изучал поведение людей в суде, очередь как явление социального порядка, беседы ме-

¹⁵⁵ Цит. по: Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века / Под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург, 1996. С.142.

жду людьми и т. д. Главное, что его интересовало, – как, каким образом, благодаря каким методам и каким действиям осуществляется деятельность группы, непосредственно производящей социальный порядок.

В этом отношении представляет интерес описание Ливингстоном деятельности социолога¹⁵⁶. Вообразим оживленный перекресток. Социолог расположился на крыше высотного дома и вооружен кинокамерой для того, чтобы можно было отснять и затем на основе истолкования (интерпретации) полученного на пленке изображения объяснить характер движения встречных потоков пешеходов, переходящих улицу. Ему нужно описать и интерпретировать многообразные проявления поведения массы людей, которые, анонимно взаимодействуя, организуют свою деятельность таким образом, что осуществляются наиболее оптимальные варианты встречного движения. Речь идет о том, что пешеходы достигают противоположного тротуара при минимуме столкновений с идущими навстречу потоками людей.

Анализируя последовательность кадров, социолог предлагает следующую интерпретацию увиденного. Встречные потоки пешеходов выглядят в виде «клиньев» или «линейных фронтов»,двигающихся под углом друг к другу вслед за первыми пешеходами, находящимися в самой «острой» части клина. Предложенная интерпретация – образец объяснения непосредственного практического действия. В его основе лежит соблюдение требований порядка и организации, которые не могут быть увидены «изнутри», но становятся очевидными для стороннего наблюдателя. В данном случае цель этнометодолога – понять интерпретирующую деятельность аналитика в ее тождественности практическим действиям.

4.2. Основные понятия и принципы этнометодологии

Гарольд Гарфинкель
Harold Garfinkel
(29 октября 1917 – 21 апреля 2011)

Одно из центральных понятий этнометодологии – фоновые ожидания. Как и многие другие понятия этнометодологии, оно имеет целый ряд смыслов и значений, аспектов и толкований. Это и свойства повседневной жизни, составляющие основу повседневной деятельности. Это и социально одобряемые установки индивидов на те или иные действия. Это и представления людей о социальном мире, выступающие в виде своеобразных правил их взаимодействия, имеющих нравственно-принудительный характер и регулирующих моральный порядок в отношениях между индивидами.

Благодаря фоновым ожиданиям (а они могут рассматриваться и как портретная характеристика общества) люди выступают активными субъектами социального взаимодействия, своеобразными «конструкторами» социальной реальности. Но фоновые ожидания – это не только условия личностной, индивидуальной активности, они же выступают и факторами, ее ограничивающими. В конечном итоге все зависит от оценок индивидом тех обстоятельств, в которых он должен себя определенным образом проявить. Таким образом, благодаря понятию «фоновые ожидания» этнометодология получила возможность охарактеризовать и раскрыть механизм активности человека в ходе конструирования им социальной реальности.

¹⁵⁶ Livingston E. Making Sense of Ethnomethodology. L. – N.Y., 1987. P. 21 – 27.

Еще одно важное понятие этнометодологии – индексация, под которой понимается трактовка смысла поведения человека, вытекающая из контекста этого поведения. Поскольку индексация, т. е. включение в «свойства» конкретной ситуации, как правило, связана с использованием языка, в этнометодологии часто говорят о его «индексированных свойствах». В этой связи Гарфинкель и Сакс пишут: «Индексированные свойства обыденного языка обеспечивают технологию социологических исследований, следуя повседневной практике как их отличительному признаку: кем бы и где бы ни делалось социологическое обоснование, оно пытается возместить индексированные свойства практического рассуждения; оно делает это для доказательства расчетливой рациональности повседневной деятельности; оно делает это для того, чтобы оценки были оправданы методическим наблюдением и отчетом о ситуативных, социально организованных особенностях повседневной деятельности, которая, конечно, включает особенности обыденного языка»¹⁵⁷.

Анализ индексированных форм обыденного языка и разговорной речи позволяет, по мнению этнометодологов, раскрыть то, что содержится на заднем плане повседневного поведения и не видно «невооруженному глазу». Это содержание и составляют различные социальные структуры общества. Они признаются как существующие только в связи с наличием целей и мотивов взаимодействий, воспринимаемых самими его участниками как социально и морально должные.

Основное требование этнометодологии – не допускать разрыва между субъектом и объектом изучения. Социолог должен быть включен в ситуацию исследования, он не может смотреть на нее отстраненным взглядом. Задача социолога – оказаться в состоянии взаимосопрыженности с исследуемым, именно на этом базируется их взаимодействие. Представители этнометодологии подчеркивают, что такое взаимодействие, опирающееся на коммуникацию между исследователем и объектом изучения, дает неизмеримо более богатую информацию, чем любой иной способ ее получения. Поэтому выводы этнометодологов, достигаемые в ходе такого общения, часто носят характер простого здравого смысла, что называется, народной мудрости. Эти выводы воспроизводят социальное взаимодействие в качестве речевой коммуникации, характеризуемой как отражение поведения людей.

Этнометодолог должен изучать, по мнению представителей этого направления, прежде всего обстоятельства действия и мышления. В этом случае для него важной становится практическая адекватность действия и методов его изучения. Что же касается практической организации людей, непосредственно осуществляющих социальную деятельность, то она не интерпретируется как результат этой деятельности, а видится в качестве таковой. Для конкретной группы действующих лиц объяснимость их деятельности и есть наблюдаемое условие ее осуществления. Как пишет Ливингстон, «объяснимость практического действия есть явление практического действия. Она исследуется этнометодологически как упорядочивающий феномен и как результат этой упорядоченности»¹⁵⁸. Поэтому объективность объяснения (и его предмета) есть в первую очередь его характеристика как чего-либо описываемого, наблюдаемого, анализируемого в ходе практического осуществления этого процесса.

Следовательно, для этнометодологии социальная реальность лишена объективных характеристик. В качестве объективных свойств присутствуют значения собственных суждений, которые (значения) мы приписываем этой реальности. Социальная и культурная реальность, следовательно, конструируется в процессе взаимодействия на основе речевой коммуникации. Поскольку сама коммуникация отражает единичные акты деятельности, понятно, что реальность повседневной жизни этнометодологи рассматривают как поток уникальных, неповторимых ситуаций.

Этнометодология, таким образом, раскрывает механизмы социальной коммуникации между людьми и методы социологического исследования, связанного с корректным языковым описанием повседневных социальных взаимодействий индивидов. Здесь большая роль придается мастерству обычного языка, с помощью которого производится истолкование эмпирических ситуаций повседневной социальной жизни. Этим и должна заниматься, по мнению Гарфинкеля, социология.

Суть дела в том, что реальные социальные проблемы могут быть обнаружены благодаря анализу социальных речевых коммуникаций. Отталкиваясь от формальных структур языкового общения, повседневного разговора, можно выявлять социальные противоречия. Такой вывод базируется на следующей гипотезе Гарфинкеля: давая рациональные объяснения своим действиям, люди делают эти действия рациональными, внося тем самым в социальную жизнь понятность, объяснимость и упорядоченность.

В этой связи важной предметной зоной этнометодологии является анализ разговоров. Ему отводится особое место в работах ее представителей. Разговор выступает как наиболее распространенная разновидность взаимодействия, в ходе которого выявляются признаки стабильности и упоря-

¹⁵⁷ Цит. по: Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века / Под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург, 1996. С.137.

¹⁵⁸ Livingston E. Making Sense of Ethnomethodology. L. – N.Y., 1987. P. 124.

доченности. Зачастую он становится базой для других форм межличностных отношений. «Объяснения», которые даются человеком в процессе разговора, и то, как они воспринимаются другими его участниками, привлекает многих социологов в качестве предмета их научного интереса.

Анализ разговоров стал по существу основным (или одним из основных) видом исследований в этнометодологии. Как пишет Дж. Ритцер, их целью «является изучение способов организации разговора, которые воспринимаются вполне очевидными. Ученые, занимающиеся изучением бесед, исследуют взаимосвязь высказываний в разговоре, а не отношения, складывающиеся между говорящими и слушающими»¹⁵⁹.

Представляют большой интерес исследования телефонных разговоров, инициирования смеха, побуждения к аплодисментам, неодобрительных возгласов, сентенций и рассказов в процессе взаимодействия, обмена репликами, формулировок, сочетания речевых средств и невербальных действий, проявлений нерешительности и уверенности в себе, собеседований при приеме на работу, переговоров руководителей, звонков в центры чрезвычайных ситуаций и т. д. Перечисленные направления исследований составляют далеко не полный перечень проблем, интересующих этнометодологов.

Увлечение различными аспектами анализа разговоров стало причиной критических стрел, выпущенных по этнометодологии. В одной из дискуссионных публикаций ее представителям был брошен упрек, что вместо того, чтобы заниматься изучением процессов, происходящих в сознании, этнометодологи основное внимание уделяют рассмотрению «структурных свойств разговора как такового». При таком подходе не учитывается внутренняя мотивация к действиям.

В проблематике анализа разговоров некоторые исследователи видят одну из линий сближения этнометодологии и символического интеракционизма. Так, Д. Боден пишет: «Сторонники символического интеракционизма и анализа разговоров вместе продвигаются в изучении сплетающихся смыслов, коллективных символов, объединенного действия и социального порядка»¹⁶⁰. Продолжая анализ взаимосвязи двух парадигм, Боден определяет «разговор как речь, ставшую действием» и утверждает, что «именно в этом пункте, когда мысль посредством слова воплощается в действие, анализ разговоров пересекается с предметом, рассматриваемым в рамках символического интеракционизма (и наоборот)»¹⁶¹. Так что этнометодология, как видно, во-первых, «открыта» для теоретического синтеза и интеграции, во-вторых, вносит свой немалый вклад в создание гуманистической (интерпретативной) парадигмы.

С учетом сказанного становится понятным и объяснимым то обстоятельство, что этнометодология выступила против социологической традиции позитивизма и неопозитивизма, их принципов объективности, естественнонаучного характера рациональности суждений, обоснованности доказательств. В соответствии с этнометодологией, социальный мир создается и исследуется в ходе осуществления процедур описания и объяснения этого мира, что снимает вопросы о его объективности или субъективности. Решающее значение приобретает здравый смысл, поскольку он означает обыденные толкования реальности на основе веры в объективный характер окружающего нас мира.

В итоге мы имеем дело с достаточно субъективистским истолкованием социальной действительности, которая, по существу, отождествляется с ее восприятием. Но, несмотря на то, что объективное содержание социальной реальности в этнометодологии редуцируется к представлению о ней социолога, все же конкретные исследования обыденного сознания, общения, морали дают положительные результаты. Эта прибавка знания посредством этнометодологических исследований и обусловила известную популярность рассмотренной парадигмы.

Вопросы и задания

1. Что такое феноменологическая социология? Раскройте существо этого понятия.
2. Почему философские концепции Э. Гуссерля и М. Шелера принято считать основными теоретическими источниками феноменологической социологии?
3. Что означает гуссерлевское понятие жизненного мира?
4. Охарактеризуйте суть феноменологического подхода Шелера к пониманию общества.
5. Проанализируйте основные виды знания, выделенные Шелером. Насколько его классификация актуальна сегодня и применима в современной социологии знания?

¹⁵⁹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 296.

¹⁶⁰ Цит. по: Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 314.

¹⁶¹ Там же. С. 313.

6. Почему основоположником феноменологической социологии считают А. Шюца? Проанализируйте ее основные положения.
7. Как анализирует повседневную социальную реальность и жизненный мир Шюц? Почему этот мир рассматривается им как интерсубъективный?
8. Что означает проблема повседневного знания и его социализации в феноменологической социологии Шюца?
9. Раскройте существо концепции «возвращающегося домой» и покажите ее современное значение.
10. Что означает «социальное конструирование реальности» в социологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана? Почему эта концепция считается одной из наиболее значимых в современной социологии?
11. Как Бергер и Лукман раскрывают проблему социализации личности и почему они подчеркивают особую роль знания в этом процессе?
12. Дайте общую характеристику этнометодологии как социологической парадигмы второй половины XX в.
13. Раскройте основные понятия и принципы этнометодологии.

Литература

- Барзгова Е.С. Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург – Бишкек, 1997.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2004.
- Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону, 1999.
- Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. М., 2007.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.
- Ионин Л.Г. Альфред Шюц и социология повседневности // Современная американская социология. М., 1994.
- История социологии. Минск, 1993.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- Капитонов Э.А. Социология XX века. История и технология. Ростов-на-Дону, 1996.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Руткевич Е.Д. Питер Людвиг Бергер. Томас Лукман // Современная американская социология. М., 1994.
- Сакс Г., Гарфинкель Г. О формальных структурах практических действий // Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века. Екатеринбург, 1996.
- Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
- Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2.
- Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

§ 1. Общая характеристика

§ 2. Теория систем Н. Лумана и проблема общества в ней

2.1. Теория общества как системы

2.2. Коммуникация и социальная система

§ 3. Теория мир-системного анализа И. Валлерстайна

§ 4. Трактовки общества в социологических концепциях глобализации

§ 5. Сетевая теория общества

§ 6. Социологическая теория nanoобщества

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ранее уже отмечалось, что развитие социологической теории в XX в. шло несколькими путями, которые мы определили как различные метапарадигмы и парадигмы. В их рамках некоторые из теорий заметно продолжали парадигмы классического этапа, в других это делалось не столь очевидно. То же касается и творчества теоретиков социологии. У одних связь с классической социологией видна, что называется, невооруженным взглядом, у других проследить ее оказывается не просто. Не меньшие, а, возможно, даже и большие различия обнаруживаются в постклассических социологических теориях, которые будут рассмотрены в этой главе.

Переход к постклассической социологии наблюдался в последние два десятилетия прошлого столетия, чему способствовала выполненная уже в ином, чем раньше, ключе системная трактовка общества с позиций макросоциологического анализа. Понадобилось новое осмысление классического социологического наследия. Появлению постклассической метапарадигмы способствовали глубокие изменения в обществе, связанные с его движением к качественно новым ступеням, и колоссальные достижения в области самых разных наук, а также во многих сферах техники и технологии.

Рассматривая постклассическую парадигму (модерн), В.А. Ядов в соответствии с предложенными им критериями характеризует ее следующим образом. С точки зрения рассматриваемой научной картины мира представители постклассики исходят из того, что мир объективен, но ученый не может адекватно его отразить. При рассмотрении общества оно предстает для сторонников постклассической парадигмы как социальное взаимодействие. Критериями научности оказываются принцип дополнительности в физике и понимающая социология. Наконец, критерием обоснованности знания является подтверждение предсказанного и ранее не наблюдаемого¹⁶².

К приведенным характеристикам постклассической парадигмы необходимо добавить и иные. Прежде всего, это явное доминирование макросоциологического анализа, в центре которого, безусловно, находится проблема того, что есть общество вообще и в чем состоит специфика переживаемого на момент создания той или иной теории этапа общественного развития. Пожалуй, ни одна парадигма не знает такого большого количества теоретически сконструированных типов общества, какое имело место в постклассической. Здесь теории и единого индустриального общества, и постиндустриального общества, и общества модерна, и информационного общества, и сетевого общества, и nanoобщества и др.

¹⁶² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006. С. 12.

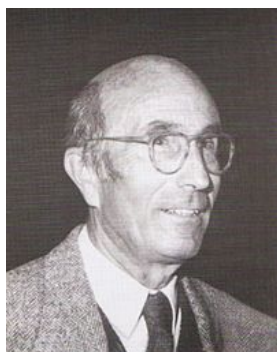
Постклассическая метапарадигма, ее теории испытывают на себе довольно сильное влияние достижений естественных и социально-гуманитарных наук. Результаты новейших научных открытий оказали прямое воздействие на появление ряда теорий, которые могут быть именно на этом основании отнесены к постклассическим.

Так, далее мы покажем, что теория систем Н. Лумана испытала на себе мощное воздействие современной (на тот период) биологии и нейрофизиологии, теория nanoобщества вообще появилась как отражение реальных и в основном прогнозируемых результатов науки в области использования наночастиц. Что касается современных теорий сетевого общества, то их невозможно себе представить вне осмысления новых компьютерных технологий и сетей, которые создаются на их базе и используются с их помощью.

Говоря о влиянии социально-гуманитарных наук на постклассическую метапарадигму, мы рассматриваем в качестве хорошего примера теории глобализации. Как известно, глобализация – явление всеохватное. Ее трактовки характерны для целого ряда наук экономического, политического и культурного профиля. Использование социологами их достижений способствовало появлению многих новых теорий глобализации.

Но начнем все по порядку и отметим, что сколько-нибудь полное и законченное представление о современных постклассических теориях в социологии нельзя получить, специально не обращаясь к характеристике творчества немецкого социолога Н. Лумана.

§ 2. ТЕОРИЯ СИСТЕМ Н. ЛУМАНА И ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВА В НЕЙ

Никлас Луман
Niklas Luhmann
(8 декабря 1927 – 6 ноября 1998)

Никлас Луман (1927 – 1998) создал одну из наиболее глубоких теорий системного анализа. Его социологическая концепция продолжает традиции общетеоретических построений 1930–1960-х гг. с их попытками объяснить многие социальные проблемы общества, не выходя за его пределы.

Получив юридическое образование сразу после войны, он в течение 1950-х – начала 1960-х гг. работал по специальности в органах управления и Министерстве культуры, после чего сменил профессию, став социологом. Этому в немалой степени способствовало изучение социологии Луманом в Гарвардском университете в начале 1960-х гг., где он подробно познакомился с теориями структурно-функционального анализа и социального действия Т. Парсонса. Защитив докторскую диссертацию, Луман во второй половине 1960-х гг. переходит на преподавательскую работу в университет. С открытием нового университета в Билефельде (Германия) социолог в 1968 г. получает в нем кафедру и должность профессора до конца жизни. Решение о проведении XIII Всемирного социологического конгресса в Билефельде в 1994 г. было принято, в числе прочих причин, и как дань уважения творчеству Лумана – одного из крупнейших современных социологов. Не случайно он выступал на конгрессе с основным пленарным докладом и был участником центральной дискуссии с широко известным в социологическом мире французским ученым А. Туреном.

В начальный период своего творчества Луман создавал научные труды, на которые наложило отпечаток его юридическое образование и соответствующая ему профессиональная деятельность. К ним относятся: «Функции и следствия формальной организации» (1964), «Понятие цели рациональности системы» (1968), «Легитимация посредством действия» (1969).

Основная работа социолога, в которой развернуто изложены идеи его теории самореферентной системы и общей теории общества – «Социальные системы: очерк общей теории» (1984). Целый ряд его трудов был посвящен исследованию как общества в целом, так и его отдельных функциональных систем. Это: двухтомник «Структура общества и семантика» (1981 – 1982), трехтомник «Социологическое просвещение» (вобравший в себя статьи, написанные в период 1970 – 1984 гг.), «Общественная экономика» (1988), «Общественная наука» (1990), «Очерки самореференции» (1990), «Экологическая коммуникация» (1992), «Общественное право» (1993) и др. На русский язык переводились и издавались отдельные статьи и фрагменты из работ Лумана¹⁶³.

2.1. Теория общества как системы

Основными причинами появления новой теории социальных систем Лумана, которая превратилась в одну из наиболее популярных теорий общества в конце 1980 – 1990-х гг., были, по меньшей мере, две. Одна из них заключалась в резко возросшей сложности социального организма и неспособности объяснить новые процессы, происходящие в нем, со старых, «классических» позиций.

Луман в данном случае говорит о существовании в социологии трех предубеждений в отношении общества, которые следует преодолеть. Первое касается допущения того, что общество состоит из людей или из отношений между ними. На самом деле оно имеет совершенно иную структуру и иные системные характеристики. Второе предубеждение заключается в допущении территориального многообразия обществ, означающего отграничение каждой страны от другой (Китай – это одно общество, Бразилия – другое и т. д.) и признание того, что общества суть региональные, территориально ограниченные единства. Реально же понятие территориальных границ общества становится излишним в силу нового понимания социальной системы, базирующейся на взаимосвязи коммуникаций. Третье предубеждение имеет теоретико-познавательный характер и следует из различения и даже противопоставления субъекта и объекта. Между тем, в последнее время оно теряет смысл в условиях появления новых объединительных теорий и парадигм¹⁶⁴. Существование таких подходов к трактовке общества не позволяет дать его строгое описание.

В том случае, считает Луман, когда «понятие общества сопрягается с человеком, в него включается слишком много; в случае территориального понятия общества – слишком мало. В обоих случаях за непригодные понятия такого рода держатся, видимо, потому, что об обществе хотели бы думать как о чем-то, что возможно наблюдать извне»¹⁶⁵. Но именно это и блокирует познание общества, которое должно осуществляться из «себя самого».

Указанные выше характеристики (предубеждения) социолог отказывается рассматривать в качестве критериев для дефиниции понятия общества и определения границ его теории. Между тем, считает Луман, понятие общества должно быть образовано автологично (в переводе с греческого «автология» означает употребление слова в его собственном, прямом значении) и содержать «само себя».

Другая причина появления теории социальных систем Лумана состоит в необходимости перехода к новому этапу системного анализа. Первый этап заключался в господстве социологического представления времен Э. Дюркгейма, определяемого как соотношение «целое – часть». Это представление означало, что целое выявляло качественно новые свойства системы, не равные сумме его частей. Второй этап развития системно-теоретического мышления в социологии (его Луман связывает с господством идей Парсонса) предполагал доминанту иного представления – «система – окружающая среда». Оно означало возникновение системы путем ее отграничения от окружающей среды. Поэтому главным признавалось отношение между системой и окружающей средой.

¹⁶³ Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. М., 1991. Вып. 1.; Понятие общества. Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994; Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М., 1999; Решения в «информационном обществе». Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2000. Вып. 3.

¹⁶⁴ Луман Н. Понятие общества. Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 27 – 28.

¹⁶⁵ Луман Н. Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М., 1999. С. 202.

Новые открытия в науке (в частности, достижения в биологии и нейрофизиологии чилийских ученых Х. Матураны и Ф. Варелы, успехи в области теории информационных систем) поставили проблему системно-теоретического мышления в иную плоскость. Было введено в научный оборот понятие аутопойесиса. Буквально оно означает самопроизводство, самотворение. Отвечая на вопрос о теоретической роли этого понятия в его социологической теории, Луман говорил: «Понятие аутопойесиса первоначально было найдено в биологии и опиралось на эмпирическую основу биохимии, т. е. применялось к клеткам, затем к нейрофизиологической системе, компонентам клетки или мозга, которые сами производят компоненты этих целостностей. Химические условия жизни постоянно обновляются в самой клетке, а не вносятся извне. Электрические сигналы мозга создаются самим мозгом, а не вносятся из окружающей среды через органы зрения или слуха. Внешние контакты находятся на другом уровне реальности. Такова была биологическая концепция. Я лишь полагаю, что то же самое можно сказать и о коммуникации, т. е. что коммуникация всегда предполагает, что была предшествующая коммуникация и что всегда возможна дальнейшая коммуникация, иначе говоря, коммуникативная система сама воспроизводит себя при помощи слов, языка, постоянной активности, постоянной коммуникации»¹⁶⁶.

2.2. Коммуникация и социальная система

Итак, по мнению Лумана, в обществе имеют место аналогичные процессы, что и в иных системах, и характерны они, прежде всего, для коммуникации. Коммуникация у Лумана выступает важнейшим элементом социальной системы. Сама по себе она не заметна, обнаруживает же себя лишь в процессе действия. Коммуникация безлична и означает установление связи и взаимодействия как минимум между двумя людьми. Поэтому она не принадлежит ни одному из субъектов отношений, стержнем которых на самом деле является. Она изначально социальна, поскольку «не может быть ... вменена ни одному отдельному сознанию»¹⁶⁷. Сама коммуникация оперативно функционирует как единство различия информации, сообщения и понимания. Информация, сообщение и понимание – по существу структурные элементы коммуникации.

Здесь следует специально отметить, что, по признанию социолога, понятие коммуникации имеет ключевое значение для теории общества¹⁶⁸. В свете сказанного становится понятным предложение Лумана: «...положить в основу (понятия общества. – Г.З.) понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия. Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций»¹⁶⁹.

Рассуждения социолога о коммуникации являются важнейшим шагом на пути к созданию теории общества и в целом его трактовки. Он различает три разных уровня анализа общества. Первый предполагает его осуществление в границах общей теории систем, а в ней – в рамках общей теории аутопойетических систем. Второй уровень означает рассмотрение общества в теории социальных систем. Наконец, третий предполагает рассмотрение теории системы общества как особого случая социальных систем.

Характеризуя общество в связи с его основным признаком – наличием в нем коммуникации, придающей ему совершенно особый системный характер, Луман пишет: «Общество есть коммуникативно закрытая система. Оно производит коммуникацию посредством коммуникации. Коммуницировать может только оно само – но не с самим собой и не своим окружающим миром. Оно производит свое единство посредством оперативного совершения коммуникаций, рекурсивно обращенных к предыдущим и превосходящих последующие коммуникации»¹⁷⁰.

Социальная система и общество как главная ее разновидность характеризуется у Лумана полной самодостаточностью и самовоспроизводством. Общество рассматривается как саморефе-

¹⁶⁶ Социологические размышления: Интервью с проф. Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 237 – 238.

¹⁶⁷ Луман Н. Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М., 1999. С. 215 – 216.

¹⁶⁸ Там же. С. 210.

¹⁶⁹ Луман Н. Понятие общества. Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 31.

¹⁷⁰ Луман Н. Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М., 1999. С. 223.

рентная социальная система (самореференция – ссылка на самого себя), умеющая организовать саму себя, что означает, помимо только что названных характеристик, ее способность описывать себя, отграничивая от окружающей среды, осуществляя различие с ней, заниматься самонаблюдением и самоописанием, воспроизводя в них саму себя. Социолог стремится доказать, что «социальные системы (включая общество) могут осуществиться только как наблюдающие самое себя системы»¹⁷¹. В этом смысле наблюдение и описание системы есть ее часть.

Здесь нельзя не обнаружить некоторого сходства идей Лумана с описанными выше положениями теории общества (рассматриваемого в качестве социальной системы) Парсонса, в которой вводилось понятие самодостаточности общества как системы. Напомним, что американский социолог ввел понятие самодостаточности общества как системы для того, чтобы подчеркнуть его независимость от окружающей среды.

Большое значение для правильного понимания концепции социальной системы и теории общества Лумана имеет его отношение к проблеме человека. Оно резко отличается от позиций иных социологов, в том числе и авторов концепций, рассмотренных выше. Если в этих теориях речь идет об активном деятеле, акторе, агенте, субъекте социального действия, вне которого ни современное общество, ни его концептуальное видение невозможны, то в работах Лумана мы встречаемся с принципиально иной трактовкой роли человека.

Поскольку место центрального понятия социологической теории у ученого занимает «система» (а не «действие»), постольку его мало волнует действующий субъект. Он у него существует лишь как элемент окружающего систему мира, но не как элемент самой системы. Это значит, что понятие человека (ни в каких его ипостасях) не имеет для социолога научного значения. Такая позиция тем более понятна и очевидна из всего контекста теории социальных систем Лумана, что человек не включен у него в систему коммуникаций.

Отрицание понятия человека как элемента социальной системы было изначально характерно для творчества немецкого социолога и неоднократно становилось объектом критических стрел, причем как его противников, так и сторонников. Среди последних предпринимались даже попытки рассматривать человека как аутопойетическую и самореферентную систему. Но это никак не повлияло на изменение позиции Лумана. Более того, он каждый раз искал новые аргументы для ее усиления. Так, он доказывал, что и человек как часть окружающего систему мира, и тем более сам этот мир представляют собой комплексные образования, которым самореферентная система (общество) уступает по сложности. Поэтому одна из задач социологии состоит в выявлении особенностей их взаимодействия.

Заканчивая рассмотрение теории общества как социальной системы Лумана в качестве постклассической социологической концепции, следует отметить такую ее важную особенность, как опору на естественнонаучное знание. Эта особенность, как уже отмечалось ранее, характерна для всей классической социологии. И именно она дает одно из оснований отнести изложенную выше теорию Лумана к социологической постклассике. Другими основаниями для этого являются анализ общества как социальной системы и макросоциологический уровень ее рассмотрения.

§ 3. ТЕОРИЯ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА И. ВАЛЛЕРСТАЙНА

Еще одна постклассическая социологическая концепция общества, разрабатывавшаяся в конце XX в., – теория мир-системного анализа американского теоретика Иммануила Валлерстайна (президента Международной социологической ассоциации в 1994 – 1998 гг.), тесно связанная с другой его теорией – длинных циклов. Суть последней состоит в том, что динамизм общества определяется длинными циклами, охватывающими несколько десятилетий (во многом этот подход созвучен теории «длинной волны» известного российского ученого Н.Д. Кондратьева, который еще в 1920 – 1930-х гг. доказывал, что развитие общества осуществляется в рамках циклов 50 – 60 лет каждый).

¹⁷¹ Луман Н. Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М., 1999. С. 216.

Иммануил Морис Валлерстайн
Immanuel Maurice Wallerstein
(28 сентября 1930)

Каждый длинный цикл (по Валлерстайну) связан не только с целым рядом фаз внутри него, но и с понятием кризиса. Американский социолог не считает, в отличие от многих его коллег, что любой циклический спад есть уже кризис. Для него кризис – это ситуация, в которой больше не функционируют восстановительные механизмы, и система должна или фундаментально измениться, или дезинтегрироваться. Если же система функционирует, то кризиса нет. Источником действенности и результативности системы является ее отношение к использованию и внедрению инноваций. Чем более страна предрасположена к ним, тем больше шансов на процветание она имеет.

В концепции мир-системного анализа общества Валлерстайн разделил все страны мира на три группы¹⁷². Одна из них была отнесена им к «ядру» (наиболее развитые страны мира), другая – к полупериферии (среднеразвитые страны), третья – к периферии (все остальные). В соответствии с этой теорией для большинства стран «перескочить» из периферии в полупериферию и из нее в «ядро» было практически недостижимо никаким способом, так что концепция по существу консервировала сложившийся миропорядок.

В продолжающей концепцию длинных циклов Валлерстайна теории мир-системного анализа на передний план выходят вопросы власти. В соответствии с взглядами американского ученого, в каждом длинном цикле общество (мировое, речь идет о мире как системе) проходит фазы низкой, высокой и снова низкой концентрации власти. Сама власть охватывает ядро, полупериферию и периферию мировой экономической системы.

Причем гегемония «ядра» (а это наиболее развитые страны) в современной мир-системе способна «загнать» в оборонительную позицию даже сверхсовременные производства в тех странах, которые не принадлежат к «клубу избранных» (это касается, в частности, России). Такой «клуб» уже не может расширяться, поскольку он сам – «ядро» системы мира. Дело еще и в том, что страны, входящие в «клуб избранных», способны сделать неприбыльными любые альтернативные, чрезвычайно эффективные, даже уникальные технологические инновации – при условии, что они принадлежат «не избранным» и представляют для них определенную угрозу.

Некоторые положения теории мир-системного анализа Валлерстайна имеют выраженный дискуссионный характер. По существу он отрицает возможности развития целого ряда стран в условиях возникновения глобальной капиталистической миросистемы. В.А. Ядов так оценивает позицию Валлерстайна по этому вопросу: «Наиболее сомнительной он полагает концепцию развития, потому что она опирается на внутренние источники прогресса обществ, каковые радикально корректируются изменениями в миросистеме, не говоря уже об утрате социально-экономической (частично и политической) автономии государств»¹⁷³.

Концепция Валлерстайна основана на использовании богатого конкретного материала и представляет собой рассмотрение общества как системы в ином, нежели ранее рассмотренные его теории, ключе. Здесь отсутствуют естественнонаучные предпосылки социологической теории общества, зато имеют место в ярко выраженном виде широко представленные исторические, экономические и политические основания. Социология истории и историческая социология тесно переплетаются в теориях Валлерстайна.

¹⁷² Wallerstein I. The Modern World-System III. San-Diego: Academic Press, 1989; Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М., 2003.

¹⁷³ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006. С. 61.

Предлагая переосмыслить классическую социологию XIX – начала XX в., он, вместе с тем, развивает идеи постклассической социологии, касающиеся системного видения общества, его структур и их места в современном мировом глобализирующемся пространстве. Теории Валлерстайна вплотную примыкают к целому теоретическому комплексу, который сегодня принято именовать социологической концепцией глобализации. По нашему мнению, ее также можно рассматривать как разновидность постклассической социологии.

§ 4. ТРАКТОВКИ ОБЩЕСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вначале следует отметить, что речь пойдет об обществе как проблеме глобализации не вообще, не в целом, а только сквозь призму ее социологического анализа. Это вводное замечание имеет существенное значение, поскольку обозначенная проблема стала предметом изучения самых различных социально-гуманитарных наук – экономики, истории, политологии и др.

Социологические интерпретации проблемы общества в условиях глобализации имеют свою специфику, которая далее будет показана. Подчеркнем, однако, сразу важнейшую особенность этих интерпретаций – общество в концепциях глобализации рассматривается как мировое сообщество, как взаимодействие и взаимосвязь конкретных обществ в современном мире. Отсюда появляется центральное понятие концепций глобализации – глобальное общество.

Что означает сам социальный (социально-экономический, социально-политический, социально-культурный) феномен глобализации? Этот термин стал сегодня едва ли не самым популярным и в научной, и в публицистической литературе. Сейчас о глобализации не пишет только ленивый. Если же учесть, что в мире возникли не только теории глобализации, но и реальные протестные антиглобалистские движения, объединяющие представителей десятков стран, то становится понятной необходимость разобраться в содержании реальных процессов и теориях, их интерпретирующих.

Глобализация выступает как современный этап развития всего человеческого общества, поэтому она становится объектом особого, может быть, даже самого пристального социологического внимания. Оно обусловлено тем, что глобализация – это, в первую очередь, реальное развитие цивилизации в конце XX – начале XXI в., представляющее собой создание единой и взаимосвязанной системы в области экономики, политики, культуры, массовых коммуникаций; это процесс возрастающего воздействия различных факторов международного значения на социальную действительность во всем мире; это усиливающаяся опасность мирового терроризма, ядерной войны, религиозного фундаментализма, уничтожения природной среды, эпидемиологических заболеваний и т. д.

Перечень глобальных вопросов современного мирового сообщества может быть значительно увеличен. При этом под ними мы будем понимать совокупность проблем, затрагивающих коренные жизненные интересы всего человеческого общества и требующих совместных, коллективных решений со стороны большинства или хотя бы многих, в первую очередь, развитых стран.

Одной из первых попыток анализа общества в новых условиях стала характеристика глобализации производства, или экономической глобализации, рассматриваемой как процесс интеграции экономической деятельности во всемирном масштабе, главную роль в котором играют транснациональные корпорации. Появилось даже понятие глобального капиталиста как общей совокупности ролей, учреждений и структур, выполняющих функции капитала и внутри данного конкретного общества, и в мировом сообществе.

Вначале глобализацию рассматривали как следствие влияния Запада, а посттрадиционное общество характеризовали как первое глобальное общество. Сегодня, однако, ясно, что глобализацию нельзя понимать только лишь как вестернизацию. Между тем, такой подход можно было обнаружить в рассмотренной выше концепции мир-системного анализа И. Валлерстайна, особенно в ее начальном варианте, в котором имело место утверждение о глобальном превосходстве США – единственной сверхдержавы после разрушения Советского Союза.

Сейчас понятно, что глобализация – это процесс в полной мере плюралистический. Данную позицию отстаивает Р. Робертсон¹⁷⁴, автор одной из первых фундаментальных работ, посвященных

¹⁷⁴ Robertson R. Globalization. L., 1992.

социологическому анализу глобализации. Он считает, что глобализация должна рассматриваться не как исключительный результат развития Запада, его истории, а как следствие взаимодействия западных обществ со всем остальным миром, причем взаимодействия многостороннего, происходящего в экономической, военно-политической, торгово-технологической, культурной, религиозной, коммуникативной и иных сферах. По мнению Р. Робертсона, глобализация соединяет в себе многие образцы изменения и является итогом плюралистического развития человеческого сообщества.

Э. Гидденс, уделивший проблеме глобализации большое внимание в связи с анализом общества позднего модерна, пишет, что, на первый взгляд, для людей это явление имеет место не «здесь и сейчас», в повседневной жизни, а где-то далеко, «там», во всемирных социальных отношениях. Для социолога, однако, считает Гидденс, эта ситуация представляется совсем иной, и он рассматривает глобализацию как явление, которое затрагивает каждодневные интересы человека¹⁷⁵. Глобализация трактуется английским социологом как интенсификация социальных отношений всемирного характера, которые связывают находящиеся на удалении друг от друга локальные контексты жизни так, что процессы и события, происходящие в одном месте, обуславливают процессы и события, происходящие далеко от них, и наоборот, сами обуславливаются ими¹⁷⁶.

Глобализация характеризуется Гидденсом как естественное продолжение модерна в новых социально-экономических и политических условиях 1990-х гг., или условиях позднего модерна. При этом он говорит о пяти основных чертах глобализации. Первая – это возникновение глобальной взаимосвязанности экономических процессов, где, как уже отмечалось выше, существенную роль сыграли транснациональные корпорации. Вторая черта – это появление новой системы международных отношений между нациями – государствами. Третья черта определяется складыванием нового мирового военного порядка – с учетом того обстоятельства, что современное вооружение и военная сила приобретают глобальный характер, превращая локальные вооруженные конфликты во всеобщие. Четвертая черта означает дифференциацию и разделение труда между различными странами и частями планеты. Наконец, пятая черта, которая сегодня становится одной из наиболее значимых и обсуждаемых, – «культурная глобализация». Она означает бурное развитие технологий коммуникации, глобальный трансфер культурных ценностей, реальных достижений в области культуры, вкусов.

В самые последние годы обращают на себя внимание попытки некоторых (прежде всего зарубежных) социологов, рассматривающих проблемы перехода к постмодернистскому обществу в условиях процессов глобализации, считать его наиболее целесообразной моделью современное и будущее американское общество. Это стремление особенно заметно проявилось на XV и XVI Всемирных социологических конгрессах (Брисбен, 2002; Дурбан, 2006).

Не имеет смысла раскрывать здесь весьма противоречивые характеристики этой модели, хотя бы для того, чтобы ее не идеализировать. Главное состоит в другом. Сам пафос концепции глобализации не допускает апологетики какого-то конкретного общества, какой-то одной страны. Глобальная постмодернистская цивилизация, по мнению некоторых западных авторов, – это некий симбиоз всего лучшего, что накопило человеческое сообщество, это как бы равнодействующая параллелограмма сил, в качестве которых выступает опыт наиболее развитых стран.

Но именно это положение вызвало огонь социологической критики. Как показывают Ж.Т. Тощенко и Н.В. Романовский на основе анализа материалов, предшествовавших XVI Всемирному социологическому конгрессу, и документов самого конгресса, «сообщество социологов демонстрирует скепсис в отношении идеологически окрашенного определения современной эпохи в терминах глобализации. Косвенным показателем этой тенденции стало появление ряда версий описания того, на чем построены идеи глобализации: мондиализация, интернационализация, универсализация, космополитизация». И далее: «Все больше социологов в реальной жизни наталкивается на следствия и предпосылки болезненных процессов глобализации. Объектом специальных изысканий в растущей мере становятся социальные эксклюзии, которые ассоциируются с бедностью, голодом, насилием (национальным, религиозным)»¹⁷⁷. Авторы проводят аналогию между идеями глобализации и общества модерна по Парсонсу в связи с его стремлением обосновать центральную роль американских ценностей. Именно эти ценности сейчас стали объектом критики концепции глобализации.

В социологии существует целый ряд теорий, конкретизирующих проблему глобального общества в различных аспектах его жизни. Одна из широко распространенных – концепция макдо-

¹⁷⁵ Giddens A. In *Defence of Sociology*. Cambridge, 1996. P. 51.

¹⁷⁶ Ibidem.

¹⁷⁷ Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. О тенденциях развития социологии // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 9.

нальдизации Дж. Ритцера¹⁷⁸. Она построена на признании того факта, что ресторан быстрого питания («Мак-Дональдс») представляет собой современную парадигму формальной рациональности. «Мак-Дональдс» выступает для Ритцера как пример и образец формальной рациональности, характерный для современного мирового сообщества в глобальном масштабе. Американский социолог рассматривает четыре измерения «макдональдизированной» формальной рациональности: эффективность, предсказуемость, упор скорее на количество, чем на качество, осуществление контроля посредством замены человеческих технологий унификацией операций. Рестораны быстрого питания основаны на использовании поточных принципов и технологий. Будучи широко распространенными в современном мире, они стали сегодня одним из символов глобального общества.

Аналогичные рассуждения могут быть уместными относительно кредитных карточек. Их, также как и рестораны быстрого питания, Дж. Ритцер рассматривает как часть макдональдизированного, формально рационализированного современного глобального общества.

Макдональдизация является удачным примером и хорошим аргументом для сторонников концепции американизации как разновидности глобализации. В самом общем виде американизация – это термин, который используется для описания влияния Америки и ее норм, ценностей, структур и институтов на остальной мир. Поскольку «ресторан «Мак-Дональдс» и большинство его макдональдизированных производных являются продуктами американского общества, ставшими предметами агрессивного экспорта в остальной мир»¹⁷⁹, постольку оно (это общество) привносит радикальные изменения в то, что и как ест остальной мир.

Подобное влияние принимается в глобальном обществе неоднозначно. У одной части населения в связи с макдональдизацией возникают позитивные эмоции. Что касается интеллектуалов и многих общественных лидеров, то у них подобный американский экспорт вызывает осуждение.

В связи с этим возникает вопрос о том, чем в реальности является макдональдизация. Выступает ли она примером американизации или это явление глобализации? Отвечая на этот вопрос, сам Дж. Ритцер считает, что к ней «в гораздо большей степени применим термин «американизация», а не «глобализация»¹⁸⁰.

Позволим себе не согласиться в полной мере с этим суждением. Дело в том, что эти два феномена тесно связаны между собой, и трудно четко определить, где кончается один и начинается второй. Если рассматривать американизацию не как жесткое и грубое навязывание норм и стандартов американского общества другим странам, а как пример влияния новых и продвинутых форм жизни в современном мире, добровольно принимаемых членами иных обществ и получающих вследствие этого активное распространение, то она вполне может характеризоваться как один из элементов глобализации, наряду с целым рядом других.

Об этих «других» в последнее время говорят все чаще и чаще. Вот лишь один пример. Современный французский писатель Фредерик Бегбедер в одном из своих последних романов «Романтический эгоист» вводит термин «всеобщая дискотекизация» Устами своего главного героя Оскара Дюффрена автор размышляет: «Мир представляется мне безликим, потому что я бываю только в аэропортах и на дискотеках. На всем земном шаре фоном служит лишь одна и та же песня. Глобализация проявляется прежде всего в музыке. Земля превратилась в танцпол. В этом дневнике я описываю новое явление: всеобщую дискотекизацию мира. Недавние исследования показали, что дискотека занимает первое место в списке развлечений – и трат – 18 – 24-летних (оставляя далеко позади кино, театр, концерты и ... книги)»¹⁸¹. Автор далее утверждает, что можно говорить о всеобщей дискотекизации человеческого общества.

Не нужно специально доказывать, что всеобщая дискотекизация стала таким же полноправным «членом» глобализационного процесса, как макдональдизация, кредитные карточки и т. д. При этом аргументация оказывается примерно такой же, какую предложил Дж. Ритцер в отношении макдональдизации.

К числу иных характеристик глобализации могут быть отнесены: широкое распространение и применение новых технологий (наиболее яркий пример – компьютерные технологии и Интернет); мощное развитие международного туризма, охватывающего массовые этнические перемещения; передвижения с большой скоростью огромных денежных потоков через национальные границы и др. При рассмотрении этих черт глобализации из поля зрения исчезают конкретные люди, социальные общности, общества, но появляется ее новый субъект – глобальное общество (сообщество).

С одной стороны, оно выступает как некая размытость и неопределенность, своеобразное «облако в штанах». Это все человечество, которое испытывает на себе влияние глобализации чрезвычайно дифференцированно, поскольку включает в себя и аборигенов Африки (весьма слабо или

¹⁷⁸ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 497 – 499.

¹⁷⁹ Там же. С. 499.

¹⁸⁰ Там же. С. 500.

¹⁸¹ Бегбедер Ф. Романтический эгоист // Иностранная литература. 2006. № 2. С. 21.

почти никак не вовлеченных в нее), и развитые общества на каждом из обитаемых материков (подверженных этому влиянию в оптимальной степени).

С другой стороны, глобальное общество формируется сегодня за счет появляющихся в мире конкретных «межстрановых» сообществ, наиболее развитым среди которых является, по всей видимости, европейское сообщество. Оно базируется на социальной солидарности стран (и их населения), входящих в Европейский Союз.

Пока эта социальная солидарность не является достаточно сформировавшейся. Но нужно иметь в виду, что она основана и на новом разделении общественного труда, и на иных экономических, политических и культурных реалиях, сближающих эти страны и позволяющих открывать границы между ними, создавать общую финансовую систему, вводить единую валюту. Эта социальная солидарность находится сегодня в основном на уровне государств и правительств, политика которых, в свою очередь, должна учитывать общественные настроения и общественное мнение в отдельных европейских странах.

Таким образом, можно прийти к выводу, что одним из важнейших условий становления глобального общества (сообщества) является солидарность между конкретными странами и их населением. Она может проявиться лишь тогда, когда будет осмыслена экономическая, социальная, политическая, культурная эффективность совместных действий и влияний более развитых стран на менее развитые.

В этом случае возникает еще одна проблема, также имеющая тесное отношение к глобализации, – появляющиеся риски. Насколько от них зависит формирование глобального общества? Есть разные точки зрения по этому вопросу. Так, известный немецкий социолог У. Бек и уже неоднократно упоминавшийся английский ученый Э. Гидденс говорят о больших трудностях и рисках, которые ожидают мировое сообщество (глобальное общество) в связи с массовыми явлениями катастрофизма – угрозой применения ядерного оружия, не всегда предсказуемой деятельностью атомных электростанций, стихией природных сил (наводнения, землетрясения, цунами) и т. д.

Это станет и уже становится серьезным препятствием для возникновения глобального общества, поскольку появляются такие проблемы, которые не могут быть решены совместными усилиями большинства стран вследствие различия и даже противоположности интересов некоторых из них (к примеру, тех, которые стремятся овладеть производством атомного оружия).

Другая точка зрения принадлежит Дж. Ритцеру, который полагает, что предсказуемый мир – это мир без неожиданностей, в том числе без неожиданностей, возникающих из-за рискованных предприятий. Американский социолог исходит из учета иных, прежде всего, обыденных сторон нашей повседневной жизни. К примеру, он говорит о таких как гамбургеры или маисовые лепешки, которые мы съедаем в обеденное время, или кредитные карточки, которыми мы пользуемся, чтобы за них расплатиться. Здесь нет практически никакого риска – мы получим ожидаемый гамбургер или маисовую лепешку, а компания-эмитент кредитных карточек заплатит ресторану быстрого питания.

Более того, Ритцер, полемизируя с Бекем и Гидденсом, считает, что описанные ими события и обстоятельства «не только могут быть макдональдизированы, но они уже рационализированы в очень значительной степени. Атомная электростанция, конечно, функционирует эффективно, работает предсказуемо, опирается на количественные критерии и применяет широкий ряд унифицированных технологий, однако, как и другие макдональдизированные системы, она порождает иррациональные проявления рациональности, в том числе редкие, но разрушительные аварии»¹⁸². Один из недавних примеров такой аварии – события, имевшие место на атомной электростанции Фукуяма в Японии.

Подводя итог рассмотрению социологической теории глобализации, отметим, что она не только жива, но и развивается. Однако теперь, как говорит Н.Е. Покровский, «речь идет о множественной глобализации. То есть на место линейной концепции американизации или макдональдизации, преобразующей мир по американскому образцу, приходит понимание того, что мир глобализируется, но в разных форматах и на разных уровнях. Наряду с глобализацией либерально-рыночных принципов, глобализируется и ислам с системой своего миропонимания (он реально становится всемирным). На своем уровне и своих форматах глобализируется мировой криминал. На глобальные орбиты выходят субкультуры, казалось бы, предназначенные для того, чтобы произрастать исключительно в своих локальностях. В целом признается, что глобализация предоставляет лишь пустые формы, которые наполняются самым различным содержанием. И это содержание может быть каким угодно»¹⁸³.

¹⁸² Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 505.

¹⁸³ Покровский Н.Е. Конгресс – ожидания и реалии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 20.

§ 5. СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА

Мануэль Кастельс
Manuel Castells
(9 февраля 1942)

К числу постклассических может быть отнесена сетевая теория общества, или, как ее часто называют, теория сетевого общества, т. е. общества, состоящего из сетей. Она сформировалась в 1970 – 1980-е гг., но очень сильно видоизменилась в последние 15 – 20 лет благодаря активному вторжению Интернета и новых информационных технологий в жизнь общества и не менее активному социологическому исследованию этого процесса. Один из ведущих социологов, внесший значительный вклад в социологическую разработку сетевой теории общества, Мануэль Кастельс (род. в 1942 г.) говорит о том, что сети – это достаточно старые формы материализации человеческой деятельности, однако в наше время они обрели новую жизнь в результате превращения их в информационные сети, объединенные Интернетом¹⁸⁴.

Под сетями в социологии принято понимать паутину социальных связей. Она может охватывать небольшое количество лиц и выступать как группа. Но чаще всего социальные связи в сети оказываются слабыми, поскольку включают в себя людей, редко общающихся между собой. Несмотря на эту особенность, сети могут играть большую роль в жизни людей. В качестве примера можно привести иммигрантов, ищущих работу и место жительства, для которых особое значение имеют «сетевые отношения» с уже находящимися какое-то время в данной стране их «земляками». Как отмечают социологи, те, кого знают эти люди, зачастую оказывается не менее важным, чем то, что они знают.

Сторонники сетевой теории Б. Уэлман, М. Мизраши, Р. Берт, М. Грановеттер и др. утверждают, что в ее рамках следует изучать объективную модель связей, объединяющих членов общества, а не нормы, ценности и идеи, общие для них. Они полагают, что за сложными социальными структурами нужно искать и видеть упорядоченные сетевые модели, которые базируются на «силе слабых связей».

Анализ упорядоченных сетевых моделей приводит социологов к поиску их особенностей и необходимости классификации и систематизации сетей. Речь идет о сетевых связях между индивидами, кластерами, различными социальными структурами, общностями, группами, организациями, корпорациями и др.

В период становления сетевых теорий общества сами сети характеризовали связи и отношения в отдельных, наиболее развитых странах. Выход этих теорий за пределы национальных границ стал возможен в связи с процессами глобализации. Новый этап развития общества и сопутствующие ему концепции глобализации привели к радикальному обновлению теории сетевого общества. Изменилось содержание понятие сети, охватившей интернациональные процессы.

В новых условиях глобализации сетевая паутина охватывает практически все основные сферы жизни, проявляясь в каждой из них своеобразно и специфически. Среди этих сфер ведущей является экономика, подобно тому, как процессы глобализации начались именно с нее и достигли в ней наиболее заметных результатов. С позиций сетевой теории общества Кастельс выделяет в эко-

¹⁸⁴ Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004. С. 13.

номической сфере информационные сети, сети капитала, рабочей силы и рынки¹⁸⁵, глобальные финансовые сети, которые являются нервным центром информационного капитализма¹⁸⁶.

Социолог рассматривает сеть как базовую единицу экономической организации. Он пишет: «Первый раз в истории базовая единица экономической организации не есть субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким, как класс капиталистов, корпорация, государство)... единица есть сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрестанно модифицируемых по мере того, как сети приспосабливаются к поддерживающим их средам и рыночным структурам»¹⁸⁷.

Новой организационной формой глобальной экономики является сетевое предприятие. Кастельс полагает, что сетевое предприятие – «это специфическая форма предприятия, система средств которого составлена путем пересечения сегментов автономных систем целей. ...Работа данной сети будет тогда зависеть от двух фундаментальных атрибутов сети: устойчивой связи в ней, т. е. способности поддерживать свободную от «шума» коммуникацию между ее компонентами; согласованности сети, т. е. степени, в которой имеется общность интересов между целями сети и целями ее компонентов»¹⁸⁸.

Почему Кастельс уделяет большое внимание сетевому предприятию? Конечно, потому, что оно является, в первую очередь, основой глобальной экономики. Но не только. Он рассматривает сетевое предприятие как материальную основу культуры в информационном обществе, поскольку оно (предприятие) «превращает сигналы в товар, обрабатывая знания»¹⁸⁹.

Очевидно, что в условиях глобализации сети охватывают не только экономическую жизнь общества (промышленные и сельскохозяйственные предприятия и фирмы, торговля, финансы). Они связаны также с политической (власть, государство, политические партии, общественные движения), социальной (семья, социальная помощь, социальная защита), духовной (образование, культура, наука, религия) сферами жизни.

Следовательно, сетями «опутано» все общество, которое по этой причине может рассматриваться как «сетевое общество». Изучение сетевых связей приводит к постановке вопроса о сплоченности и структурной эквивалентности элементов той или иной системы, создающих сеть. Другими словами, сети выступают как эффективное организующее средство, особенно, если они приобретают характер информационных сетей, объединенных Интернетом.

В этой связи Кастельс отмечает, что «в качестве организующего средства сети обладают неоспоримыми преимуществами благодаря свойственным им гибкости и адаптируемости – качествам, необходимым для выживания и преуспевания в условиях быстро меняющегося окружения. По этой причине сейчас имеет место широкое распространение сетей во всех сферах экономической и общественной жизни, они успешно конкурируют и во многом превосходят вертикально организованные корпорации и централизованные бюрократические структуры»¹⁹⁰.

Здесь возникает вопрос о функциях сетей. Социолог подчеркивает, что вне зависимости от размеров и уровня сложности сетей ранее всегда возникали сложности при координации их функций, при сосредоточении ресурсов для достижения соответствующих целей и задач. Традиционно сети как инструмент, как средство посредничества уступали организациям, которые могли объединять ресурсы для выполнения задач путем создания вертикальных цепочек управления и контроля. Отсюда вытекает, что сети имели преимущественное значение как фактор частной жизни, тогда как централизованные иерархические структуры играли определяющую роль в развитии производства и осуществлении власти. Но появление компьютерных информационных и коммуникационных технологий в корне изменило возможности и функции сетей.

Таким образом, сети могут породиться не только связями и отношениями между различными социальными субъектами. На их появление способны оказывать самое серьезное воздействие технологические изменения в обществе. К числу таковых следует отнести, как уже отмечалось, в первую очередь, колоссальную по своим размерам, всемирную сеть – Интернет и порожденные ею новые информационные технологии последнего десятилетия. Возможности этой сети и информационных технологий не только поражают воображение, но рождают каждый раз все новые и новые потребности в их использовании.

Новые информационные технологии принципиально меняют характер создаваемых на их основе сетей. Здесь нужно специально подчеркнуть: не технологии создают сети, а люди, сообщества, организации, используя для этого информационные технологические возможности. Они-то и

¹⁸⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 493.

¹⁸⁶ Там же. С. 499.

¹⁸⁷ Там же. С. 197.

¹⁸⁸ Там же. С. 174.

¹⁸⁹ Там же. С. 174.

¹⁹⁰ Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004. С. 13 – 14.

являются условиями радикальных преобразований в обществе. Их следствием, по мнению Кастельса, оказывается переход к обществу нового типа – сетевому обществу.

Обратимся к содержательным характеристикам сетевого общества, которые предлагает Кастельс. Наиболее фундаментально он это делает в своей (уже неоднократно процитированной) работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». Отметим, прежде всего, две принципиальные особенности теории сетевого общества Кастельса, которые отличают ее от предшествующих концепций. Первая состоит в том, что сети он рассматривает в тесной связи с новыми информационными технологиями и внедрением Интернета. Отсюда следует интересная постановка вопроса о сетевой логике любой системы или совокупности отношений, если они связаны, в первую очередь, с новыми информационными технологиями. Вторая особенность сетевой теории Кастельса заключается в характеристике сетей как инструмента и средства глобализации, которые уже сейчас невозможно рассматривать порознь друг от друга. Сети становятся неотъемлемым элементом глобального общества в той мере, в какой оно само их порождает.

Выделяя рассмотренные выше две особенности сетевой теории Кастельса, отметим, что они у него тесно связаны. Ведь он характеризует сети как «фундаментальный материал, из которого новые организации строятся и будут строиться. И они способны формироваться и распространяться по главным улицам и глухим переулкам глобальной экономики, поскольку они опираются на информационную мощь, предоставляемую новой технологической парадигмой»¹⁹¹.

Как уже отмечалось, социолог рассматривает сети в качестве универсальной характеристики общества, пронизывающей все без исключения его структуры, хотя сами «общества информационной эпохи не могут быть сведены к структуре и динамике сетевого общества. Изучая наш мир, я нашел, что наши общества образованы взаимодействием между сетью и «Я», между сетевым обществом и властью идентичности»¹⁹².

Сетевое общество – это общество, в котором решающую роль начинают играть электронные сети. Рассматривая это новое общество в русле концепции глобализации (по-другому нельзя, поскольку Интернет – это всемирная паутина, охватывающая человечество в глобальном масштабе), Кастельс не идеализирует его, понимая, что в нем возникают новые риски, одним из основных среди которых является перекрытие каналов взаимосвязей. Именно этим сегодня пытаются заниматься в отдельных странах, стремясь поставить под жесткий контроль деятельность Интернет.

Существуют и иные социальные вызовы схемам господства в сетевом обществе. Они принимают форму создания автономных идентичностей, которые оказываются внешними по отношению к организующим принципам сетевого общества. Поскольку речь у Кастельса идет о повсеместном господстве доминирующих глобальных сетей, единственный путь выхода из-под такого господства, по мнению социолога, «заключается в выходе из этих сетей и реконструкции смысла на основании совершенно другой системы ценностей и убеждений»¹⁹³. Здесь он имеет в виду национализм, локализм, этнический сепаратизм, отдельные культурные общины, которые порывают с обществом в целом.

В плане противоречивого анализа сетевого общества приобретает важное значение постановка вопроса о наличии криминальных сетей, о том, прекратят они или нет «контролировать значительную долю экономики, наших институтов и нашей повседневной жизни». К этому можно было бы добавить проблему хакеров, того, что связано с взламыванием сети и по существу имеет также криминальный характер.

Завершая рассуждения по поводу сетевой теории общества, следует еще раз отметить не только ее актуальность, которая все больше будет возрастать по мере развития электронных сетей и новых информационных технологий, но и поистине глобальное значение этого фактора социального развития. Что касается места данной теории среди социологических парадигм, то с этой точки зрения рассматриваемая концепция вполне укладывается в рамки постклассической социологии. Она разрабатывается в границах макросоциологического, системного и глобализационного подходов, тесно связанных между собой, базируясь при этом на современном естественно-научном, техническом и технологическом знании.

¹⁹¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 171.

¹⁹² Там же. С. 506.

¹⁹³ Там же. С. 505 – 506.

§ 6. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ НАНООБЩЕСТВА

Одна из важнейших особенностей постклассической социологии состоит, как это уже было показано на примере теории систем Н. Лумана и сетевой теории М. Кастельса, в ее тесной связи с естествознанием и его новейшими достижениями. Самый яркий образец этой связи – социологическая теория нанообщества, которая находится в стадии становления. Теоретические предпосылки ее создания можно обнаружить в работах зарубежных исследователей М. Роко, У. Бэйнбриджа, С. Вигнона, Дж. Шуммера и др., отечественных – М.А. Рыбалкиной и, в особенности, А.А. Давыдова¹⁹⁴. По всей видимости, теории нанообщества предстоит большое будущее.

Вначале несколько слов о термине «нано...» (в переводе с греческого *nanos* – карлик). В «Словаре иностранных слов» сообщается, что нано... – это «первая составная часть наименований единиц физических величин, служащая для образования наименований дольных единиц, равных миллиардной доле исходных единиц...»¹⁹⁵.

Что такое нанообщество? Коротко говоря, это общество, которое придет на смену информационному. И если под последним мы понимаем общество, базирующееся на создании, распространении, использовании информации и информационных технологий, то нанообществом будем считать общество, основанное на создании, распространении, использовании нанотехнологий. Очевидно, что будущее нанообщество не только не отвергнет достижений информационного общества, но максимально использует их на качественно более высоком технологическом уровне.

Как отмечает Рыбалкина, нанотехнологии – это совокупность методов производства объектов неживой и живой природы с заданной атомной структурой путем целенаправленного манипулирования атомами и молекулами¹⁹⁶. Нанотехнологии дают возможность создавать самые различные изделия без крупных производственных мощностей и редких материалов. При этом размеры нанофабрик могут быть портативными, по существу настольными. При минимизации размеров будет происходить одновременно и увеличение функций изделия. Речь идет о том, чтобы создавать промышленные изделия, полезные ископаемые, продукты питания, одежду и т. д. из атомов с помощью ассемблеров – молекулярных наномашин (биотехнических систем) размером до одной миллиардной доли метра, способных к самопроизводству и выполнению заданий, связанных с построением любой молекулярной структуры.

Ученые полагают, что нанотехнологии произведут такую же революцию в манипулировании материей, какую произвели компьютеры в манипулировании информацией. Некоторые исследователи считают, что нанотехнологии повлияют на общество больше, чем изобретение письменности или печати. Есть даже точки зрения, согласно которым нанотехнологии изменят радикально не только общество, но и сам биологический вид *Homo Sapiens*. Это предположение делается на основании научного прогноза, касающегося продления с помощью нанотехнологии жизни человека сначала до 150, а затем и до 1000 лет.

Основные прогнозные характеристики развития нанотехнологий с учетом двух факторов – целевого и хронологического – выглядят следующим образом: замена традиционных методов производства сборкой молекулярными нанороботами предметов потребления непосредственно из атомов и молекул – начало XXI в.; создание молекулярных нанороботов-врачей, которые будут «жить» внутри человеческого организма, устраняя возникающие повреждения и предотвращая новые – первая половина XXI в.; замена «естественных машин» для производства пищи (растений и животных) искусственными аналогами – комплексами молекулярных нанороботов – середина-конец XXI в.; достижение личного бессмертия людей за счет внедрения в организм молекулярных нанороботов – конец XXI в.¹⁹⁷.

Обратимся к социальным (социологическим) аспектам проблемы нанообщества. Давыдов, применяя для его анализа системный подход, пишет, что «нанообщество – это тип биосоциотехнической системы, состоящей из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе нанотехнологий, целью которой является реализация

¹⁹⁴ Рыбалкина М.А. Нанотехнология для всех. М., 2005; Давыдов А.А. Системная социология. М., 2006; Давыдов А.А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования. 2007. № 3.

¹⁹⁵ Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 336.

¹⁹⁶ Рыбалкина М.А. Нанотехнология для всех. М., 2005.

¹⁹⁷ Давыдов А.А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 120.

экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов и социологических алгоритмов, действующих в определенных границах»¹⁹⁸.

Переход к нанообществу существенно изменит характер производства, науки, образования и профессиональную структуру общества. Понадобятся не только производственные нанотехнологии, но и новые технологии образования, основанные на интеграции знаний в области физики, химии, молекулярной биологии, техники. Самой востребованной станет профессия нанотехнолога. Усилится международное сотрудничество, направленное на обмен научными результатами в области разработки и внедрения нанотехнологий.

Нанотехнологии несут с собой как глубокие социальные изменения преимущественно позитивной направленности, так и определенные социальные угрозы. По мнению Давыдова, «развитие нанотехнологий увеличит индивидуализм, поскольку если в информационном обществе доминировал «Свободный Человек с компьютером», то в нанообществе будет доминировать «Свободный Человек с нанотехнологией», индивидуальные возможности которого резко увеличатся. Рост индивидуализма «Свободного Человека с нанотехнологией», наличие злонамеренных индивидов или небольших групп индивидов с соответствующими знаниями в области нанотехнологий могут привести к резкому росту глобальной угрозы человечеству»¹⁹⁹.

Не будет большим преувеличением утверждение о том, что еще ни один тип общества не был так жестко связан с развитием новых наук и технологий, как – в перспективе – нанообщество. Эта связь и зависимость от них касается и производства, и потребления, и образования, и характера деятельности, и продолжительности жизни, и демографических процессов, и социальных отношений, и личности. Пожалуй, нет ни одной стороны общественной и индивидуальной жизни, которая не испытает на себе грядущего влияния нанотехнологий. В этом плане можно с полным основанием утверждать (соглашаясь с Давыдовым), что предстоящие в обозримом будущем (а это XXI век, и даже не конец столетия, а скорее его середина) трансформации будут иметь системный характер.

Они коснутся не только развитых стран, но и России. Те экономические и политические преобразования, которые происходили в нашей стране в конце прошлого столетия – начале нынешнего, вряд ли пойдут в сравнение с кардинальными, поистине революционными изменениями, которые будут вызваны новой всемирной научно-технологической революцией

В изменяющихся условиях осмысления возможностей, которые несет с собой переход к нанообществу, ведущие страны мира принимают национальные программы развития нанотехнологий, на осуществление которых предполагается затратить фантастические средства. Россия не может позволить себе значительного отставания в этой области соревнования с развитыми странами, подобно имеющемуся по ряду характеристик информационного общества. Если использовать понятийный аппарат теории мир-системного анализа Валлерстайна (о ней шла речь чуть выше), то место в полупериферии, которое мы сейчас занимаем в мире по промышленному, научно-техническому и информационному уровню, может оказаться еще ниже – в периферии международного сообщества. Что же касается приближения к «ядру» миросистемы, к «клубу избранных», то об этом просто придется надолго забыть.

Известно, что в нашей стране уже принята Федеральная целевая программа «Развитие нанотехнологий в России». Сделан только первый шаг в важном направлении. Второй шаг – мощное ее финансирование, подбор необходимых научных кадров (вплоть до создания самых благоприятных условий для возвращения из-за рубежа «утекших мозгов»), контроль за целевым использованием средств, антикоррупционные действия соответствующего характера. Только в таком случае страна может рассчитывать на грядущие успехи. Пока же уже имеет место значительное (и, к сожалению, традиционное для многих новых технологий) отставание России от развитых стран мира в создании и освоении нанотехнологий.

Как было показано, теория нанообщества имеет не только ярко выраженный прогностический, но и постпозитивистский характер. Выход на социальные параметры будущих обществ ставится в прямую зависимость от их научно-технологических характеристик. Не является ли такая теория общества разновидностью технологического детерминизма и не вульгаризирует ли она сложные социальные процессы? Такой вопрос предполагает отчасти утвердительный ответ на него.

Но нельзя не учитывать того обстоятельства, что общество сегодня становится более системным, чем вчера. Следовательно, имеет место тенденция такого его развития, при котором отдельные структуры и элементы социальной системы оказываются связанными друг с другом все более плотно. Подобное положение дел рождает новые формы глубокой зависимости одних элементов от других. Теория нанообщества своим становлением как раз и подтверждает эту тенденцию.

¹⁹⁸ Там же. С. 120 – 121.

¹⁹⁹ Там же. С. 122.

Завершая разговор о постклассической метапарадигме в социологии, отметим, что наиболее типичными и характерными для многих ее теорий являются: во-первых, анализ в качестве центральной категории социологии общества; во-вторых, макросоциологическая характеристика социальных явлений, процессов и проблем общества; в-третьих, использование в качестве превалирующего системного подхода; в-четвертых, достаточная тесная связь с новым естественнонаучным знанием, техническими и технологическими открытиями и достижениями в мировом сообществе, что позволяет рассматривать некоторые постклассические теории как разновидность постпозитивистских.

Вопросы и задания

1. Что представляет собой постклассическая социология? Дайте ее общую характеристику.
2. Охарактеризуйте теорию систем Н. Лумана. Почему проблема общества является в ней центральной?
3. Что нового в развитие системного подхода к обществу внесла теория мир-системного анализа И. Валлерстайна? Проанализируйте позицию ученого. Со всеми ли ее положениями вы согласны? Аргументируйте свой ответ.
4. Какие социологические концепции глобализации вам известны? Расскажите о них подробно.
5. Почему проблематика глобализации является на протяжении последнего времени доминирующей в теоретической социологии?
6. Что такое сетевая теория общества? Охарактеризуйте концепцию сетевого общества М. Кастельса.
7. С чем связано появление социологической теории nanoобщества? В чем ее существо?
8. Какую роль в развитии теоретической социологии играет постклассическая парадигма? Постарайтесь обосновать свой ответ на конкретном материале анализа творчества представителей этой парадигмы.

Литература

- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2004.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М., 2003.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону, 1999.
- Гидденс Э. Социология. М., 2005.
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
- Давыдов А.А. Системная социология. М., 2006.
- Давыдов А.А. В преддверии nanoобщества // Социологические исследования. 2007. № 3.
- Давыдов А.А. Системная социология: введение в анализ динамики социума. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- История теоретической социологии: В 4 т. СПб., 2000. Т. 4.
- Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- Луман Н. Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М., 1999.
- Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Рыбалкина М.А. Нанотехнология для всех. М., 2005.
- Социологические размышления: Интервью с проф. Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.

ИНТЕГРАТИВНАЯ (ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ) ПАРАДИГМА

§ 1. Классификация и общая характеристика интегративных теорий

§ 2. Американские интегративные модели

§ 3. Теория структуризации

- 3.1. Общая характеристика творчества Э. Гидденса
- 3.2. Основные положения и понятия теории структуризации
- 3.3. Дуальность структуры

§ 4. Теории социального пространства, поля и габитуса

- 4.1. Общая характеристика творчества П. Бурдьё
- 4.2. Основные положения теории социального пространства
- 4.3. Основные положения концепции габитуса

§ 5. Деятельностно-активистские теории

- 5.1. Теория А. Турена
- 5.2. Теория П. Штомпки

§ 1. КЛАССИФИКАЦИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕГРАТИВНЫХ ТЕОРИЙ

В этой главе мы остановимся на тех теориях, которые возникли и развивались в конце XX – начале XXI в. Именно их мы относим к той парадигме, которая является одной из двух базовых (наряду с постмодернистской) в структуре последнего (часто называемого «постнеклассическим») периода современного этапа развития социологии. Однако это вовсе не означает, что ранее, до 1980-х гг., в социологии не было предпринято никаких шагов в направлении к созданию интегративных теорий.

Появление первых интегративных теорий в социологии связано, прежде всего, с творчеством П. Сорокина. Однако его взгляды имели иной характер и иную направленность в сравнении с теориями более поздними. В последних четко прослеживается линия на преодоление различий между объективным и субъективным, структурой и действием, макро- и микропозициями и создание на этой основе новых, интегральных и объединительных теорий. У Сорокина же объединительные устремления касались другой проблематики.

Вообще следует отметить, что идея интегрализма проходит красной нитью сквозь всю социологию Сорокина. По сути, она оказалась сквозной для всего творчества ученого, коснувшись различных социальных субъектов, процессов и структур. Наиболее ярко она проявилась, пожалуй, в анализе личности и общества. «Новая интегральная теория личности, – писал Сорокин, – не отрицает, что человек является животным организмом, наделенным «бессознательным», рефлексивно-инстинктивным механизмом тела, но она подчеркивает, что, помимо этой формы бытия, человек является сознательным, рациональным мыслителем и сверх-сознательным творцом или духом»²⁰⁰.

Человек интегрален, считал социолог, прежде всего по своей природе, которая складывается под комплексным влиянием ряда факторов космического, биологического, психологического, социокультурного характера. Для получения истины, являющейся главной целью деятельности человека, он пользуется тремя основными каналами – чувствами, разумом, интуицией. В результа-

²⁰⁰ Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1993. С. 143.

те их интегрального использования знание о мире человека становится полным. Прочитав в этой связи самого Сорокина: «Истина, полученная с помощью интегрального использования всех трех каналов познания – чувства, разума и интуиции – это более полная и более ценная истина, нежели та, которая получена через один из этих каналов. История человеческого знания – это кладбище, заполненное неправильными эмпирическими наблюдениями, неправильными рассуждениями и псевдоинтуициями. При интегральном использовании этих трех каналов познания они дополняют друг друга и контролируют»²⁰¹.

Говоря о теории интегрального типа общества Сорокина, следует отметить, что в ней он стремился представить свой вариант будущего. В 1960-х гг. в ряду концепций конвергенции (сближения, соединения обществ и стран с различным социальным строем) она занимала одно из центральных мест благодаря реалистическому подходу к пониманию взаимосвязи различных организаций и систем общественной жизни и необходимости использования лучших достижений каждой из них в интересах человечества. В отечественной литературе 1960 – 1970-х гг. эта теория подвергалась критике, подчас огульной и необоснованной. Между тем, ряд положений, касающихся действительных завоеваний человеческого общества, отражал реализм подхода Сорокина. Это, в частности, касалось плюрализма форм собственности и политической структуры, стимулирования труда и экономической дисциплины, отношений с другими странами и способов планирования и т. д. Доказательством концептуальной значимости этих идей Сорокина является то, что человечество, пусть трудно, медленно, мучительно, но все же продвигается по пути интеграции.

Теперь обратимся к современным интегральным концепциям. Но, прежде чем рассматривать ряд конкретных теорий в рамках интегративной парадигмы, дадим их классификацию и самую общую характеристику. Дж. Ритцер считает, что 1980 – 1990-е гг. определяются наличием четырех широких движений, характеризующих современную теоретическую социологию. Это: 1) интеграция микро- и макросоциологии; 2) интеграция теорий структуры и действия; 3) теоретический синтез; 4) развитие метасоциологии²⁰².

Первое движение означает интеграцию существующих парадигм (теорий конфликта, обмена, этнометодологии, символического интеракционизма, структурного функционализма и др.) на четырех уровнях анализа: макрообъективности, макросубъективности, микрообъективности, микросубъективности. Однако оно не имеет пока завершенного характера, и потребуются еще немало усилий на пути достижения реального единства макро- и микросоциологии.

Второе движение, в отличие от первого, характерного больше для США, развивалось, параллельно с ним, в Европе. Интерес к интеграции теорий социального действия и структуры был особенно характерен для британских социологов М. Арчер и Э. Гидденса, польского социолога П. Штомпки, немецкого социолога Ю. Хабермаса, французского – П. Бурдьё. Первая попытка здесь принадлежала Э. Гидденсу и была связана с его известной теорией структурации, в которой провозглашалась «дуальность» структуры и действия, что означало преодоление их параллельного анализа и стремление включить на концептуальном уровне действие в структуру, а структуру – в действие.

Третье движение базируется на выявлении большого количества попыток теоретического синтеза, но многие из них не ведут к развитию общей социологической теории, которая охватила бы все концепции (например, стремление синтезировать структурный функционализм с символическим интеракционизмом). Ряд попыток касается синтеза идей старой, классической и неоклассической социологии (к примеру, соединение идей Г. Зиммеля и Т. Парсонса). Все сколько-нибудь значимые и распространенные как в прошлом, так и в настоящем теории подвергаются синтезу, при этом в различных комбинациях. Более того, теоретический синтез выходит за пределы социологии и начинает распространяться на другие дисциплины (например, на социологию с историей, биологией, экономикой и т. д.).

Наконец, четвертое широкое движение в теоретической социологии связано с развитием метатеорий. Здесь главным является анализ в качестве предмета исследования самих теорий, существующих в социологии. Это теории модернизации, «общества риска», постмодернизма и др. Интерес к метатеоретической проблематике – это по существу интерес к систематическому изучению социологической теории, ее структуры (Э. Гоулднер, Дж. Ритцер, Р. Фридрихс).

Изложенный выше взгляд Ритцера на процессы, происходящие в западной теоретической социологии, не является, разумеется, единственным. Многие из крупных зарубежных социологов имеют на них свою точку зрения. Среди этих ученых – Дж. Александер, М. Арчер, Э. Гидденс, Н. Смелзер, А. Турэн, П. Штомпка и др.

Однако важно и полезно рассмотреть движения и тенденции развития западной теоретической социологии, повороты и изменения в ней, определяемые и описываемые не только ее непосредственными представителями, но и «со стороны». В этом отношении представляет значитель-

²⁰¹ Сорокин П. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134.

²⁰² Ritzer G. Classical Sociological Theory. N.Y., 1996. P. 76 – 81.

ный интерес позиция одного из ведущих отечественных социологов В.А. Ядова. Он полагает, что, во-первых, в новейших исследованиях теоретической социологии происходит переосмысление масштабов социального пространства в направлении его глобализации²⁰³.

Во-вторых, в соответствии с позицией Ядова, другим важным поворотом теоретической мысли является перенос центра внимания с изучения социальных структур на социальные процессы. Само общество «представляется уже не столько в качестве объекта (группы, организации и т. д.), но как своего рода «поле возможностей» социальных субъектов для проявления их деятельной активности. Ключевой единицей анализа становится то, что можно назвать «событием», действием социальных агентов. Последствия этих действий жестко не заданы, многовариантны»²⁰⁴.

Говоря об объединительных движениях, можно четко выделить две их большие группы. Одна из них связана с интеграцией макро- и микропозиций, другая – с синтезом действия и структуры. Временное поле этих интегративных процессов совпадает, по существу оно единое, общее (1980 – 1990-е гг.), зато пространственное различается. Первая группа объединительных теорий и движений оказалась характерной преимущественно для США, вторая – для Европы. Но это – лишь тенденция, поскольку и на том, и на другом континенте имелись социологи, работавшие в рамках различных по характеру интегративных теорий.

Несмотря на определенные расхождения в проблематике, характере и направленности интегративных теорий в различных регионах и странах, существует целый ряд общих черт, которые позволяют говорить о существовании особой, интегративной парадигмы. В первую очередь, следует сказать о стремлении большой группы теоретиков к преодолению различий между объективным и субъективным, макросоциологическим и микросоциологическим, в целом макро- и микропозициями, структурализмом (равно как и функционализмом) и конструктивизмом, структурой и действием, системой и жизненным миром, культурой и деятельностью. Это стремление вызвано растущим пониманием ограниченности каждой из сторон в тех случаях, когда они рассматриваются вне своей пары (объективность без субъективности, структура без действия, макросоциологическое без микросоциологического и т. д.).

Сходство всех интегративных теорий обусловлено совпадающим (или почти совпадающим) категориальным рядом, в котором ведущие позиции занимают ключевые понятия практики, агента, актора, структуры, действия, объективного, субъективного, макро-, микро-, поля, капитала, социального пространства, социального времени, габитуса, системы, культуры, жизненного мира, коммуникации, ресурсов и др. При этом в каждое из названных узловых понятий в ряде случаев может вноситься разный смысл.

Еще одна общая черта всех теорий, относимых к разряду интегративных, заключается в стремлении преодолеть противостояние парадигм и концепций, созданных в первой половине и середине XX в. и относящихся, в основном, к структурной и гуманистической (интерпретативной) парадигмам. В теориях конца XX – начала XXI в. отчетливо видны попытки к интеграции классических, неоклассических, постклассических и неклассических идей в социологии.

§ 2. АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕГРАТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Выше шла речь о двух больших группах объединительных движений в социологии. Вначале охарактеризуем первую из них, которую в литературе традиционно связывают с американскими интегративными моделями. Рассматривая данную группу теорий (объединительных движений), приведем позицию Ритцера на этот счет: «Существуют два главных направления работ, связанных с проблемой интеграции полярных подходов. Отдельные ученые стремятся к соединению микро- и макротеорий, тогда как другие разрабатывают теорию, предметом которой является взаимосвязь микро- и макроуровней ... социального анализа»²⁰⁵.

Сам Ритцер считает, что проблему взаимосвязи микро- и макроуровней нельзя рассматривать в отрыве от объективно-субъективного континуума, поскольку все социальные явления как

²⁰³ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 1998. С. 23.

²⁰⁴ Там же. С. 25.

²⁰⁵ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 419.

микро-, так и макропорядка объективны или субъективны. Анализируя различные виды связей в рамках четырех уровней социального анализа, американский социолог приводит примеры таких связей. Так, к макрообъективному уровню социального анализа он относит масштабные материальные явления, такие как общество, закон, бюрократия, к макросубъективному – масштабные нематериальные явления (культура, нормы и ценности), к микрообъективному уровню – модели поведения, действия и взаимодействия, к микросубъективному – восприятия, убеждения, различные грани социального конструирования реальности²⁰⁶.

Что конкретно дают такие схемы (модели)? Они позволяют, к примеру, рассматривать соотношение микроуровневых личных и макроуровневых общественных проблем в ходе анализа определенных социальных ситуаций. При этом личные проблемы, считает американский социолог, влияют на индивида и его непосредственное окружение, общественные же проблемы затрагивают интересы больших групп людей и общество в целом. По существу такие модели позволяют ставить вопрос о том, когда и при каких условиях личные микроуровневые проблемы могут превратиться в общественные макроуровневые.

Обратимся, в этой связи, к примеру, приводимому Дж. Ритцером²⁰⁷. Он затрагивает лишь один факт, но весьма показательный (в том числе для нашей страны): избиение мужем жены. В этом случае проблемы возникают, прежде всего, у самой супруги и ближайших членов семьи. Но это не общезначимая проблема – до тех пор, пока она не затронет интересы большой массы населения, скажем, в виде протестных выступлений за отмену брака как социального института в результате массовых избиений женщин.

Еще одна модель интегративного характера, близкая к рассмотренной у Ритцера, предложена известным американским социологом Дж. Александером. Он называет эту модель и в целом свою социологию многомерной, положив в ее основу две взаимосвязанные проблемы – порядка и действия²⁰⁸. Действие рассматривается в материалистически-идеалистическом континууме (что соответствует объективно-субъективному континууму у Ритцера), а порядок – в континууме коллективно-индивидуального уровня (у Ритцера это макро- и микроуровень). Основное отличие между позициями американских социологов состоит в том, что Ритцер анализирует диалектическую взаимосвязь между различными уровнями модели, тогда как Александер акцентирует внимание на одном уровне. Отвергая микроуровневые подходы (он считает их теоретической ошибкой) и не соглашаясь с коллективно-инструментальными теориями, американский социолог подчеркивает особую роль коллективно-нормативного уровня.

В американской социологии есть еще целый ряд моделей интегративного плана, например, модель взаимосвязей микро- и макроуровней Дж. Коулмена, модель микрооснований макросоциологии, принадлежащая Р. Коллинзу и др. Коротко остановимся на последней.

Коллинз охарактеризовал свою модель как «радикальную микросоциологию». Суть ее сводится к тому, чтобы рассматривать макросоциальные явления исключительно на основе микровзаимодействий. Подчеркивая взаимосвязь между макро- и микроструктурами и ее интегративный характер, он, тем не менее, полагал, что в ней ведущую роль играют микроструктуры, представленные, прежде всего, действиями людей. По Коллинзу, только они способны сделать что-либо реальное, поскольку ни структуры, ни организации, ни классы, ни общества никогда ничего не делают. Делают люди. Поэтому причины тех или иных процессов нужно искать, в первую очередь, в действиях конкретных людей, на основе которых и объяснять макросоциальные явления. По существу здесь мы имеем дело со своеобразным редукционизмом – сведением макросоциального к микросоциальному.

В основе концепции Коллинза лежит идея «ритуальных цепочек взаимодействия». Главное, по его мнению, это социальные ритуалы, которые продуцируют и чувства, и действия людей²⁰⁹. Ритуалы – это строго детерминированное поведение, это процедуры, посредством которых люди вводят себя в мир наиболее значимых вещей. Коллинз предлагает общую модель социальных ритуалов²¹⁰, которые выступают как базовое начало интеграции макро- и микровзаимодействий. Особое внимание он уделяет ритуалам в сфере религии, поскольку в ней «цепочки взаимодействия» охватывают как микро-, так и макроструктуры в их единстве. Такой же подход характерен для Коллинза в его анализе ритуалов взаимодействия в повседневной жизни²¹¹. Создавая теорию социальных ритуалов, американский социолог стремился к поиску механизма сближения и интеграции макро- и микросоциальных явлений и процессов.

²⁰⁶ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 420.

²⁰⁷ Там же. С. 421.

²⁰⁸ Alexander J. The Micro-Macro Link. Berkeley, 1987.

²⁰⁹ Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Бергер П.Л., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно ориентированная социология. М., 2004. С. 430.

²¹⁰ Там же. С. 443 – 448.

²¹¹ Там же. С. 455 – 460.

В целом можно сделать вывод о том, что наличие многих интегративных моделей социологического анализа лишний раз говорит о большом интересе современной американской социологии к проблеме интеграции разных уровней знания и исследования.

Что касается европейских социологов, проявивших интерес к созданию таких интегративных (соотнесение микро- и макроуровней) моделей (назовем их моделями американского образца), то наиболее яркой фигурой среди них является немецкий социолог Н. Элиас²¹². Создавая так называемую фигурационную социологию, он обратил внимание на социальные процессы, в которых люди «сплетены» друг с другом (эти взаимоотношения он назвал фигурациями). Понятие фигурации имеет универсальный характер с точки зрения его применимости как на микро-, так и на макроуровне. Элиас волновал вопрос о том, как и почему люди соединяются и объединяются, образуя особые динамические фигурации. При этом он рассматривал как макроуровневые, так и микроуровневые проблемы (манеры, поведение людей за столом, естественные отправления, сморкание, сексуальные отношения, вежливость), которые касались создания и удлинения цепочек взаимозависимостей между людьми и их группами, особенно в отношениях с властью.

§ 3. ТЕОРИЯ СТРУКТУРАЦИИ

Одна из наиболее развитых интегративных концепций, возникшая в европейской, точнее говоря, британской социологии – теория структуризации. Ее авторами являются М. Арчер и Э. Гидденс. Поскольку в наиболее разработанном виде эта теория представлена в работах Гидденса, остановимся подробнее на его идеях. Предварительно дадим самую общую характеристику его творчества.

3.1. Общая характеристика творчества Э. Гидденса

Энтони Гидденс (род. в 1938 г.), профессор Кэмбриджского университета, член Совета его Королевского колледжа, является одним из наиболее известных и авторитетных современных социологов. Многочисленные работы ученого свидетельствуют о его широких научных интересах в области социальной теории. В первую очередь следует отметить его труды, связанные с интерпретацией классической социологической теории. Это: «Капитализм и современная социальная теория» (1971), «Политика и социология в учении Макса Вебера» (1972), «Эмиль Дюркгейм» (1978). Главным направлением в творчестве Гидденса на протяжении многих лет была и остается разработка теорий социального действия, социальной организации, социальной структуры и социальных институтов. Проблемам этих теорий были посвящены такие его работы, как «Новые правила социологического метода» (1976), «Изучение социальной и политической теории» (1977), «Центральные проблемы социальной теории» (1979), «Контур и критика в социальной теории» (1983), «Конституирование общества: очерк теории структуризации» (1984).

В 1980-х гг. Гидденс начал интенсивную критику теоретической ограниченности исторического материализма («Современная критика исторического материализма», 1981). В последние два десятилетия английский социолог ратует за интеграцию социологии с другими науками, разрабатывающими проблемы государства и права, социальных конфликтов и глобализации, модернизма и постмодернизма (начало этим объединительным идеям было положено в книге «Национальное государство и насилие», 1985). Большое внимание он уделяет анализу понятия современности и ее актуальных проблем («Последствия современности», 1990; «Современность и самоидентичность», 1991).

²¹² Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

Энтони Гидденс
Anthony Giddens
(18 января 1938)

Особое место в творчестве ученого занимает написание учебников по социологии (1982, 1989, 1991, 1993), которые по справедливости считаются одними из лучших в мире. На русский язык его учебники были переведены дважды: первый раз в виде реферированного издания²¹³, второй раз – в полном варианте²¹⁴.

Специально следует сказать о новом учебнике Гидденса, изданном в Оксфорде в 2001 г. Его можно смело назвать учебником нового поколения. Будучи по объему намного меньше прежних (428 страниц вместо 815 страниц учебника 1989 г.), информационно он значительно более емкий за счет обращения к Интернету и использованию его ресурсов. Учебник сопровождается веб-сайтом, обеспечивающим его информационную поддержку. В книге отражены все серьезные социальные, политические и экономические преобразования, произошедшие в мире в конце XX в.

3.2. Основные положения и понятия теории структуриации

Главным концептуальным достижением Гидденса стала теория структуриации. Основные положения этой теории были изложены им в работе 1984 г. «Конституирование общества: очерк теории структуриации»²¹⁵ и развиты в последующих трудах конца 1980 – 1990-х гг. В этой теории ученый ставит задачу преодолеть ограниченность предшествующей ортодоксальной социологии. Последняя объясняла человеческое действие внешними социальными причинами (например, по Дюркгейму, та или иная структура общества является внешней по отношению к индивиду и принуждает его к определенному поведению).

Между тем, природу действия необходимо понимать, считает Гидденс, на основании знания подлинных внутренних побуждений самого действия, его структуры, которая является не только «принуждающим», но и «внутренним» фактором, дающим индивиду определенные возможности. Действие рассматривается ученым сквозь призму его рекурсивного характера, т. е. как воспроизводство условий, которые делают возможной деятельность социальных агентов. При этом действие характеризуется как непрерывный процесс мышления и поведения, как *durée* (французский термин, означающий процесс, длящийся во времени).

По мнению социолога, и объективно, и субъективно структура и действие не могут существовать отдельно друг от друга. В то же время в социологической науке их изучение оказалось разобщенным. Анализ взаимосвязи структуры и действия стал центральной задачей теории структуриации. Она оказалась направленной на осмысление процесса воспроизводства социальных систем через совокупность социальных практик, взаимодействующих структур и действий в пространстве и времени.

²¹³ Гидденс Э. Социология: учебник 90-х гг. / Науч. ред. Л.Н. Коган, Г.Е. Зборовский. Челябинск, 1991.

²¹⁴ Гидденс Э. Социология / Науч. ред. В.А. Ядов. М., 1999. В последующие годы (2001, 2003, 2005, 2009) публиковались обновленные издания учебника.

²¹⁵ Перевод на русский язык главы из этой книги см.: Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Харбермас. Новосибирск, 1995. С. 40 – 72; Пер. всей книги: Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М., 2003.

Эта теория призвана, считает Гидденс, преодолеть разногласия, существующие между, с одной стороны, функционализмом и структурализмом, с другой – различными формами интерпретативной социологии. Если в первых двух приоритет в объяснении общества и человеческого поведения отдан трактовке понятия структуры, и при этом они склонны к объективизму, то интерпретативные концепции обнаруживают заметное стремление к преимущественному анализу действий и значений, подчеркивая при этом доминанту субъективного.

С учетом сформулированной цели теории структуриации – преодолеть указанные выше разногласия – предметом социальных наук, по Гидденсу, является анализ социальных практик, упорядоченных в пространстве и во времени. Поскольку социальная деятельность оказывается повторяющейся и постоянно воспроизводится социальными агентами (действующими субъектами), постольку сами практики становятся преемственными, что предполагает их рефлексивность. Человеческие практики становятся аналитической точкой отсчета для социолога. Именно через них создаются и сознание, и структура. На этом положении базируется теория структуриации.

В связи со сказанным необходимо отметить, что Гидденс различает два вида сознания, один из которых он называет дискурсивным, а второй – практическим. Дискурсивное сознание – это способность описывать наши действия словами. Практическое сознание подразумевает действия, которые акторы не могут выразить словами, но при этом они (действия) воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Этот вид сознания имеет особое значение в теории структуриации, поскольку отражает, в первую очередь, интерес не к тому, что говорится, а к тому, что делается.

Одним из центральных понятий этой теории является понятие агента (социального агента), которое ученый раскрывает через описание его стратификационной модели. Она включает в себя три уровня: мотивацию действия, его рационализацию и рефлексивный мониторинг действия²¹⁶. Уровень мотивации рассматривается социологом как потенциал действия, как те желания (осознанные и неосознанные), которые побуждают агента к действию. Рационализация действия – это способность индивида рутинно и без особой суеты поддерживать понимание оснований своей деятельности. Это развитие повседневных, рутинных практик, которые дают акторам не только ощущение безопасности, но и позволяют эффективно действовать в социальной жизни. Рефлексивный мониторинг действия характеризуется Гидденсом как непрерывное отслеживание индивидом своих действий, действий других людей, а также существующих и складывающихся условий действия.

Для чего социологу понадобилась эта трехуровневая модель социального агента? Вероятно, прежде всего, для того, чтобы показать процессуальный характер самого действия и его структуры, без чего создать конструкцию теории структуриации было бы нельзя. По существу Гидденс применяет в исследовании действия и структуры три взаимосвязанных подхода – исторический, процессуальный и динамический.

В связи со сказанным нужно иметь в виду, что сам термин «структуриация» направлен на выявление потенциала понятия «структура» как категории динамической (в отличие от традиционной статической ее трактовки). Рассматривая понятие структуры, Гидденс стремится показать его богатые возможности, выходящие далеко за пределы традиционного использования этого понятия, причем применительно к определенным институционализированным явлениям (структура общества, классовая структура, социальная структура и т. д.). Одна из таких новых возможностей – характеристика структуры как порядка воспроизводства социальных практик во времени и пространстве.

Поскольку социальные практики очень многообразны (в одной и той же стране в разные периоды ее развития, в разных странах), постольку возникает проблема их упорядочения. Именно это и делают люди как социальные агенты (активные социальные деятели) благодаря своим действиям. Другими словами, их действия производят структуры – не как какие-то застывшие институциональные образования, а как живые, постоянно изменяющиеся социальные практики. Структура в этом случае выступает как образец социальных отношений, существующий в данном времени и в данном пространстве.

Рассматривая понятие структуры в самых различных социальных концепциях (структурализма, функционализма, постструктурализма), социолог приходит к выводу о необходимости иного его толкования. Он считает, что структура в социальном анализе «относится к структурирующим качествам, позволяющим «связывать» время и пространство в социальных системах, качествам, которые обуславливают существование более или менее одинаковых социальных практик во времени и пространстве и которые придают им «систематическую» форму»²¹⁷.

С учетом такого подхода к структуре Гидденс рассматривает структурные качества как иерархически организованные, в терминах пространственно-временной протяженности практик, которые они периодически организуют. Отсюда следует его рассуждение, ведущее от трактовки структуры через ее пространственно-временные характеристики и качества, а также практики, воз-

²¹⁶ Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 43 – 51.

²¹⁷ Там же. С. 53 – 54.

никающие в процессе социального воспроизводства, к новому осмыслению (или переосмыслению) того, что представляют собой социальные институты. В этой связи социолог пишет: «Наиболее глубокие структурные качества, присутствующие в воспроизводстве социетальных тотальностей, я называю структурными принципами. Практики, имеющие наибольшую пространственно-временную протяженность в рамках таких тотальностей, можно назвать институтами»²¹⁸.

Новое понимание структуры понадобилось Гидденсу для того, чтобы преодолеть ее ортодоксальное социологическое употребление. Но при этом он не настаивает на отказе от традиционных трактовок данного термина, поскольку без них могут быть утеряны некие общие институциональные черты общества.

3.3. Дуальность структуры

В теории структурирования ключевым является положение о дуальности структуры как взаимосвязи структуры и действия. В несколько упрощенной формуле эта дуальность может быть выражена так: действие структурно (структурировано), структура «действительна». Социолог считает, что «строение агентов и структур нельзя представлять как два независимо заданных ряда явлений, т. е. как дуализм. Это дуальность»²¹⁹.

Гидденс в определенном смысле слова противопоставляет дуальность и дуализм. Взамен последнего, предполагающего параллельность и даже оппозицию существования социального и индивидуального, ученый вводит понятие дуальности как их взаимосвязи. Именно так вместо дуализма «общество – индивид» появляется дуальность «структура – агентность». Она предполагает, что структура реализует себя через социальные действия агентов, сами же действия имеют социально-структурированный характер.

Раскрывая дуальность структуры, основанной на повторяющемся характере человеческой деятельности, связанной с социальным воспроизводством, Гидденс подчеркивает, что «структурные качества социальных систем являются как средством, так и результатом практик, которые они регулярно организуют»²²⁰. Дуальность означает также наличие своеобразных «отпечатков» социальной практики в памяти индивидов, осмысления собственных социальных возможностей и возможностей других людей.

Идея не только теоретической, но и эмпирической взаимозависимости структуры и действия нашла отражение также в работах 1980-х гг. Арчер, в частности, в ее теории взаимозависимости деятельности и культуры (что очень близко, или почти совпадает с действием и структурой). Сама Арчер критикует приверженность Гидденса положению о дуальности структуры и действия, предпочитая говорить об их дуализме, что нашло отражение в ее идее социокультурного взаимодействия как отношения между культурными агентами. Как верно отмечает в своем анализе концепции Арчер Ритцер, «взаимосвязь между культурной обусловленностью и социокультурным взаимодействием представляет собой вариант вопроса о структуре / действии (в области культуры)»²²¹.

Арчер стремится выяснить, как культурная система вторгается в социокультурное действие, как агенты реагируют на воздействие культурной системы и сами на нее влияют. Ее центральная идея сформулирована предельно лаконично и понятно: «Культура есть продукт человеческой деятельности, но в то же время в нее встроена любая форма социального взаимодействия»²²². Как видно, идея структурирования культуры и деятельности в социологическом анализе выражена достаточно четко.

Вернемся, однако, к разработке этой идеи Гидденсом. Рассматривая предпосылки теории структурирования и ее «дуалистический» характер, английский социолог утверждает: одна из главных среди них заключается в том, что «правила и ресурсы, вовлеченные в производство и воспроизводство социального действия, в то же самое время являются средствами системного воспроизводства (дуальность структуры)»²²³. Отсюда – проблема правил и ресурсов как двух видов структур в социальной жизни.

²¹⁸ Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 54.

²¹⁹ Там же. С. 61.

²²⁰ Там же.

²²¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 455.

²²² Archer M. Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge, 1988. P. 77 – 78.

²²³ Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 52.

К правилам относятся те процедуры, которым люди должны следовать в жизни, благодаря чему они участвуют в повседневных социальных практиках. «Правила, как я их понимаю, – пишет Гидденс, – обязательно вторгаются в бесчисленные рутинные практики, но рутинная практика как таковая сама по себе не является правилом»²²⁴. Как и правила, ресурсы возникают также в ходе деятельности людей, «это средства, с помощью которых исполняется власть, рутинная составляющая осуществления поведения в социальном воспроизводстве»²²⁵.

Английский социолог рассматривает правила и ресурсы, относящиеся к институтам, как самые важные аспекты структуры. Сами же институты определяются им как «наиболее стабильные черты социальной жизни». Говоря о структурных качествах социальных систем, Гидденс имеет в виду, прежде всего, их институциональные черты, придающие «жесткость» во времени и пространстве²²⁶.

Ученый различает две категории ресурсов – аллокативные и авторитарные. Первые – это средства, обеспечивающие господство индивидов над материальными объектами, сюда можно отнести средства производства, сырье, произведенные товары. Авторитарные ресурсы означают средства, обеспечивающие индивидам управление деятельностью других. К ним можно отнести нематериальные ресурсы: организацию отношений между людьми, жизненные шансы людей, способность одних доминировать над другими и т. д. И аллокативные, и авторитарные ресурсы становятся реальными структурами только тогда, когда воспроизводятся в процессе взаимодействия между людьми. Сами по себе эти ресурсы структурами не являются.

В теории структурирования проявляется квинтэссенция подхода Гидденса к интегративности в социологии. Любое социальное явление, процесс, конкретную ситуацию он анализирует сквозь призму взаимосвязи социального и личностного. Можно сказать, что в этом – кредо автора. В социологии личностное начало вне социального контекста существовать не может. Они взаимосвязаны настолько, насколько не могут быть независимыми друг от друга.

При этом под социальным в теории структурирования понимаются и системы в обществе, и институты, хотя «ядром» выступают общественные структуры, проявляющиеся в действиях социальных акторов. Именно через взаимосвязь социальных действий и социальных структур в концепции Гидденса рассматривается теория общества. Благодаря такому подходу осуществляется попытка преодолеть односторонность объективистского и субъективистского рассмотрения социального и личностного в процессе анализа их взаимодействия.

Нельзя также забывать о том, что взаимосвязь социального и личностного получила в теории структурирования ранее не встречавшийся в социологических концепциях поворот. Речь идет о пространственно-временном аспекте их взаимодействия, который является едва ли не основным для объяснения структурных принципов организации, производства и воспроизводства социальных практик. Понимание того, что этот процесс осуществляется в условиях социально упорядоченного пространственно-временного континуума, является важной составляющей теории структурирования.

Время и пространство ученый считает самыми фундаментальными условиями социальных действий агентов и социальных практик. При этом пространство как социальная среда взаимодействия всегда включает в себя время, последнее же «осуществляется» в пространстве. Следовательно, в социальных действиях и практиках пространство оказывается всегда связанным со временем. Поэтому английский социолог постоянно использует термин (по формальной аналогии с теорией относительности) «пространство-время». Пространство оказывается важнейшим фактором координации социальных действий агентов во времени, время же детерминирует определенную пространственную организацию. Отсюда – идея «зонирования» общества и его конкретных структур (например, города, квартиры) в рамках упорядоченного пространственно-временного континуума.

Завершая рассмотрение теории структурирования, необходимо отметить, что она имеет интегративный характер, соединяя в анализе теории социального действия и социальной структуры, объективистские и субъективистские подходы, макро- и микроуровни, пространственные и временные параметры социальных действий, социальных практик и социальных институтов. При этом в теории структурирования социальные действия агентов, их совокупность рассматриваются в качестве социальной практики. Социология же, по мнению Гидденса, призвана объяснить производство и воспроизводство общества как результат социальных действий.

В чем теоретический (а отчасти и практический) пафос этой концепции? С одной стороны, в стремлении доказать активное начало как структуры, так и действия. Структура может влиять на человеческое поведение благодаря знанию правил и умению использовать ресурсы. Тем более что

²²⁴ Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 52.

²²⁵ Там же. С. 52.

²²⁶ Там же. С. 59.

в обществе всегда существует определенный запас знания, большое количество «общего знания» в отношении того, как поступать человеку, как вести себя в повседневной жизни. С другой стороны, теория структуризации стремится ответить на вопрос, как возможно существование общества, организованной общественной жизни. Выясняется, что основание социального порядка находится в повторяющемся характере социальной деятельности, ее связи с регулярными социальными практиками на базе взаимозависимости структуры и действия.

§ 4. ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА, ПОЛЯ И ГАБИТУСА

Выше было показано, что Гидденс в своей объединительной концепции шел от субъекта действия (актера, агента) к социальной структуре. В это же время его французский коллега Бурдьё осуществлял путь теоретического синтеза в противоположном направлении, двигаясь в своем теоретическом анализе от социальной структуры к активному субъекту действия (агенту).

4.1. Общая характеристика творчества П. Бурдьё

Пьер Бурдьё
Pierre Bourdieu
(1 августа 1930 – 23 января 2002)

Пьер Бурдьё (1930 – 2002) является одним из ведущих французских социологов последней трети XX в. Его первые социологические сочинения были написаны в алжирский период жизни и творчества. Это «Социология в Алжире» (1961) и «Труд и трудящиеся в Алжире» (1964). Переехав во Францию, Бурдьё стал директором-исследователем в Высшей практической исследовательской школе, а затем основал Центр европейской социологии. В 1981 г. он стал действительным членом Французской академии и получил почетный пост заведующего кафедрой социологии в Коллеж де Франс. Он также был главным редактором одного из ведущих социологических журналов Франции и директором книжного издательства.

Бурдьё написал 35 монографий и опубликовал сотни статей в самых серьезных социологических изданиях мира. Среди крупных работ – «Педагогическое отношение и коммуникация» (1965), «Ремесло социолога» (1968), «Воспроизводство» (1970), «Различие» (1980), «Практический смысл» (1980), «Говорящие вещи» (1987), «Ответы» (1992), «Нищета мира» (1993), «Практический разум. К теории действия» (1994), «Наука о науке и рефлексивности» (2001) и др. На русском языке издано несколько работ П. Бурдьё, в том числе «Социология политики» (1993) и «Начала» (1994), на которые в дальнейшем мы будем неоднократно ссылаться.

Круг научных интересов французского социолога был необыкновенно широк. Среди проблем, его волновавших, – социальное воспроизводство, социальное пространство, социальное поле, капитал, габитус, образование (особенно высшее), студенчество, эмигранты, безработные, рабочие, крестьяне, молодежь, государство, власть, политика, СМИ, литература, социальная наука и др. Он участвовал во многих социологических исследованиях и политических акциях, являя тем самым пример ученого, для которого теория и практика не отделены друг от друга «китайской стеной».

4.2. Основные положения теории социального пространства

Поставив в название раздела одну из теорий (социального пространства), созданных Бурдьё, мы должны осознавать, что она тесно связана с другими его теориями – социальное поле, габитуса, практики, капитала. Это тем более важно представлять, что в отечественной литературе, посвященной анализу его творчества, отдельные авторы в качестве его теорий рассматривают генетический структурализм, социологию символических форм, концепцию габитуса, концепцию поля и др. О них и центральных понятиях, положенных в их основу, далее также будет сказано. Выдвигая в качестве наиболее общей теорию социального пространства, мы таким путем стремимся рассмотреть сквозь ее призму все остальные концепты (понятия), характеризующие Бурдьё.

Понятие социального пространства является для французского ученого одним из ключевых в социологической науке, которая выступает в его трактовке как социальная топология. В самом общем виде социальное пространство у него «представляет собой совокупность агентов, наделенных различными и систематически взаимосвязанными свойствами...»²²⁷. Вместе с тем, социальное пространство – это связи и взаимодействия, которые устанавливаются между людьми (агентами) и социальными группами. По мнению социолога, «социальное пространство сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обусловленностям и имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а, следовательно, производить сходные практики»²²⁸.

Как и другие теоретические понятия, которые использует Бурдьё, категория социального пространства не является новой. Однако социолог вносит в «жизнь» этого понятия дополнительное «дыхание», соотнося социальное, физическое и географическое пространства. Хотя они тесно связаны и даже переплетены, но различаются между собой. «То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, – пишет Бурдьё, – является социально обозначенным и сконструированным. Физическое пространство не может мыслиться в таком своем качестве иначе, как через абстракцию (физическая география), т. е. игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии...»²²⁹.

Для французского социолога социальное пространство выступает изначально как абстрактное пространство. Конкретным оно становится тогда, когда конституируется ансамблем подпространств или полей. Социальное пространство включает в себя поля, выступающие как системы объективных связей между различными позициями (например, государство, церковь, политические партии, система образования и т. д.). Бурдьё выделяет самые различные поля: экономическое, политическое, религиозное и др. Эти поля представляют собой структурированные пространства позиций, определяющих основные свойства самих полей.

Изучая различные виды полей в структуре социального пространства, Бурдьё особое значение придает полю экономического производства. Он указывает: «В реальности социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, т. е. подчиненных в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своем функционировании и в своем изменении полю экономического производства: внутри каждого подпространства те, кто занимает доминирующую позицию и те, кто занимает подчиненную позицию, беспрестанно вовлечены в различного рода борьбу...»²³⁰.

²²⁷ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 195.

²²⁸ Там же. С. 188 – 189.

²²⁹ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 39 – 40.

²³⁰ Там же. С. 82.

Французский социолог рассматривает социальное пространство, прежде всего, как средство (или способ) реализации социальной дифференциации (деления), выступающей в качестве совокупности занимаемых агентами социальных позиций. Но оно есть в то же время и видение этой дифференциации (деления). Бурдьё пишет, что «можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов, таким образом, определяются по их относительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в классы, определенные по отношению к соседним позициям (т. е. в определенной области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположные области в пространстве, даже если мысленно это возможно»²³¹.

Структура социального пространства и подпространств – полей включает в себя четыре группы капитала: экономический, культурный, социальный и символический капитал. Экономический капитал – это ресурсы, имеющие экономическую природу (товары и деньги в первую очередь). Культурный капитал – это ресурсы, имеющие культурную природу (прежде всего, различные виды образования и культурный уровень индивидов). Социальный капитал – это ресурсы, связанные с принадлежностью к той или иной социальной общности (в основном, связи, которыми можно воспользоваться индивиду через ее членов). Символический капитал – это ресурсы, относящиеся к статусу, престижу и почету. Распределение различных видов капитала в обществе также характеризует его социальное пространство. Отсюда у Бурдьё следует постановка проблемы власти над капиталом, что означает то же самое, что и власть над социальным пространством.

Понятие социального пространства позволяет ему преодолеть, как он считает, односторонность объективизма и субъективизма, структурализма и конструктивизма, используя при этом все названные теоретические направления для объяснения социальных процессов и того, как происходит их восприятие. В работе «Социальное пространство и символическая власть» (в ее основе – текст лекции, прочитанной в 1986 г.) социолог подчеркивает, имея в виду преодоление односторонности объективизма и субъективизма, что объективные структуры, конструируемые социологом в процессе отстранения от субъективных представлений агентов, лежат в основе последних, но они должны быть усвоены в процессе повседневной борьбы, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур. В другой работе он пишет: «Социальное пространство ... вписано одновременно в объективность пространственных структур и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур»²³².

Для французского социолога противопоставление объективизма и субъективизма представляется ложным в своей основе, подобно тому, как ложной является «абсурдная вражда между обществом и индивидом». Поэтому самый основательный стимул своего творчества Бурдьё характеризовал как «преодоление оппозиции объективизм-субъективизм». Наиболее ярким воплощением объективизма он считал взгляды Дюркгейма, структурализм Соссюра и Леви-Стросса, марксизм, к последовательным проявлениям субъективизма относил феноменологию Шюца, символический интеракционизм Блумера, этнометодологию Гарфинкеля.

Что же касается второй пары – структурализма и конструктивизма и преодоления односторонности каждого из них, то здесь он также высказывается не менее определенно: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символическом, языке, мифах и т. п. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами, и что обычно называют социальными классами»²³³.

Уход от этих двух дилемм – «объективизм-субъективизм» и «структурализм-конструктивизм» – связан у Бурдьё с введением и активным использованием понятия практики. Практика для него – это все то, что связывает структуру и действие. Практики не обусловлены объективно, но они и не являются продуктом свободной воли. Чуть дальше мы несколько подробнее изложим взгляды Бурдьё на понятие практики. Сейчас же отметим, что в результате практики создается социальный мир, но через нее же создается и габитус.

²³¹ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 55 – 56.

²³² Там же. С. 38.

²³³ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 181 – 182.

4.3 Основные положения концепции габитуса

Читатель наверняка заметил, что мы назвали еще одно ключевое понятие, на основе которого у Бурдьё, как отмечалось выше, создается целая теоретическая концепция, – габитуса. Термин этот не нов, и, как отмечает сам социолог, неоднократно использовался до него Г. Гегелем, Э. Дюркгеймом, М. Вебером и другими мыслителями. Габитус – многозначное понятие. Во-первых, под ним понимаются «системы прочных приобретенных предрасположенностей (диспозиций)»²³⁴, которые производятся объективной структурированной социальной средой. Во-вторых, габитус – это «бесконечная способность для производства мыслей, восприятий, выражений и действий»²³⁵. В-третьих, габитус – это «продукт истории», который «производит индивидуальные и коллективные практики – опять историю – в соответствии со схемами, порождаемыми историей»²³⁶.

Что дает понятие габитуса в его социологическом истолковании? Использование этого понятия позволяет объяснить социальный мир, взятый как в его историческом, так и актуальном срезе, с точки зрения упорядоченности происходящих в нем процессов. Поскольку габитус – это система диспозиций, предрасположенностей, имеющих как индивидуальный, так и коллективный характер, постольку они как бы «накладываются» на социальные процессы, приводя их в сознании человека в порядок. Тогда габитус превращается в средство (механизм), управляющее, с одной стороны, поведением индивида, с другой – направленное на объективирование практик и упорядочение условий окружающей человека среды.

Габитус создает условия для проявления свободы выбора агента и, вместе с тем, ограничивает его субъективные устремления путем формирования барьеров, установления пределов активности индивидов. Это значит, что габитус позволяет агенту ориентироваться в социальном пространстве и адекватно реагировать на происходящие события и имеющие место ситуации.

Габитус формируется постепенно и поэтапно, в процессе социализации личности. Вначале речь может идти о складывании первичного габитуса в семье, затем – вторичного – в процессе осуществления школьного образования. Потом в процесс формирования личности включаются все новые структуры, и это означает появление иных форм габитуса. Число диспозиций (предрасположенностей) личности увеличивается, качество габитуса усложняется.

Роль габитуса не исчерпывается сказанным. Использование этого понятия позволяет преодолеть различие между объективизмом и субъективизмом, структурой и практикой и объединить их в анализе социальной реальности и ее восприятия, т. е. реализовать ту «синтезирующую» цель, к достижению которой постоянно стремился Бурдьё. С этой точки зрения представляет интерес следующее его утверждение: «Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла»²³⁷.

В приведенных нами характеристиках габитуса нетрудно было обнаружить постоянно используемое Бурдьё понятие практики. Оно имеет, как и многие употребляемые французским социологом категории, несколько аспектов и значений. Конечно, практики – это содержание и результат деятельности агентов. При этом имеются в виду и сами социальные действия, и коммуникации, возникающие между агентами в связи с этими действиями, и социальные формы, «творимые» практиками. Но не только. Практики, как часто подчеркивал Бурдьё, – это осуществление социальных структур. Последние являются главными причинами практик. Таким образом, практики реализуют своеобразное двойное структурирование социальной действительности: вначале как источник габитуса, через него – системы представлений, затем – будучи его результатом – самой структуры реальных отношений.

Люди не осознают габитус и его действие, хотя он проявляется в самых различных практических поступках людей, в том, как они едят, пьют, говорят, общаются и т. д. Габитус может характеризоваться эффектом запаздывания, который, к примеру, наблюдается у человека, переехавшего из села в город и в силу сформировавшихся ранее диспозиций не могущего удовлетворительно адаптироваться в короткий срок к новым условиям жизни.

²³⁴ Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 17 – 18.

²³⁵ Там же. С. 20.

²³⁶ Там же. С. 19.

²³⁷ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 193 – 194.

Рассматривая габитус, Бурдьё связывает его с полем. Два основных проявления этой связи видит французский социолог. С одной стороны, поле обуславливает габитус, с другой – габитус образует поле как то, что обладает смыслом и ценностью и поэтому связано с капиталом. Как пишет Ритцер, анализируя взгляды Бурдьё, «поле представляет собой своего рода конкурентный рынок, где используются различные виды капитала (экономический, культурный, социальный, символический). Все же наибольшее значение имеет поле власти (политики); иерархия властных отношений в рамках политического поля структурирует все прочие поля»²³⁸.

Таким образом, интеграция поля и габитуса представляет собой еще один конкретный вид теоретической интеграции, в рамках которой габитус и поле взаимно определяют друг друга. Она приобретает практическое значение, поскольку позволяет применить ее к анализу культуры, вкусов, академического мира, образования и др. Так, Бурдьё рассматривает культуру как рынок, как экономику, как определенное поле, на котором люди используют культурный капитал, рождающийся из культурных практик, являющийся результатом взаимосвязи между габитусом и полем.

§ 5. ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-АКТИВИСТСКИЕ ТЕОРИИ

Выше были рассмотрены теории, выполненные в русле стремления их авторов к объединению различных, на первый взгляд, не соединяемых концепций: структуры и действия, объективизма и субъективизма, структурализма и конструктивизма. Еще одной такой теорией является деятельностно-активистская, успешно разрабатываемая в работах А. Турена и П. Штомпки²³⁹.

5.1. Теория А. Турена

Начнем с теории французского социолога Алена Турена (род. в 1925 г.). В науке он известен, прежде всего, как один из основателей и наиболее ярких представителей теории постиндустриального общества. Именно она, по всей видимости, послужила отправной точкой для возникновения деятельностно-активистской (иногда ее называют акционистской или акционалистской) концепции. Ее предпосылки имели место в одной из наиболее глубоких работ французского социолога «Социология действия» (1965), а также в книге «Производство общества» (1973).

Уже из названия первой работы становится очевидным, что для Турена ключевой категорией становится действие и его носитель – актер. Но его интересует исследование не обычного, рутинного, повторяющегося, повседневного действия индивида как такового, а социальное действие, понимаемое как действие исторического субъекта, обусловленное совокупностью тех или иных социальных условий. В этом случае социальная реальность предстает перед нами как совокупность систем действия.

Турен выступил за пересмотр предмета социологии, в качестве которого традиционно рассматривалось (да и сейчас этот взгляд достаточно распространен) общество. «Сама социология, – пишет он, – не может больше заниматься вопросами о природе общества. Она должна раскрывать, описывать социальные ситуации и социальные отношения, которые скрыты явлениями, по видимости, административными или техническими»²⁴⁰. Вообще Турен считал, что предмет социологии нельзя определять без учета отношения социолога к объекту своего изучения. Выступая против идеи общества как центральной для социологии, французский исследователь по существу противопоставил современную социологию классической и, особенно, теориям Т. Парсонса.

²³⁸ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 463.

²³⁹ Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М., 1998; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

²⁴⁰ Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М., 1998. С. 144.

Ален Турен
Alain Touraine
(3 августа 1925)

Ученый полагает, что общество, традиционно трактуемое как целостность, сегодня находится в состоянии распада. Социальная жизнь больше не является общественным единением, особенно в условиях, когда на смену национальному как некоей универсалии приходит транснациональное. Не случайно, считает он, многие социологические теории стали избегать понятия «общество». Турен утверждает, что на смену ему в качестве предмета социологии должно прийти понятие социальных деятелей и их отношений.

Активность социальных деятелей французский социолог связывает, прежде всего, с их участием в общественных движениях. Последним Турен уделял особое внимание еще со времен революционных событий 1968 г. К слову сказать, он сам был активным участником студенческих движений 1960-х гг. Именно общественные движения для него зачастую выступают в качестве социальных субъектов современности, заменяя классы общества. По существу социальное движение и является коллективным действием тех или иных социальных классов. По крайней мере, по таким общественным движениям мы можем понять смыслы деятельности и интересы этих классов.

Поэтому не случайно французский социолог сделал общественные движения предметом своих не только теоретических, но и эмпирических исследований. Причем его интересовали общественные движения как во Франции, так и в других странах. Небезынтересно в этой связи отметить, что, когда в реформирующейся России в 1990-е гг. прокатилась мощная волна протестных выступлений самых различных групп общества (шахтеров, учителей, пенсионеров и др.), часть из которых (выступлений) превратилась в общественные движения, Турен с громадным интересом стал изучать российский опыт и привлек для участия в исследованиях ряд социологов из нашей страны.

На основании анализа конкретного материала, связанного с деятельностью общественных движений, французский социолог пришел к выводу, что эти движения нужно рассматривать в контексте их отношений с теми силами, против которых они направлены. Отсюда – анализ многочисленных конфликтов, связанных с участием социальных движений в жизни общества. Конечно, в изучении этих процессов Турена интересовали, прежде всего, мотивы поведения их участников, в первую очередь, членов общественных движений. Рассматривая в историческом ключе процесс развития социальных движений под углом зрения включенности в них активных действующих субъектов, социолог показал трансформации этих движений в рамках их институционализации. Речь идет о превращении их в формально действующие организации. Особенно ярко это было сделано на материалах исследования профсоюзного движения, которые показали, как происходит процесс превращения профсоюзов в постоянную действующую организацию. Иной вариант развития социальных движений, особенно в случае возникновения конфликтов между ними и какими-либо другими силами, – крах самого движения и прекращение его существования.

Большую роль в возникновении акционистской концепции Турена сыграл его интерес к исследованиям проблем труда (он известен как один из наиболее крупных представителей социологии труда во Франции). Труд рассматривается им не просто как действие, но и как действие историческое (здесь, по всей видимости, на французского социолога оказали влияние идеи К. Маркса, на которого он очень часто ссылается). Будучи основным видом действия, труд распространяется на другие его виды, в том числе и социальное действие. Социология же должна изучать социальное действие, соотнося его с теми смыслами и значениями, которые имеют место в определенных социальных ситуациях, в том числе и в общественных движениях.

Почему деятельностно-активистскую теорию Турена мы относим к интегративной парадигме? Что с чем в ней интегрировано? Из изложенного выше материала вытекает, что основными интегрированными в единство элементами выступают социальные действия и общественные движения, которые, при внимательном рассмотрении, по существу «сливаются» у Турена в общее

методологическое целое. Если рассматривать общественные движения как разновидности социальных структур, конструируемых людьми, которые придают им определенные смыслы, то в принципе есть достаточные основания характеризовать деятельностно-активистскую теорию французского социолога как разновидность теории интеграции действия и структуры.

5.2. Теория П. Штомпки

Пётр Штомпка
(2 марта 1944)

Для развития деятельностно-активистской теории, особенно для работ профессора Ягеллонского университета Петра Штомпки (род. в 1944 г.), написанных им в 1990-е гг., определенным толчком послужила теория структуризации Э. Гидденса. Теоретические воззрения польского социолога представлены в рамках его комплексного и целостного анализа процесса социального становления и социального изменения²⁴¹. Прежде всего, следует отметить, что идеи Штомпки четко вписываются в основные трансформации современной теоретической социологии. Эти трансформации в свое время были обозначены В.А. Ядовым как два совершающихся (совершенных) принципиальных поворота в новейшей теоретической социологии: а) переосмысление масштабов социального пространства в сторону его глобализации; б) перенос центра внимания с изучения социальных структур на социальные процессы и изменения²⁴².

Именно эти повороты хорошо просматриваются в теории Штомпки, за счет чего она оказывается вполне адекватной современным процессам и общественным реалиям. Необходимо сделать лишь одно небольшое уточнение. Сами социальные структуры рассматриваются польским социологом «процессуально», что составляет одну из главных особенностей его подхода. Именно здесь и сказывается влияние теории структуризации Гидденса.

Основными составляющими теоретической модели Штомпки являются четыре категории: структуры, деятели (агенты), деятельность, действие. Уже здесь нетрудно обнаружить определенное сходство с «дуальностью» структуры Гидденса, по крайней мере, в стремлении соединить два узловых понятия: структуру и действие. Но дальше дискурс (стиль мышления и способ аргументации) Штомпки приобретает иную направленность.

Главным становится анализ взаимодействия структур друг с другом по отношению к субъектам действия. Оказывается, что структуры проявляют себя совершенно независимо и неожиданно (эмерджентно). Польский социолог говорит о трех формах независимой динамики структур, которые он рассматривает в виде трех принципов: инерции, момента, последовательности. Принцип инерции означает, что «обычно предпочтительнее, чтобы функционирование продолжалось в том же режиме, без радикальных поворотов (например, в странах «реального социализма» в течение долгого времени типичной реакцией на экономические трудности было скорее повышение цен и налогов, нежели переход от планируемой к рыночно-ориентированной экономике...)». Принцип момента состоит в том, что за определенной стадией чаще всего наступает следующая (если,

²⁴¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 268 – 292.

²⁴² Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 13 – 14.

к примеру, сделаны инвестиции в какую-то определенную сферу экономики, это влечет за собой и инвестиции в другие сферы, с ней связанные). Наконец, принцип последовательности заключается в том, что «следующие одна за другой фазы не могут быть пропущены (например, экономику нельзя модернизировать без предварительного обучения рабочей силы...)». Все эти примеры Штомпка приводит для того, чтобы показать: структуры в обществе могут проявить себя относительно индивидов самым неожиданным образом²⁴³.

Несмотря на то, что структуры независимы от агентов и в этом смысле могут «вести себя» неожиданным образом, они не в состоянии существовать без субъектов деятельности. В свою очередь, сами агенты в реальной действительности обязательно включены в структуры. «Мы, – пишет Штомпка, – не найдем ни одного примера в общественной жизни, в котором не было бы слияния структур и агентов, операций и действия. Покажите мне агента, который не встроен в какую-нибудь структуру, или структуру, которая существует отдельно от индивидов, или действие, которое не включено в социальные операции, или, наконец, социальное оперирование, которое не распадается на действия. Нет бесструктурных агентов, и нет безагентных структур»²⁴⁴.

То, что было сказано, – лишь исходный момент модели социального становления, разработанной Штомпкой. Чтобы она «не повисла в воздухе», социолог помещает ее в двуединую среду, включающую природу и сознание. Первую он рассматривает как неизбежный «контейнер», в котором «помещается» социальная жизнь. Это внешние природные условия, в которых действуют люди и оперируют структуры. Природная среда включает в себя и внутренние черты индивидов, в целом же она влияет на общество не только извне, но и изнутри – через биологическую конституцию и генетический багаж популяции. Что касается второй среды – сознания, среды мыслей, верований, идей, то оно (социолог рассматривает сознание в трех видах – как индивидуальное, коллективное и социальное) не только воздействует на практику, но и является «посредником» между природной средой и человеком (обществом). Наконец, еще один элемент модели социального становления, без которого ее нельзя понять, – фактор времени. Как пишет Штомпка, «и природа, и сознание вступают во взаимоотношения с обществом, которое формирует и формируется одновременно»²⁴⁵. Несмотря на эту одновременность, исторический процесс рассматривается им как смена различных временных точек самопреобразования общества. Схематично социолог предлагает пять таких точек: общество в далеком прошлом, общество в прошлом, общество сегодня, в настоящем, общество в будущем, общество в отдаленном будущем.

Процесс исторического развития осуществляется, согласно модели социального становления, благодаря наличию четырех типов причинных узлов: структурных воздействий, способностей субъектов, «очеловеченной природы», видоизменяющегося сознания. Эти узлы и составляют, по мнению ученого, механизм социального становления исторического процесса. Сам исторический процесс непрерывен, ничем не предопределен и не необходим. История имеет множество альтернативных путей развития.

Рассматривая исторические изменения, польский социолог доказывает, что они «охватывают не только действия и практику, не только природу и сознание, но и связи между всеми ними, способы, которыми они объединяются и своими действиями порождают социальную динамику». Таким образом, к своей модели Штомпка добавляет самый последний, наиболее сложный узел обратной связи: «дело не только в том, что деятельность агентов (субъектов) изменяется в процессе их собственной практики, но и в том, что само социальное становление изменяет свой облик в ходе истории»²⁴⁶.

В итоге следует отметить как реалистический, так и в целом оптимистический характер концепции Штомпки. Социолог видит в качестве общего знаменателя основных тенденций исторического процесса растущий контроль человека (активно действующего социального субъекта) над природной средой, управление ею и обособление от нее. Общество, с одной стороны, постепенно подчиняет природные ресурсы потребностям людей, с другой – стремится к собственной защите от негативного воздействия природы. Что касается сознания, то, благодаря росту знаний, развенчанию всякого рода мифов, иллюзий и других продуктов «ложного сознания», становится возможным точнее предвидеть, планировать и целенаправленно изменять социальную жизнь.

Еще одна концепция Штомпки, близко примыкающая к его общей деятельностно-активистской ориентации и концепции социального изменения, – теория культурной травмы²⁴⁷.

²⁴³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 269 – 270.

²⁴⁴ Там же. С. 272.

²⁴⁵ Там же. С. 28.

²⁴⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 290.

²⁴⁷ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1; Он же. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. Ряд положений теории культурной травмы развит Штомпкой совместно с его американскими коллегами Дж. Александером и Н. Смелзером: Alexander J., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. N.Y., 2004.

Речь в ней идет о травмирующих людей переменах, которые происходят в их повседневной жизни в условиях резкой смены социального устройства. Смена институциональных структур бывает, как правило, очень болезненной для подавляющего большинства населения. Меняется психическое самочувствие граждан в связи с тем, что они утрачивают накопленный ранее капитал жизненного опыта. Происходит резкая смена ценностей, смыслов, значений.

Особенно тяжелой оказывается посттравматическая адаптация, когда для значительной части населения становится характерной пассивная стратегия поведения на основе примирения с трудностями. Что касается активных стратегий поведения, то они оказываются присущими меньшей части населения, которая оказывается в выигрыше от «травматического» периода.

Концепция культурной травмы очень хорошо объясняет ситуацию во многих странах Восточной Европы, в России, в республиках бывшего Советского Союза – по существу, на всем постсоветском пространстве. В этом – не только теоретическая, но и практическая ценность и значимость теории культурной травмы.

Подводя итог сказанному, отметим, что рассмотренные в рамках интегративной парадигмы теории составляют «квинтэссенцию» постнеклассической социологии. Однако ее картина будет явно неполной, если выпустить из поля зрения еще одну очень важную и широко распространенную социологическую парадигму – постмодернизм. К характеристике этой парадигмы мы и переходим в следующей главе.

Вопросы и задания

1. Дайте общую характеристику интегративной парадигмы. Каковы ее особенности?
2. Какие классификации интегративных теорий вы могли бы привести?
3. Что собой представляют американские интегративные модели?
4. Изложите содержание теории структуризации. Почему она считается одной из ведущих в современной теоретической социологии теорий?
5. Что собой представляют объединительные теории П. Бурдьё? Какова внутренняя связь между теориями социального пространства (поля), капитала, габитуса?
6. Почему деятельностно-активистские теории широко используются в современной теоретической социологии? Покажите на примере творчества А. Турена преимущества этих теорий.
7. Какие теории П. Штомпки вам известны? Что вы можете рассказать о них конкретно?

Литература

- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2004.
- Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
- Бурдьё П. Начала. М., 1994.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону, 1999.
- Гидденс Э. Социология: учебник 90-х годов / Науч. ред. Л.Н. Коган, Г.Е. Зборовский. Челябинск, 1991.
- Гидденс Э. Социология / Науч. ред. В.А. Ядов. М., 1999. В последующие годы (2001, 2003, 2005, 2009) публиковались обновленные издания учебника.
- Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М., 2003.
- Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
- Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- История теоретической социологии: В 4 т. СПб., 2000. Т. 4.
- Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Бергер П.Л., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно ориентированная социология. М., 2004.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Сорокин П. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10.
- Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1993.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Современная социальная теория. Новосибирск, 1995.
- Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М., 1998.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.

Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 1998.

Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПАРАДИГМА

§ 1. Общая характеристика и основные черты постмодернистской парадигмы в социологии

1.1. Общая характеристика

1.2. Основные черты постмодернистской парадигмы в социологии

1.3. Отношение к постмодернизму

§ 2. Теории постструктурализма в социологии

2.1. Концепция Ж. Деррида

2.2. Взгляды М. Фуко

§ 3. Умеренная постмодернистская социологическая теория

§ 4. Радикальная постмодернистская социологическая теория

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОЦИОЛОГИИ

1.1. Общая характеристика

Анализ постмодернистской парадигмы в социологии – задача необычайно сложная, если учитывать целый ряд положений, связанных в целом с постмодернизмом как очень широким, неопределенным, во многом расплывчатым движением в философии, литературе, искусстве, архитектуре, религии. Главная трудность анализа обусловлена необходимостью выделить собственно социологический аспект постмодернизма, по возможности избегая привлечения иного, несоциологического материала, более широко – работ общего социального характера, представляющих постмодернизм как направление, течение, движение, парадигму общественной мысли последних нескольких десятилетий. С другой стороны, очевидно, что в полной мере избежать такого аспекта анализа не удастся, да, вероятно, этого и не следует делать. Поэтому речь идет о том, как осуществить социологический выбор, на каких теориях социологической направленности остановиться.

Как известно, постмодернистских теорий достаточно много. Анализ ряда из них убеждает в том, что наиболее социологичными являются теории постструктурализма (М. Фуко), умеренные постмодернистские социальные теории (Ф. Джеймисон), радикальные постмодернистские социальные теории (Ж. Бодрийяр). Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению каждой из них и охарактеризовать самые общие черты постмодернизма, имеющие непосредственное значение для социологического анализа этой парадигмы, остановимся, прежде всего, на вопросе о сопряженности понятий «постмодернизм», «модернизм», «постмодерн» и «модерн».

Существует целый ряд трактовок соотношения названных понятий. Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, остановимся на некоторых, озвученных в социологической литературе и принимаемых нами, точках зрения. Так, авторы «Большого толкового социологического словаря» Д. Джери и Дж. Джери отмечают: «Постмодерн и постмодернизм – взаимосвязанные термины, означающие, что постмодерн – это культурная и идеологическая конфигурация, заменившая или заменяющая модерн; а постмодернизм – теории (включая новые движения в архитектуре и искусстве, а также социальные концепции, в частности, постструктурализм), объясняющие замену модерна (и модернизм) постмодерном»²⁴⁸.

²⁴⁸ Большой толковый социологический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 58.

При этом под модерном они понимают новое время или связанные с ним идеи и стили. Модерн начинается со Средневековья и Ренессанса и касается замены традиционного общества современными социальными формами. Он характеризует современные способы создания вещей и идентифицируется с верой в рациональность и триумф истины и науки²⁴⁹.

Близкую позицию (хотя и со сдвигом в более позднее историческое время) занимает Н.Л. Полякова. Она рассматривает модерн сквозь призму социальных характеристик обществ, «сформировавшихся в последней трети XVIII в. как обществ промышленных, капиталистических, демократических, классовых (а затем массовых) и оформленных в качестве национальных государств. Культура модерна – это культура Просвещения, включающая и его теорию социальной роли науки, и теорию прогресса, и концепцию человека, которая и составляла основу агентности в обществах модерна»²⁵⁰. Рубеж обществ модерна и постмодерна определяется, с точки зрения хронологии, как конец XX столетия.

Изучение общества модерна в социологии стало предметом теории модернизации, тогда как общества постмодерна – предметом постмодернизма (который в литературе далеко не всегда называют теорией или парадигмой, кстати, вслед за рядом представителей этого направления, отрицавших его теоретический характер). Значение общества модерна для социологии состоит в том, что именно с ним в литературе связывают появление и утверждение социологии как науки. Отсюда простая мысль – нет модерна, не может быть и настоящей социологии²⁵¹.

В представленных взглядах для нас наиболее значимы, во-первых, понимание постмодернизма как совокупности теорий определенного рода, во-вторых, их характеристика как теорий общества и культуры нового типа – постмодерна, в-третьих, осознание необходимости появления новой социологической парадигмы. В.А. Ядов, к примеру, прямо указывает, что «постмодернизм возник, прежде всего, на почве разочарования в каких бы то ни было идеологиях, ни одна из которых не привела человечество к провозглашаемым вершинам благополучия. Что касается социальной теории, то постмодернистское восприятие мира утверждает принципиальный отказ от теорий как таковых»²⁵².

В последнее время в литературе, особенно в художественной, стал все шире использоваться термин «развитой постмодернизм». Нам представляется очень любопытной точка зрения на него, принадлежащая известному отечественному писателю В. Пелевину. В одном из своих романов «Ампир В» устами одного из героев он высказывает следующее суждение: «Развитой постмодернизм – это такой этап в эволюции постмодерна, когда он перестает опираться на предшествующие культурные формации и развивается исключительно на своей собственной основе». И далее: «Наступила эпоха цитат из массовой культуры, то есть предметом цитирования становятся прежние заимствования и цитаты, которые оторваны от первоисточника и истерты до абсолютной анонимности. Это наиболее адекватная культурная проекция режима анонимной диктатуры...»²⁵³.

Некоторые авторы характеризуют постмодернистскую метапарадигму как нелинейную. Ее нелинейность обусловлена тем, что современный социум перешел новый порог динамической сложности²⁵⁴. Происходит переход к обществу, основанному на упорядоченном хаосе. Возникают разрывы социума, находящегося в разных темпомирах. Эти разрывы ведут к нарушению целостности традиционного (линейного) типа развития²⁵⁵.

Вследствие этого социальные системы все больше утрачивают стабильность и отклоняются от равновесия. Адаптируются к нелинейной динамике лишь системы и акторы, проявившие большую рефлексивность в сравнении с этапом модерна. С.А. Кравченко пишет: «Нелинейная динамика востребовала знаковые коды и симулякры реальности, входящие в общественное сознание. Становится очевидным, что формирующееся нелинейное, плюралистическое общественное сознание с уникальными групповыми и индивидуальными пластами, с разрывами и парадоксами в принципе отлично от прежнего общественного сознания, представлявшего собой относительно целостную систему. Симулякры, имея дело с открытыми текстами, постоянно осуществляют перекодировку прежнего социального и культурного контекста, воспроизводя новые открытые тексты и отрицая сама возможность длительной, жесткой легитимации той или иной социальной формы»²⁵⁶.

²⁴⁹ Большой толковый социологический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 434.

²⁵⁰ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 340 – 341.

²⁵¹ Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 28.

²⁵² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006. С. 16.

²⁵³ Пелевин В. Ампир В. М., 2006. С. 272 – 273.

²⁵⁴ Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М., 2006; его же. Социологическая теория: дискурс будущего // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 10 – 12.

²⁵⁵ Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007. С. 648 – 649.

²⁵⁶ Кравченко С.А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 11.

Одно из важных для теоретической социологии последствий перехода к нелинейной динамике общества проявилось в том, что сама социология, по мнению постмодернистов, теряет единый стержень развития и приобретает ризомный характер (ризома – скрытый стебель, обладающий способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную конфигурацию. Термин был заимствован из биологической науки известным представителем постмодернизма Ж. Делёзом). Она лишается методологической целостности, становится пластичной и открытой и в силу этого обречена на размывание своих научных границ.

Вряд ли есть необходимость специально доказывать, что постмодернистская парадигма в социологии является по своей сути неклассической. Это нужно особо подчеркнуть, потому что постмодернисты рассматривают социологию не более чем как интеллектуальный дискурс, систему размышлений, определенный угол зрения, подход к социальным явлениям и процессам, но не как науку, представленную определенной системой знания и теоретического содержания.

1.2. Основные черты постмодернистской парадигмы в социологии

Названную черту постмодернизма следует выделить особо в связи с его своеобразным когнитивным нигилизмом, общим негативным отношением и принципиальным отказом от теорий вообще. Тогда возникает вопрос: на каком же основании выше были выделены три группы теорий в постмодернизме, имеющих больше, чем другие, социологическую окраску? Ответ оказывается весьма простым: систематизация постмодернистского знания в рамках определенных теорий – дело не самих постмодернистов, а исследователей их отдельных взглядов и творчества в целом.

Отказ от систематизации знания на уровне теорий приводит постмодернистов к еще одному отказу – от признания законов социального мира, которые наука может выделить и сделать предметом собственного исследования. Но и это – последний отказ. В постмодернизме вообще отказов намного больше, чем согласий и готовности продолжить изучение общества и его структур в рамках уже имеющихся достижений в этой области.

Из отрицания существования законов социального мира следует отказ от всякого рода прогнозирования возможного развития общественных процессов. Основной принцип, вокруг которого объединяются постмодернисты, – «здесь и сейчас». Но это вовсе не означает отказа от интерпретации того, что представляет, а часто и что должно представлять собой современное общество. Чуть далее об этом будет сказано подробнее.

С названной чертой связана еще одна – фрагментация мира и его познания, которая тоже по существу выступает как конкретизация принципа «здесь и сейчас». Принцип фрагментации в познании оказался тесно связанным с подменой социального знания нарративом, описанием социокультурных текстов, которые каждый волен толковать по-своему, как ему вздумается. Это, в свою очередь, позволяет лучше понять такую черту постмодернизма, как текучесть и неопределенность и самой реальности, и ее познания.

Для нашей работы представляет интерес характеристика постмодернистской социологии, ее основных положений, особенностей и общих черт, данная Поляковой в виде пяти тезисов, сформулированных ею на основании анализа работ различных теоретиков постмодернизма, таких как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Дж. Фридман и др. Назовем вначале эти тезисы: 1) изменение природы и функций научного знания; 2) конец индивида и приход «молчаливого большинства»; 3) постмодерн как «конец прогресса», «прекращение событий», «конец истории»; 4) конец интеллектуалов; 5) фрагментация модерна, мультикультурализация²⁵⁷. «Постмодернистская социология, – пишет далее Н.Л. Полякова, – определяет постмодерн как "конец познания", "индивида", "этики", как конец "социального", конец "истории"»²⁵⁸.

Далее, вслед за автором, раскроем некоторые содержательные аспекты этих тезисов, выявляющих смысл постмодернизма. Но вначале – один нюанс. Если мы, давая общую характеристику ряда основных положений постмодернизма, использовали постоянно слово «отказ», то в тезисах Поляковой чаще всего присутствует слово «конец». Это определенное сходство весьма показательно для понимания существа постмодернизма и его природы как социологической парадигмы.

²⁵⁷ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 341 – 353.

²⁵⁸ Там же. С. 353 – 354.

Основной характеристикой современности, по мнению его представителей, в первую очередь, Бодрийяра, является не индивид, а масса, которая не состоит ни из субъектов, ни из объектов. Она поглощает и уничтожает все – индивида, смысл, социальное, культуру, знание, власть, политику. В массе невозможно даже отчуждение – в ней не существует ни «один», ни «другой»²⁵⁹.

Поэтому постмодерн выступает как «конец прогресса», «прекращение событий» и даже «конец истории». История заканчивается не вследствие отсутствия акторов, насилия или событий, а в результате замедления, индифферентности и оцепенения масс. Но, полагают представители постмодернизма, мы не покончили с историей. Необходимо «питать ее конец».

Все остатки истории – демократия, церковь, коммунизм, конфликты, идеология, этносы и т. д. – могут подвергаться бесконечному новому использованию, поскольку сохранились архаичные и анахроничные ее формы. В таких условиях интеллектуалы переживают статусный кризис. Они более не являются силой, которая может выполнить гигантскую работу по «окультуриванию» и трансформации возникающих форм жизни, стандартов и вкусов. Роль интеллектуалов сводится к роли потребителей, поскольку сферами образования, культуры, СМИ, науки распоряжаются их собственники и владельцы. Как пишет Полякова, «историческое падение интеллектуалов с их критериями единого прогрессивного знания, истины и морали и означает приход постмодерна с его плюрализмом культур, местных традиций, идеологий, форм жизни или языковых игр, а также осознанием этого плюрализма»²⁶⁰. Именно такой всеобщий, универсальный плюрализм и означает фрагментацию модерна, утрату им формы единого исторического процесса и порядка, мультикультурализацию.

Охарактеризовав некоторые существенные черты постмодернизма, позволяющие отличать его от других парадигм в социологии и связанные с большим количеством «отказов» и «концов», дадим далее общую характеристику этого направления социальной мысли, включающую больше «утверждений», чем «отрицаний».

Начнем с того, что постмодернизм выступает и как альтернатива модернизму, и как идеологическая позиция, и как теоретическая концепция. При этом во всех своих «ипостасях» постмодернизм не только противостоит модернизму, но по существу превращается в некое самостоятельное теоретико-идеологическое образование, оказывающее существенное воздействие на развитие уже имеющихся социологических теорий и появление новых.

Постмодернизм рассматривается как теоретическая инновация, которая «охватывает», характеризует будущее общество, либо пришедшее (приходящее) на смену современному, либо готовящееся к этой смене. В соответствии с утверждениями сторонников концепции постмодернизма, идет процесс складывания нового мирового сообщества и нового сознания. В основе этого сообщества – рыночная экономика, либерально-демократические институты, культура с оттенком коммерциализации и др. Базирующаяся на них новая цивилизация стремительно расширяет свои границы. Это – глобальный процесс, он обрел такой характер и стал особенно успешным после крушения общественного строя в СССР и странах социалистической системы.

Благодаря этому и другим процессам (например, таким, как создание Европейского Союза, введение единой валюты для стран, входящих в него) рушатся всяческие границы (не только территориальные), государственность в классическом смысле слова теряет свое значение, все национально-специфическое приобретает черты иллюзорности. Социальные изменения такого рода еще только недавно начались, однако у них есть будущее, и они являются непосредственной предпосылкой становления постмодернистского общества.

В связи с объединительными тенденциями в мире (к примеру, создание единой Европы) появляются новые межгосударственные структуры. Их особенностью является относительно высокий уровень стабильности, а требования к странам, желающим вступить в него, очень строги. Для таких стран необходимо «новое сознание», являющееся результатом полного отказа от прошлого, потому что в новой глобальной системе – постмодернистском обществе – не действуют старые категории.

В глобальной цивилизации, т. е. постмодернистском обществе, в отличие от еще недавно господствовавшего – модернистского – не будет гипертрофии материального потребления, поскольку в наиболее развитых западных странах рубеж насыщения в этом отношении уже достигнут. Более того, как отмечал в своем докладе на XIII Всемирном социологическом конгрессе в Билефельде в 1994 г. французский социолог А. Турен, современное европейское общество гораздо более материалистично, чем гуманистично. Пока оно продолжает оставаться в этом смысле весьма контрастным. Однако особенность постмодернизма в том и состоит, чтобы поставить вопрос о снятии этих контрастов, равно как и контрастов прошлого и будущего, традиций и современности.

²⁵⁹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 8.

²⁶⁰ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 350 – 351.

Это были, так сказать, общие очертания постмодернистского общества. Что касается сути его концепции, то она – в признании разнообразия векторов развития различных обществ и культур, в отказе от европоцентристской схемы, «предписывающей» некоторую общую для всех стран и народов траекторию социально-экономического и культурно-исторического процесса.

Возникнув как антитеза, своеобразная теоретико-идеологическая оппозиция модернизму, опирающемуся на идею направленного, прогрессирующего от этапа к этапу развития общества, постмодернизм базируется на ином убеждении. В его основе – утверждение о неопределенности направления социального развития, что, впрочем, вовсе не означает полного отрицания идеи социального прогресса. Признание последнего сочетается с тезисом о наличии поливариантности его путей. По существу же ставятся под сомнение вопросы о том, что такое общественный прогресс и являются ли векторы, избранные различными странами для собственного развития, путями его достижения.

1.3. Отношение к постмодернизму

В социологии идут дискуссии о содержании постмодернизма и – особенно – о реальных возможностях воплощения в жизнь постмодернистских проектов, что является отражением определенной и теоретической, и практической ситуации. Во-первых, концепции постмодернизма достаточно новы и аморфны. Во-вторых, поскольку в них анализируется будущее человеческого общества и охватывается комплекс вопросов, касающихся взаимоотношений различных стран, неизбежной становится некоторая размытость границ и очертаний самих теорий. В-третьих, в конце XX – начале XXI в. положение в мире так быстро и динамично видоизменялось, что это не могло не сказаться на содержании и направленности самого постмодернизма.

Говоря о дискуссиях по поводу постмодернизма, приведем несколько точек зрения, принадлежащих крупным современным социологам. В рамках одной из них доказывается, что разговор о постмодернизме является преждевременным, поскольку сегодня требуется кардинальное переосмысление модернизма на путях его существенного обновления. Такая позиция может быть условно названа неомодернистской. Ее придерживаются Ю. Хабермас, Э. Гидденс, А. Турен и др.

Так, Хабермас считает, что хотя реалии человеческого бытия сейчас действительно не такие, как прежде, однако задачи, ими порождаемые, не изменились, и нет оснований отказываться от их решения. Тот проект, который делал наш мир современным и давал ему право на это название, не доведен до конца. Поэтому задача «сильного» общества состоит в том, чтобы осуществить радикальное преобразование мира модерна, не уходя от него самого, его принципов и идеалов.

Гидденс, высказывая сходную точку зрения, находится в методологической оппозиции к постмодернизму, считая, что общество модернистского типа далеко не реализовало свой потенциал. По его мнению, главной характерной особенностью этого потенциала является необыкновенный динамизм, который позволяет рассматривать модернистский мир как мир «отказавших тормозов». Современное же общество (рубеж XX – XXI вв.) английский социолог определяет как общество позднего модерна.

Оно характеризуется им с помощью четырех главных признаков: индустриализма (базируется на широком использовании самой современной техники и технологии); капитализма (его база – производство товаров на основе действия конкурентных рынков продукции и рабочей силы); институтов контроля и надзора (они демонстрируют наличие и влияние власти и организации); монопольного господства государства над средствами насилия (в границах своих стран). К названным признакам Гидденс затем добавляет характеристику общества постмодерна как «общества риска» (в сознании людей понятие риска приходит на смену понятию судьбы). Наконец, что особенно важно отметить, в последних работах появляется еще одна, крайне значимая характеристика общества постмодерна – глобализация.

В отличие от Хабермаса и Гидденса, английский социолог З. Бауман, придерживаясь постмодернистской стратегии развития общества, основанной на идее его декомпозиции и «исчезновения социального», принимает тезис о завершении модерна, что, однако, не вызывает у него большого оптимизма. По мнению Баумана, «мы живем во времена не столько прогресса, сколько риска...». Отсюда возникает вопрос: возможны ли в принципе такие инновации, которые могли бы обеспечить создание совершенного общества, «принесет ли наука, измыслившая Циклон-Б и атомную бомбу, неминуемое конечное освобождение»?

То же касается и культуры, но уже в другом ключе. Бауман точно подмечает следующее важное обстоятельство: «Современная культура была культурой сомнения, критики и сопротивления. Свой оптимизм относительно будущего она подпитывала пессимизмом в отношении настоящего. Если она выражала энтузиазм по поводу намерения, то обязательно осуждала и порицала его очередные практические воплощения. Предметом критики оказывались все очередные свершения современной цивилизации – ни одно не выдерживало испытания культурой»²⁶¹. Это привело к тому, что критика результатов стала переходить в критику намерений. Подобные рассуждения убеждают Баумана в том, что проект постмодернистского общества является очень противоречивым.

Обращает на себя внимание попытка некоторых (прежде всего американских) социологов, рассматривающих проблему перехода к постмодернистскому обществу, считать его наиболее целесообразной моделью современное и будущее американское общество. Не имеет смысла раскрывать здесь весьма противоречивые его характеристики (хотя бы для того, чтобы не идеализировать эту модель). Главное – в другом. Сам пафос концепции постмодернизма не допускает апологетики какого-то конкретного общества, какой-то одной страны. Глобальная постмодернистская цивилизация – это некий симбиоз всего лучшего, что накопило человечество, это как бы равнодействующая параллелограмма сил, в качестве которых выступает опыт наиболее развитых стран.

§ 2. ТЕОРИИ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

Появление постструктурализма приходится на конец 1960-х гг. и может рассматриваться как самые первые шаги постмодернизма. Наиболее яркие его представители – французские мыслители Жак Деррида (1930 – 2004) и Мишель Фуко (1926 – 1984). Социологический характер постструктурализма не вполне очевиден. Тем не менее, мы постараемся коснуться таких его сторон, которые об этом свидетельствовали бы наилучшим образом.

В чем суть постструктурализма как определенного течения общественной мысли, хронологически и содержательно предшествовавшего постмодернизму? В одном из социологических словарей постструктурализм определяется как «широко распространенное с 1960-х гг. интеллектуальное движение во Франции, происходящее от структурализма, но пересмотревшее его основные постулаты о языке и обществе как о знаковых системах»²⁶².

Авторы британского, «пингвиновского» словаря указывают: «Основная идея постструктурализма заключается в том, что реальность невозможно постичь без вмешательства языка, поэтому он отдает приоритет исследованию языка или текстов. Тексты можно понять только в их отношении к другим текстам, а не в отношении к внешней реальности, относительно которой они могли бы проверяться или измеряться»²⁶³. Нужно иметь в виду, что для постструктурализма текст (текстуализированный мир) – единственная реальность, которая выступает как реальность преимущественно языковая.

Наконец, приведем наиболее полное, с нашей точки зрения, определение постструктурализма, даваемое авторами «Новейшего философского словаря»: «Постструктурализм – совокупное обозначение ряда подходов в социогуманитарном познании 1970 – 1980-х, ориентированных на семиотическое истолкование реальности («текстуализированный мир» постструктурализма), опирающихся, подобно структурализму, на концепцию знака как единства означающего и означаемого, но осуществляющих пересмотр структуралистской парадигмы в плане центрации внимания на «внеструктурных» параметрах («изнанке») структуры и связанных с их постижением когнитивных процессах»²⁶⁴.

²⁶¹ Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 75.

²⁶² Большой толковый социологический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 60.

²⁶³ Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. М., 2000. С. 233.

²⁶⁴ Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007. С. 442.

2.1. Концепция Ж. Деррида

Жак Деррида
Jacques Derrida
(15 июля 1930 – 9 октября 2004)

С именем Деррида связывают начало постструктурализма. Его появление он провозгласил в одной из своих речей в 1966 г., в которой подверг критике структурализм за его следование лингвистическому повороту. Деррида утверждал, что структура языка не может оказывать предопределяющего влияния на людей и их поведение. Главное в языке, считал французский постмодернист, – письмо, не оказывающее ограниченного воздействия, поскольку оно не является структурой.

Деррида подверг критике логоцентризм, который занимал в западной социальной мысли доминирующее положение. Суть его состояла в поиске универсальной мыслительной системы, отвечающей на вопрос, что истинно, прекрасно, справедливо. Логоцентризм, считал Деррида, привел к замкнутости социальной мысли, поскольку содержал в себе по существу готовые ответы на многие вопросы и тем самым сдерживал письмо. Французский постмодернист предлагал осуществить деконструкцию логоцентризма, его демонтаж, чтобы «разложить» это доминирующее и порабощающее влияние на письмо.

Социально-философские взгляды Деррида, прежде всего, на язык и речь, были важной предпосылкой трактовки общества, которое оказалось в плену у логоцентризма. В анализе социальных процессов он уделяет основное внимание языку и речи и рассматривает неупорядоченность и нестабильность общества как следствие отсутствия упорядоченности и стабильности языка. В отличие от структурализма, представители которого считали, что система языка обладает властью принуждения над людьми, Деррида отрицал такую возможность. Язык – как устный, так и письменный – не может оказывать сдерживающее влияние на людей. Это же касается и социальных структур, которые рассматривались им в качестве реализации письменного языка. Как считают исследователи творчества французского мыслителя²⁶⁵, он произвел деконструкцию языка и социальных институтов. Общая идея разрушения, деконструкции, демонтажа привычных схем, в том числе и языковых структур, особенно письменных, послужила основой для становления постмодернизма.

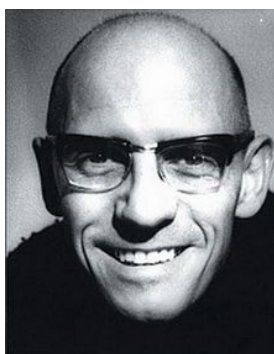
Деррида сравнивает общество с театром (что для социологии не ново, вспомним Э. Гоффмана), но это сравнение совсем иного характера. Он анализирует «театр жестокости», противопоставляя ему альтернативный театр. «Театр жестокости, – пишет Деррида, – это не представление. Это сама жизнь, поскольку она несет в себе непредставимое. Жизнь – это непредставимое начало представления»²⁶⁶. По его мнению, происходящее на сцене «представляет» происходящее в «настоящей жизни» (а это жестокая жизнь). Театру жестокости противопоставляется альтернативный театр, в котором «речь перестает управлять сценой», и главными участниками театра (общества, жизни) становятся авторы (писатели) и тексты.

²⁶⁵ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 526.

²⁶⁶ Деррида Ж. Театр жестокости и закрытие представления // Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. С. 372.

Очевидно, что Деррида говорит о необходимости коренной деконструкции традиционного театра (современного ему общества). По существу это критика капитализма. Он хочет видеть общество свободным от идей интеллектуальных авторитетов, чтобы каждый человек мог почувствовать себя свободным писателем. Это означает децентрацию (еще один термин постструктурализма, наряду с деконструкцией), применительно к обществу – отказ от решающей роли центра в пользу свободы. Вне центра театр, общество, мир бесконечно открыты и саморефлексивны. Способ достижения этого нового состояния общества связан, по мнению Деррида, с письмом (письменным языком) и действием.

2.2. Взгляды М. Фуко

Мишель Поль Фуко
Michel Foucault
(15 октября 1926 – 25 июня 1984)

Постструктурализм одного из наиболее крупных и известных представителей постмодернизма в социологии Фуко проявился, в первую очередь, в рассмотрении им двух ключевых для него категорий – знания и власти. Этому был посвящен целый ряд его работ, но прежде всего – «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» и «Археология знания»²⁶⁷. Названные категории взаимно поддерживают друг друга в его творчестве и в этом смысле сосуществуют. Французского ученого интересует, как люди управляют собой и другими, создавая то или иное знание. С другой стороны, он исследует проблему порождения знанием власти. Его «археология знания» базировалась на убеждении, что знание чаще всего не ведет человека и общество к освобождению.

Фуко изучает методы и технологии, извлекаемые из научного знания, и способы их использования различными социальными институтами в целях установления господства и осуществления власти над людьми. Между знанием и властью существуют структурные (объективные) отношения, не базирующиеся на каком-либо сговоре относительно сознательных действий субъектов власти. Более сложные системы знания приводят к более сложным системам власти.

В работе «Надзирать и наказывать» (1979) Фуко характеризует новые технологии дисциплинарной власти. Прежде всего, он выделяет три ее инструмента: 1) иерархическое наблюдение, что означает способность чиновников наблюдать все, что ими контролируется, одним пристальным взглядом; 2) способность выносить нормализующие приговоры и наказывать тех, кто нарушает нормы. Так, человека могут негативно оценить и наказать в категориях времени (за опоздание), деятельности (за невнимательность) и поведения (за невежливость); 3) использование исследования для наблюдения за людьми и вынесения относительно их нормализующих приговоров²⁶⁸.

К обществу, базирующемуся на дисциплине, Фуко относится двояко. С одной стороны, он говорит об отрицательных аспектах возникновения дисциплинарного общества, поскольку речь идет о наказаниях, подчас жестких и жестоких (в названной выше книге он рассматривает историю ужесточения наказаний). С другой стороны, создание дисциплинарного общества имеет положи-

²⁶⁷ Фуко М. Археология знания. М., 2004.

²⁶⁸ Ритцер Дж. Современные социологические теории СПб., 2002. С. 534.

тельные последствия, поскольку без дисциплины многие предприятия, особенно промышленные и военные, не могли бы нормально функционировать.

Дисциплина и тесно связанное с ней наказание пронизывают жизнь общества во всех его сферах и срезях. Под дисциплинарным воздействием оказывается большинство социальных институтов. Весьма показательным в этом плане является следующее высказывание Фуко: «Разве удивительно, что тюрьмы походят на заводы, школы, казармы, больницы, которые все походят на тюрьмы?»²⁶⁹. В дальнейшем эта аналогия становится ключевой для понимания многих социальных процессов.

Вообще проблеме тюрьмы в книге «Надзирать и наказывать» уделяется большое внимание. Автор книги рассматривает ее как паноптикум (собрание уникальных предметов и редкостей), как структуру, позволяющую служителям наблюдать за всеми аспектами жизни заключенных. Паноптикум для Фуко – это основа «целого типа общества», определенная лаборатория для сбора информации о людях. Все это вызывает у него чувство неподдельного страха и выступает в качестве элемента того процесса, который ученый характеризует как «конец истории».

Нетрудно обнаружить в изложенных взглядах Фуко на дисциплину лишь одну ее сторону – внешнюю, связанную с наказанием за неправильное исполнение или вообще неисполнение чего-то. Внутренние аспекты этой проблемы (то, что часто называют самодисциплиной) французским ученым ставятся в ином ключе, сквозь призму вопроса о различных техниках подчинения.

Есть два типа таких техник, говорит Фуко. Он пишет: «Я, возможно, слишком настаивал на техниках подчинения, когда изучал лечебницы, тюрьмы и так далее. Конечно, то, что мы называем «дисциплиной», имеет реальную значимость в институтах этого типа. Однако это лишь один аспект искусства управлять людьми в наших обществах. Если раньше я изучал поле власти, беря за точку отсчета техники подчинения, то теперь... я хотел бы изучать отношения власти, отправляясь от «техник себя»²⁷⁰.

Итак, вторая техника – это «техника себя». Под ней Фуко понимает техники, которые позволяют «индивидам осуществлять – им самим – определенное число операций на своем теле, душе, мыслях и поведении, и при этом так, чтобы производить в себе некоторую трансформацию, изменение и достигать определенного состояния совершенства, счастья, чистоты, сверхъестественной силы. Назовем эти техники техниками себя»²⁷¹.

Заключая краткое рассмотрение постструктурализма, отметим, что под ним целесообразно понимать ранний этап постмодернизма, по существу, его становление. Вряд ли имеет смысл пытаться проводить четкую границу между постструктурализмом и постмодернизмом (как это делают некоторые авторы), скорее всего, ее и не существует. Правильнее было бы искать какие-то общие, сближающие характеристики, что и будет сделано дальше. Как отмечает «Новейший философский словарь. Постмодернизм», «в отношении постмодернизма постструктурализм может быть рассмотрен как наиболее фундаментальная его теоретическая предпосылка – в сугубо концептуальном отношении, ибо в отношении персональном невозможность исчерпывающе четкого дистанцирования «постструктуралистского» и «постмодернистского» этапов развития творчества того или иного автора является скорее правилом, нежели исключением»²⁷².

§ 3. УМЕРЕННАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Один из наиболее заметных представителей умеренной постмодернистской социологической теории – американский социальный мыслитель Фредрик Джеймисон (род. в 1934 г.). В рамках социологического контекста постмодернизма охарактеризуем взгляды исследователя на материалах двух его работ соответствующей направленности – «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма» (1991) и «Культурный поворот: Избранные труды по постмодернизму, 1983 – 1998».

²⁶⁹ Ритцер Дж. Современные социологические теории СПб., 2002. С. 534.

²⁷⁰ Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007. С. 702.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же. С. 444.

Джеймисон, как и все представители постмодернизма, большое внимание уделяет рассмотрению истории как текста и исторической перспективы, в которую он помещает интерпретируемые им тексты. В результате такого подхода капиталистическое общество характеризуется им в рамках трех этапов: национального, рыночного капитализма (XVII – середина XIX в.), монополистического капитализма – империализма (конец XIX в. – 1960-е гг.), мультинационального, позднего капитализма (с 1960-х гг. по настоящее время). Каждый из этих этапов определяется не только экономическими характеристиками, но и – это главное – типами и стилями культуры. С этой точки зрения первый этап назван им реализмом, второй – модернизмом, третий – постмодернизмом.

Реализм – это этап целостной, единственно возможной картины мира, модернизм – этап ряда картин мира (которые представлены кубизмом, экспрессионизмом, сюрреализмом и др.), постмодернизм – этап, характеризующийся неспособностью представить картину мира как таковую, невозможностью его целостного видения в рамках культуры.

Характеризуя постмодернистское общество в границах описания его культуры, Джеймисон называет следующие основные элементы этого общества: а) оно отличается поверхностностью и недостатком глубины: постмодернистские произведения культуры создают неглубокие образы и часто представляются как своеобразные симулякры, в которых невозможно отличить оригинал от копии; б) постмодернистское общество выступает как общество ослабленных эмоций и аффектов; в) в этом обществе утрачивается историчность, поскольку утверждается, что мы не можем знать прошлого, а способны лишь знакомиться с текстами о нем, и единственное, что можно сделать в этих условиях, – добавить новые тексты на эту же тему. Отсюда следует, что прошлое создается (воссоздается) по типу попури – смеси, часто противоречивой и бессвязной, идей и взглядов; г) постмодерн – это общество новых технологий, обладающих воспроизводственной направленностью, например, технологий воспроизводства электронных средств – компьютеров, телевизоров и т. д. Вместо взрывных, расширяющихся технологий индустриального общества (эпоха модерна) появляются сжимающиеся, уплотняющиеся технологии информационного общества (постмодернистская эпоха).

По Джеймисону, основной тенденцией капитализма является товарное овеществление (реификация). Его суть состоит в замещении потребительской стоимости товарной стоимостью и превращение в нее любых проявлений социальной жизни, в первую очередь, культуры.

Следствием реификации является фрагментация поля социальной и культурной жизни, вершина которого достигается в постмодернизме. Именно его анализу и уделяется основное внимание в творчестве американского исследователя, который характеризует постмодернизм с сущностной точки зрения как состояние западной культуры. Социальный мыслитель показывает образ общества постмодерна, в котором люди плывут по течению и не способны постичь бурно развивающуюся культуру, в которой они живут.

Однако она не рассматривается в отрыве от экономического, социального и политического состояния общества. Джеймисон пишет: «Вся глобальная, и тем не менее американская, постмодернистская культура является внутренним надстроечным проявлением новой волны американского военного и экономического господства во всем мире: в этом отношении, как происходит на всем протяжении классовой истории, оборотной стороной культуры оказываются кровь, пытки, смерть и ужас»²⁷³.

Анализ культурной логики позднего капитализма в работах Джеймисона, связанный с рассмотрением постмодернизма, имеет несколько пластов. Первый, как только что было показано, – связь культуры с экономическим и иным фундаментом общества, его базисом, по отношению к которому культура выступает в качестве надстройки.

Здесь следует специально сказать, что американский постмодернист находится под сильным влиянием марксизма и его терминологии, за что, кстати сказать, его неоднократно критиковали свои же коллеги с двух фронтов. Одни его ругали за неполное, ограниченное выявление связи экономического базиса и культуры как надстройки, другие – наоборот, за стремление вообще обнаружить такую зависимость. Иными словами, одни критиковали его за то, что он – недостаточный марксист, другие – за то, что он вообще марксист.

Второй пласт анализа культурной логики позднего капитализма, осуществленный в рамках постмодернизма Джеймисоном, касается отношения к самой культуре современного общества. В отличие от большинства представителей постмодернизма, видевших в ней, прежде всего, отрицательные черты, американский ученый рассматривает эту культуру сквозь призму сочетания позитивных и негативных характеристик. Он признает наличие в ней фундаментального раскола, который является следствием фрагментации культуры постмодерна, и в то же время рассматривает ее наиболее ценные достижения.

²⁷³ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 545.

С этой точки зрения представляют большой интерес размышления Джеймсона о некоторых особенностях культуры постмодерна, связанных с ее пространственными характеристиками. Приведем вначале пример, используемый им с этой целью. Речь идет об отеле «Бонавентуре» в Лос-Анжелесе, спроектированном известным постмодернистским архитектором Дж. Портманом. В этом отеле вестибюль окружают четыре абсолютно одинаковых башни, в которых находятся номера. Таким образом, создается «гиперпространство», в котором люди не в состоянии быстро и правильно сориентироваться. Чтобы решить проблему, пришлось в отеле цветное кодирование и указательные сигналы. Как верно отмечает Ритцер, «ситуация в вестибюле отеля «Бонавентуре» может рассматриваться как метафора нашей неспособности сориентироваться в многонациональной экономике и бурном культурном развитии позднего капитализма»²⁷⁴.

Для того чтобы разобраться в жизни общества постмодерна, людям необходимо научиться решать проблемы поиска своего места в гиперпространстве этого общества. Если раньше люди жили в мире, определяемом на основе времени, то сейчас центральным вопросом становится утрата человеком способности находить свое место в пространстве современного общества постмодерна.

С этой целью необходимо создавать, считает Джеймсон, специальные карты познания (когнитивные карты), которые помогут нам ориентироваться в гиперпространстве жизни. Источники происхождения этих карт могут быть разными: работы социальных теоретиков (в том числе самого Джеймсона), творения писателей, а также обычных людей в их повседневной жизни, которые могут чертить карту собственного пространства. В целом нужна глобальная когнитивная картография.

Американский исследователь связывает понятие когнитивных карт с марксистской идеей классового сознания. Вот что он говорит сам по этому поводу: «Когнитивная картография фактически была всего лишь кодовым обозначением «классового сознания», ...но она предполагала потребность в классовом сознании нового и до сего времени невообразимого рода, одновременно сместив рассмотрение в направлении новой пространственности, подразумеваемой в постмодерне»²⁷⁵.

Конечно, то, что говорит Джеймсон, – лишь паллиатив, полумера. Но, в отличие от многих постмодернистов, которые вообще ничего не предлагают относительно перемен в жизни общества постмодерна, рекомендация американского ученого, по крайней мере, может претендовать на частичное решение проблемы улучшения ситуации в связи с поиском человеком своего места в мире в целом, в конкретном обществе в особенности.

Заканчивая разговор о концепции Джеймсона, отметим, что для него постмодернизм не является пределом развития общества. Более того, он содержит в себе потенции выхода за пределы капиталистического общества. Это четвертый этап, так называемый пост-постмодернизм, который Джеймсон называет этапом «четвертой возможности». Его культурной доминантой является «коммунальная ассоциация». По существу это возврат к целостности реализма (но на новой, более высокой основе), к интегрированному, лишённому фрагментации, обществу, в котором социальным отношениям была бы возвращена их коммунальная природа²⁷⁶.

Как видно, в целом постмодернистская социальная теория Джеймсона является достаточно умеренной, не радикальной, не предлагающей смену «всего и вся», «здесь и сейчас». В данной теории содержится много явно выраженных социологических трактовок общества, его типов и этапов развития, культуры, ее типов и этапов развития и др. Причем эти трактовки представлены в границах постмодернистского понятийного аппарата и его особого терминологического комплекса, включающего понятия истории, текста, повествования, тотальности и др. Все это делает рассмотрение творчества Джеймсона важным для целостного понимания постмодернистской социологической парадигмы, а его концепцию ставит в один ряд с теориями наиболее крупных представителей постмодернизма.

²⁷⁴ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 548.

²⁷⁵ Там же. С. 549.

²⁷⁶ Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007. С. 143 – 144.

§ 4. РАДИКАЛЬНАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Рассмотрим эту теорию на примере творчества французского теоретика постмодернизма Жана Бодрийяра (1929 – 2007), который, кстати, был одним из немногих представителей этого течения мысли, имевшим социологическое образование. Путь этого мыслителя к постмодернизму был непростым, и начинался он с увлечения марксизмом, которое довольно быстро перешло в его критику. Эта критика базировалась на убеждении в том, что Маркс был заражен «вирусом буржуазной мысли».

В чем отличие радикальной постмодернистской социологической теории от умеренной? В радикальной теории дается резкая и беспощадная критика капиталистического общества – как модерна, так и в особенности постмодерна, тогда как в умеренных теориях мы такой критики не найдем.

Вторая особенность этой теории, которая также хорошо заметна на примере творчества Бодрийяра, – несогласие практически со всеми концепциями, представлениями и трактовками этого общества, имеющимися в литературе. Крайне редко в его работах представится случай, когда можно увидеть принятие идей Р. Барта, Ж. Батая, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко (вспомним название одной из книг Бодрийяра – «Забыть Фуко») или кого-либо еще из представителей постмодернизма.

Третья основная особенность – отсутствие какой-либо позитивной альтернативы обществу постмодерна. В одной из своих поздних работ («Америка») Бодрийяр пишет, что при посещении этой страны «искал законченную форму будущей катастрофы». Он не надеется на революцию (как Маркс), не видит возможности реформ (как Дюркгейм). Единственное состояние будущего, о котором он говорит, – обреченность на жизнь среди симулякров, копий, гиперреальности и сужения всего существующего в черную дыру – своеобразную воронку, способную поглотить в своем водовороте все индивидуальное и социальное.

Начальный этап творчества Бодрийяра имел преимущественно социологическую направленность, о чем свидетельствуют такие его работы как «Система вещей», «Общество потребления», «К критике политической экономии знака», «Зеркало производства», «Символический обмен и смерть» и др. В них он критикует общество потребления, причем сама эта критика явилась жесткой реакцией на очень популярные в то время на Западе теории общества Изобилия, Благоденствия, Процветания. В этих теориях провозглашалось появление совершенно нового типа общества, новой повседневности, лишенной противоречий предшествующего развития капитализма.

Однако реально всего этого в развитых западных обществах нет, утверждает Бодрийяр. Так, он подвергает критике понятие изобилия как значительного количества производимых и потребляемых вещей. На самом деле, считает он, изобилие имеет не столько сугубо материальный, сколько духовный характер, и проявляется оно в мироощущениях людей, в отношениях между ними, в оптимистических оценках и самооценках. Бодрийяр доказывает, что рост производства и потребления приводит к усилению социального неравенства в обществе.

В изображении Бодрийяра потребление предстает как утрата смыслов и игра знаков, как жизнь во вселенной знаков. Но, как верно пишет Е.А. Самарская в своем «Послесловии» к книге французского мыслителя «Общество потребления», «критицизм Бодрийяра заканчивается не призывом к новым общественным силам, а надеждой на некие катастрофические вмешательства, тектонические сдвиги общественной почвы, которые разрушат знаковый мир западного человека и вернут его в мир реальных вещей и реальных отношений»²⁷⁷.

Анализируя капиталистическое общество 1980 – 1990-х гг., Бодрийяр приходит к выводу, что в нем господствуют уже не производства (в первую очередь промышленные), а средства массовой информации, компьютеры, кибернетические системы и модели управления, индустрия развлечений и знаний и др. Это приводит к подлинному взрыву знаков и производящих их систем. Поскольку различие между знаками и действительностью сокращается, мы больше не можем говорить о том, что из них реальнее. Такая особенность общества свидетельствует уже о том, что оно стало обществом постмодерна.

Бодрийяр утверждает, что электронные СМИ фальсифицируют социальные отношения, «которые становятся просто симуляциями социальной реальности. ... поскольку социальная реальность есть симуляция, общество становится гиперреальным»²⁷⁸. Сверхреальность (гиперреаль-

²⁷⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 252.

²⁷⁸ Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. М., 2000. С. 19.

ность) – это больше, чем сама реальность, потому что она базируется на лжи и искажении фактов, преподносимых электронными СМИ зрителям. В конечном счете, пишет Бодрийяр, реальности больше нет, есть лишь сверхреальность. Она является следствием «растворения телевидения в жизни, жизни в телевидении». По существу СМИ становятся не просто зеркалом действительности, а самой ею и даже больше.

Что же касается капиталистического общества, то оно превращается из общества потребления в общество производства, обмена и потребления знаков и символов и становится, таким образом, постмодерным. Начинает господствовать новый вид потребления, который приводит к «активному манипулированию знаками» настолько, что производство товара и знака сливается в единое производство товара-знака. Характерной особенностью нового типа общества – общества постмодерна – становится «утрата устойчивого значения», являющаяся следствием стирания всяких различий между образом и действительностью.

Рассмотрение общества конца XX столетия под таким углом зрения приводит Бодрийяра к выводу о том, что альтернативой экономическому обмену становится обмен символический. Он пишет, что «символическое – это не понятие, не инстанция, не категория и не «структура», но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а задано и оппозицию реальному и воображаемого»²⁷⁹. Символический обмен представляет собой непрерывный цикл приобретения и возмещения, отдачи и получения знаков, образов, символов, на основании которых осуществляется власть и господство.

Общество постмодерна характеризуется подражательством. Как говорит Бодрийяр, мы живем в «век притворства». Процесс подражания приводит к созданию симулякров, которые есть не что иное, как воспроизведение объекта или события в форме знаков и символов, выступающих в роли имитации реальности.

Характерная для французского мыслителя трактовка общества постмодерна как общества знаков, символов, симулякров содержит в себе богатые возможности для его сравнения с театром. Вообще традиция рассмотрения общества как театра в социологии имеет давние и сильные корни. Бодрийяр не мог устоять перед соблазном очередного сравнения, которое, однако, имело и новые, специфические черты. Во-первых, на этот раз предметом сравнения стала политическая сфера жизни. Во-вторых, причиной аналитического превращения жизни общества в театр оказалось поведение его населения, представленного широкими массами людей, позволившими и даже захотевшими (по мнению Бодрийяра) того, чтобы политика стала спектаклем, политики – актерами, а народ – публикой, жаждущей политического зрелища.

Отсюда следует еще одна социологическая проблема, раскрываемая в духе постмодернистской парадигмы. Речь идет о массах. Они у Бодрийяра выступают как молчаливое большинство, это «черная дыра, куда проваливается социальное... полная противоположность тому, что обозначается как социологическое»²⁸⁰. Они останавливают исторический процесс, но не могут быть управляемы никакой политической властью, хотя и порождают иллюзию власти и иллюзию быть ею. Бодрийяр не согласен с тем, что массы создаются манипуляциями СМИ. Массы нигде, никем и ничем не могут быть представлены. Они существуют помимо и вне демократической репрезентации. Их невозможно сбить с пути, поскольку они никуда не движутся и ничем не заняты. «Они поглощают всю энергию и информацию, растворяя при этом все социальное и все антисоциальное. Массы дают тавтологичные ответы на все вопросы, ибо на самом деле они молчат – они безмолвны как звери»²⁸¹.

Рассмотрение названных выше специфических черт общества постмодерна приводит Бодрийяра не только к его жесткой критике, но и, как уже указывалось выше, достаточно пессимистическому выводу о том, что в этом обществе нет надежды на коренное изменение ситуации к лучшему. Его удел – «катиться дальше вниз» или оставаться на долгий период времени в существующем состоянии. Отсюда следует развитие французским мыслителем тем, связанных с концом истории, концом социального, концом политического и других излюбленных постмодернистами концов. В этой связи не менее традиционной оказывается и тема смерти общества символов, чему была посвящена специальная работа ученого²⁸².

Завершая анализ общества постмодерна в трактовке Бодрийяра, хотелось бы сослаться на большую статью, посвященную его творчеству, в «Новейшем философском словаре». Авторы этой статьи пишут, что Бодрийяр характеризует постмодерный мир как состояние «после оргии». В этом мире «идеи и ценности (прогресса, богатства, демократии и пр.) утрачивают свой смысл, но их воспроизводство продолжается и становится все более совершенным. Они расплзаются по ми-

²⁷⁹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 241.

²⁸⁰ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 8.

²⁸¹ Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007. С. 60.

²⁸² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.

ру, как метастазы опухоли, и проникают везде, просачиваясь и друг в друга. Секс, политика, экономика, спорт и т. д. теперь присутствуют везде и значат нигде. Политика сексуальна, бизнес – это спорт, экономика неотличима от политики и т. д. Ценности более невозможно идентифицировать, культура стала транскulturой, политика – трансполитикой, сексуальность – транссексуальностью, экономика – трансэкономикой. Все подверглось "радикальному извращению" и погрузилось в ад производства, в "ад того же самого"²⁸³.

В заключение анализа постмодернистской парадигмы в социологии обратимся к ответу на два вопроса, которые волнуют многих исследователей постмодернизма: во-первых, можно ли утверждать, что представления, идеи и взгляды постмодернистов представляют собой построения, которые претендуют на то, чтобы быть названными теорией? во-вторых, если да, то являются ли эти теории социологическими? Используя социологическую терминологию, применяющуюся в эмпирических исследованиях, в частности, в различных опросниках и анкетах, когда респондентам предлагаются варианты ответов в рамках пятиранговой шкалы, мы бы использовали один и тот же ответ в обоих случаях: «Скорее да, чем нет».

Что дает основание для такого ответа? В первую очередь, это наличие значимых и разделяемых рядом исследователей новых идей. Они касаются, прежде всего, стремления выявить и охарактеризовать новый тип общества за пределами уже сформировавшихся трактовок индустриального, постиндустриального, технотронного, информационного и иных типов.

С этой целью в постмодернизме применяется ряд новых характеристик, связанных с понятиями симулякров, сверхреальности, языковых, знаковых и семиотических структур, культурных кодов, символического обмена и др. В том случае, когда они используются для анализа конкретных социальных процессов, эти характеристики приобретают социологическую направленность. Яркий пример этого – использование Бодрийяром деятельности электронных СМИ и их анализ для показа того, как реальная социальная действительность заменяется и подменяется определенными ее образами, создающими новый ее тип – так называемую сверхреальность (или гиперреальность).

Еще один, не менее яркий пример – постструктуралистская социологическая теория, описывающая реальный социальный мир как создание человеческой речи (что в каком-то смысле приближает ее к феноменологической и этнометодологической социологии). Если же учесть, что «по стратегии построения теории постструктурализм более всего схож с теорией конфликта»²⁸⁴, то становится понятной возможность теоретико-социологической характеристики постструктурализма.

Конечно, зачастую сами постмодернисты создают почву для сомнений в теоретичности и социологичности их представлений. Так, они отрицают большие повествования и не создают чего-либо взамен их, предлагая фрагменты, «куски» анализируемого материала, не всегда должным образом связанные между собой. Но ведь это только форма, которая, конечно, свидетельствует скорее против теории, чем за нее. Однако необходимо видеть за каждой такой формой новые и увлекательные идеи, их значение для понимания социальных процессов, а это может обеспечить развитие социологической теории в каких-либо новых, неожиданных и непредвиденных направлениях.

Вопросы и задания

1. Раскройте основные черты и дайте общую характеристику постмодернистской парадигмы.
2. Чем отличаются друг от друга термины «модернизм», «постмодернизм», «модерн», «постмодерн»? Покажите содержательные различия между ними.
3. Почему в теоретической социологии существует неоднозначное отношение к постмодернизму? Определите основные позиции социологов по этому вопросу.
4. Какие теории вы могли бы определить как постмодернистские и почему? Какие из них ближе к теоретической социологии? В чем это проявляется?
5. В чем состоит социологический аспект постструктуралистской теории Ж. Деррида?
6. В чем состоит социологический аспект постструктуралистской теории М. Фуко?
7. Охарактеризуйте умеренную постмодернистскую социологическую теорию (на примере Ф. Джеймисона).
8. Охарактеризуйте радикальную постмодернистскую социологическую теорию (на примере Ж. Бодрийяра).

²⁸³ Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007. С. 62.

²⁸⁴ Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996. С. 238.

Литература

- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2004.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. Екатеринбург, 2000.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.
- Большой толковый социологический словарь. М., 1999. Т. 2.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов-на-Дону, 1999.
- Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
- Гидденс Э. Социология. М., 2009.
- Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Деррида Ж. Театр жестокости и закрытие представления // Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург, 2007.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- История теоретической социологии: В 4 т. СПб., 2000. Т. 4.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М., 2006.
- Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007.
- Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.
- Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. М., 2000.
- Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.
- Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.

ГЛАВА 13

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ С РУБЕЖА 1910 – 1920-х гг. ДО НАЧАЛА 1930-х гг.

§ 1. Отечественная социология в 1917 – 1922 гг.

§ 2. Отечественная социология в 1920 – 1930-е гг.

2.1. Марксистская теоретическая социология в СССР

2.2. Конкретно-социологические исследования в СССР

§ 3. Итоги периода

Рассмотрев процессы, характерные для социологической науки XX в. в Европе и США, мы переходим к анализу развития отечественной социологической мысли – с сохранением той же логики и структуры, что были использованы в предшествующих главах. При этом, конечно, будет учтена «российская специфика», состоящая в данном случае в том, что по меньшей мере четверть века (с начала 1930-х до рубежа 1950 – 1960-х гг.) в условиях господства сталинского режима социология находилась под запретом. Поэтому вслед за первым периодом (от Октябрьской революции 1917 г. до начала 1930-х гг.) будет рассмотрен второй (от рубежа 1950 – 1960-х гг. до конца 1980-х гг.), а затем и третий (с конца 1980-х гг. до наших дней). Анализу каждого из трех периодов будет посвящена своя, особая глава.

В рамках первого периода, к непосредственной характеристике которого мы переходим, целесообразно выделить два подпериода. Первый – с конца 1917 г. до конца 1922 г. – можно в самом общем плане определить как время противоборства немарксистской (антимарксистской) и марксистской социологии, второй – с конца 1922 г. до начала 1930-х гг. – как время утверждения и победы марксистской социологии, завершившееся, в точном соответствии с логикой развития социальных и идеологических процессов в СССР, реальным запретом и теоретических, и эмпирических социологических исследований. Конец 1922 г. рассматривается нами как определенный рубеж в противостоянии двух принципиально различных направлений в развитии социологической науки (марксистской и немарксистской), поскольку был ознаменован своего рода знаковым событием – высылкой из страны большой группы творческой интеллигенции, в составе которой оказался и П. Сорокин, ведущий отечественный социолог, который впоследствии, как об этом уже писалось, составил славу мировой социально-гуманитарной науки.

§ 1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ В 1917 – 1922 гг.

В рамках первого подпериода отечественная социология развивалась преимущественно как теоретическая наука. Эмпирические исследования, традиции которых не были заложены в дореволюционный период, почти не проводились, хотя потребность в них уже давала о себе знать. Молодое правительство страны Советов – Совнарком – вначале благожелательно отнеслось к проведению социальных исследований и рекомендовало приступить к их осуществлению еще в мае 1918 г. Да и в целом отношение к социологии на первых порах послереволюционного развития было положительным. Более того, начался процесс ее институционализации.

Он был вызван значительным интересом к этой науке, о чем свидетельствовал количественный рост издаваемой социологической литературы и в целом литературы в области социальной

проблематики. Так, по социологии в 1918 г. вышло из печати на 40 книг больше, чем в 1917 г. В 1921 г. в России было издано более 4000 томов литературы по социальным проблемам, что составило половину от годовой книжной продукции.

В октябре 1918 г. был создан Социобиблиологический институт, которому предстояло решить несколько задач. Одной из них стала подготовка и проведение конкретных социологических исследований, другой – популяризация социологических знаний, в том числе путем оказания помощи в ознакомлении с литературой по социальным проблемам. Через год после своего создания, в 1919 г. Социобиблиологический институт был преобразован в Социологический институт, директором которого в начале 1920 г. стал известный российский социолог К.М. Тахтарев. В составе института работали также не менее известные социологи П.А. Сорокин и Н.А. Гредескул.

Оказавшись у руководства института, К.М. Тахтарев поставил вопрос о расширении направлений его работы. Помимо научных исследований, планировалось обеспечение необходимого уровня высшего социологического образования, обучение работников государственного и партийного аппарата и распространение социологических знаний среди народа. Однако эти предложения не получили поддержки, скорее наоборот, вызвали опасение расширения влияния немарксистской социологии.

Еще одним важным показателем институционализации социологической науки в стране явилось возобновление в 1919 г. работы Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского. Его председателем был избран пользовавшийся большим авторитетом среди социологов Н.И. Кареев. Социологический институт и Русское социологическое общество стали основными центрами притяжения интересов исследователей и педагогов, которые регулярно собирались слушать доклады и лекции ведущих ученых. На эти встречи приходили и люди, просто желающие получить знания в области социологической науки. С докладами и лекциями выступали П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, Н.А. Гредескул, Н.И. Кареев, А.А. Гизетти, П.И. Люблинский и др. На собрания социологов приходили, как правило, сторонники самых разных направлений, включая представителей и марксистской, и немарксистской ориентаций. Однако последние все же доминировали. Впоследствии это явилось одним из оснований для прекращения работы и Социологического института, и Русского социологического общества. Институт был закрыт в 1921 г., чуть позже – Русское социологическое общество. Власть предрекшие хорошо понимали, что нельзя давать возможность готовить кадры, проводить исследования и издавать книги по социологии профессорам либерального направления.

Была введена ученая степень по социологии, созданы первые социологические кафедры в Ярославском и Петроградском университетах. В последнем был образован первый в России факультет общественных наук, деканом которого стал Сорокин. Именно он написал первые учебные программы по социологии – и для высшей, и для средней школы, поскольку появилась возможность обучения основам этой дисциплины.

Такая возможность возникла вследствие разрешения Наркомпроса (Народного комиссариата по делам просвещения) преподавать социологию в школах. Более того, была поставлена задача обеспечить переход ко всеобщему обязательному изучению социологии. Однако в связи с отсутствием в достаточном количестве необходимой учебной литературы, а главное – подготовленных педагогических кадров, способных пропагандировать идеи социализма и коммунизма, на основании проверки работы ряда школ Петрограда Наркомпрос вскоре запретил преподавание социологии. Вместо нее было введено обучение основам политических знаний, к преподаванию которых допускались лишь члены партии большевиков.

Активно издавалась социологическая литература – как марксистского, так и – первоначально – немарксистского характера. Особое значение имела публикация учебников. К числу основных марксистских произведений этого жанра, написанных в период 1917 – 1922 гг., следует отнести, прежде всего, работы Е.А. Энгеля и Н.И. Бухарина²⁸⁵; книга последнего была подвергнута резкой и беспощадной критике в рецензии Сорокина.

Среди учебников и научных трудов немарксистской ориентации выделялись работы В.М. Хвостова, П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева и др.²⁸⁶. Однако после высылки за рубеж значительного отряда российской творческой интеллигенции, не поддерживавшей Советскую власть, издание немарксистской литературы по социологии было по существу прекращено.

²⁸⁵ Энгель Е.А. Социология. Краткий курс средней школы. Пг., 1919; Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М., 1921.

²⁸⁶ Хвостов В.М. Социология. М., 1917. Т. 1; Его же. Основы социологии. М., 1920; Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Ярославль, 1920; Его же. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1, 2; Тахтарев К.М. Наука об общественной жизни, ее явлениях, отношениях и закономерностях. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг., 1919; Его же. Общество и его механизмы. Пг., 1921.

Аналогичные запретительные действия были предприняты в отношении исследовательских институтов, где проводилась работа по изучению социологических проблем, и преподавания предмета социологии в высших учебных заведениях. В 1922 г. были закрыты кафедры социологии. В следующем учебном году – 1923/1924 – впервые в вузах Петрограда были введено преподавание курса исторического материализма.

Таким образом, противоборство двух линий в развитии отечественной социологии в первые годы Советской власти завершилось чисто волевым, авторитарным способом, который затем постоянно использовался в практике деятельности Коммунистической партии и советского государства. В немалой степени такому решению проблемы социологического противостояния способствовала позиция В.И. Ленина, сформулированная им в статье «О значении воинствующего материализма» (1922). Суть этой позиции была выражена в двух положениях: 1) кто не с нами, тот против нас; 2) мы не так сильны, чтобы за деньги пролетариата разрешить в стране враждебное большевизму инакомыслие.

Результатом деятельности правительства, основанной на таком отношении к дореволюционной профессуре, стало либо прекращение ею научной и педагогической деятельности в области социологии, либо выезд из страны (по некоторым данным, эмигрировало более 80 социологов). Лишь единицы перешли в идеологический стан марксизма. Начался процесс бурной «идеологизации» социологии, продолжавшийся в стране (с перерывом почти в 30 лет) вплоть до 1990-х гг. С ним оказалась тесно связанной и репрессивная деятельность по отношению к инакомыслящим ученым. Дальнейшее социологическое творчество могло осуществляться лишь в рамках одного направления – марксистского.

§ 2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ В 1920 – 1930-е гг.

Развитие социологической науки в стране в последующее после 1922 г. десятилетие происходило на двух уровнях – теоретическом и эмпирико-прикладном. Рассмотрим вначале теоретические исследования.

2.1. Марксистская теоретическая социология в СССР

Наибольшим теоретическим влиянием на процесс становления советской марксистской социологии в начале 1920-х гг. пользовалась концепция Н.И. Бухарина, изложенная им в названной выше книге «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (1921). Небезынтересно отметить, что эта работа вплоть до 1929 г. переиздавалась восемь раз. Основная идея Бухарина заключалась в отождествлении социологии, точнее говоря, социологической теории с историческим материализмом. Исторический материализм был провозглашен социологической теорией марксизма. Он был определен как «общее учение об обществе и законах его развития, т. е. социология»²⁸⁷. Еще одной особенностью концепции Бухарина явилось стремление доказать, что марксистская социология является самостоятельной дисциплиной, выступающей как частная наука по отношению к философии марксизма. Аналогичные или близкие позиции заняли Н.Н. Андреев, Д.С. Садынский, С.А. Оранский, С.Ю. Семковский и др.

Некоторые из них пошли еще дальше, признавая конкретные социологические исследования как один из уровней социологической науки. Так, Оранский писал в этой связи: «Как общая теоретическая социология исторический материализм предполагает и возможность конкретной со-

²⁸⁷ Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М., 1921. С. 12.

циологии, особого конкретного социологического изучения социальных процессов...»²⁸⁸. Нужно отметить, что эта позиция впоследствии, в условиях восстановления социологии в «гражданских правах» в 1960-х гг., была по сути дела воспроизведена (однако, к сожалению, без ссылки на ее автора).

Другая группа марксистов (С.Я. Вольфсон, С.З. Каценбоген, З.Е. Черняков) заняла несколько иные позиции. Соглашаясь с основным тезисом Бухарина о тождестве исторического материализма и социологии, они рассматривали последнюю как составную часть философии. В целом следует отметить, что все изложенные выше точки зрения отражали своеобразную социологическую доминанту в подходе к соотношению философии, исторического материализма и социологии.

Имела место и, условно говоря, философская доминанта во взгляде на эту проблему. Ее сторонники (В.В. Адоратский, И.П. Разумовский и др.) полагали, что в историческом материализме есть философский и социологический аспекты. Первый состоял в подчеркивании материалистического понимания мира и исторического процесса, второй – в выявлении общей теории общества.

Крайним выражением так называемой «философской доминанты» явилась позиция авторов, отрицавших социологическое значение исторического материализма, более того, доказывавших, что социология носит враждебный по отношению к нему характер (А.М. Деборин, Н.А. Карев, И.К. Луппол, В.Н. Сарабьянов и др.). Эту позицию можно определить в качестве антисоциологической. Исторический материализм рассматривался только как научно-философская теория общества. Термин «социология» считался не только немарксистским, но и враждебным для исторического материализма, поскольку отождествлялся с буржуазной наукой об обществе. В лаконичной форме антисоциологическая позиция выглядела так: марксистской социологии нет и быть не может, социология может быть только буржуазной. В конце 1920-х гг. в ходе дискуссии (которая оказалась последней для социологии перед ее фактическим запретом) сформулированная точка зрения получила решающий перевес над другими. Этому способствовали соответствующие политические условия, связанные с утверждением культа Сталина, а также его личный интерес относительно запрета социологии.

Помимо дискуссии о характере связей и взаимодействий социологии и философии, о марксистской и немарксистской социологии, о возможности вообще ее использовать в рамках марксистской общественной науки существенное значение имело обсуждение позитивистских и натуралистических интерпретаций социальных явлений и процессов, которое содержало прямое отношение к социологии. Позитивистски и натуралистически мыслящие авторы часто встречались как среди социологов, так и представителей естествознания. Отметим, что сторонником социальной (коллективной) рефлексологии был известный психоневролог В.М. Бехтерев, развивали идеи социального дарвинизма социологи Н.А. Гредескул, Д.С. Садынский, Е.А. Энгель, отстаивали концепции зоосоциологии зоолог М.А. Мензбир, фитосоциологии – биологи И.К. Пачосский, В.Н. Сукачев и т. д. Популярными становились попытки соединить идеи К. Маркса и З. Фрейда, биологизаторские трактовки социальных процессов.

Так, Мензбир рассматривал формы «общественной жизни» животных, начиная с муравьев и насекомых, и считал, что без этого нельзя понять социальную жизнь человека в обществе и общество в целом. У муравьев он «находил», к примеру, республиканскую форму правления. Основная идея фитосоциологии состояла в том, что объектом изучения социологии является не только человеческое общество, но и весь органический мир, вся живая природа.

Что касается коллективной рефлексологии, то Бехтерев рассматривал в рамках ее предмета различные формы человеческой деятельности и общественной жизни как акты коллективного рефлексорного поведения. В его трактовке социальные стимулы вызывали коллективные реакции, а социальная рефлексология выступала как одна из форм социального бихевиоризма. Особенность подхода Бехтерева состояла в том, что он пытался найти точки соприкосновения своей коллективной рефлексологии и социологии. В работе «Коллективная рефлексология», стремясь выявить различия между ними, он писал: «Для социолога несущественно знать, как образуются и какие изменения происходят в деятельности и реакции коллектива по сравнению с реакциями и деятельностью отдельных индивидов. Он может, конечно, этим интересоваться, но это не его прямая задача, тогда как он естественно признает своей задачей выяснение отношений между социальными группами, как и самый факт установления социальных групп или коллективов. Таким образом, изучение способа возникновения коллективных групп и особенностей коллективной деятельности по сравнению с индивидуальной – дело коллективной рефлексологии, тогда как выяснение количества коллективов, их особенностей и взаимоотношения между этими коллективами в среде того или другого народа есть дело социолога»²⁸⁹.

²⁸⁸ Оранский С.А. Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1927. Т. 1. С. 13 – 14.

²⁸⁹ Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921. С. 32.

Ученый полагал, что изучение коллективной рефлексологии может дать очень много полезной информации для правильного понимания социальных процессов, характерных для объективных отношений между многочисленными общественными группами. Именно эту сторону дела – объективный характер процессов и отношений – он постоянно подчеркивал, считая, что для социологии важно опираться не столько на психологическую науку (которая предоставляет данные преимущественно субъективного плана), сколько на биологию и рефлексологию, поскольку они ориентируют на получение объективного научного материала.

Позитивистски и натуралистически ориентированные исследования стимулировали развитие смежной с социологией отрасли науки – социальной психологии. Поскольку в марксизме такой поворот не был «предусмотрен», а социальная психология не значилась в спектре его научных интересов, возникли определенные трудности на пути консолидации этой дисциплины с социологией. Однако практические потребности нового общества, связанные с исследованиями в области труда, воспитания, формирования нового человека, стимулирования его общественной активности, выдвигали задачу развития социальной психологии. Тем более что за рубежом эта наука в 1920-е гг. получила широкое распространение. Перспективы развития эмпирической социологии в России в этот период, постановка и решение ряда практических и прикладных задач (о чем чуть дальше будет подробно сказано) были напрямую связаны с развитием социальной психологии.

В период с 1923-го по 1929 гг. (время окончания дискуссии о соотношении марксистской и немарксистской социологии и в целом о необходимости этой науки в рамках марксизма) был опубликован ряд крупных социологических работ²⁹⁰.

В названных и иных работах обращают на себя внимание, по меньшей мере, две особенности. Во-первых, все они были теоретическими по своему характеру, в них ставились и рассматривались вопросы, касавшиеся предмета, специфики, структуры социологического знания, его функций, соотношения социологии и марксизма. Во-вторых, опубликованные издания свидетельствовали о большом интересе к социологии не только в столичных центрах Москве и Ленинграде, но и во многих других городах – Минске, Харькове, Саратове и т. д. Реальная география социологических публикаций была достаточно широкой и охватывала десятки городов страны.

Для развития марксистской социологии периода 1920-х гг., особенно их первой половины, были характерны многочисленные дискуссии – устные и в публикациях, которые отличались, как правило, научной корректностью, терпимостью к оппонентам, отсутствием догматизма, искренней верой в справедливость и торжество идей марксизма. Эти дискуссии были чаще всего творческими, хотя бы потому, что велись людьми, многие из которых отличались высоким уровнем образованности, знанием иностранных языков и зарубежной философской и социологической литературы.

В указанных выше работах и дискуссиях поднимался целый ряд проблем, касавшихся не только предмета и метода социологической науки, но и социальной и национальной структуры общества и ее отдельных элементов, процессов классовой и социальной дифференциации. Так, исследователи стали обращать внимание на процессы классового расслоения, активно происходившие на селе²⁹¹.

Вместе с тем, к концу 1920-х – началу 1930-х гг. стала вырисовываться в представлениях социологов социально-классовая структура советского общества, включавшая в себя два неантагонистических класса – рабочий класс и колхозное крестьянство и слой (группу) или межклассовую прослойку (ее называли по-разному) трудовой интеллигенции. Именно в это время обозначились контуры одной из основных в 1960 – 1980-х гг. социальных утопий – о сближении названных элементов социально-классовой структуры и создании в недалекой перспективе общества социальной однородности.

Еще в начале 1920-х гг. Сорокин полемизировал с марксистами, абсолютизовавшими классовую структуру нового общества в ущерб другим вариантам его социального расслоения и дифференциации. Последующие процессы в жизни советского общества, происходившие в первую очередь на селе и связанные с массовой коллективизацией, подтвердили правоту российского социолога, который, однако, в это время уже работал в США и мог анализировать их, лишь оперируя данными статистических исследований. Но они в это время были уже фальсифицированными и искажали процессы реальной социальной дифференциации советского общества.

²⁹⁰ Садынский Д.С. Социальная жизнь людей. Введение в марксистскую социологию. Харьков, 1923; Энгель Е.А. Очерки материалистической социологии. М., 1923; Андреев Н.Н. К вопросу о понимании закономерности в истории: социологический этюд. Л., М., 1925; Каценбоген С.З. Марксизм и социология. Саратов, 1926; Пипуныров В.Н. Современное состояние социологии и перспективы ее будущего развития. Никольск, 1926; Черняков З.Е. Социология в наши дни. Л., М., 1926; Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Минск, 1929; Оранский С.А. Основные вопросы марксистской социологии. М., 1929 и др.

²⁹¹ См., напр.: Крицман Л. Классовое расслоение в советской деревне. По данным волостных обследований. М., 1926.

2.2. Конкретно-социологические исследования в СССР

Период 1920-х гг. был временем становления отечественной эмпирической социологии. Эмпирические и прикладные исследования охватили практически все основные сферы жизнедеятельности общества, коснувшись многочисленных и, как правило, актуальных социальных проблем. Это были проблемы труда и быта рабочих и крестьян, социальные аспекты развития производства, города и деревни, вопросы жизни рабочей и сельской молодежи, развития культуры и образования, семьи и досуга и многие другие. Особое место среди эмпирических исследований занимало изучение бюджетов времени рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Определенное внимание уделялось характеристике методологии, методики и техники конкретно-социологических исследований. Рассмотрим подробнее основные направления эмпирических исследований.

Прежде всего следует отметить, что в основу многих из них были положены необходимые статистические данные, без которых трудно было бы представить реальные процессы и перспективы развития социальной структуры, труда и производства, образования и культуры и т. д. В этом отношении большую роль сыграли переписи населения 1920 и 1926 гг., а также издававшийся с 1923 г. журнал «Статистика труда», регулярно публиковавший большой статистический и фактический материал.

Одним из центральных направлений исследований оказалось изучение социальных проблем управления, труда и производства. Оно осуществлялось рядом исследовательских коллективов. Главными среди них были Центральный институт труда (ЦИТ) в Москве под руководством А.К. Гастева, Всеукраинский институт труда в Харькове под руководством Ф.Р. Дунаевского. Следует назвать также таких крупных исследователей в этой области, как Н.А. Витке, О.А. Ерманский, П.М. Керженцев. В работах указанных коллективов и авторов были рассмотрены вопросы социологических теорий научной организации труда, производственного коллектива, социального управления, трудового поведения работников.

По существу в деятельности названных выше институтов и исследователей были заложены основы отечественной прикладной социологии. Упомянутые авторы, не являвшиеся профессиональными социологами и затрагивавшие социологические проблемы в связи с решением вопросов научной организации труда и производства, тем не менее понимали их важное социальное значение. Не случайно Гастев выдвинул в 1927 г. задачу превращения современного предприятия в огромную социальную лабораторию, другими словами, осуществления его социальной перестройки. Этого нельзя было сделать без развития социальной инженерии, которая и выступала в то время в качестве прикладной социологии на производстве. Сам Гастев считал, что старая теоретическая социология должна быть заменена новой, более плодотворной наукой прикладного характера – социальной инженерией. По сути дела это было предложение пересмотреть предмет социологической науки путем отказа от макросоциологии в пользу микросоциологии.

Исследователи (Витке, Гастев, Ерманский) указывали, что основными проблемами в сфере труда и производства являются не столько физические и физиологические, сколько социальные, предполагающие прежде всего создание условий для социального сотрудничества людей. Для достижения этой цели нужна была научная организация не только труда и производства, но и управления. Если в процессе первой решалась задача рационального соединения человека с орудиями труда и средствами производства, то целью управления становилось создание оптимальных условий для социального взаимодействия людей друг с другом в рамках производственной деятельности.

Говоря о работах в области управления, нельзя не коснуться взглядов А.А. Богданова, который стремился к созданию «всеобщей организационной науки» – тектологии, т. е. науки о закономерностях организационного характера, касающихся использования взаимодействующих сил с целью достижения равновесия в социальной среде. Общество он рассматривал как социальную систему, которая нуждается в поддержании порядка и устойчивости, достигаемых за счет деятельности групп, имеющей организационно-управленческий характер. Задача тектологии состоит, по его мнению, в том, чтобы показать возможности использования организационно-управленческого начала.

В 1920-х гг. закладывались основы отечественной социологии труда и социологии управления. Причем некоторые работы, выполненные в рамках данных отраслей социологической науки, получили международное признание. Особенно это касалось тех исследований, которые были посвящены изучению роли социального фактора в производственной деятельности человека. По существу они предвосхитили труды зарубежных ученых в области индустриальной социологии.

Проблемы труда, производства и управления нашли свое отражение в большом количестве книг и журналов, издававшихся в 1920-х гг. Так, в 1923 г. по этим проблемам было опубликовано около 60 книг. Одних только журналов соответствующей направленности издавалось около 20. Советское государство было заинтересовано в развитии социалистического производства и всячески стимулировало изучение его различных сторон.

Не меньшее внимание уделялось исследованию социальных процессов, происходивших в деревне, среди крестьянства. Особое значение имел анализ социального расслоения внутри этого класса. Создавались контуры сельской социологии. Руководство Коммунистической партии проявляло немалый интерес к изучению процессов на селе. По его инициативе была создана специальная комиссия, которая организовала проведение в середине 1920-х гг. несколько крупных обследований. Так, в 1923 г. было изучено 8 тысяч дворов в 7 губерниях, представляющих основные сельскохозяйственные районы европейской части страны. В 1924 – 1925 гг. только в одной Пензенской губернии было обследовано 33 тысячи крестьянских хозяйств.

Для исследований села была характерна явно выраженная практическая направленность. Помимо объективной характеристики ситуации в деревне, важно было выявить отношение крестьян к тем или иным вопросам жизни в стране и на селе. Одним из наиболее интересных исследований в этом плане была книга М. Феноменова, которую можно рассматривать как едва ли не первую работу в отечественной сельской социологии²⁹². Автор со своими сотрудниками собирал материал по одной деревне в течение трех лет и представил в опубликованном труде опыт ее монографического исследования. Феноменова и его коллег интересовали: использовавшиеся орудия труда и технические приспособления, организация труда, хозяйственные навыки, производственные характеристики работников, а также их личная, включая семейную, жизнь, отношения между молодежью и старшими поколениями, положение женщин, воспитание детей, измены, разводы, аборт и т. д. Была тщательно изучена генеалогия каждого двора. Подробно описывались быт крестьян, их жилища, санитарное состояние изб.

Выявление условий жизни и быта осуществлялось в исследованиях не только крестьянства, но и других классов и социальных групп. Об этом свидетельствует ряд опубликованных в 1920-х гг. работ²⁹³. В них поднимались самые разнообразные вопросы повседневной жизни различных категорий населения, включая характеристику их бюджета.

Не меньшее значение имели многочисленные исследования бюджета времени, проведенные под руководством С.Г. Струмилина. Достаточно назвать внушительную цифру: в период между 1922 и 1934 гг. было собрано и изучено более 100 тыс. суточных бюджетов времени самых разных групп населения, представляющих рабочий класс, крестьянство, служащих, интеллигенцию. На материалах этих исследований было написано и опубликовано более 70 научных работ, авторами которых, помимо С.Г. Струмилина, были М.С. Бернштейн (специально изучавший бюджеты времени комсомольских активистов, пионеров и школьников), Я.В. Видревич, В.А. Лебедев-Петрейко, В.И. Михеев, Л.Е. Минц и др.²⁹⁴ Изучение бюджетов времени давало возможность поиска резервов более рационального использования как рабочего, так и вне рабочего (в том числе свободного) времени. При этом особое внимание уделялось учету и реализации закона экономии времени как одного из определяющих всю жизнедеятельность общества и образ жизни личности.

Здесь необходимо специально остановиться на концепции бюджета времени Струмилина, поскольку она сыграла значительную роль в осуществлении конкретных социологических исследований не только в 1920-х – начале 1930-х гг., но и в период возрождения (или второго рождения) отечественной социологии на рубеже 1950 – 1960-х гг. В 1922 г. он предложил для научного изучения и практического использования трехчленную формулу «труд – отдых – сон». Она отражала стремление к реализации идеи «трех восьмерок»: 8 часов работы, 8 часов отдыха, 8 часов сна. От этой идеи, однако, вскоре пришлось отказаться вследствие ее утопичности и невозможности реализовать в условиях общества 1920-х гг. Взамен приведенной выше формулы появилась иная структура времени, в основу которой было взято положение о диалектической взаимосвязи необходимости и свободы. В соответствии с новой идеей структура бюджета включала в себя необходимое и свободное время. Она и стала методологической основой для проведения исследований бюджета времени самых различных групп советского общества.

²⁹² Феноменов М. Современная деревня. М., 1925.

²⁹³ Андреев В. Костромской текстильщик и его бюджет. Кострома, 1925; Рабочий быт в цифрах. М., Л., 1926; Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. М., 1928; Минц Л. Как живет безработный. М., 1927; Рашин А. Женский труд в СССР. М., 1928 и др.

²⁹⁴ См.: Струмилин С.Г. Бюджет времени русского рабочего. Пг., 1923; Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922 – 1923 гг. М., Л., 1924; Михеев В. Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области. М., 1932; Лебедев-Петрейко В. и др. Бюджет времени рабочей семьи. Л., 1933.

Одним из актуальных направлений социологических исследований 1920-х гг. считалось молодежное. Поскольку с молодым поколением связывали будущее нового строя, становился понятным интерес к его изучению. Тем более что немало делалось в практическом плане для улучшения условий жизни и труда молодежи. Так, было введено ограничение продолжительности рабочего дня подростков (в возрасте до 18 лет) до 4–6 часов (без сокращения оплаты труда). Запрещалось использовать подростков на вредных, ночных и сверхурочных работах. Создавались условия для обучения и профессиональной подготовки молодежи. Необходимыми становились исследования жизненных планов, ценностных и профессиональных ориентаций, условий труда и отдыха, интереса к получению образования, общественной активности, культурных потребностей молодежи, что нашло отражение в работах Е.О. Кабо, Я.Д. Каца, Б.Б. Когана, А.И. Колодной, М.С. Лебединского и др. Особо выделим две работы, которые отличались обилием интересного социологического материала²⁹⁵.

В период 1920-х – начала 1930-х гг. происходил процесс становления отраслевых социологий в отечественной науке. Одной из них была социология брака и семьи, где особое значение имели работы С.Я. Вольфсона (выше называлась его монография «Социология брака и семьи», изданная в Минске в 1929 г.). В них давалась, в частности, интерпретация такого социального факта как увеличение числа разводов в СССР. Чаще всего это эмпирически установленное обстоятельство рассматривалось односторонне, как удар по прочности социального института семьи. Проблема брака и семьи имела в то время большое практическое значение, поскольку в 1920-х гг. начались активные дискуссии о том, что нового должен внести социализм и коммунизм в семейно-брачные формы жизни и какими вследствие этих изменений должны стать бытовые условия для молодых семей в советском обществе. Выводы социологов играли заметную роль в принятии архитектурно-планировочных решений, а также строительстве специальных зданий для молодых семей. Чего стоил в этом плане только один «Дом нового быта», являющийся ныне общежитием МГУ!

Значительные исследования и практические перемены осуществлялись в области просвещения, обучения и воспитания, что способствовало становлению отечественной социологии образования. В этой области во второй половине 1920-х гг. наметились тесные связи между педагогикой и социологией, к установлению которых призывали советские государственные деятели. Так, А.В. Луначарский в статье, специально посвященной проблеме этих связей («Социологические предпосылки советской педагогики», 1927), писал: «Марксист-педагог является необыкновенно типичной фигурой марксиста-социолога вообще. Марксист-педагог не смеет шага ступить без социологического образования, без социологической оглядки, они нужны ему отнюдь не в меньшей степени, чем знакомство с педологией или рефлексологией, чем знакомство с методикой и т. д.»²⁹⁶. Если отбросить марксистский «камуфляж» (хотя для Луначарского это не было камуфляжем), то в основе приведенного выше положения лежит здоровая идея, сформулированная в свое время Э. Дюркгеймом в работе «Педагогика и социология» и состоящая в доказательстве сильной зависимости педагогики от социологии, причем гораздо более сильной, чем от любой другой науки.

Развитие социологических исследований в сфере образования было вызвано глубокими реформами школы, всей системы обучения и воспитания, доставшейся в наследство от дореволюционной России. Не касаясь их содержания, отметим, что исследования были многоаспектными и затронули особенно глубоко область психологии обучения, сферы поведения молодежи, подростков (Н.А. Бухгольц, А.М. Гельмонт, Н.Н. Иорданский, В.Е. Смирнов и др.). Интересное исследование по проблеме одаренности выполнил Струмилин, в 1925 г. выпустил книгу «Психология юношеского возраста» Смирнов.

Говоря об отраслях социологии, развивавшихся в 1920-х – начале 1930-х гг., необходимо отметить исследования в области социологии религии (А.И. Клибанов, Е.Ф. Федоров), социологии народонаселения (Л.Л. Паперный, Б.Я. Смулевич), социологии преступного поведения (В.В. Внуков, А.А. Герцензон), социологии искусства (Р.И. Егизаров, А.В. Трояновский), социологии города (Н.О. Мещеряков, Л.М. Сабсович) и др. Конечно, это были начальные шаги в развитии отраслей социологического знания. Однако в ходе проводившихся в их рамках исследований накапливался очень важный эмпирический материал, который служил базой не только для теоретических (пусть и весьма скромных) обобщений, но и практических выводов для выработки определенной социальной политики и государственных решений.

Отечественная социология не могла развиваться без разработки методологии, совершенствования методики и техники конкретных исследований. Базой для таких работ послужили дореволюционные исследования в России, которые осуществляли земские статистики. Традиции, ими за-

²⁹⁵ Коган Б.Б., Лебединский М.С. Быт рабочей молодежи: по материалам анкетного обследования. М., 1929; Колодная А.И. Интересы рабочего подростка: опыт изучения одной анкеты. М., 1929.

²⁹⁶ Луначарский А.В. Социологические предпосылки советской педагогики // О воспитании и образовании. М., 1976. С. 191.

ложенные, не пропали даром. Российские социологи постоянно обращались к данным социальной статистики. Этому способствовало создание в 1925 г. «Общества статистиков-марксистов» и издание журнала «Статистика труда».

В 1920-х гг. по существу использовалась вся палитра методов эмпирического социологического исследования. Применялись опросы (в том числе массовые, например, при изучении восприятия кино зрителями), интервью, беседы, наблюдение, контент-анализ документов (в ходе изучения писем рабочих корреспондентов), эксперименты, анализ бюджетов времени и др.

Характеризуя работы в области методики и техники эмпирического социологического исследования 1920-х гг., нужно отметить, что свою большую роль сыграли труды А.В. Болтунова (методика проведения анкетных обследований), Н.Д. Левитова (проблемы методики и техники социально-психологических исследований), П.И. Люблинского (методика социального обследования детей), С.Г. Струмилина (методология и методика изучения бюджетов времени, разработка статистических методов обработки и анализа данных), А.В. Чаянова (вопросы методики бюджетных исследований) и др. В них давалась оценка использованному социологическому инструментарию, высказывались советы и рекомендации по его совершенствованию, обобщался опыт организации и проведения как полевых, так и экспериментальных исследований.

Однако при всех успехах и достижениях в этой области существовал и ряд недостатков, которые тормозили быстрое развитие конкретных исследований. Среди недостатков нужно в первую очередь отметить частое отсутствие глубоких теоретических выводов, что было следствием налета эмпиризма. Большой фактический эмпирический материал, как правило, лишь описывался без серьезного и детального анализа. Работы же, построенные на трактовке этого материала, далеко не всегда содержали в себе глубокие обобщения и новаторские идеи. Еще одним серьезным недостатком был невысокий уровень обработки полученной информации. Сама обработка осуществлялась вручную. Но, поскольку материала было много, на нее уходило много времени, по отдельным исследованиям (особенно связанным с изучением бюджетов времени) – годы. Исследования получались весьма протяженными по времени, вследствие этого – дорогостоящими, выводы же оказывались запоздалыми и не всегда соответствовали тем целям и задачам, которые перед социологами ставились вначале.

§ 3. ИТОГИ ПЕРИОДА

Подводя итог развитию отечественной социологической науки в период 1920-х – начала 1930-х гг. в целом, следует иметь в виду противоречивый характер этого процесса. С одной стороны, необходимо видеть реальные достижения, связанные с попытками институционализировать социологию, развивать социологическую теорию (пусть и в рамках весьма ограниченных возможностей марксизма) и отдельные отрасли социологического знания, проводить эмпирические социологические исследования, совершенствовать их организацию, методику и технику, публиковать результаты научных изысканий в виде учебников, монографий, книг, брошюр, статей. Требуют положительной оценки имевшие место в первые послереволюционные годы попытки социологического образования и просвещения, равно как и появившиеся в то время возможности сосуществования и взаимодействия в дискуссионной форме марксистской и немарксистской социологии.

С другой стороны, нельзя не отметить постепенное превращение социологии в служанку партийного и государственного руководства страны, в придаток идеологической машины, направленной на оправдание его внешней и внутренней политики, насильственной коллективизации, кровавой расправы с миллионами людей под видом их раскулачивания, голода, массовых репрессий, поддержание в обществе процесса происходящей канонизации марксизма-ленинизма. Но социология не сумела справиться с этими задачами, и не потому, что ее представители не хотели их решать. Они просто не могли это делать вследствие специфики самой науки, особенно эмпирических социологических исследований, в ходе которых приходилось обращаться с вопросами к населению и получать, следовательно, правдивую информацию. Таким образом, то, что представлялось тогда таким естественным, на самом деле оказалось путем социологии в «черную ночь», в период запрета и забвения.

Происходит сначала умаление роли и падение значения социологического знания в новых условиях резко ухудшившейся в экономическом, социальном и политическом отношениях жизни. В начале 1930-х гг. оно становится ненужным, поскольку практически оказывается не в состоянии выдавать черное за белое. Затем на возникшую «объективную ненужность» накладывается антисоциологическая линия борцов за чистоту марксизма-ленинизма, отрицавшая вообще право социологии на существование.

Этим аргументом немедленно воспользовался сталинский режим, которому социология как наука, раскрывающая противоречия общественных процессов широкого социального и конкретного локального характера, была не нужна. Тоталитарная система вполне могла обойтись без их изучения. Более того, социологические исследования вследствие их научной природы и социальных функций становились просто опасными. Социология объявляется буржуазной лженаукой, сам термин, означавший название науки, изымается из употребления на несколько десятилетий. Целое поколение (а то и два) советских людей оказывается лишенным всякого представления о социологии, ее сути, особенностях и возможностях.

Что касается самих социологов, то их судьба в тоталитарном обществе оказалась незавидной. Часть из них вынуждена была отойти от профессиональной социологической деятельности и заняться какой-либо иной работой – в соответствии с собственными возможностями и способностями. Другая часть по-прежнему стремилась отстаивать творческий дух любимой науки и правдиво анализировать социальные процессы. Понятно, что судьба этих людей оказалась поистине трагичной. «Каток тоталитаризма прокатился по личным судьбам многих отечественных социологов, по самой науке в целом, по ее контактам с другими национальными ветвями знания»²⁹⁷.

Трагичной оказалась судьба не только многих людей, но и целых научных коллективов, институтов, которые оказались разгромленными. В этом отношении представляет интерес интервью, которое дала академик Т.И. Заславская журналу «Огонек». В нем она приводит воспоминания своих коллег о том, как реально происходило уничтожение экономической и социологической науки: «В 1930-х годах в Академии наук СССР существовал то ли один институт аграрных проблем (точное название не помню), то ли даже два института аграрного профиля. И вот однажды, в 1934-м или 1935 году, сотрудники, как обычно, пришли на работу, а войти в институт не смогли. На дверях было объявление о том, что в течение ближайших двух-трех дней институт будет закрыт на профилактику или срочный ремонт, и сотрудников просят работать дома. В назначенный срок двери оказались открыты, люди прошли к своим рабочим местам и обнаружили ... пустые столы и шкафы. Все до последнего листка бумаги было изъято: собранная в экспедициях первичная информация, социологические анкеты, данные их разработки, находившиеся в работе отчеты, статьи, диссертации.

Не правда ли, сильная акция? Это ведь был целый научный институт, причем достаточно яркий и творческий. И так, в один миг он был раздавлен. А потом социология превратилась в «буржуазную» науку и была, как и все общественные науки, превращена в сферу схоластики, цитатничества и догматизма»²⁹⁸.

Возрождение отечественной социологии, или, что правильнее, по мнению Б.З. Докторова (об этом в следующей главе будет специально сказано), ее второе рождение, как известно, началось в период «хрущевской оттепели», в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Но до этого было еще десятилетие с конца 1940-х гг., когда термин «социология» вновь стал использоваться, однако в иных, чем в 1920-х гг., целях – критики зарубежных или, что точнее для того времени, буржуазных социологических концепций. Этой работой было поручено специально заниматься одному из секторов в Институте философии АН СССР. Появился особый жанр «критики буржуазной социологии», который надолго вошел в структуру научной социологической деятельности. Без этого своеобразного «грифа» ни диссертации, ни книги, ни статьи, в которых рассматривались зарубежные социологические теории, не могли быть защищены либо опубликованы на протяжении нескольких следующих десятилетий, по существу вплоть до середины 1980-х гг. Но об этом – уже в следующей главе.

Вопросы и задания

1. Назовите основные периоды развития отечественной социологии в XX в. Какие критерии положены в основу приводимой вами периодизации?
2. Охарактеризуйте содержание развития отечественной социологии в 1917–1922 гг. Какие наиболее важные процессы развития социологической науки в это время вы специально подчеркнули бы?

²⁹⁷ Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX – XX вв. М., 1995. С. 52.

²⁹⁸ Заславская Т.И. Народ безмолвствует? // Огонек. 1988. № 41. С. 6.

3. Почему в первые годы Советской власти представители немарксистской линии в развитии отечественной социологии имели определенные возможности для творческой деятельности? Почему ситуация в корне изменилась к концу 1922 г.?
4. Что собой представляло развитие марксистской теоретической социологии в СССР в 1920-е гг.? Охарактеризуйте наиболее важные, с вашей точки зрения, процессы, в ней происходившие.
5. Определите основные теоретические позиции (мнения), существовавшие в 1920-х гг. в стране относительно социологии как науки.
6. Какие проблемы развития теоретической социологии поднимались в работах отечественных авторов 1920-х гг.?
7. Охарактеризуйте процесс развития эмпирических и прикладных социологических исследований в СССР в 1920-х гг. В каких отраслях социологии исследования проводились наиболее активно и почему?
8. Какие проблемы труда, производства и управления вызвали у специалистов особый интерес и почему?
9. Расскажите об исследованиях бюджетов времени, проводившихся в стране под руководством С.Г. Струмилина.
10. Какие методы конкретного исследования применялись социологами? Приведите примеры.
11. Подведите итоги развития отечественной теоретической и эмпирической социологии в 1920-е гг. Покажите ее реальные достижения и недостатки, а также те проблемы, которые ей предстояло решать.
12. Почему на развитие отечественной социологии было наложено «табу»? Как это было сделано?

Литература

- Винклер Р.Л., Голенкова З.Т., Гридчин Ю.В. Становление и развитие марксистско-ленинской социологии в СССР в 20 – 30-е годы // История становления советской социологической науки в 20 – 30-е годы. М., 1989. С. 8 – 42.
- Гастев А.К. Как надо работать. М., 1972.
- История социологии. Минск, 1993. С. 283 – 292.
- История становления советской социологической науки в 20 – 30-е годы. М., 1989.
- Капитонов Э.А. Социология XX века. Ростов-на-Дону, 1996. С. 71 – 92.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000. С. 451 – 457.
- Култыгин В.П. История российской социологии. М., 1994.
- Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000. С. 148 – 173.
- Новикова С.С. История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996. С. 129 – 201.
- Сорокин П.А. Состояние русской социологии за 1918 – 1922 гг. // Общедоступный учебник социологии. М., 1994. С. 414 – 418.
- Сорокин П. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 82 – 161.
- Социология в России. М., 1998. С. 27 – 32, 108 – 110.
- Чагин Б.А., Клущин В.И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975.

ГЛАВА 14

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КОНЦЕ 1950-х – 1980-е гг.

§ 1. Второе рождение отечественной социологии (конец 1950-х – начало 1970-х гг.)

1.1. Первые попытки институционализации

1.2. Продолжение институционализации (конец 1960-х – начало 1970-х гг.)

§ 2. Социология в СССР в период застоя и перехода к перестройке (1970 – 1980-е гг.)

2.1. Особенности ситуации в социологии в период застоя

2.2. Достижения и проблемы

§ 1. ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ (КОНЕЦ 1950-х – НАЧАЛО 1970-х гг.)

Социологические исследования в стране вновь приобретают права гражданства лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг., во время «хрущевской оттепели». На то были причины и экономического, и социального, и идеологического порядка. Целесообразнее всего начать с последних, поскольку они во многом определяли отношение к социологической науке в целом. Речь идет о разоблачении культа личности Сталина и некоторых идеологических свободах, которые стали возможными в новых условиях, в том числе и о частичном восстановлении свободы творчества в области социальных наук. С учетом этого обстоятельства нельзя было не вспомнить о социологии, тем более что стала ощущаться потребность в знании реальных экономических и социальных процессов, которое позволило бы более эффективно ими управлять. После того как удалось восстановить разрушенное войной хозяйство и продвинуться вперед в экономической и социальной сферах, в обществе стали заметнее проблемы и противоречия, которые требовали своего решения.

1.1. Первые попытки институционализации

К концу 1950-х гг., впервые после разгрома социологической науки в 1930-е гг., стали наблюдаться первые признаки позитивного отношения к проблемам ее развития. Как отмечалось в конце предшествующей главы, критическое отношение к зарубежной социологии уже было «разрешено» и даже поощрялось. Это означало, что ряд авторов, владевших иностранным языком (количество таких людей в общественных науках исчислялось единицами), при наличии соответствующего доступа к зарубежной социологической литературе мог позволить себе не только ее читать, но и выступать с критикой западных концепций публично – в книгах, статьях, диссертациях.

Более того, стало возможным впервые за несколько десятилетий переводить некоторые работы на русский язык (так появились на свет в 1958 г. «Социометрия» Дж. Морено, в 1959 г. «Властвующая элита» Ч.Р. Миллса и в 1961 г. «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» под редакцией А. Боскова и Г. Беккера). Это был, пожалуй, первый открытый

шлюз, позволивший интересующимся социологией заняться ею. Автор данного учебника начинал свой путь в социологию в первой половине 1960-х гг. именно с названных работ, поскольку других, прежде всего отечественных, еще не было, они стали появляться чуть позже, в середине и второй половине этого десятилетия.

Существенную роль играло понимание критиками зарубежной социологии своего предназначения и своей социальной роли. Если задачей номер один становилось «уничтожение» идейного врага – буржуазного социолога или его теории, то читатель такой критической работы получал от нее мало позитивного. Позитивное в данном случае – это реальная объективная информация о существовании концепции, обширное цитирование зарубежных авторов, которое могло бы познакомить читателя с «фактурой» тех или иных теорий.

Другое дело, когда критик, обвиняя своего зарубежного оппонента во всех «смертных грехах» – идеализме, метафизичности, механицизме и т. д. (а без этого работа просто не прошла бы цензуру и не превратилась в публикацию, тем более в диссертацию), тем не менее, показывал реальное содержание теорий и заинтересовывал ими читателей. Эпитеты же, которыми «награждались» западные социологи, играли роль идеологического камуфляжа. В этом отношении автор не может не вспомнить одного из блестящих отечественных социологов профессора Л.Н. Когана. Обладая великолепным чувством юмора, он однажды в своем выступлении в качестве официального оппонента на защите кандидатской диссертации по зарубежной социологии (состоявшейся в апреле 1965 г.) отмечал, что для критики какой угодно буржуазной социологической теории достаточно использовать в любой комбинации три термина – «пресловутый», «якобы», «в кавычках». Этого уже было бы достаточно, по его мнению, для присуждения искомой ученой степени. Если же диссертант выходил за пределы этой «святой троицы», показывая реальные достижения зарубежной социологии, то ему вообще следовало бы воздать честь и хвалу.

Теперь о других шлюзах, открывших путь к занятиям социологией в стране. В этом качестве следует рассматривать первые публикации и выступления отечественных ученых, посвященные необходимости развития как теоретической социологии, так и эмпирических исследований в области изучения наиболее актуальных экономических и социальных проблем. Одной из таких публикаций была статья академика В.С. Немчинова «Социология и статистика»²⁹⁹. В ней автор, рассуждая как экономист, поставил вопрос о необходимости проведения социологических исследований, которые могли бы приносить нашему обществу большую финансовую прибыль. При этом социология рассматривалась им как самостоятельная наука, которая должна была иметь своеобразный «социоинженерный» вектор. Объектом социологического исследования могли бы быть, по мнению Немчинова, массовые процессы, анализ которых необходимо было тесно связать со статистическими показателями.

Через два года в этом же журнале была напечатана статья немецкого обществоведа (из ГДР) Ю. Кучинского «Социологические законы»³⁰⁰, в которой он предложил разделить проблематику социологии и исторического материализма. Возникла дискуссия, посвященная месту и роли социологии в марксизме (которая уже по счету, начиная с 1920-х гг., но, как выяснилось в ближайшие годы и даже десятилетия, далеко не последняя).

Между названными двумя знаковыми публикациями (статьи Немчинова и Кучинского) в журнале «Вопросы философии» (другого в стране в то время просто не было; поскольку же социология долгое время считалась философской наукой, то все материалы о ней печатались в этом журнале) состоялись не менее важные для возрождения отечественной социологии события, связанные с первым выходом СССР на международную социологическую арену. Речь идет об участии в работе III Всемирного социологического конгресса (Амстердам, 1956) советской делегации во главе с академиком П.Н. Федосеевым, которое преследовало цель признания отечественной социологической науки (еще реально отсутствовавшей!) в мире и было первым шагом на этом пути.

Второй шаг предстояло сделать через год, в 1958 г., когда в Москве было создано международное совещание социологов с приглашением на него президента Международной социологической ассоциации (МСА) французского ученого Ж. Фридмана и таких известных за рубежом исследователей, как Р. Арон (Франция), Т. Боттомор (Англия), Э. Хьюз (США), Г. Шельски (ФРГ) и др. Справедливости ради надо отметить, что к контактам стремилась и МСА, что вытекало из духа ее работы как организации, действующей в рамках ЮНЕСКО и стремящейся к расширению своего влияния в мире. На этом совещании главный доклад, сделанный Федосеевым с советской стороны, был посвящен проблеме мирного сосуществования в социологических исследованиях и преподавании социологии. Это был резкий скачок вперед в деле признания значительной роли социологической науки в марксизме.

²⁹⁹ Немчинов В.С. Социология и статистика // Вопросы философии. 1955. № 6.

³⁰⁰ Кучинский Ю. Социологические законы // Вопросы философии. 1957. № 5.

С учетом названных двух шагов (участия во Всемирном социологическом конгрессе и проведения в Москве международного совещания социологов), а также в связи с приглашением большой группы зарубежных ученых посетить СССР в конце 1950-х гг. (всего за 4 года в стране побывало более 200 известных зарубежных философов и социологов, включая Т. Парсонса, Р. Мертона, А. Гоулднера, Ч.Р. Миллса, У. Росту и др.), по всей видимости, есть основания утверждать, что отечественная социология рождалась вначале в виде своеобразной «экспортной модели». Таким образом, процесс ее институционализации начинался не «изнутри», а «извне».

В связи с массовыми посещениями зарубежных социологов нашей страны хотелось бы поставить вопрос об отсутствии приглашения, точнее говоря, о принципиальном запрете на приезд в СССР П.А. Сорокина. Речь идет об ученом, российскими корнями и работами которого мы справедливо гордимся, которого считаем самым крупным отечественным социологом за всю историю нашей науки и которого почитало все мировое социологическое сообщество.

В нашей историко-социологической литературе примерно одинаково излагается версия причин этого запрета, связанная с отношением Советской власти к Сорокину и его отношением к нашей стране. Если в нескольких словах изложить эту ситуацию, она будет выглядеть примерно так: он хотел приехать в Советский Союз, поскольку испытывал ностальгию по родине, власть же категорически противилась его поездке, считая его антикоммунистом, антисоветчиком, ярым врагом Советской власти. Книгами его можно было пользоваться только в отделах специального хранения, открытое общение с ним не рекомендовалось во время зарубежных поездок наших ученых, а переписка, которую вели с ним отдельные советские социологи, была под жестким контролем соответствующих органов.

Мне бы хотелось предложить иную версию отношений между Советской властью и Сорокиным на основании довольно подробной информации, которую я в свое время (весной 1968 г., в год смерти ученого) получил от члена-корреспондента АН СССР М.Т. Иовчука. Иовчук лично и хорошо знал Сорокина, много раз с ним встречался в США, бывал в его доме и рабочем кабинете. Мне, в свою очередь, приходилось одно время часто встречаться с Иовчуком и в ходе этих встреч неоднократно касаться жизни Сорокина. Далее повествование о нем пойдет со слов Иовчука.

Действительно, в последние годы жизни Сорокин испытывал сильную ностальгию по Родине и мечтал о возможности приехать хоть ненадолго в Советский Союз. Таковая ему однажды представилась в 1962 или 1963 г. Незадолго до этого Сорокин устроил встречу группы советских философов и социологов с их американскими коллегами (скорее всего, это было во время V Всемирного социологического конгресса в Вашингтоне в 1962 г.). Он считал, что должен выполнить функцию миротворца в период «холодной войны» и способствовать сближению социологов двух стран. Приветствуя этих ученых на банкете, который он дал в их честь, говоря о большой роли социологии в жизни общества и необходимости овладения этой наукой всеми людьми, Сорокин позволил себе во время тоста сказать несколько неллицеприятных слов в адрес американских президентов, которые, по его мнению, допускали ошибки в своих решениях, потому что плохо знали социологию. Читая курсы в Гарвардском университете, Сорокин у многих из них принимал экзамен. Как говорил он в речи, Дж. Кеннеди получил у него тройку, а Л. Джонсон – даже двойку. Какое же право он имеет быть нашим вице-президентом? – задавал вопрос во время речи – тоста Сорокин. При этих словах американские социологи, бывшие на банкете, демонстративно встали и ушли из-за стола. Не следует забывать, что это был период «холодной войны», идеологическое противостояние определяло все (или многие) действия социологов, а приведенное выше высказывание Сорокина было расценено его американскими коллегами как оскорбление нации в целом. Подобную «фронду» ему не простили. Случай же подвернулся самый подходящий. Сорокин выполнял определенную работу в рамках движения сторонников мира, а в Москве должен был состояться очередная форум участников этого движения. В связи с этим американский социолог получил приглашение приехать в Москву. Это и была та самая возможность посетить родную страну, о которой столько лет он мечтал. Сорокин готовился к визиту с большим волнением, даже ходил на прием к советскому послу в США. Им тогда был В.Ф. Добрынин, который рассказывал М.Т. Иовчуку об этом визите. Сорокин спрашивал, в частности, не припомнят ли ему в СССР его «ярославские грешки» (он имел в виду свое участие в Ярославском эсеровском мятеже против большевиков). Посол его успокоил и пообещал, что он будет принят как высокий гость, которому предоставят возможность посетить родные места. Сорокин, что называется, уже складывал чемоданы. Но в госдепартаменте США, куда его пригласили для выдачи визы, ему сказали, что он, конечно, может ехать в СССР, однако гарантировать после этой поездки будущую карьеру его сыновей, которые по характеру работы имели доступ к секретным материалам, будет уже очень трудно. П. Сорокин оказался перед мучительным выбором и ... не поехал.

Рассказ Иовчука несколько отличается от других воспоминаний об этой встрече, в частности, того, что говорил В.С. Семенов. В своих воспоминаниях он писал: «...на конгрессе в Вашингтоне американская делегация устроила прием в честь советской делегации в уютном «Космос

клуб». Открывая его, Пителим Сорокин сказал, что хочет обратиться к советским ученым на русском языке, а чтобы его слова поняли американские социологи, он просил Вадима Семенова переводить их на английский. Что я и сделал. Это была теплая речь, с выражением удовлетворенности совместной работой и пожеланиями развивать наши творческие и человеческие контакты. Он сказал о своем желании посетить СССР. К сожалению, это ему не удалось...»³⁰¹.

Продолжая характеризовать процесс институционализации социологии в период ее второго рождения, следует сказать о создании в 1958 г. Советской социологической ассоциации (ССА), которая в том же году стала членом МСА. Первым президентом ССА был Ю.П. Францев, а вице-президентом – Г.В. Осипов. Несмотря на то, что ССА возникла как добровольное объединение ученых и организаций, занимающихся исследованием в стране социологических проблем, первоначальной ее задачей было представлять отечественную социологию на международной арене. В целом следует отметить, что процесс «внешней» институционализации этой науки, как бы он ни был оторван от внутренних потребностей ее развития, явился все же важным и серьезным стимулом для развертывания социологических исследований в стране.

В самом же Советском Союзе второе рождение социологии, начавшись с конца 1950-х гг., шло параллельно с двух сторон – теоретической и эмпирической. В теоретическом плане продолжались бесконечные дебаты о месте социологии в марксизме, о ее соотношении с диалектическим и историческим материализмом, о том, как соотносится теоретическая социология с эмпирическими (прикладными) исследованиями и является ли она вообще социологией. В этих дискуссиях постоянно ставились вопросы, что для чего и как выступает методологической основой. По существу это была борьба за выделение социологии как самостоятельной нефилософской науки.

На Западе споры на эту тему в советской социологии были определены как затянувшаяся на долгие годы «семейная склока» (американский социолог П. Бергер). С такой точкой зрения в корне не согласен Б.М. Фирсов, полагая, что в дискуссиях отстаивалось право социологической науки на автономию, и с этой точки зрения они были очень важными³⁰².

Тем временем проводились одно за другим эмпирические социологические исследования, масштабы и значение которых возрастали год от года, что заставляло обращать на них самое пристальное внимание и ставить вопрос о широком общественном признании социологии. В 1961 г. вышла книга «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР» (под редакцией М.Т. Иовчука), написанная на материалах крупного социологического исследования, проведенного уральскими социологами на промышленных предприятиях Свердловской области. Она была замечена «верхами», получила положительную оценку и одобрение. Тем самым был задан импульс к исследованию круга проблем, в которых отразился интерес к рабочему классу и его культуре, на многие последующие годы.

Большую роль в подготовке названной книги сыграла первая в стране вузовская социологическая лаборатория, созданная в 1960 г. в Уральском государственном университете. Именно ее сотрудники участвовали в сборе эмпирического материала на ряде предприятий Свердловска и Свердловской области, который лег в основу книги. Вместе с тем, справедливости ради следует отметить, что эта работа в значительной степени преследовала идеологические цели, а реальное положение рабочего класса, точнее, его культурно-технический уровень был сильно приукрашен.

Под руководством Осипова происходило изучение трудовых коллективов на московских и горьковских заводах. Началось – под руководством В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова – исследование отношения к труду молодых ленинградских рабочих. Оно происходило в рамках созданной при ЛГУ лаборатории социологических исследований. Ее успешная работа явилась своеобразным толчком для появления аналогичных лабораторий в ряде других университетов страны (Московского, Киевского, Белорусского, Казанского и др.), быстро превратившихся в центры подготовки и проведения многих социологических исследований. Здесь следует также сказать о том, что первая кафедра конкретных социологических исследований была создана в МГУ в 1964 г.

К этому времени в стране уже существовало первое академическое подразделение социологического профиля – созданный в 1960 г. сектор исследований новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР (руководитель Осипов), ставший в 1966 г. отделом конкретных социальных исследований. Для институционализации социологии имело большое значение создание в АН СССР Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований. Помимо Института философии с его специализированным отделом, к работе совета подключались другие академические институты, где создавались структуры, занимавшиеся организацией и проведением социологических исследований: Институт экономики, Институт этнографии, Институт государства

³⁰¹ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. СПб., 1999. С. 429.

³⁰² Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950 – 1980-е годы: очерки. СПб., 2012. С. 92.

и права. В первом была создана лаборатория социально-экономических и демографических проблем, во втором появился сектор конкретных исследований культуры и быта народов СССР, в третьем возникла лаборатория социально-правовых исследований.

В стране быстро рос интерес к эмпирическому изучению конкретных социальных проблем с помощью социологических методов. В вузах стремительно увеличивалось количество преподавателей, интересующихся этой работой. Появлялись первые социологические службы на крупных промышленных предприятиях, особенно тех, которыми руководили масштабно мыслявшие директора. По официальным данным, к середине 1960-х гг. в стране занимались социологическими исследованиями около 2 тыс. человек. Росту такого интереса, безусловно, способствовало появление серьезной социологической литературы.

В 1960-х гг. был выпущен целый ряд книг по социологии, сыгравших очень важную роль в становлении ее как науки и практической сферы деятельности. Среди них следует назвать в первую очередь книги А.Г. Харчева «Брак и семья в СССР» и Г.А. Пруденского «Время и труд» (1964), пятитомное собрание сочинений С.Г. Струмилина (1965), результаты социологического исследования села «Копанка 25 лет спустя» (1965), двухтомник «Социология в СССР» (1966), монографии по материалам исследований ленинградских, горьковских и московских рабочих «Человек и его работа» и «Рабочий класс и технический прогресс» (1967), книгу И.С. Кона «Социология личности» (1967), работы Б.А. Грушина «Свободное время. Актуальные проблемы», «Мнения о мире и мир мнений» (1967), курс лекций В.А. Ядова «Методология и процедуры социологических исследований» (1968).

В этих публикациях, с одной стороны, был обобщен опыт и подведены итоги ряда важных исследований рабочего класса и крестьянства, социальных процессов в городе и на селе, проблем рабочего и внерабочего (в том числе свободного) времени и др. С другой стороны, как показали названные выше работы, появилась возможность ставить серьезные теоретические проблемы развития социологии в обществе, ее возрастающей роли и перспектив влияния на социум. Среди наиболее важных направлений теоретических исследований оказались разработки социальной структуры общества, личности, брака и семьи, молодежи, труда, культуры и др. Заметный интерес был проявлен к вопросам методологии, методики, техники и процедуры социологического исследования.

Стало очевидно, что у социологии имеется свой категориальный аппарат, своя система понятий, которая обладает значительной спецификой и позволяет рассматривать общество и его конкретные проблемы, не прибегая постоянно к использованию философских абстракций. При этом становилось ясно, что социологические понятия могут быть переведены на операциональный уровень исследования и с помощью определенных систем показателей заложены в его инструментарий. Наиболее употребительными становились такие социологические категории, как социальная структура, социальные группы, социальные институты, социальные организации, социальный тип, личность, культура, социальное взаимодействие, социальные взаимосвязи и др. Работа с этими узловыми понятиями могла проводиться лишь социологами, представители других сфер общественного знания были не в состоянии ее осуществить.

В совокупности все это дало возможность впервые поставить вопрос о самостоятельности социологии как науки и необходимости ее институционализации в данном качестве. Однако такая ситуация никак не вписывалась в «прокрустово ложе» трех составных частей марксизма (философия диалектического и исторического материализма, марксистская политическая экономия, научный коммунизм). Кроме того, возникала другая, не менее серьезная угроза – получить не просто опасного в теоретическом отношении конкурента, а «вскормить на груди» социалистического общества змею, которая потом будет больно жалить своими укусами в его самые болезненные места, убедительно и конкретно показывая противоречия, недостатки и слабости социального организма.

Понятно поэтому, что сложившееся положение дел вызвало бешеное сопротивление противников социологии как особой самостоятельной науки и в конце концов привело к тому, что власть предрешающие идеологи объявили ее прикладной дисциплиной. По существу это было силовое решение: сначала дать подискутировать, а потом объявить, что самостоятельной науки социологии нет и быть не может. В лучшем случае есть прикладные социологические исследования, которые, безусловно, важны и полезны, но не могут претендовать на статус полновесной социальной науки.

Что касается теоретических проблем, исследовавшихся социологией, то они были провозглашены «несоциологическими» по своему характеру, т. е. выходящими за пределы конкретных исследований, и «переданы» в ведение философии, политэкономии либо научного коммунизма (в зависимости от их вектора и содержания). Так произошло искусственное разделение теоретической и эмпирической социологии, в результате чего возникла парадоксальная ситуация: теоретическая социология отныне существовала в рамках философской теории, которая теперь должна была базироваться на нефилософских (социологических) данных о состоянии конкретной социальной реальности.

1.2. Продолжение институционализации (конец 1960-х – начало 1970-х гг.)

Период конца 1960-х – начала 1970-х гг. явился, по характеристике Г.С. Батыгина, социологическим ренессансом для отечественной науки³⁰³. В своих прежних учебниках и работах мы также придерживались этой точки зрения³⁰⁴.

Однако в свете новых трактовок истории отечественной социологии нам представляется более точной позиция Докторова, согласно которой этот период должен быть определен не как возрождение российской социологии, а как ее второе рождение³⁰⁵. Более того, сроки периода второго рождения отечественной социологии он относит на десять лет назад, к рубежу 1950-х – 1960-х гг.³⁰⁶. Каковы аргументы Докторова в полемике с высказанной ранее в литературе точкой зрения?

Прежде всего, он полагает, что нецелесообразно говорить ни о преемственности, ни о возрождении отечественной социологии во второй половине прошлого столетия. Если преемственность отчасти и существовала, то имела лишь сугубо формальный, но ни в коем случае не содержательный характер. Что касается термина «возрождение», то он представляется Докторову «слишком неопределенным, не имеющим конкретного наполнения». Возрождение «предполагает осознанное соединение нового с тем, что было ранее, поиск в прошлом опыте стимулов для создания чего-то нового. Однако освоение советскими социологами достижений предшественников началось довольно поздно и было настолько слабым, что говорить о возрождении у нас нет никаких оснований»³⁰⁷.

Важно подчеркнуть, что позиция Докторова была поддержана большой группой известных отечественных социологов: Т.И. Заславской, Ж.Т. Тощенко, Н.И. Лапиным, В.А. Ядовым, Л.Г. Иониним, Ф.Э. Шереги и др.

Продолжая разговор об этом периоде, следует отметить, что, пожалуй, ни до, ни после него в границах советского общества не было такого удачного времени для развития социологии. В.Э. Шляпентох, переехав уже в США (в 1979 г.), назвал его «Золотые годы» советской социологии³⁰⁸. Конечно, этот период не стоит идеализировать. По-прежнему осуществлялся жесткий партийно-идеологический контроль за состоянием дел в социологической науке (более того, как будет показано дальше, в ряде случаев он ужесточался); по-прежнему ей отказывалось в праве быть самостоятельной наукой; по-прежнему в стране не создавалось никаких предпосылок для появления социологического образования и подготовки профессиональных социологов; по-прежнему не получила права гражданства профессия социолога.

Однако появились важные симптомы дальнейшей институционализации социологии и ее развития. Среди свидетельств этого процесса в первую очередь следует назвать появление первого в стране специализированного академического научно-исследовательского института.

В 1968 г. был создан Институт конкретных социологических исследований (ИКСИИ АН СССР), первым директором которого стал академик А.М. Румянцев, бывший в то время вице-президентом Академии наук. Появление института и его первые шаги (исследования, публикации), создание благоприятной научной атмосферы, привлечение к работе института лучших социологических сил страны, дух дискуссий и исследовательского поиска – все это придавало деятельности нового научного учреждения особый имидж. Его не могли омрачить даже неблагоприятные на первых порах бытовые условия: институт в начале своего существования ютился в подвальном помещении дома (по этому поводу в то время ходили мрачные шутки относительно того, что не успела социология утвердиться, как ее уже загнали в подполье).

В течение первого года работы научными сотрудниками института, помимо плановых академических исследований, было проведено около 20 опросов по заданию различных партийных органов. Другими словами, он сразу зарекомендовал себя как серьезное и эффективно работающее

³⁰³ Социология в России. М., 1998. С. 37.

³⁰⁴ Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2004; Он же. Теоретическая социология в XX – начале XXI века. Екатеринбург, 2007.

³⁰⁵ Докторов Б.З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. СПб., 2013. С. 115.

³⁰⁶ Там же. С. 133.

³⁰⁷ Там же. С. 117.

³⁰⁸ Shlapentokh V. The Politics of Sociology in the Soviet Union. Boulder; London, 1987.

научное подразделение. В институте издавался «Информационный бюллетень» (ротапринтное издание), в котором публиковались исследовательские проекты и результаты теоретических и эмпирических исследований. Если учесть, что часть книжек (бюллетеней) рассылалась членам Советской социологической ассоциации по всей стране, можно понять, какую важную роль играло это издание, знакомявшее социологическую общественность с важнейшими результатами научных поисков. В то время выходила серия книг малого формата под рубрикой «О чем думают, над чем работают советские философы» (серию открыла названная выше книга И.С. Кона «Социология личности»). Выпуски «Информационного бюллетеня», вероятно, могли бы идти под рубрикой «О чем думают, над чем работают советские социологи».

В самом ИКСИ появилась своя аспирантура, готовившая молодое поколение социологов (к началу 1970 г. в ней училось в различных формах около 80 человек из многих республик страны). Филиал института был создан в Ленинграде (позднее и в некоторых других городах). В 1970 г. в составе ИКСИ организовался Центр изучения общественного мнения во главе с Б.А. Грушиным, однако он успел провести только три всесоюзных опроса, поскольку в 1972 г. был ликвидирован.

Процесс институционализации социологии в конце 1960-х – начале 1970-х гг. вышел за пределы Москвы и охватил многие республики и крупные области. В ряде академических институтов страны были созданы социологические отделы. Так, в Ленинграде это был Институт социально-экономических проблем, в Свердловске – Институт экономики, в Новосибирске – Институт экономики и организации промышленного производства. Социологические структуры (отделы, секторы, лаборатории) появились в некоторых союзных республиках: на Украине, в Белоруссии, в Литве, Эстонии, Грузии, Армении.

Не осталась в стороне от процесса институционализации и вузовская наука. В Ленинградском университете был учрежден Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ). Продолжился процесс создания вузовских (в основном университетских) социологических лабораторий.

На состояние и развитие социологии в стране повлияло участие довольно представительной группы советских ученых в работе VII Всемирного социологического конгресса в Варне осенью 1970 г. Если в деятельности предшествующих конгрессов участвовали очень ограниченные по составу делегации (так, на IV конгрессе в Милане в делегации отечественных социологов было всего 11 человек), то в Варне присутствовало уже 270 социологов из СССР (всего же делегатов было около 4 тыс. человек). Некоторые из них (увы, далеко не все из-за слабой языковой подготовки, поскольку у конгресса было два рабочих языка – английский и французский) выступили с докладами и участвовали в дискуссии.

Наряду с глубоко позитивными явлениями, свидетельствовавшими о развитии отечественной социологии, в этот период появились и достаточно угрожающие симптомы партийно-идеологического нажима, давления и наступления реакции. Первые удары были нанесены по ИКСИ, который представлялся партийным органам (самых разных уровней) все больше и больше эдаким рассадником либерализма и чужеродных марксизму и социализму идей. Еще одной причиной идеологического наступления партократии явился назревавший конфликт между ИКСИ (в виде отчетов научных сотрудников об исследованиях и публикаций их результатов) и ведомствами, курирующими социальную сферу под руководством КПСС. Последние сигнализировали о полном благополучии и прогрессе в названной сфере, тогда как данные социологов, мягко говоря, не совпадали с этой эйфорией. Наконец, нельзя не добавить такую причину, как события в Чехословакии 1968 г., и очень неоднозначную реакцию на них среди интеллектуального «бомонда», в том числе и социологического.

Поводом для наступления на ИКСИ и в целом на социологическую науку явилась публикация «Лекций по социологии» Ю.А. Левады в 1969 г. Небольшое ротапринтное издание тиражом 980 экземпляров (в двух частях) представляло собой конспективное изложение лекций, которые он читал для студентов факультета журналистики МГУ в течение нескольких лет. По существу это был едва ли не первый (или один из первых) публично прочитанный лекционный курс по дисциплине, которая не была конституирована в вузе и по которой, совершенно очевидно, не было ни учебников, ни учебных пособий. Курс читался как факультативный и пользовался большим успехом у студентов. На лекции ходили не только будущие журналисты, но и студенты других факультетов, причем многие из простого любопытства, для того чтобы узнать, что это такое – социология.

Совершенно очевидно, что в условиях отсутствия отечественной учебной литературы по социологии Левада использовал материалы зарубежных социологических изданий, чем навлек гнев философской партократии (ее интересы тогда представляли в первую очередь академики Константинов и Федосеев). Но дело было не только в «некритическом» использовании зарубежной социологии. От «Лекций...» веяло духом социологического свободомыслия, а это уже становилось слишком опасным. Кроме того, книга была абсолютно не «истматовской». Обсуждение и осуждение Левады было бурным, показало, в числе прочих вещей, наличие раскола среди социологов, од-

ни из которых поддержали автора курса лекций (явно и неявно), другие – осудили, третьи предпочли отмолчаться. В результате ученого «примерно» наказали, объявив ему по партийной линии строгий выбор с занесением в учетную карточку, освободив от должности секретаря парторганизации, которую он занимал в ИКСИ, по существу сняв с работы и лишив права читать лекции в качестве профессора в МГУ.

Вслед за книгой Левады резкой критике подверглась еще одна социологическая работа, вышедшая в 1970 г. под редакцией и со вступительной статьей Осипова, – «Моделирование социальных процессов». В ней доказывалась необходимость признания самостоятельности социологии как науки. Осуждение было не столь громким, как предшествующее, но явилось непосредственным поводом для фронтальной проверки работы ИКСИ мощной партийной комиссией с четкой установкой – разгромить очаг социологического свободомыслия и либерализма и снять с работы главного социологического «либерала» – директора института академика Румянцева. За короткий промежуток времени – 2 месяца – цель была достигнута.

В мае 1972 г. Румянцев был отстранен от руководства институтом. Должность директора занял приглашенный из Свердловска М.Н. Руткевич. Изменилось название института: вместо ИКСИ появился ИСИ (Институт социологических исследований АН СССР). Были освобождены от работы либо уволились по собственному желанию (в силу невозможности сотрудничать с новым руководством) ведущие ученые института Ф.М. Бурлацкий, Б.А. Грушин, И.С. Кон, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, В.С. Ольшанский, В.Н. Шубкин, А.А. Ядов и др. Произошла реорганизация института, ряд научных подразделений был упразднен. Изменилась научная проблематика исследований. В институте стало невозможно публиковать работы. Было запрещено издание «Информационного бюллетеня ССА». Так закончился период второго рождения отечественной социологии и наступил, по образному выражению Шляпентоха, «век серости», который продолжался вплоть до второй половины 1980-х гг. Завершилась «оттепель» и наступило «социологическое похолодание».

Для того чтобы активно влиять на процессы, происходящие в социологии, как можно больше идеологизировать ее, «встроить» во власть наиболее органично, стала создаваться так называемая партийная социология. Поскольку социологию больше нельзя было запрещать (ей и так сравнительно недавно была «дарована» свобода и возможность реально существовать), нужно было научиться как следует ею управлять. Это означало в первую очередь умение ее приручать, обуздывать и, главное, удерживать от стремлений к социальным преобразованиям радикальной направленности. Ситуация привела не только к усилению взаимодействия партии и социологии, но и к их взаимопроникновению (разумеется, в допустимых пределах), результатом которого и стала партийная социология.

Работники партийного аппарата, причем не только центрального, но и на местах, особенно в республиканских и областных центрах, стали стремиться активно публиковаться, защищать кандидатские диссертации, выступать с докладами на конференциях, последовательно проводя в социологии и «от имени социологии» линию партии и правительства. Это привело к тому, что, как писал Фирсов, «...внешне обоснованная и даже полезная акция (сблизить науку с высшими целями управления и развития государства и общества) обернулась селекцией ученых, которым эту акцию можно было доверить. Так появились социологи «первого» и «второго» сорта. В этом искусственном разделении ученых главную роль играло мнение партийного аппарата, а не талант, ум, научные заслуги, авторитет ученого в глазах научного сообщества. В итоге социология как наука принудительно стала служить более узким интересам, связанным главным образом с целями КПСС. Предметное поле исследований постепенно сжималось»³⁰⁹.

Создание партийной социологии нанесло один из сильнейших ударов по свободе социологической мысли и, как следствие, резко ограничило возможности развивать научное социологическое знание на основе проводящихся исследований. Т.И. Заславская определила возникшую ситуацию предельно четко и одной фразой: «Если нет свободы, естественно, система социологического знания коллапсирует»³¹⁰.

Правда, формировалась сила, пытавшаяся противостоять этому процессу. Ею была интеллигенция. По мнению Фирсова, «интеллигенция страны помогала разными способами формировать масштабный социальный запрос на социологическое знание и в отличие от власти поддерживала этот запрос, спасая социологию от опасностей и трагизма общественной невостребованности»³¹¹. Но ее возможности были весьма ограниченными и несопоставимыми с властью партии.

³⁰⁹ Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950 – 1980-е годы: очерки. СПб., 2012. С. 114.

³¹⁰ Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность: материалы симпозиума 23 марта 1994 г. / Под ред. В.А. Ядова, Р. Гратхоффа. М., 1994. С. 72.

³¹¹ Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950 – 1980-е годы: очерки. СПб., 2012. С. 104.

§ 2. СОЦИОЛОГИЯ В СССР В ПЕРИОД ЗАСТОЯ И ПЕРЕХОДА К ПЕРЕСТРОЙКЕ (1970 – 1980-е гг.)

2.1. Особенности ситуации в социологии в период застоя

На состоянии социологии не мог не сказаться общий дух периода «застоя» в экономике, политике, идеологии. Науке с большим трудом приходилось преодолевать сопротивление командно-административной системы. Партийно-бюрократическому аппарату социология если и была нужна, то только лишь как инструмент апологетики его деятельности. Поэтому со стороны аппарата постоянно чинились препятствия талантливому ученому, выводы ряда интересных исследований не публиковались вследствие остроты анализируемых проблем. Некоторые социологи подвергались гонениям, отдельные ученые вынуждены были уехать за границу.

Командно-административный стиль деятельности партийно-государственной машины и подавляющего большинства ее представителей не миновал и социологию. Если в период «застоя» она как-то и развивалась (далее будут показаны ее реальные достижения), то происходило это не благодаря партийной «заботе» о прогрессе науки, а вопреки ей. Таким образом, имеет смысл говорить о противоречивом характере состояния социологической науки в период застоя. По большому счету, диалог с властью отсутствовал, поскольку она не нуждалась в социологических исследованиях и социологической экспертизе.

В докладе, который делала академик Заславская в декабре 1986 г. на отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации, был показан низкий статус социологии как науки в условиях застоя. Деятельность социологов подвергалась критике за отсутствие смелости, гражданского мужества, готовности отстаивать собственную позицию. Общий вывод состоял в том, что социология занимает не авангардные, а, наоборот, арьергардные позиции.

Ситуация в отечественной социологии 1970 – 1980-х гг. определялась рядом особенностей. Во-первых, резко усилилось социологическое мифотворчество, которое по существу носило заказной характер. Оно было направлено на апологетику тех сторон жизнедеятельности общества, которые в реальности отсутствовали: усиление социальной однородности общества, сближение классов и социальных групп, образование новой исторической и социальной общности – «советский народ», гармонизация национальных отношений, движение за коммунистический труд, единодушное одобрение партийных решений и т. д. Будучи изобретенными не социологами, а представителями таких общественных дисциплин, как философия и особенно научный коммунизм, эти мифы должны были получить социологическое обоснование, причем с помощью результатов конкретных исследований. Таким был социальный заказ партийно-государственного аппарата, и социология «отрабатывала» оказанное ей доверие.

Социологические исследования были призваны идеологически обеспечить правдивость мифа о стабильности и процветании советской системы и общества развитого социализма, тогда как на самом деле уже давно начались их застой, стагнация и даже гниение. Об этом свидетельствовало много обстоятельств, которые социологам были хорошо видны. Среди них – развитие теневой экономики, коррумпированность чиновничьего партийно-государственного аппарата, растущая криминализация общества, резкое падение стимулов к труду в условиях всеобщей уравниловки, имитация деятельности и активности вместо реальной деятельности и активности и т. д.

Во-вторых, несмотря на растущее стремление социологии и социологов доказать свою полезность и необходимость для общества и его конкретных структур, снижается уровень востребованности как теоретической, так эмпирической (в том числе и прикладной) социологии. Оптимальным становится использование отдельных данных социологических исследований в докладах и отчетах власть предержащих для иллюстрации каких-либо положений, чаще всего позитивно характеризующих общественное развитие в условиях социализма.

В-третьих, многочисленные попытки доказать необходимость профессиональной и образовательной институционализации социологической науки за счет введения должностей социолога на предприятиях и в учреждениях и введения профессионального социологического образования постоянно наталкивались на ожесточенное сопротивление со стороны людей, противодействовавших признанию самостоятельности социологической науки. Ибо эти стороны дела – ее самостоятельность, профессиональное социологическое образование и официальное признание профессии социолога, т. е. то, что в совокупности составляет костяк институционализации – тесно связаны между собой, и допустить одно означало бы, так или иначе, допустить другое. Было гораздо спокойнее оставить за социологией лишь проведение эмпирических и прикладных исследований.

Однако в таком случае препятствием для признания самостоятельности социологии становился низкий уровень социологической науки и практики, ощущавшийся все сильнее и сильнее. Другими словами, социология оказывалась в роли «голового короля», у которого не было достойной свиты, его «играющей». «Свита», строго говоря, существовала в виде множества социологов-дилетантов, не получивших необходимого профессионального образования. Но эта «свита» была не той, которая должна быть у настоящего «короля».

В-четвертых, в 1970 – 1980-х гг. определенным образом снизилась (в сравнении с периодом 1960-х гг.) научная и социальная активность многих ведущих социологов страны (что, впрочем, никак не сказалось на их высоком статусе), которые в условиях ужесточения политико-идеологических тисков вынуждены были зачастую работать «в стол», ожидая наступления иных, лучших времен. Этому в значительной степени способствовала обстановка в Институте социологических исследований АН СССР.

Ее никак нельзя было назвать творческой – ни в 1970-е, ни в 1980-е годы, несмотря на смену трех директоров института (М.Н. Руткевича, Т.В. Рябушкина, В.Н. Иванова). Проводя предельно жесткими методами политику партийно-идеологического аппарата (что привело к дальнейшему увольнению ряда сотрудников), Руткевич сам вступил в конфликт организационного характера с людьми, возглавлявшими АН СССР (прежде всего с академиком Федосеевым), и был отстранен от руководства институтом в 1976 г.

Однако коренного изменения ситуации в лучшую сторону, создания атмосферы творчества в ИСИ не произошло. Идеологическая линия ЦК КПСС проводилась последовательно и неуклонно. В конечном итоге все это привело к сокращению количества эмпирических исследований и снижению их качества, сохранению обстановки запуганности и профессиональной деморализации.

В-пятых, сузились возможности теоретической конфронтации (или дискуссий) социологии с философскими и научно-коммунистическими теориями, основанными на материалистическом понимании истории и признании решающей роли материального производства и экономических отношений в развитии общества. Несмотря на то, что были предприняты попытки теоретического сочетания структурного, деятельностного и гуманистического аспектов в трактовке общества (а это позволило больше, чем раньше, учитывать роль субъекта социального творчества), принципиально ситуация не изменилась. Сохранилась логика философского, точнее говоря, историко-материалистического подхода, исходным пунктом которого оставался анализ способа производства, на который наслаивалась характеристика всех остальных сфер жизни общества – социальной, политической, духовной, бытовой и т. д. Социологии в этой аналитической ситуации по-прежнему отводилась роль источника лишь эмпирического либо прикладного знания.

В-шестых, отношение к зарубежной социологии по-прежнему определялось официальными партийными установками на продолжение и усиление идеологической борьбы с ней. Последняя была направлена в значительной степени против использования достижений мировой теоретической социологии, которые по существу игнорировались и замалчивались. В то время как мировая социология переходила на новую модель теоретического анализа, связанного с разработкой ряда парадигм и исследований тех или иных проблем в рамках каждой из них, представители отечественной социологии не использовали даже этого понятия. Парадигмальный подход как таковой появился в отечественной социологии значительно позже, в 1990-х гг.

В-седьмых, в отношениях между социологией и властью господствовала полная подчиненность науки партийному и государственному руководству и зависимость от него. В этой связи представляют интерес суждения Фирсова о конфронтации двух типов развития социологии в нашей стране в послевоенный период (вплоть до 1980 г.) – естественного и подконтрольного (несвободного, разрешительного, регламентированного сверху). По его мнению, у нас господствовала неестественная форма управления социологией, знаменовавшая собой полную зависимость ученых и администраторов науки от институтов власти, прежде всего партийной и государственной³¹².

2.2. Достижения и проблемы

Вместе с тем, говоря о состоянии отечественной социологии в 1970 – 1980-х гг., необходимо отметить ее достижения – как институционального, так и содержательного и исследовательского характера. Несмотря на идеологический нажим (точнее сказать, зажим), авторитарные методы,

³¹² Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950 – 1980-е годы: очерки. СПб., 2012. С. 432.

давление, которое партийный аппарат оказывал постоянно на социологию, ее популярность в обществе росла. Все большее количество регионов, областей и городов давали ей «приют». Защищались диссертации – кандидатские и докторские, и хотя социологических наук в качестве официально конституированных до начала 1990-х гг. не существовало, будущие обладатели ученых степеней писали работы, выполненные на социологическом материале, в основном по философским (чаще всего либо по диалектическому и историческому материализму, либо по научному коммунизму), изредка по экономическим наукам

Большую роль в развитии отечественной социологии сыграл журнал «Социологические исследования», учрежденный АН СССР. Его первый номер вышел в свет в 1974 г. С начала работы издания по 1986 г. его главным редактором был А.Г. Харчев. Долгое время (почти до конца 1980-х гг.) журнал оставался единственным периодическим социологическим изданием. Журнал работал в очень сложных условиях идеологического прессинга, тем не менее, сумел сохранить свое относительно независимое научное лицо и обеспечить достаточно высокий профессиональный уровень публикуемых материалов.

Возникли, утвердились и развивались региональные отделения Советской социологической ассоциации (в Центре, на Северо-Западе, в Поволжье, на Северном Кавказе, Урале, Сибири, Дальнем Востоке и, конечно же, во всех союзных республиках). В самой ассоциации появились исследовательские комитеты по многим направлениям социологических исследований, которые возглавлялись, как правило, авторитетными учеными. Региональные отделения и исследовательские комитеты сыграли значительную роль в популяризации социологии, особенно там, где было мало вузов и не существовало академических структур (институтов, отделов, секторов, лабораторий) с социологическим уклоном. Они участвовали в подготовке и проведении конференций и семинаров (вместе с партийными и государственными структурами, а также с вузами и академическими учреждениями), издании социологической литературы.

В середине 1980-х гг. наконец-то появились первые социологические отделения, но только прикладной социологии (к сожалению, не социологии вообще) в Московском и Ленинградском университетах. Другой социологии в стране тогда не существовало. Первые выпуски профессиональных социологов (по 25 человек в каждом университете) были сделаны в 1989 г.

Именно в период застоя приобрела популярность так называемая «заводская», или промышленная социология. Практическая потребность в ней стала ощущаться уже в 1960-х гг. Начали проводиться социологические исследования на предприятиях. Их организацией занимались, как правило, инженерно-технические работники различных служб и отделов предприятий, выразившие интерес к этому виду деятельности. На различных курсах (чаще всего очно-заочных), семинарах, в университетах марксизма-ленинизма они получали социологические знания, которые должны были им помочь в проведении исследований. Занятия проводили работники академических структур и вузовские преподаватели, начавшие сами заниматься социологией на несколько лет раньше.

Дело в том, что первые два поколения отечественных социологов не имели специального профессионального образования, которое появилось в стране только в конце 1980-х гг. Подавляющее большинство профессоров и доцентов, ведущих преподавание социологии как общенаучной социогуманитарной дисциплины и осуществляющих профессиональную подготовку кадров социологов, не имеют его и сегодня.

Вернемся, однако, к заводским социологам. Количество их росло достаточно быстро. Отдельные, наиболее дальновидные руководители промышленных предприятий с пониманием относились к этим работникам, создавая для них благоприятные условия деятельности, выделяя ставки, предоставляя необходимое помещение и оборудование. Отдельным социологам давались даже квартиры. Нам известен случай, когда социологу одного из крупных челябинских предприятий была предоставлена четырехкомнатная квартира, и это в начале 1970-х гг.!

На предприятиях создавались социологические бюро, лаборатории, отделы и даже службы. Представители заводской социологии стали защищать диссертации. Все это продолжалось вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг., пока не начался настоящий разгром промышленной социологии, но уже не по идеологическим, а экономическим и финансовым соображениям. Все оказалось предельно просто: как только промышленные предприятия стали «заваливаться», а затем и «валиться», первыми, кого стали увольнять, оказались социологи. Ликвидировались целиком структуры, насчитывавшие в своем составе не только 3 – 5 человек, но 10, 15 и даже – на крупных предприятиях – 25 социологов.

Можно по-разному оценивать такую ситуацию: и как невысокий уровень работы социологов, их невостребованность на заводах, и как непонимание роли социологии руководством предприятий, и как следствие отношения к этой науке в стране, но факт остается фактом: заводская социология была подрублена под корень и по существу прекратила свое существование. Осталась очень небольшая группа специалистов, как правило, руководителей социологических служб, которым предлагалось не увольняться с предприятий, а занять какие-либо иные должности.

В содержательном отношении период 1970 – 1980-х гг. был отмечен появлением ряда интересных и значимых работ, изданных как в Москве и Ленинграде, так и в отдельных регионах, прежде всего в Западной Сибири и на Урале. Несмотря на стремление партийно-идеологического аппарата запретить либо существенно ограничить развитие теоретических и методологических исследований в социологии, ее наиболее видные представители в стране не могли лишиться возможности работать в этой области. В первую очередь это касается работ В.А. Ядова, посвященных методологии и методике социологического исследования и развитию диспозиционной концепции социального поведения личности, Б.А. Грушина о проблемах массового сознания, Т.А. Заславской о методологии системного анализа сельских регионов, А.Г. Здравомыслова об изучении структуры личности, И.С. Кона о самосознании личности, Г.В. Осипова о развитии социологических исследований в стране, В.Н. Шубкина о проблемах молодежи и др.³¹³

В качестве примера наиболее значительных теоретических достижений отечественной социологии этого периода охарактеризуем диспозиционную теорию саморегуляции Ядова, раскрытую им в двух работах второй половины 1970-х гг.³¹⁴ В соответствии с этой теорией существует три уровня диспозиций (диспозиция – элемент структуры личности, занимающий одно из центральных мест в ее внутреннем мире и означающий предрасположенность к определенному поведению в конкретных условиях, возможность осуществить выбор деятельности).

На самом нижнем уровне происходит формирование установок элементарного, ситуационного характера, связанного с саморегуляцией поведения в условиях удовлетворения витальных потребностей. На среднем уровне саморегуляция осуществляется в виде формирования обобщенной установки личности на социальные объекты. Здесь речь идет об удовлетворении социальных потребностей, связанных с включением индивида в различные социальные группы, а также формы и виды общественной деятельности (профессиональной, семейной, политической, досуговой и др.). При этом сама социальная установка проявляется на трех уровнях – эмоциональном (оценочном), когнитивном, поведенческом. Наконец, третий, самый высший уровень диспозиций означает формирование у личности концепции жизни и ее воплощение в ценностных ориентациях. Здесь нужно иметь в виду удовлетворение самых существенных потребностей человека, связанных с высшими целями его жизнедеятельности. По мнению Ядова, именно этот уровень диспозиций оказывается главным в регулировании поступков и действий, всего поведения человека в целом.

Что дает диспозиционная теория саморегуляции социального поведения? Структурируя внутренний мир личности, она позволяет прежде всего понять и объяснить механизм ее социального поведения в разных условиях функционирования и развития, начиная от ситуативных и кончая стратегическими. В одних условиях человек руководствуется элементарными установками, в других начинают «включаться» и «работать» базовые социальные установки, наконец, возникают предпосылки для фундаментальных установок. Как отмечает Ядов, важнейшей функцией диспозиционного механизма структуры личности является «психическая регуляция социальной деятельности, социального поведения личности»³¹⁵.

В изложенной выше теории структурные элементы личности, несмотря на то, что касаются ее внутреннего мира, оказываются тесно связанными с социальными условиями, средой личности, наконец, с обществом в целом. Установки, диспозиции, ценностные ориентации рассматриваются не сами по себе, а в единстве с деятельностью, в которой они реализуются, с потребностями, которые они отражают. Таким образом, диспозиционный механизм, если его рассматривать «по Ядову», выводит структуру внутреннего мира личности на ее поведенческие и деятельностные характеристики.

Ограничения, наложенные партийным и идеологическим руководством в области развития теоретической социологии, привели к определенной реакции на них, – развитию теории в отраслевых социологиях. Следует назвать хотя бы некоторые из них, которые активно развивались в этот период: промышленная социология, социология социальной структуры, социология культуры, социология молодежи (включая студенчество), социология управления, социология образования, со-

³¹³ Ядов В.А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М., 1972; Он же. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. Изд. 2-е. М., 1987; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979; Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987; Заславская Т.И. К методологии системного изучения деревни // Социологические исследования. 1975. № 3; Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М., 1980; Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1986; Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984; Осипов Г.В. Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979; Шубкин В.Н. Начало пути. М., 1979.

³¹⁴ См.: Ядов В.А. О диспозиционной регуляции поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

³¹⁵ Ядов В.А. О диспозиционной регуляции поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 97.

циология свободного времени и др. Составлялись планы социального развития промышленных предприятий, городов, районов, областей. Разрабатывались проблемы методологии, методики и техники социальных (социологических) исследований.

В рассматриваемый период появился ряд значительных работ в области использования математических методов в социологии³¹⁶.

Большой интерес вызывали исследования и публикации, выполненные в рамках изучения труда, промышленного и сельскохозяйственного производства, социальной структуры общества, рабочего класса, интеллигенции, города, села, образования, культуры, молодежи, рабочего и вне рабочего (в том числе свободного) времени, образа жизни, общественного мнения, средств массовой информации и пропаганды, семьи, личности и др. Много внимания уделялось анализу проблем в области методологии, методики, техники и процедуры социологического изучения проблем. Имели важное значение для развития отечественной науки исследования и работы в области истории социологии, прежде всего зарубежной.

В связи с названными выше направлениями исследований нельзя не отметить работы, выполненные в период 1960 – 1980-х гг. Н.А. Аитовым, Г.М. Андреевой, Ю.В. Арутюняном, Г.С. Батыгиным, И.В. Бестужевым-Ладой, А.В. Винокур, Ю.Р. Вишневым, Ю.Е. Волковым, Ю.П. Вороновым, Д.М. Гвишиани, В.И. Герчиковым, Я.И. Гилинским, И.А. Голосенко, В.Б. Голофастом, Л.А. Гордоном, Г.П. Давидюком, Ю.Н. Давыдовым, А.В. Дмитриевым, Б.З. Докторовым, Т.М. Дридзе, А.К. Зайцевым, Г.Е. Зборовским, В.Н. Ивановым, Л.Г. Иониным, В.Ж. Келле, Э.В. Клоповым, Л.Н. Коганом, В.В. Колбановским, Д.Л. Константиновским, А.П. Куприяном, Н.И. Лапиным, Ю.А. Левадой, И.Т. Левыкиным, А.А. Матуленисом, Н.Ф. Наумовой, В.Б. Ольшанским, В.И. Паниотто, В.Д. Патрушевым, В.Г. Подмарковым, А.И. Пригожиным, В.О. Рукавишниковым, М.Н. Руткевичем, Р.В. Рывкиной, Г.И. Саганенко, А.Л. Свенцицким, М.Х. Титмой, Ж.Т. Тощенко, Б.Ц. Урланисом, З.И. Файнбургом, Ф.Р. Филипповым, Б.М. Фирсовым, Б.А. Чагиным, И.И. Чангли, Н.И. Чуриловым, О.И. Шкаратаном, В.Э. Шляпентохом и др.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в отечественной социологии сформировались необходимые предпосылки для нового этапа ее развития, в рамках которого можно было бы сбросить, наконец, путы, сковывавшие ее движение вперед. Однако внутренние предпосылки могли быть реализованы лишь при наличии необходимых социальных, политических и идеологических условий, которые реально определялись одним словом – свобода.

По существу речь идет о двух видах свободы, тесно связанных между собой, – о свободе «от...» и свободе «для...». Имея в виду первый ее вид, можно утверждать, что нужна была свобода от идеологического прессинга, цензуры, от одностороннего влияния марксистского фундаментализма, от признания только лишь «половинчатой» (прикладной) социологии. Говоря о втором виде свободы, следует подчеркнуть необходимость полной институционализации социологии, придание ей равного с другими социогуманитарными науками статуса, предоставление государством и партией возможностей для беспрепятственного творческого развития как теоретических, так и эмпирических исследований, создание системы профессионального социологического образования.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. знаменовали собой формирование именно таких предпосылок и условий, при которых реализация обоих видов свободы для развития социологии стала возможной и реальной. Отечественная социологическая наука стала плавно переходить в новый период своего развития. Рассмотрению этого периода посвящается следующая глава учебника.

Вопросы и задания

1. Какие обстоятельства и новые условия жизни способствовали второму рождению отечественной социологии? С чего оно началось?
2. Опишите первые попытки институционализации социологии в СССР. Почему, по вашему мнению, «экспортная модель» утверждения отечественной социологии опередила ее внутреннее развитие?
3. Назовите и кратко охарактеризуйте первые крупные теоретические и эмпирические исследования отечественной социологии в период ее второго рождения.
4. Какими были в период второго рождения отечественной социологии основные направления теоретических и прикладных исследований?

³¹⁶ Математическое моделирование в социологии: методы и задачи. Новосибирск, 1977; Математико-статистические методы анализа данных в социологических исследованиях. М., 1980; Математические методы в социологическом исследовании. М., 1981; Математические методы анализа и интерпретация социологических данных. М., 1989.

5. В чем состоит суть дискуссий о характере и статусе социологической науки, которые проходили в период ее второго рождения в СССР?
6. Охарактеризуйте процесс продолжения институционализации социологии в стране в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Почему «социологическая оттепель» сменилась «социологическим похолоданием»?
7. Определите основные особенности ситуации в отечественной социологии в период застоя.
8. О каких достижениях социологии в СССР в период застоя вы могли бы рассказать?
9. Что собой представляла отечественная «заводская» (промышленная) социология? Почему ее возникновение и развитие в СССР имело важное значение? Охарактеризуйте его.
10. Назовите наиболее крупные отечественные социологические работы 1970 – 1980-х гг. и их авторов. Расскажите подробнее об одной из тех, которые вы читали. Чем она вам запомнилась?
11. Попробуйте самостоятельно подвести итоги состояния отечественной социологии в период ее второго рождения и застоя. Какие проблемы стояли перед ней?

Литература

- Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. М., 1998.
- Голосенко И.А., Козловский В. В. История русской социологии XIX – XX вв. М., 1995.
- Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб., 2013.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург, 2014.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- История социологии. Минск, 1993.
- Капитонов Э.А. Социология XX века. Ростов-на-Дону, 1996.
- Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
- Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М. – Воронеж, 2000.
- Новикова С.С. История развития социологии в России. М. – Воронеж, 1996.
- Социология в России. М., 1998.
- Филиппов А.Ф. Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение. 2013. № 123 (5). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/3973>.
- Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950 – 1980-е годы. Очерки. СПб., 2012.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ С КОНЦА 1980-х гг. ДО НАШИХ ДНЕЙ

§ 1. Институционализация отечественной социологии в условиях перестроечного и постперестроечного периода

- 1.1. Новые возможности развития социологических исследований
- 1.2. Институционализация социологии в системе высшего образования
- 1.3. Достижения и проблемы издательской деятельности
- 1.4. Создание научных общественных объединений

§ 2. Основные особенности развития отечественной социологии в перестроечный и постперестроечный период

- 2.1. Усиление интеграционных процессов в социологии
- 2.2. Новое социологическое мышление
- 2.3. Основные направления социологических исследований в современной России
- 2.4. Развитие рынка социологических услуг
- 2.5. Развитие социологии в российских регионах
- 2.6. Российская социология в 2000 – 2014-х гг.

§ 1. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЕЧНОГО И ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОГО ПЕРИОДА

1.1. Новые возможности развития социологических исследований

Начало последнего, по существу современного периода отечественной социологической науки, оказалось связанным в первую очередь с осуществлением в стране горбачевской «перестройки». Конец 1980-х гг. знаменовал собой ослабление партийно-идеологического прессинга и некоторую, пока еще весьма относительную, свободу творчества в социально-гуманитарных и общественных науках. Она коснулась и социологии. В июне 1988 г. было принято (рассматривавшееся тогда как историческое для ее судеб) постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». По существу впервые на партийно-государственном уровне была признана полная самостоятельность социологической науки, что выразилось в отделении ее от философии и признании необходимости активного развития теоретической социологии. Своеобразная монополия философии на социальное познание общества была, таким образом, ограничена. В системе общественных наук социология заняла свое достойное и равное с другими науками место. В постановлении было подчеркнуто значение не только теоретических, но и прикладных социологических исследований для решения задач социально-экономического развития СССР.

Принятие постановления означало новые возможности институционализации социологии. Это, прежде всего, развитие научных исследований в рамках не только академических, но и иных, новых, ранее не существовавших структур. Так, был создан Всесоюзный (впоследствии, после распада СССР, Всероссийский) центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), директором которого стала в 1988 г. академик Т.И. Заславская. Ее заместителем был назначен Ю.А. Левада, с 1992 г. ставший директором центра. Одна из основных задач ВЦИОМа заключалась в проведении мониторинга общественного мнения по основным экономическим, социальным и политическим проблемам развития нашей страны.

На изучении общественного мнения и сдвигов в массовом сознании населения России стали специализироваться и другие вновь созданные центры. Среди них специально нужно отметить службу профессора Б.А. Грушина «Vox Populi» и Российский независимый институт национальных и социальных проблем. В 1990-х гг. количество различных институтов, агентств, служб, фондов и т. д., специализирующихся на проведении массовых опросов, в одной только Москве превысило пару десятков.

Продолжающаяся институционализация социологии напрямую затронула академическую науку. Институт социологических исследований АН СССР получил не только новое название – Институт социологии АН СССР (впоследствии, после распада Советского Союза, Институт социологии РАН), но и возможности для радикального изменения характера деятельности, особенно после того, как его директором был сначала назначен, а затем и избран В.А. Ядов. Сотрудники института получили возможность свободного выбора тем научных проектов, административное давление на них было существенно ослаблено, а демократические и либеральные нормы деятельности научного сообщества стали активно «вживляться в ткань» этого учреждения.

В 1991 г. Институт социологии разделился, появился Институт социально-политических исследований, директором которого стал Г.В. Осипов. На сугубо добровольных началах произошло распределение научных сотрудников по двум институтам: кто захотел остаться – остался, кто захотел уйти в новый институт – ушел туда.

Однако процесс институционализации в сфере социологической академической науки начал создание не только новых научных структур. Крайне важным для дальнейшего развития социологии стало решение в 1990 г. Высшей аттестационной комиссии об учреждении ученых степеней кандидата и доктора социологических наук по шести социологическим специальностям (до этого за социологические диссертации присваивались чаще всего ученые степени кандидата и доктора философских наук).

Важным аспектом институционализации социологии, о котором редко говорят именно в связи с этим процессом, является возникновение научных социологических школ. Существует ряд определений и трактовок научной школы. В одних делается акцент на ней как особой форме организации научной деятельности и исследований, в других подчеркивается, что школа – это научное направление, развиваемое коллективом единомышленников, в третьих обращается внимание на неформальный характер объединения исследователей и наличие в нем неформального лидера. «В послесоветское время, – справедливо указывает Б.М. Фирсов, – возник новый тип научной школы, неизвестный в предыдущие годы: команда, сформированная получателем гранта, новый коллектив, который всю ответственность за решение научной проблемы принимает на себя»³¹⁷. Ссылаясь на работы известного американского социолога Г. Беккера, Фирсов выделяет «школы мысли» и «школы действия» и пишет, что советские социологические школы относятся, скорее всего, к последним³¹⁸.

Теперь предложим наше понимание социологической научной школы. Вообще за всю более чем полуторазековую историю мировой социологии существовало всего лишь несколько крупных школ. Значительная по своим реальным достижениям научная школа – явление в социологии не такое уж частое и распространенное. Для возникновения подобной школы необходимо наличие нескольких совпадающих по времени, месту, содержанию и направленности обстоятельств.

Речь идет о каком-то конкретном периоде и его определенной продолжительности. Как правило, он занимает не менее 20 лет; это тот срок, в течение которого школа должна сформироваться как некоторое объединенное на основе общих методологических принципов и подходов научно-творческое неформальное сообщество и проявить себя соответствующим образом в социологической деятельности. Школа характеризуется наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежность к университету), центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издание журнала), общих профессионально-этических установок ее представителей.

Именно таким требованиям отвечали две первые в мире наиболее значительные школы, появившиеся в границах классического этапа социологии, – школа Э. Дюркгейма и Чикагская социологическая школа. Говоря о крупных творческих объединениях мирового масштаба, конечно, нельзя забывать о такой мощной школе, уже в рамках современного этапа развития социологии, как Франкфуртская социологическая школа. Об этих школах уже шла речь на страницах учебника.

В нашей стране в последние десятилетия сложилось несколько школ. Разумеется, по масштабу, размаху, уровню известности, значению в науке, влиянию на ее развитие и другим показателям они значительно уступают названным выше. Но дело не в этом. В конце концов, мы имеем дело не со спортивным соревнованием.

³¹⁷ Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950 – 1980-е годы: очерки. СПб., 2012. С. 214.

³¹⁸ Там же. С. 215.

Важна роль отечественных социологических школ в развитии советской / российской социологии. Среди них хотелось бы выделить в первую очередь Новосибирскую экономико-социологическую школу (во главе с Т.И. Заславской), Ленинградскую школу (во главе с В.А. Ядовым), школу изучения общественного мнения (во главе с Б.А. Грушиным), Уральскую школу (во главе с Л.Н. Коганом). Это школы, которые функционировали вплоть до рубежа XX – XXI вв. Вследствие естественных причин (смерть или старение лидеров и активных участников, смена рядом из них места жительства, изменение проблематики и направленности научных интересов и т. д.) они перестали (или перестают) функционировать как школы. Новые же творческие союзы и объединения в стране пока не возникают.

1.2. Институционализация социологии в системе высшего образования

Институционализация социологии активно коснулась системы высшего образования. Было конституировано в качестве особого вида образования социологическое образование. В вузах появились социологические факультеты, отделения, специальности и даже институты. Правда, первые отделения социологии возникли раньше, в 1984 г. (в Московском университете на философском факультете, а в Ленинградском – на экономическом), но это были отделения прикладной социологии. В 1989 г. состоялся первый выпуск профессиональных социологов, всего 50 человек (по 25 человек в каждом университете), в дипломах которых специальность называлась «прикладная социология».

Настоящее же социологическое образование стало развиваться только с 1989 г., когда оказалась полностью «узаконенной» профессия социолога. Именно в этом году и появились первые два социологических факультета в стране – в Московском и Ленинградском университетах. Чуть позднее ряд социологических факультетов был открыт в других университетах страны: Уральском (Екатеринбург), Новосибирском, Алтайском (Барнаул), Самарском, Томском, Казанском и т. д. В настоящее время подготовка профессионалов-социологов осуществляется более чем в 100 структурах (институтах, факультетах, отделениях, кафедрах, центрах). Но, вероятно, и это не предел. Интерес молодежи к получению профессии социолога не ослабевает, что и обуславливает дальнейшее развитие социологического образования в стране.

Институционализация социологии в системе высшего образования, означавшая процесс ее «перестройки», состояла не только в появлении профессионального социологического образования, но и в массовом преобразовании кафедр научного коммунизма. Взамен были созданы в основном кафедры социологии либо социологии и политологии. Такова судьба нескольких сотен кафедр научного коммунизма. Этот процесс был воспринят студентами и большей частью преподавателей с нескрываемым чувством удовлетворения и надеждой на изменение содержания и характера преподавания общественных и социально-гуманитарных наук.

Однако нельзя не сказать и о возникших в связи с трансформацией кафедр научного коммунизма, истории КПСС проблемах, в первую очередь содержательных и кадровых. Смена названий кафедр не означала еще радикального изменения характера преподавания, а главное – готовности к этому вузовских педагогов. Введение новых дисциплин (социологии, политологии, культурологии) не обеспечивалось ни методологически, ни методически, ни тем более кадрами преподавателей соответствующей квалификации. Не было учебников и учебных пособий.

Возникшая ситуация требовала достаточно быстрых решений. Они заключались в переподготовке преподавателей через институты и факультеты повышения квалификации, а также в издании учебной и учебно-методической литературы. Если с первой задачей система высшего образования в стране справлялась в основном самостоятельно (о качестве переподготовки и повышения квалификации речь сейчас не идет), то процесс издания необходимой учебной литературы в значительной мере был осуществлен созданными Дж. Соросом фондами «Культурная инициатива» и «Открытое общество». Только в течение 1995 – 1997 гг. количество учебников и учебных пособий выросло в 2 раза, а ежегодный выпуск книг и брошюр по социологии составляет в последние годы более тысячи наименований.

1.3. Достижения и проблемы издательской деятельности

Институционализация социологии глубоко затронула издательскую деятельность, причем в нескольких направлениях. Появилось большое количество учебной литературы. Это и понятно: с введением курсов социологии в подавляющем большинстве высших учебных заведений стал ощущаться громадный дефицит необходимой для студентов литературы. В течение нескольких лет (в основном после 1995 г.) было опубликовано и появилось в книжных магазинах большое количество учебников, учебных пособий, лекционных курсов, хрестоматий, практикумов и т. д. по социологии. Преподаватели из многих вузов (в основном в российских регионах) стали печатать малотиражные издания, рассчитанные прежде всего на собственных студентов, удовлетворяя тем самым их потребности в учебной литературе. Нельзя не приветствовать эту новую ситуацию в стране, испытывавшей многие десятилетия дефицит социологической литературы, в первую очередь учебников. Без большого риска ошибиться можно утверждать, что процесс их издания, появления новых работ, написанных в жанре учебника, будет продолжаться. Но здесь возникает вопрос уже не столько количественного, сколько качественного характера.

Прямо скажем: далеко не все из них удовлетворяют современным требованиям в полной мере. Конечно, в этих работах отражается уровень квалификации социологов, который не всегда является достаточно высоким. Отмечая данное обстоятельство как не самую лучшую характеристику отечественной социологии, не будем при этом забывать, что она еще достаточно молода, а сами социологи не имеют большого опыта в написании качественной учебной литературы.

В этом отношении серьезную положительную роль сыграло издание переводов лучших зарубежных учебников по социологии, в первую очередь Н. Смелзера, Э. Гидденса, П. Штомпки³¹⁹. Говоря об использовании зарубежных учебников, важно помнить, что они не могут полностью заменить отечественной учебной литературы – не только вследствие особого «западного» менталитета их авторов, но и, главным образом, вследствие того, что в них не анализируется социальный опыт нашей страны. Учить же социологии российских студентов на западном опыте, без учета национальных особенностей – не просто нонсенс. Это гораздо хуже, поскольку означает внедрение западного образа мышления в сознание молодого отечественного специалиста. Поэтому оптимальный вариант использования учебной литературы – это, с нашей точки зрения, работа преподавателя и студента с различными, но хорошими отечественными и зарубежными учебниками и пособиями. Эта же ситуация распространяется и на социологические словари и энциклопедии.

Одним из наиболее ярких показателей институционализации социологии является издание журнальной литературы. Если до начала 1990-х гг. издавался лишь «Социс» («Социологические исследования»), единственный социологический ежемесячный научный и общественно-политический журнал (с 1974 г. журнал АН СССР, а затем Российской академии наук), то после принятия закона о печати в 1990-х гг. появились многочисленные периодические и продолжающиеся социологические издания. Среди них: «Социологический журнал», «Мир России», «Вопросы социологии», «Социология: 4М», «Журнал социологии и социальной антропологии» и др.

Безусловно, положительно характеризуют институционализацию социологии в России переводы, издания и переиздания в конце 1980–1990-х гг. работ классиков мировой социологии и современных зарубежных социологических трудов. Среди них – сочинения Т. Адорно, Р. Арона, З. Баумана, П. Бергера, Э. Бёрджесса, П. Блау, Г. Блумера, П. Бурдьё, М. Вебера, Т. Веблена, Э. Гидденса, А. Гоулднера, Э. Гоффмана, Р. Дарендорфа, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Н.И. Кареева, М. Кастельса, М.М. Ковалевского, Л. Козера, Р. Коллинза, О. Конта, Ч. Кули, П.Л. Лаврова, П. Лазарсфельда, Г. Лебона, Т. Лукмана, Н. Лумана, К. Маннгейма, Г. Маркузе, Р. Мертон, Дж.Г. Мида, Ч.Р. Миллса, Н.К. Михайловского, В. Парето, Р. Парка, Т. Парсонса, Д. Рисмена, П.А. Сорокина, Г. Спенсера, Г. Тарда, Ф. Тённиса, А. Турена, Дж. Урри, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, М. Хальбвакса, М. Шелера, П. Штомпки, А. Шюца и др.

Завершая разговор о деятельности, связанной с изданием социологической литературы, отметим один ее существенный недостаток: многие книги имеют небольшой тираж и по существу не доходят до регионов, оказываясь на полках книжных магазинов в пределах, фигурально выражаясь, Садового кольца. Читатель узнает о них лишь из журнальных рубрик типа «Коротко о книгах», «Книжная полка социолога», «Книги, присланные в редакцию», «Книжное обозрение» и др. Малая

³¹⁹ Смелзер Н. Социология. М., 1994; Гидденс Э. Социология. М., 1999; Он же. Социология. М., 2005; Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.

тиражность изданий характеризует работу как центральных, так и региональных и местных издательств. Исключение составляют разве что учебники, да и то не все. Что же касается переводных работ, трудов классиков социологии, то приобретение их в российских регионах представляет большую проблему.

Подобное положение дел с изданием литературы способствует усилению социологического провинциализма. Известно, что публичные библиотеки в областных и республиканских центрах располагают крайне скудными средствами для приобретения научных трудов, монографий, да и иной литературы. Это же касается и вузовских библиотек. Но даже при наличии денег купить книги по социологии подчас сложно вследствие, как уже указывалось, небольших тиражей многих из них. Вот и приходится в иных городах социологам и книготорговцам снаряжать регулярно экспедиции в Москву, в книжные магазины и известный книжный киоск Института социологии РАН.

1.4. Создание научных общественных объединений

Важным шагом в процессе институционализации отечественной социологии явилось создание ряда добровольных научных общественных объединений социологов, среди которых в первую очередь следует назвать Российское общество социологов (РОС), а также Сообщество профессиональных социологов, Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского, Общество социологов и демографов. Безусловно, ведущим и самым массовым объединением стало РОС. Оно явилось правопреемником Советской социологической ассоциации, которая прекратила свое существование в связи с распадом СССР. Но, справедливости ради, следует отметить, что возникло РОС еще до этой ситуации, в 1989 г. Его первым президентом был Н.И. Лапин. В 1993 г. президентом РОС стал В.А. Ядов, а в 1997 г. на III съезде общества президентом был избран В.А. Мансуров, являющийся им и в настоящее время.

Российское общество социологов призвано содействовать развитию социологии в Российской Федерации, повышению ее теоретического уровня, методологической надежности исследований, обоснованности практических выводов из них. Цель общества состоит в концентрации усилий его членов на разработке приоритетных направлений и актуальных социальных проблем российского общества в целом и его регионов. РОС решает важную задачу создания и поддержки духа свободы научных дискуссий, соблюдения честной конкуренции в деятельности различных социологических структур. Общество способствует развитию системы социологического образования в стране, подготовке и переподготовке специалистов, повышению квалификации социологов. Оно оказывает поддержку развитию научных связей и научного сотрудничества российских социологов с учеными других стран (в том числе СНГ), международными и зарубежными социологическими организациями.

РОС имеет сегодня региональные отделения почти во всех субъектах Российской Федерации и осуществляет свою работу на местах через них. На протяжении многих лет Общество издавало ежеквартально «Вестник РОС», который рассылался в отделения и на домашние адреса его членов. В последние годы необходимость в нем отпала в связи с созданием сайта Российского общества социологов, на котором дается вся необходимая оперативная информация. Общество поддерживает исследования, проводимые его членами совместно с членами других общественных объединений. РОС проводит съезды, конференции, пленумы, школы, симпозиумы и т. д., действуя вместе с коллективами научно-исследовательских институтов и вузовских социологических структур, а также общероссийские конкурсы на лучшие исследования, монографии, учебники. Следует отметить, что в последние годы РОС резко активизировало свою работу и пользуется заслуженным уважением и авторитетом у социологов страны.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ И ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД

Сказанное выше позволяет утверждать, что к 1990-м гг. отечественная социология подошла вполне готовой к глубоким переменам теоретического, эмпирического и организационного характера. Они были осуществлены в процессе постсоветского, современного этапа ее развития. Появилась долгожданная свобода творчества, была ликвидирована цензура, исчез (вместе с КПСС) партийный диктат. Формирование демократического режима власти и управления, попытки создания правового государства сыграли большую роль в изменении характера общества на пути появления в нем серьезного гражданского сегмента. Именно в период 1990-х гг. входит в научный и повседневный обиход термин «гражданское общество», формируется его понятие. Большую роль в этом процессе играет социология, которая начинает исследовать процессы формирования НКО – некоммерческих (и неправительственных) организаций как одного из важных элементов гражданского общества.

Период 1990-х гг. – это не просто важное, а может быть, наиболее важное время в развитии отечественной социологии за всю ее полуторавековую историю (после реформ 1861 г.). В рамках этого периода произошла полная институционализация социологии, конституировалась профессия социолога, возникло и быстро распространилось по стране, «шагнув в провинцию», социологическое образование, оказалась возможной широкая издательская деятельность, развился рынок социологических услуг. Но главными завоеваниями стали формирование нового социологического мышления, свобода социологического слова и интеграция отечественной социологии в мировую науку.

Начиная с XXI в., мы ведем отсчет нового периода отечественной социологии. Формально и сразу никаких заметных изменений в ней с переходом к новому десятилетию не происходило. Но их предпосылки стали постепенно вызревать, и свидетельствовали они о наступлении в социологии не самых лучших времен. Формировавшиеся в 1990-е гг. гражданское общество, правовое государство и демократический режим власти стали уступать только-только завоеванные позиции. Усиливаются негражданское общество, неправовое государство и авторитарный режим власти, что не могло не повлиять и на ситуацию в социологии, возникновение раскола в ней и в социологическом сообществе, поиск социологической «властвующей элитой» союза с властью и оказание последней давления на независимую социологию.

Таким образом, мы имеем основания выделить внутри современного этапа развития отечественной социологии два периода – 1990-е и 2000-е гг. С одной стороны, второй период, охвативший последние 10 – 14 лет, продемонстрировал новые достижения социологии – и теоретического, и эмпирического характера. С другой стороны, нельзя не учитывать влияние на развитие науки названных выше общественно-политических факторов.

Необходимо иметь в виду и еще одно крайне важное обстоятельство, наложившее печать на процесс развития российской социологии, – уход из жизни в последние несколько лет представителей самого первого поколения отечественных социологов, выдающихся ученых Б.А. Грушина, Ю.А. Левады, А.Г. Здравомыслова, И.С. Кона, В.Н. Шубкина, Т.И. Заславской. Их работы и они сами во многом определяли «лицо» российской социологии, ее авторитет, если угодно, моральные устои. Для социологии очень важно видеть и понимать, что порядочно и прилично делать в науке и образовании, а что – нет (в том числе и во взаимоотношениях с властью). Поименованные ученые в этом плане как раз и были подлинными моральными авторитетами.

2.1. Усиление интеграционных процессов в социологии

Институционализация отечественной социологии является, безусловно, крайне важной, но далеко не единственной особенностью ее развития в период с конца 1980-х гг. до нашего времени. Признание общественной значимости социологии и конкретные формы процесса ее институционализации теснейшим образом связаны с внутренними изменениями в содержании самой социологи-

ческой науки, в том, что мы называем социологическим сознанием или социологическим мышлением. Обозначенный выше временной период, как никакой другой, способствовал появлению нового социологического мышления, которое и сделало возможным многочисленные изменения и трансформации в самой отечественной социологической науке.

Здесь прежде всего следует говорить о начале процесса ее тесной интеграции в мировую социологическую науку. Дело в том, что изменения в социологии идут рука об руку с эволюцией современного мира. Главная тенденция перемен заключается в сближении стран, которое происходит во многих сферах жизни и свидетельствует о наличии между этими странами общих интересов. Отражением подобной тенденции явился новый менталитет, смысл которого состоит в признании приоритета общечеловеческого, в осознании совпадающих интересов и конституировании государственной деятельности, направленной на сближение различных стран, преодоление между ними конфронтации и поиск тождественных позиций, способствующих достижению мира и социального прогресса.

Не стоит в стороне от этого и мировая социология. Ярким подтверждением тому являются проведенные под эгидой Международной социологической ассоциации (МСА), работающей под патронажем ЮНЕСКО, в период с 1990-х гг. по настоящее время Всемирные социологические конгрессы: XII, июль 1990 г., г. Мадрид (Испания); XIII, июль 1994 г., г. Билефельд (Германия); XIV, июль 1998 г., г. Монреаль (Канада); XV, июль 2002 г., г. Брисбен (Австралия); XVI, июль 2006 г., г. Дурбан (Южно-Африканская республика); XVII, июль 2010 г., г. Гётеборг (Швеция); XVIII, июль 2014 г., г. Иокогама (Япония).

На этих конгрессах фиксировались серьезные сдвиги, происшедшие в развитии общесоциологической теории, в понимании социальных изменений в мире, в исследованиях глобальных и региональных процессов. Отмечалось, что, возможно, не стоит стремиться к созданию единой общесоциологической теории, которая могла бы удовлетворительно объяснить многообразие происходящих в различных культурах и регионах социальных процессов. Стало быть, нужны различные социологические теории для анализа социальных изменений, что является доказательством социологического плюрализма. Участники на многих конгрессах говорили, что требуется не интеграция социологической теории, а консолидация различных подходов, концепций, трактовок.

В идее консолидации, в многообразии равноправных социологических концепций и подходов к различным объектам изучения нашла свое отражение усиливающаяся тенденция к интернационализации социологии, формированию социологического знания, состоящего из теорий, не отрицающих друг друга, а принимающих их как данность.

2.2. Новое социологическое мышление

В связи с этим имеет смысл говорить о складывании в нашем обществе нового социологического мышления. Основным его принципом стало преодоление традиционного для нашей страны в прошлом разделения социологии на марксистскую и немарксистскую, западную и восточную и т. п. и движение в сторону единого мирового социологического знания, заинтересованного в решении сходных задач развития науки и общества. Разумеется, складывание нового социологического мышления вовсе не означает исчезновения своеобразия различных социологических школ, многовариантности путей достижения поставленных целей. Единство и многообразие в социологии – это тоже принцип нового социологического мышления.

Каковы же конкретные предпосылки выработки нового социологического мышления, связанные с чисто внутренними социологическими процессами? Что может не только свидетельствовать о сближении позиций социологов разных стран, но и приводить к их реальной консолидации при сохранении своеобразия национальных школ и течений?

Прежде всего, это схожие исследовательские проблемы. Они актуальны для социологий различных стран (включая и отечественную науку) и в состоянии вызвать, в случае их совместного изучения, подъем социологического знания на принципиально новый уровень. Здесь может оказать очень важное влияние получение сопоставимых данных, которые целесообразно использовать для решения самых разных задач, имеющих и теоретический, и прикладной характер.

Постановка, содержание, пути исследования схожих или даже общих проблем в различных странах обусловлены тем, что их население в одинаковой степени тревожат вопросы выживания человека и человечества, войн и создания условий для их недопущения, борьбы с терроризмом,

экологической безопасности, миграционных процессов, этносоциальных и межнациональных отношений, семейной консолидации, образа жизни, бедности и неравенства, образования и культуры, взаимоотношений между различными социальными группами, деятельности социальных институтов и организаций и т. д. и т. п. Поэтому вполне резонна совместная разработка методологии и методики исследования названных выше проблем с последующей организацией и проведением их социологического изучения в заинтересованных странах.

Выработка нового социологического мышления и через него – движение в сторону единой мировой социологии, не раздираемой антагонизмами и взаимными претензиями дифференцирующихся школ, течений и направлений в различных странах, достижимы в результате обнаружения схожих, во многом совпадающих проблем не только исследовательского, но и организационно-содержательного характера, стоящих перед наукой в этих странах.

Среди таких проблем назовем следующие: взаимоотношения исследователей с государством, властью и обществом, поскольку последнее далеко не всегда удовлетворено работой социологов-профессионалов, причем эта неудовлетворенность возникает вследствие того, что в интеллектуальной жизни стран социология играет роль менее значимую, чем могла бы; эффективность социологической науки и практики, которая должна определяться влиянием, оказываемым на общество, конкретные социальные группы и слои; исследования текущих событий с точки зрения выявления наиболее значимых среди них, при этом социологические идеи и открытия должны излагаться простым и понятным языком и совсем не обязательно в «строго» научном жанре. Более того, даже предпочтительнее создание яркой научно-публицистической литературы, публикация комментариев к опросам общественного мнения и аналитическим обзорам экономики, политики и культуры.

Перечень близких для зарубежной и отечественной социологии проблем мог бы быть продолжен. Но, вероятно, и названного достаточно, чтобы убедиться в значительном сходстве, единстве, большой общности развития этой науки в различных странах. Наличие такого сходства приводит к убеждению, что социологи могли бы совместно на регулярной основе обсуждать широкий круг интересующих их общих проблем содержательного, организационного и иного характера.

Что касается круга теоретических вопросов, вызывающих общий интерес и ставящихся в социологической литературе, то они являются достаточно широкими, вне сомнения актуальными и требуют совместных разработок. Назовем лишь некоторые из них: глобализация социальной жизни, борьба с терроризмом и отношение к ней населения, социальные изменения сквозь призму прошлого, настоящего и будущего, социальные движения и революции, межнациональные конфликты, современный урбанизм, проблемы миграции, уровня и качества жизни населения, его бедности, здоровья, образования и культуры и др. В последние годы заметен большой интерес к сравнительным, кросскультурным международным исследованиям по названным и иным проблемам. Отечественные социологи стремятся принимать в них, как и в дискуссиях по данным проблемам, самое активное участие, подчеркивая их злободневный характер для нашей страны.

Сближение социологов различных стран, прежде всего тех, которые до недавнего времени работали разрозненно, плохо знали друг друга, требует интенсификации контактов между ними в различных сферах деятельности. Здесь имеет значение использование любых форм: проведение международных конгрессов, симпозиумов и конференций, совместные исследования, обмен преподавателями, стажерами, аспирантами, студентами.

Все это особенно важно для молодого поколения отечественных социологов, перед которым открывается широкая дорога к анализу зарубежного опыта и овладению исследовательским мастерством с учетом лучших мировых его образцов. Студенты, аспиранты, уже работающие молодые специалисты получают возможность изучать социологию и стажироваться в университетах США, Великобритании, Германии, Франции и других стран, что послужит дальнейшему развитию этой науки.

Как видно, логика развития жизни, процессы, происходящие в мире, и их отражение в научном мышлении с неизбежностью ведут к преодолению границ, стиранию жестких демаркационных линий между социологиями разных стран. И в теории, и в практике социологической деятельности наблюдаются новые, крайне важные позитивные тенденции сближения и выработки общих позиций. Не так быстро идет движение к единой мировой социологии, но оно набирает силу и темпы.

Стремясь к предвидению дальнейшего развития социологии, назовем в качестве важной, может быть даже основной тенденции этого процесса взаимодействие социологических парадигм, включая марксистскую. Методологическое сближение не кажется нам сегодня невозможным, методологическое противостояние, наоборот, не имеет перспектив вследствие того, что тормозит развитие социологической науки. Итак, консолидация мирового социологического знания – вот та тенденция, которая уже сегодня, пусть робко, только в виде первых росточков, начинает проявлять себя. Успехи отечественной социологии в значительной степени будут зависеть от того, как она сумеет «вписаться» в этот процесс, не утратив при этом своего собственного лица, специфики отечественной школы, национального своеобразия.

2.3. Основные направления социологических исследований в современной России

Сохранение национального своеобразия отечественной социологии обеспечивается, прежде всего, за счет тематики и основных направлений исследований. Понятно, что в 1990-е гг. (часто в литературе эти годы называют постсоветским временем) на первое место вначале вышли проблемы общественно-политического характера, начиная от определения содержания и вектора переходных процессов и кончая новыми политическими ценностями общества и его конкретных социальных групп. Социологи активно включились в многочисленные дискуссии по поводу специфики и названия нового общества, которое предстояло строить.

Следует сразу сказать о том, что эта полемика, несмотря на значительные «страсти», которыми она сопровождалась, постепенно уступила место конкретному анализу политических и социально-экономических аспектов реформирования России. Ментальная установка, вырабатывавшаяся у социологов десятилетиями, обязательно как-то назвать одним (или несколькими) словами общество, в котором живем, стала постепенно ослабевать. Идеология марксизма приучила его сторонников непременно ставить на общество (прошлое, настоящее, будущее) «клеймо»: капиталистическое, социалистическое, коммунистическое. Уход от «одномерного» марксизма в сторону признания принципа теоретического плюрализма избавляет от необходимости «клеить» общество, но зато позволяет ставить вопросы о конкретном исследовании самых различных сторон его реформирования. Благо, здесь есть где «разгуляться» социологии.

В экономической и социальной сферах социологи стремятся к изучению явлений, связанных с новыми формами собственности, видами предприятий, типами экономического и социального поведения людей. Они не могут пройти мимо социетального кризиса, его стадий, особенностей и различных сторон в России. Особое внимание обращается ими на экономический, политический и социальный кризисы как конкретные формы проявления социетального кризиса. Социологов привлекает изучение ценностей новой модели общества и отношения к нему самых различных групп населения.

Особый интерес для ученых представляет изучение социальной структуры, стратификации и мобильности российского общества. Поскольку появляются новые, подчас многочисленные, социальные слои (страты), которые существенно влияют на жизнь общества (предприниматели, коммерсанты, средние слои, политическая, экономическая, военная элита, управленческая бюрократия, креативный класс, безработные, «бомжи», охранники и т. д.), постольку социологические исследования этих элементов социальной структуры и стратификации представляются особенно актуальными и значимыми. Но социологов интересуют не только конкретные элементы социальной структуры и стратификации, для них важно определить в целом их тип и характер в новых условиях и возможные пути их мобильности и изменения в исторически обозримый период. С точки зрения проблематики социальной сферы, нашедшей свое отражение в социологических исследованиях, следует также назвать вопросы бедности и богатства, резкого усиления в обществе социального неравенства.

Большое место среди направлений исследований в отечественной социологии занимают проблемы коррупции, миграции, этнических конфликтов и межнациональных отношений. Пожалуй, с точки зрения общественных интересов сегодня нет вопросов более болезненных, чем эти, разве что еще многочисленные аспекты криминализации страны. Зачастую оба комплекса проблем оказываются взаимосвязанными.

Исследования в названных сферах охватывают проблемы значительной сложности, касающиеся социальной и политической жизни общества, создания правового государства, гражданского общества, изменений в социальных идентификациях, формирования и деятельности власти на самых разных ее уровнях, начиная от центральной и кончая муниципальной, а также вопросы развития управления и самоуправления на местах. При этом большой интерес в своих исследованиях социологи уделяют политической и экономической элите, ее положению в обществе и самым различным формам проявления ее активности.

Последние два десятилетия в развитии социологии ознаменовался целым рядом исследований в области образования. Пожалуй, ни одна конкретная сфера общественной жизни не испытала на себе столько самых разных попыток ее реформирования, как образование. Частая смена министров в 1990-е гг., стремление каждого из них оправдать свою деятельность очередными реформами и тем самым доказать ее целесообразность руководству страны, тяжелейшее материально-финансовое положение системы образования поставили перед социологами вопрос о необходимости широких исследований самых различных уровней и звеньев этой системы. Можно считать, не

боясь ошибиться, что среди основных направлений отечественной социологии изучение образования является одним из наиболее приоритетных.

В ограниченной объеме главе нет возможности назвать все направления социологических исследований, проводимых в России в рамках рассматриваемого этапа. Необходимо лишь сказать, что они коснулись по существу всех сфер общественной жизни, будь то труд и быт, рабочее и вне рабочее (в том числе свободное) время, культура и наука, общественное мнение и СМИ, семья и личность. Существенное значение имели работы в области теории и истории социологии, методологии, методики и техники эмпирического исследования. Активно развивались практически все отрасли социологического знания, хотя в одних из них этот процесс был очень заметным, в других – менее интенсивным.

2.4. Развитие рынка социологических услуг

Продолжая конкретизировать и с этой точки зрения характеризовать особенности российской социологии в рамках современного этапа ее развития, отметим такую из них, как появление и развитие рынка социологических услуг. В 1990-е гг. возникли сотни (а, возможно, и больше – статистики на этот счет нет) коммерческих социологических фирм, деятельность которых связана с изучением спроса и предложения (исследования маркетингового характера), управленческим консультированием (исследования и практическая работа по заказу менеджеров), организацией предвыборных кампаний (исследования на стыке социологии и политологии по заказу администраций, политических деятелей, крупного бизнеса) и др.

Сегодня на рынке социологических услуг реализуют себя тысячи социологов. Многие студенты социологических факультетов стремятся получить работу в таких коммерческих структурах: участвуют в исследованиях как лаборанты, анкетеры, интервьюеры, наблюдатели и т. д. При этом вряд ли было бы правильным полагать, что этот рынок окончательно сформировался. Рынок социологических услуг, с одной стороны, является составной частью рыночной экономики. С другой стороны, он становится необходимым и неотъемлемым компонентом системы политической демократии – при условии, что она является реальной, а не имитируемой.

Но здесь его (рынок) подстерегают немалые трудности и проблемы, порождаемые правящим режимом, вертикалью власти, неудовлетворенностью рядом результатов, получаемых социологами и противоречащих интересам власти имущих.

Можно утверждать, что в рыночной социологической деятельности формируется новый стиль – предпринимательский. Основное значение зачастую приобретает не столько содержание и характер исследований, сколько их результат. Главным вопросом становится соответствие полученного результата ожиданиям (а иногда и требованиям) заказчика, финансирующего исследование, поскольку именно от этого соответствия зависит вознаграждение труда социологов. Наряду с новым, предпринимательским стилем сохраняется и традиционный, академический стиль социологической деятельности, также нацеленный на получение результата, но такого, который имеет значение, прежде всего, для развития научных исследований и соответствует их высоким требованиям.

2.5. Развитие социологии в российских регионах

Важной особенностью развития отечественной социологии в период с конца 1980-х гг. до наших дней является активизация усилий ее представителей не только в центральных городах (Москва, Санкт-Петербург), но и в региональных центрах, особенно тех, где в 1990-х гг. начало развиваться профессиональное социологическое образование. Последнее десятилетие XX в. наверняка войдет в историю нашей страны как время повышенного внимания к проблемам регионов, их социально-экономической и политической модернизации. Этому способствовали центробежные процессы, характерные для российского общества названного периода.

Социология не осталась в стороне от них. Ее также затронули центробежные тенденции. Так, вместо нескольких крупных отделений, работавших в составе Советской социологической ассоциации (Центральное, Северо-Западное, Поволжское, Северо-Кавказское, Уральское, Сибирское, Дальневосточное), в структуре ее правопреемника – Российского общества социологов – оказалось первоначально 47 региональных отделений (затем еще больше). В самом этом факте ничего страшного нет, если только он не ведет к определенному социологическому изоляционизму и снижению уровня научных исследований. Именно в последнем обстоятельстве заключена опасность разрыва налаженных исследовательских связей в научном сообществе. Поэтому один из основных уроков, который важно было извлечь социологам в регионах, состоял в том, чтобы «не разбредаться» по региональным (национальным, областным, городским) социологическим «квартирам», а стремиться к консолидации, к объединению творческих и организационных усилий.

Говоря о развитии социологии в регионах, отметим три основные группы факторов, влияющих на этот процесс. Первая из них была связана с социально-экономическими и политическими процессами в регионах, вторая – с отношением к социологии как науке, проведению социологических исследований и позицией региональных властей в этом вопросе, третья – с процессами в самой социологической науке. Силу влияния этих факторов на развитие социологии в регионах можно ранжировать в том убывающем порядке, в каком они указаны выше.

Более всего на состоянии социологических исследований и их проблематике сказывалась конкретная ситуация в регионе, «узел» вопросов, беспокоящих население и властные структуры. На втором месте – позиция этих структур, их отношение к социологии – негативное, равнодушное или поддерживающее. Последнее характеризуется не только моральной поддержкой, но и системной заботой о проведении исследований, привлечением социологов к принятию управленческих решений.

Совершенно очевидным и не требовавшим особых доказательств было влияние социальных процессов в регионе – экономических, социальных и политических – на содержание и характер социологических исследований. Когда в регионе бастовали шахтеры, учителя, когда не выдавали месяцами, а то и годами пенсию и зарплату, когда люди забывали, что такое «живые» деньги и не могли купить детям тетради и одежду, тогда возникали сами собой проблемы напряженности и возможного социального взрыва. В этих ситуациях социологи пытались определить «запас прочности», существовавший у региональных властей.

А что же сами власти? Как они относились к таким исследованиям, в целом к развитию социологии в регионе? Ведь для социологии особенно важной была поддержка властей – как моральная (почти виртуальная), так и в особенности реальная, проявлявшаяся через систему заказов на проведение исследований и привлечение социологов к выработке управленческих решений. Но, как правило, такой поддержки не было, практически нет ее (за редким исключением) и сейчас. Чаще всего господствовало и продолжает доминировать равнодушие, о социологах вспоминают в периоды предвыборных кампаний и, как правило, стремятся иметь дело с «ангажированными» специалистами.

Рассматривая в целом положение социологии в регионах, употребим для его характеристики, пусть и весьма спорное и дискуссионное, понятие социологического провинциализма. В 1997 г. известный отечественный социолог Л.Н. Коган утверждал: «Новая общественно-политическая ситуация в 90-е годы привела к серьезным изменениям в отношениях регионов и центра, но только не к ожидавшемуся росту духовного потенциала провинции»³²⁰. Этот тезис можно использовать и для характеристики дел в социологии, имея в виду снижение (относительно центра) социологического потенциала провинции (кстати сказать, одного из элементов духовной жизни региона). Социологический провинциализм является прямым следствием снижения духовного потенциала регионов. Однако здесь необходимы пояснения, показывающие противоречивость и неоднозначность этого процесса.

С одной стороны, существует целый ряд достижений социологической науки и практики в регионах. Среди них: возросшие возможности профессионального социологического образования; появление большого количества центров, объединений, агентств и т. д., проводящих социологические исследования; усиление международных контактов, поездки за границу, использование сети Интернет; новые возможности публикации работ в области социологии; увеличение числа диссертационных советов и др.

С другой стороны, возник разрыв между центром и регионами в области использования возможностей развития социологической науки: в центре существуют значительно большие финансовые средства для этого; штаб-квартиры международных и отечественных фондов, спонсирующих социологические исследования, проведение конференций, семинаров и школ, выделение

³²⁰ Коган Л.Н. Духовный потенциал провинции вчера и сегодня // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 124.

грантов под проекты и поездки за границу, расположены в основном в Москве с вытекающими отсюда последствиями отлаженной системы лоббирования и получения средств и грантов преимущественно столичными участниками конкурса; наиболее крупные издательства, публикующие книги, переводы, учебники, также в основном используют интеллектуальный потенциал и силы авторов из столичных городов.

Все это вело к усилению социологического провинциализма. Нельзя забывать и о такой его причине, как частое ощущение в регионах самодостаточности того, что делается, удовлетворенность собственным творчеством независимо от того, знакомо с ним широкое социологическое сообщество или нет. Настоящий социологический провинциализм есть незнание научной общественностью региона того, что делают другие исследователи в стране, в мире в области изучения тех же проблем.

Он особенно проявлялся в качестве исследований, применяющихся технологиях и публикуемых материалах. Столичные журналы (кроме «Социса») редко публиковали материалы из регионов, поскольку те далеко не всегда отвечали возросшим требованиям, связанным с умением авторов содержательно проблематизировать данные исследований, «преподнести» их на современном уровне с учетом достижений мировой социологии, использованием работ ее представителей и 1990-х гг., и более ранних периодов, изложить результаты анализа так, как этого требует дух современной социологии.

Строго говоря, понятие социологического провинциализма может быть применено не только к характеристике взаимоотношений «центр-периферия» в одной стране. Социологической провинцией может быть и страна в целом, если работы ее социологов плохо известны в мире, если они не публикуются на иностранных языках, если исследователи не принимают участия в жизни мирового социологического сообщества, не входят в руководящие органы и структуры Международной социологической ассоциации, не читают лекций в зарубежных университетах, не ведут совместных проектов, не обучают своих студентов за рубежом, а иностранных студентов – в своей стране.

Следовательно, понятие социологического провинциализма имеет не только (а в ряде случаев и не столько) географический, но и содержательный характер. Оно означает концептуальное и технологическое отставание социологии и социологов (научных коллективов) от передовых достижений науки. Явление социологического провинциализма определяется иным, более низким уровнем ее развития.

Социология – не математика, физика или биология, передовые рубежи развития которых имеют более четкие и строгие очертания, нежели у социогуманитарных наук. Но и у последних, включая социологию, есть критерии достижений: актуализация современных методов исследования (связанных в том числе с применением компьютерных технологий), появление новых концепций как способов интерпретации имеющихся и возникающих социальных процессов и явлений, использование этих концепций в социологическом сообществе как факт научного признания их ценности и полезности, эффект критического анализа исследований со стороны коллег по сообществу, публичность и общедоступность материалов этих исследований, достигаемая благодаря СМИ. Стремление соответствовать названным критериям и есть преодоление социологического провинциализма в регионах России, путь развития в них современной социологии.

Социологический провинциализм – это и особая научная позиция, и своеобразное «состояние души» социолога, стремление к научному «покою», а не к активному социологическому продвижению вперед. Это отсутствие мотивации социологического творчества, нежелание (которое часто порождается неумением) проводить исследования и публиковать их материалы, участвовать в научных дискуссиях, писать проекты и стремиться к получению грантов и заказов.

Описанные выше явления, характеризующие провинциализм в социологии, подрывают интеллектуальную базу социологической России, по крайней мере, не способствуют ее усилению. Если еще 10 – 15 лет назад можно было спорить, есть социологический провинциализм в нашей стране или нет его, то сейчас, как это ни парадоксально для открытого общества, мы вынуждены с горьким сожалением констатировать реальность характеризуемого феномена и воспринимать его как данность. Но воспринимать – не значит принимать и пассивно соглашаться.

Выход из ситуации провинциализма для социологии – это ее умение стать востребованной не только на локальном и утилитарном, но и на сущностном уровне, что представляется основным научным и социальным условием преодоления названной ситуации. По существу, речь идет о самопрезентации социологов не только из центра, но и регионов страны, об их попытках своеобразной демонстрации собственного «паблисити».

Эта демонстрация есть не что иное, как поиск и предложение новых путей взаимодействия социологии и общества, показ возможностей своей самореализации на всех уровнях. Сюда обязательно включается генерирование новых идей. Провинциализм в социологии имеет место там, где деятельность ее представителей ограничивается только потреблением чужих идей и теорий и их воспроизводством и отказом от создания собственных концептуальных трактовок тех или иных социальных явлений и процессов.

Если явление социологического провинциализма в России существует, и мы признаем его как социальный факт, то возникает вопрос: что делать для его преодоления, как конкретизировать сформулированное требование соответствовать названным выше критериям? Самый банальный, но в то же время, вероятно, самый верный и простой ответ: работать, догонять, не отставать, стараться опережать, стремиться к участию в конкурсах проектов и получению грантов, к публикациям не только в местной, но и в центральной и зарубежной печати. Видимо, наиболее перспективный путь – формировать новое поколение социологов на иных базовых принципах, на новой литературе (в том числе и зарубежной, что требует владения иностранными языками), на новых исследовательских методиках и технологиях, на знании зарубежного опыта.

2.6. Российская социология в 2000 – 2014 гг.

Этот самый «современный» период отечественной социологии является очень сложным и неоднородным. Центральной проблемой социологии в еще большей степени, чем прежде, становятся ее отношения с властью. Но сейчас к этой проблеме добавляется еще одна, связанная с ней, – возникшего раскола в социологической науке.

В рамках рассматриваемого периода можно выделить два подпериода: первый – до 2008 г., второй – после него вплоть до наших дней. Почему предлагается такая периодизация с акцентом на 2008 г. как определенный рубеж между подпериодами?

Отвечая на этот вопрос, подчеркнем вначале важную особенность всего периода (2000 – 2014): в это время состоялись четыре конгресса Российского общества социологов. Первый проходил в Санкт-Петербурге в 2000 г., второй и третий – в Москве соответственно в 2004 и 2008 гг., четвертый – в Уфе в 2012 г. На последнем конгрессе в Уфе было принято решение о проведении пятого социологического конгресса в 2016 г. в Екатеринбурге на базе Уральского федерального университета. Не ставя задачи рассмотрения итогов работы каждого конгресса, мы хотим специально обозначить роль третьего и четвертого конгрессов.

Сразу отметим большую роль конгрессов в деле консолидации всего социологического сообщества России. Это касается в первую очередь двух первых конгрессов. На волне бурного развития социологической науки, массовизации социологического образования, резко возросшей публикационной активности, полной свободы и гласности в обществе конгрессы превратились в настоящие праздники социологии. Если же учесть участие в их работе немалого числа гостей из стран как ближнего, так и дальнего зарубежья, становятся понятными масштаб и значение конгрессов. Специально нужно подчеркнуть восстановление разрушенных во время распада СССР связей российских социологов со многими их коллегами из бывших советских республик.

На последующих двух конгрессах – третьем и четвертом – тенденции взаимодействия и консолидации по-прежнему были хорошо видны. Вместе с тем, проявили себя и тревожные процессы раскола в социологическом сообществе, в первую очередь, среди его руководства. Они стали заметными перед третьим конгрессом в 2008 г., после него и особенно в период подготовки и проведения четвертого конгресса в 2012 г.

Отсюда следует одна из причин того, почему 2008 г. оказался «пограничным» при переходе от первого ко второму подпериоду. Это – раскол в социологии. Вторая причина была связана с тем, что именно в 2008 г. разразился мощнейший финансово-экономический кризис (как в мире, так и в России), а социология как наука ничего не смогла сделать для его предсказания (впрочем, другие науки, в том числе и экономика, оказались не в лучшем положении). Наконец, третья причина – по порядку, но не по значению – заключалась в том, что именно с этого времени стали создаваться предпосылки для постепенного изменения идеологического режима в стране с нейтрального по отношению к социологии (во время президентского срока Д.А. Медведева) на негативный (в целом по всей социально-гуманитарной, научной и культурной сфере жизни, включая социологию), что по-настоящему проявилось в 2012 – 2014 гг. (в очередной президентский срок В.В. Путина).

Причиной (а, может быть, поводом?) стали массовые протестные выступления (митинги, демонстрации, манифестации) в связи с грубыми нарушениями на выборах в органы политической власти. В них приняли участие либерально настроенная интеллигенция, средние слои общества, бизнес, ряд общественных движений и организаций, незарегистрированных партий. Сотрудники ряда социологических служб в ходе этих выступлений находились среди протестующих, изучали их мнения и затем публиковали результаты проведенных исследований.

Протестные выступления очень сильно напугали власть. События, имевшие место на проспекте Сахарова и на Болотной площади в Москве, особенно шествие и митинг на Болотной 6 мая 2012 г., вызвали ярость руководства страны и последовавшие вслед за этим репрессии. Социологические исследования, связанные с изучением общественного мнения относительно массовых протестных выступлений, также напугали властные структуры – они показали значительное снижение их авторитета, в том числе президента и премьер-министра страны.

Однако результаты исследований, проведенных, к примеру, Левада-Центром, ВЦИОМом, фондом «Общественное мнение», оказались существенно отличающимися друг от друга, причем не на несколько процентных пунктов, а на порядок. Ситуация заставила задуматься вновь над вопросом об ангажированности отдельных социологических служб. После майских 2012 г. выборов президента начинают постепенно «закручиваться» идеологические «гайки», вносятся радикальные изменения в закон о некоммерческих организациях, появляется новая их категория под названием «иностранные агенты», деятельность социологов в этих организациях предлагается приравнять к политической.

Все это приводит к усилению раскола среди социологических служб, который уже существовал после того, как большая группа социологов во главе с Ю.А. Левадой вышла из состава ВЦИОМ в 2003 г. и создала свою структуру под названием «Левада-Центр». Появление этого центра стало следствием сильного давления Кремля на «старый» ВЦИОМ (до 2003 г., во главе с Ю.А. Левадой). Идеологическое (оно же политическое) руководство страны было явно не удовлетворено независимой позицией социологов и результатами их исследований общественного мнения по многим проблемам жизни страны. У нового руководства ВЦИОМа отношения с властными структурами стали складываться совсем по-другому. Многие социологи в стране стали открыто говорить о том, что чуть ли не каждую новую анкету, прежде чем ее пускать «в поле», новое руководство ВЦИОМа (уровень ангажированности которого стал переходить все допустимые пределы) вначале согласовывает с кремлевской администрацией.

Связан ли раскол в социологии с общей политической и «властной» ситуацией в стране? Ответ на этот вопрос может быть, с нашей точки зрения, только утвердительным. Ситуация в социологии не может рассматриваться изолированно от тех процессов, которые происходят в стране и ее властных структурах в особенности. Борьба за близость к руководству и раскол элит в стране с авторитарным режимом власти, с выстроенной ее вертикалью способствуют скорее не интеграционным, а дезинтеграционным процессам в социально-гуманитарных науках. Но здесь важно учесть и серьезные противоречия научного характера, и вмешательство в социологию (пусть и не прямое) православия, и конфликт в сфере социологического образования.

Последний имел место на социологическом факультете МГУ, группа студентов которого высказала серьезное недовольство процессом преподавания (за что часть из них была исключена из университета). К счастью, социологическое сообщество не осталось в стороне, студентов восстановили в других вузах, и они получили социологическое образование. Но в процессе разматывания этого «клубка» специальной комиссией, которая состояла из ведущих ученых, были выявлены случаи плагиата в работах декана факультета. Понятно, что все это лишь способствовало падению авторитета и престижа ведущего социологического факультета страны, который стал объектом критики Международной социологической ассоциации. Внутри же социологического сообщества в стране описанная ситуация привела к усилению раскола.

Завершая главу, следует отметить, что отечественная социология находится сегодня в непростом положении. Оно определяется, с одной стороны, серьезным экономическим кризисом внутри страны, связанным с существенным снижением цен на нефть (основной источник доходов страны), рецессией производства, резким падением курса рубля относительно ведущих валют мира, санкциями, предпринятыми против нашей страны многими западными странами. С другой стороны, Россия переживает – вследствие событий в Крыму и на востоке Украины – глубокий внешнеполитический кризис, оказавшись впервые за несколько последних десятилетий в состоянии экономической и политической изоляции.

Одна из закономерностей общественного развития такова, что внутренние и внешние экономические и политические неудачи государства оборачиваются значительным усилением политического и идеологического давления правящего режима внутри страны в отношении тех, кто проявляет инакомыслие и выражает несогласие с осуществляющимся курсом руководства. Нет никакого сомнения, что среди таких людей имеется немало социологов. Это и понятно: социология потому и называется наукой, что ее представители в результате проводимых ими исследований раньше и больше других видят трудности и проблемы и стараются (хотя, может быть, и не все) говорить и писать о них. А это значит, что их, скорее всего, ждут нелегкие времена.

Вопросы и задания

1. В чем заключались новые возможности институционализации отечественной социологии в перестроечный и постперестроечный период?
2. Как бы вы определили роль постановления ЦК КПСС 1988 г. «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества»?
3. Какие новые научные структуры создавались для социологического изучения общественного мнения в конце 1980-х – 1990-е гг.? Какое это имело значение для развития отечественной социологии?
4. Расскажите о процессах институционализации социологии в сфере академической науки.
5. Каким образом институционализация социологии коснулась образования России в целом, высшего образования в особенности?
6. Что вы можете рассказать об институционализации социологии в сфере издательской деятельности? Какие важные изменения в этом процессе вы бы отметили в первую очередь? Какие недостатки и ограничения институционализации социологии в сфере издательской деятельности вы бы могли назвать?
7. Что означает институционализация социологии в плане создания добровольных научных общественных объединений? Расскажите о целях и задачах Российского общества социологов. Считаете ли вы необходимым вступление в его ряды? Обоснуйте свою позицию.
8. Охарактеризуйте основные особенности развития отечественной социологии в перестроечный и постперестроечный период.
9. Что такое новое социологическое мышление? Почему овладение им в 1990-е гг. было важной стороной развития отечественной социологии?
10. В чем состоит суть интеграции отечественной социологии в мировую социологическую науку?
11. Исследование каких проблем сближает развитие социологической науки в разных странах и почему?
12. Каковы основные направления исследований отечественной социологии в перестроечный и постперестроечный период?
13. Что означает появление и развитие рынка социологических услуг в России в 1990-е гг.?
14. Расскажите об особенностях развития социологии в регионах России.
15. Согласны ли вы с утверждением о наличии социологического провинциализма в России? Если да, то в чем он проявляется и каковы основные направления его преодоления?

Литература

- Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. М., 1998.
- Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2004.
- Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб., 2013.
- Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М., 2011.
- Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.
- Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2007.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология в XX – начале XXI века. Екатеринбург, 2007.
- Зборовский Г.Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург, 2014.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
- Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки 2000 – 2005. М., 2006.
- Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М. – Воронеж, 2000.
- Социология в России. М., 1998.
- Филиппов А.Ф. Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение. 2013. № 123 (5). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/3973>.
- Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950 – 1980-е годы. Очерки. СПб., 2012.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.

СОЦИОЛОГИЯ НА УРАЛЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

§ 1. Социологические исследования на Урале в 1920-х – первой половине 1930-х гг.

§ 2. Второе рождение социологии на Урале

- 2.1. Особенности Уральской социологической школы
- 2.2. Социологические исследования в Свердловской области
- 2.3. Социологические исследования в Пермской области
- 2.4. Социологические исследования в Челябинской области
- 2.5. Социологические исследования в Башкирской автономной республике

§ 3. Социология на Урале с конца 1980-х гг. до наших дней

- 3.1. Институционализация социологии в Уральском регионе в перестроечный и постперестроечный период
- 3.2. Основные центры и направления развития социологии на Урале с конца 1980-х гг. до наших дней

Заключительная глава учебника посвящается анализу становления и развития социологической науки на Урале – одном из крупнейших регионов России, который давно уже принято называть словами поэта: «Опорный край державы нашей». Необходимость такой главы вызвана рядом причин. Прежде всего, студенты, живущие и обучающиеся профессии социолога в уральских вузах, должны знать историю социологической науки в собственном регионе. Это поможет им лучше сориентироваться в проблематике и направлениях исследований, узнать о традициях социологической науки на Урале и ее лидерах, познакомиться с основными центрами ее развития, наконец, с учетом этих обстоятельств сделать свой выбор, реализовать основные научные и познавательные интересы.

Знакомство с социологией на Урале важно и потому, что роль региона в развитии отечественной социологии была весьма значительной, особенно в течение двух ее последних периодов – с конца 1950-х до конца 1980-х гг. и с конца 1980-х гг. до настоящего времени. Между тем, в отечественной литературе о развитии социологии в Уральском регионе написано очень мало. Опубликованные материалы не дают возможности составить целостное представление об этом процессе. Так что глава призвана восполнить имеющийся пробел и преследует цель познакомить читателя с развитием социологии на Урале в течение всего XX и начала XXI вв.³²¹

В предшествующей главе речь уже шла о развитии социологии в регионах России, о тех проблемах и трудностях, которые она переживает, о социологическом провинциализме. Все сказанное в той или иной мере касается и социологии на Урале. Однако прежде чем говорить о проблемах ее возникновения, становления и развития, основных направлениях исследования, процессе институционализации, необходимо коротко коснуться самого понятия «регион», чтобы было ясно, о чем идет речь.

Связывая это понятие с характеристикой социологии на Урале, мы будем исходить из трактовки региона как определенной части страны, отличающейся от других ее частей некоторой совокупностью относительно устойчивых естественных (природных) и экономико-географических свя-

³²¹ Следует воздать должное редакторам-составителям материалов XIII Уральских социологических чтений Ю.Р. Вишневному и В.Т. Шапко, которые сумели провести громадную работу по систематизации данных о развитии социологии в Уральском регионе в XX в. Эти материалы активно использовались автором учебника при написании его последней главы. См: Большой Урал – XXI век. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1 – 4. Екатеринбург, 2001. См. также: Вишневикий Ю.Р., Зборовский Г.Е., Шапко В.Т. Уральские социологи в общероссийском социологическом пространстве. Екатеринбург, 2008; Зборовский Г.Е., Вишневикий Ю.Р. Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социологические исследования. 2008. № 6.

зей и особенностей, нередко сочетающихся со спецификой национального состава населения. Академический «Словарь русского языка» определяет регион как «обширный район, соответствующий нескольким областям страны или нескольким странам, объединенным экономико-географическими и другими особенностями»³²². Если посмотреть в этом словаре однокоренные с «регионом» слова, то все они так или иначе связаны в первую очередь с экономическим содержанием. Региональная экономика, являющаяся особой научной дисциплиной, фиксирует наличие в Российской Федерации 12 регионов (Центр, Северо-Запад, Поволжье, Северный Кавказ, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток и др.).

Вместе с тем, в 1990-х, а затем и в 2000-х гг. понятие региона существенно изменилось, получило дополнительные признаки и имеет зачастую больше политический, нежели социально-экономический характер. С точки зрения обыденного словоупотребления регионы сейчас – это области и республики, называемые чаще всего субъектами Федерации. Их сегодня 83 (было в 1990-е гг. 89). В связи с созданием на территории страны сначала семи федеральных округов, а затем и восьмого (на Северном Кавказе) понятие региона дополнилось более широким – понятием федерального округа, который стал включать в себя определенное количество субъектов Российской Федерации. Но, в силу политических интересов руководства страны, границы сложившихся в течение многих десятилетий экономических регионов страны оказались перераспределенными.

Отсюда и изменение структуры Уральского региона. Если раньше в него входили Свердловская, Челябинская, Пермская, Курганская, Оренбургская области, республики Башкортостан и Удмуртия, то сейчас в Уральский федеральный округ оказались включенными Свердловская, Челябинская, Тюменская, Курганская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округа.

Это не может не сказаться на состоянии социологии в регионе. Привычные, налаженные десятилетиями связи и контакты не получают естественных предпосылок для своего укрепления. К счастью, сами социологи пока не разрывают этих связей, правильно понимая их значение для развития науки не только на Урале, но и далеко за его пределами. Рассматривая процессы становления и развития социологии в этом регионе и учитывая их «пространственный» аспект, мы будем исходить из традиционного для недавнего прошлого толкования его социологических границ. Что касается «временного» аспекта анализа этих процессов, то он остается тем же, каким был при рассмотрении истории отечественной социологии XX – начала XXI в. Речь идет о трех периодах этой истории: 1920-е – начало 1930-х гг., конец 1950-х – конец 1980-х гг., конец 1980-х гг. по настоящее время.

§ 1. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА УРАЛЕ В 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Первые попытки проведения социологических исследований на Урале относятся еще к концу XIX в., когда земство Пермской губернии стремилось изучать быт населения, его грамотность, состояние воскресных школ, развитие кустарных промыслов и другие важные для того времени проблемы³²³. В качестве источников для получения нужной информации служили данные переписей (в частности, однодневных переписей населения Екатеринбурга 1873 и 1887 гг.) и материалы опросов. Последние использовали и политические партии. Так, в 1903 г. Пермский комитет Российской социал-демократической рабочей партии подготовил и распространил анкету «Вопросы о положении рабочих на заводах, фабриках, мастерских».

Однако вплоть до Октябрьской революции и победы Советской власти социологические исследования были достаточно редкими. Широкое их применение началось с 1918 г. Круг вопросов, находившихся в поле зрения при проведении таких исследований, был достаточно разнообразным. Это и работа волостных Советов рабочих и крестьянских депутатов, и повышение культурного уровня населения, и борьба с неграмотностью, и образ жизни молодых рабочих в возрасте 14 – 23 лет, и безработная молодежь, и бюджеты времени различных категорий населения, изуче-

³²² Словарь русского языка. Т. III. М., 1987. С. 694.

³²³ См. подробнее об этом: Анисимов С.А., Коган Л.Н., Павлов Б.С. Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. – 1985 г.). Свердловск, 1990.

ние которых проводилось по методике С.Г. Струмилина. Исследователи указывают, что на Урале в первой половине 1920-х гг. было проведено более 50 исследований. В то время формально в Уральской области числились 4 губернии – Пермская, Вятская, Уфимская, Оренбургская. Практически в каждой из них проводились социологические исследования. Среди городов, где они имели место, следует назвать Екатеринбург, Пермь, Вятку, Нижний Тагил, Невьянск и др.

Основным методом исследования был анкетный опрос. Однако только им дело не ограничивалось. Уже отмечалось, что использовался метод изучения бюджетов времени. Так, М.И. Альтшулер провел в 1924 г. в Перми исследование бюджета времени студентов университета, вузов и техникумов города. В это же время на Верх-Исетском заводе в Екатеринбурге Н. Милославский изучал структуру денежных расходов рабочих-подростков. Как указывают С.А. Анисимов, Л.Н. Коган, Б.С. Павлов, в целом в работах начала 1920-х гг. «намечается явный крен от изучения общественного мнения к превращению исследования в средство получения необходимых, но отсутствующих в статистике материалов. Все больше утверждалась система, при которой респондентом оказывался не индивид, а та или иная организация. Поэтому полученные данные проходили через «фильтр» субъективных устремлений руководства этих организаций (стремление «казаться лучше», смягчить остроту проблем). Это, естественно, сказывалось на степени объективности исследований»³²⁴.

Во второй половине 1920-х гг. начинается новый этап социологических исследований на Урале. Если раньше они проводились по инициативе партийных и государственных органов, то сейчас их организаторами становятся научные учреждения и отдельные ученые. Заметную роль играет педагогическая лаборатория Пермского университета. Широкое распространение приобретают исследования проблем образования, выполненные на стыке педагогики и социологии. Изучаются бюджеты времени школьников г. Перми, выясняются читательские интересы, ориентации и установки учащихся, проходит исследование абитуриентов университета. В Свердловске проводится хронометраж бюджетов времени учащихся четырех школ. Исследуются проблемы политехнизации свердловских школ. В качестве метода исследования используется изучение школьных сочинений на тему «Моя будущая работа и мой рабочий день» (сочинение писали учащиеся одной из школ Свердловска). Постепенно обращается внимание на такие методы, как наблюдение, бюджетные обследования, психологические тесты.

Вместе с тем, в отличие от других регионов страны (Украины, Белоруссии, Поволжья), на Урале не было серьезных публикаций по проблемам теоретической социологии. Исследователи региона не участвовали в дискуссиях по поводу специфики социологической науки, ее места в марксизме, соотношении с его философией. Нам неизвестны ни учебники, ни монографии по социологии, написанные уральскими авторами в период 1920 – 1930-х гг.

Другими направлениями социологических изысканий на Урале в 1920-х – начале 1930-х гг. были исследования рабочей молодежи, ее потребностей в получении определенных профессий и образования. Специально следует сказать о самом большом исследовании того периода – изучении труда и быта рабочих Верх-Исетского завода Свердловска, осуществленном под руководством зав. кафедрой социальной гигиены Свердловского мединститута В.И. Величкина в 1934 – 1935 гг. В исследовании было проведено сравнение условий труда и быта, образования и культуры, медицинского обеспечения и состояния здоровья уральских рабочих до революции и в середине 1930-х гг. Наряду с заводской статистикой, воспоминаниями кадровых рабочих, трудившихся до революции и во время исследования, был использован также метод анкетного опроса рабочих завода. Выборка составила 12 % генеральной совокупности рабочих завода и была вполне репрезентативной. Выполненная в 1930-е гг. работа показала специалистам последующего периода развития уральской социологии настолько впечатляющей, что в конце 1970-х гг. сектором демографии и уровня жизни Института экономики Уральского отделения АН СССР было проведено панельное исследование на том же заводе.

Во второй половине 1930-х гг., также как и во всей стране, социологические исследования на Урале были прекращены. Одни социологи оказались репрессированными, другие отказались от проведения исследований. Среди последних был и В.И. Величкин, который так и не довел до конца названную выше работу. Социология на Урале повторила судьбу социологии в СССР и оказалась преданной забвению. Как и во всей стране, второе рождение социологии на Урале падает на конец 1950-х гг.

³²⁴ Анисимов С.А., Коган Л.Н., Павлов Б.С. Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. – 1985 г.). Свердловск, 1990. С. 13.

§ 2. ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ НА УРАЛЕ

Первые исследования на Урале в период восстановления социологии в ее правах были проведены в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Родившаяся в регионе второй раз социология заявила о себе сразу и решительно тем, что «ворвалась» в отечественную науку первой серьезной работой – «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР»³²⁵. Благодаря своему активному старту социология на Урале изначально заняла достойное место в ряду ведущих центров развития этой науки в стране (Ленинград, Москва, Новосибирск), мало в чем им уступая. У истоков социологической науки на Урале были М.Т. Иовчук, Л.Н. Коган, М.Н. Руткевич.

В 1960-х гг. шел процесс ее экстенсивного развития, который означал, во-первых, вовлечение в него областей и автономных республик Уральского региона (вслед за Свердловской областью – Пермской и Челябинской, чуть позднее – Оренбургской и Курганской областей, Башкирской и Удмуртской автономных республик); во-вторых, в рамках областей, городов и республик – появление вузовских, академических и производственных центров и структур. Однако социологической школы на Урале в 1960-х гг., по всей видимости, еще не было.

Ее формирование и развитие падает на 1970-е – первую половину 1980-х гг., ставшие поистине периодом расцвета социологии на Урале. Поэтому, прежде чем перейти к конкретному рассмотрению процесса становления и развития социологии на Урале в целом, в Свердловской, Пермской, Челябинской областях, в Башкирской автономной республике в особенности (они были наиболее развитыми в социологическом отношении), дадим самую общую характеристику Уральской социологической школы.

2.1. Особенности Уральской социологической школы

Вначале в сжатом виде воспроизведем некоторые ранее высказанные положения о социологической школе. Напомним, что в ряде глав учебника речь уже шла об отдельных социологических школах – Чикагской, Франкфуртской, школе Э. Дюркгейма. Поскольку все они очень отличались друг от друга, складывались различные трактовки понятия школы в социологии. С нашей точки зрения, для появления научной школы в социологии необходимо наличие нескольких совпадающих по времени, месту, содержанию и направленности обстоятельств. Речь идет о каком-то конкретном периоде и его определенной продолжительности. Как правило, он занимает около 20 лет. Это тот срок, когда школа должна сформироваться как некоторое объединенное на основе общих методологических принципов и подходов научно-творческое неформальное сообщество и проявить себя соответствующим образом в социологической деятельности. Школа характеризуется наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежности к университету), центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издаваемый журнал, регулярно выходящие сборники научных трудов), общих профессионально-этических установок ее представителей.

Можно утверждать, что все эти признаки были характерны для того научно-творческого неформального сообщества, которое мы именуем Уральской социологической школой. Ее признанным лидером стал выдающийся отечественный социолог Л.Н. Коган (1923 – 1997), к которому позднее «присоединились» на этом статусном уровне в Уфе Н.А. Аитов (1925 – 1999), в Перми – З.И. Файнбург (1922 – 1990). Центрами, вокруг которых создавались неформальные творческие сообщества социологов, стали: в Свердловске – отдел социологии Института экономики Уральского филиала АН СССР, затем – с переходом Когана в университет – философский факультет и факультет политологии и социологии Уральского государственного университета; в Уфе – Уфимский авиационный институт, в Перми – Пермский политехнический институт. Общим же неформальным творческим объединением стали постоянно проходившие конференции, семинары, школы (на которых обучали будущих «заводских» социологов), но главным образом Уральские социологиче-

³²⁵ Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР / Под ред. М.Т. Иовчука. М., 1961.

ские чтения. Они проводились в различных городах – республиканских и областных центрах – Уральского региона, где в среднем раз в два года социологи получали возможность творческого общения и публикаций сборников докладов и выступлений. У истоков Уральских чтений стоял Л.Н. Коган. Первые чтения были проведены в 1976 г. в г. Ижевске.

Созданная в 1970-х гг., Уральская социологическая школа «заявила» о себе целым рядом особенностей.

Во-первых, в ее рамках шло параллельное развитие сразу трех «ветвей» российской социологии – вузовской, академической, производственной (заводской), причем между ними изначально были установлены и долгое время (вплоть до развала заводской социологии в начале 1990-х гг.) существовали интенсивные творческие связи. Заводская социология на Урале по существу была любимым детищем и вузовской, и академической науки, которые ее взрастили и поставили, что называется, на ноги.

Во-вторых, на Урале достаточно быстро происходил процесс институционализации социологии и ее общественного признания, чему в значительной степени способствовали властные структуры во всем регионе. Представители власти принимали участие в организации социологической деятельности, проведении конкретных исследований (часто выступая их заказчиками), конференций и семинаров, Уральских социологических чтений. Такая работа способствовала росту популярности социологии, придавала ей определенного рода «паблисити». В немалой степени этому содействовали местные СМИ, которые пропагандировали работу социологов в печати, по радио, телевидению. Несмотря на отсутствие в стране социологического образования и профессионально подготовленных через него кадров специалистов, на предприятиях вводились должности и структуры (лаборатории, секторы, бюро и даже отделы и службы) «под социологов».

В-третьих, Уральская социологическая школа, несмотря на широкий спектр исследуемых направлений и проблем, имела явно выраженные приоритеты среди них, которые были обусловлены спецификой социально-экономических и культурных процессов в регионе. Ведущей была проблематика социологических исследований в области труда, культуры, образования, молодежи, социальной структуры, социально-экономических процессов и др.

Уральская социологическая школа не имеет широкого международного признания, а ее известность не простирается далее российской социологической науки. Но в ней она всегда занимала и занимает сейчас (когда уже нет в живых ни одного из трех ее лидеров) достаточно заметные позиции. Об этом свидетельствуют многие факты: продолжающаяся практика проведения конференций и социологических чтений (в том числе новых – «Коганских», «Файнбургских», «Аитовских»); совместные публикации в виде издаваемых материалов чтений и конференций, а также специализированных выпусков журнала «Социс»; создание ряда диссертационных советов (кроме совета в Екатеринбурге – самого «старого», в Уфе, Перми, Челябинске), на заседаниях которых выступали в качестве оппонентов и представителей ведущих учреждений, прежде всего, социологи Уральского региона; широкое участие в Российском обществе социологов и его руководящих органах; представительство в редакционном совете журнала «Социс» и др.

2.2. Социологические исследования в Свердловской области

Первые эмпирические исследования в Свердловской области, с которых началось становление социологии на Урале, проводились на крупных промышленных предприятиях – Уралмашзаводе, Верх-Исетском металлургическом, Первоуральском и Синарском трубных заводах. Они касались изучения характера и содержания труда, культурного уровня рабочих, проблем коммунистического воспитания. В подготовке и проведении этих исследований участвовали преподаватели и аспиранты кафедры философии Уральского университета под руководством Иовчука, в последующем – после его отъезда из Свердловска – Руткевича и Когана. В них принимали участие также преподаватели и других вузов Свердловска. В течение ряда лет (вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг.) в эмпирическом изучении проблем на промышленных предприятиях были заняты Л.М. Архангельский, О.Н. Жеманов, Г.В. Мокронос, В.Г. Нестеров, Д.Т. Поздняков, Ф.Н. Рекунов, Ф.Б. Садыков, И.М. Сушков, Ф.Р. Филиппов, В.А. Шандра и др. К исследованиям была подключена первая на Урале и одна из первых в стране социологическая лаборатория Уральского университета (руководитель С.Г. Чаплыгина). Основным результатом социологических исследований на их начальном этапе стала книга «Подъем культурно-технического уровня совет-

ского рабочего класса». Ее написанию и изданию предшествовала Всесоюзная конференция по проблемам подъема культурно-технического уровня советских рабочих, проведенная в 1959 г. в Свердловске. Сама книга стала первой в стране крупной социологической монографией.

Наряду с достоинствами (коллективное исследование по актуальной проблеме, использование многочисленных статистических данных, в том числе и заводской статистики, попытка применения анкетного опроса и неформализованного интервью), работа содержала в себе и ряд серьезных недостатков, типичных вообще для начального этапа рождающейся социологии. Среди них: явная «лакировка» действительности, когда мало или почти ничего не говорится о просчетах и упущениях и однобоко показываются достижения культурно-технического роста на специально подобранных для этого примерах отдельных продвинутых рабочих; отсутствие научно обоснованной выборки; некритический отбор источников исследования. В целом исследователи отмечают, что это был существенный шаг назад по сравнению с достижениями отечественной социологии 1920-х – начала 1930-х гг., которые, к сожалению, на рубеже 1950 – 1960-х гг. были неизвестны социологам Урала, равно как и они не были знакомы с зарубежным опытом³²⁶.

Новый этап социологических исследований падает на 1960-е гг. Тематически он связан с преимущественным созданием планов социального развития на предприятиях, однако качество их оставляло желать явно лучшего. Не было главного – удовлетворительных методик работы над их составлением. В первой половине 1960-х гг. еще одним важным направлением исследований в Свердловской области стало изучение типов поселения на Урале. Оно проводилось в поселках городского типа, сельских поселениях, на железнодорожных станциях и в поселениях при них.

В 1960-х гг. социологи Урала проявляют значительный интерес к изучению социально-классовой, социально-демографической, социально-территориальной, профессиональной структуры советского общества. Это направление исследований возглавил Руткевич. В рамках другого направления (руководитель Коган) изучался духовный мир рабочего класса.

Период 1960-х гг. ознаменовался важными шагами в сфере институционализации социологии на Урале. В 1966 г. было создано Уральское отделение Советской социологической ассоциации (председателем бюро отделения до 1972 г. был Руткевич, затем его сменил на этом посту Коган). В этом же году был открыт философский факультет Уральского университета, на котором в качестве одного из направлений (неофициальных) осуществлялась подготовка специалистов по социологии. 1966 г. был ознаменован также созданием двух социологических подразделений в Институте экономики Уральского филиала АН СССР – сектора социологии культуры (зав. сектором Коган) и сектора социологии управления народным хозяйством (зав. сектором Ю.Е. Волков). Основная задача, стоящая перед этими секторами, состояла в выработке типовых методик социологического изучения культуры и управления и проведении соответствующих эмпирических исследований.

В 1960-х – первой половине 1970-х гг. социологические исследования проводились на ряде вузовских кафедр, ставших центрами изучения проблем общественных отношений (кафедра философии политехнического института, руководитель Г.В. Мокроносов), свободного времени (кафедра философии юридического института, руководитель Г.П. Орлов), демографических проблем, образа жизни учителей, жизненных планов студенчества (кафедры философии и научного коммунизма педагогического института, руководители Г.М. Коростелев, Г.Е. Зборовский, Л.Я. Рубина), соотношения труда и морали (кафедра философии Высшей партийной школы, руководитель В.Г. Нестеров) и др. В университете большая часть социологов специализировалась на изучении различных аспектов социальной структуры общества (С.П. Гоголюхин, В.В. Ксенофонтова, Л.И. Сенникова, С.Г. Чаплыгина).

В 1966 г. вышел сборник статей «Жизненные планы молодежи»³²⁷, в котором были отражены результаты эмпирических исследований жизненных планов школьников, учащихся ПТУ, студентов техникумов, вузов. В нем опубликовали статьи не только авторы из Свердловска (помимо названных выше, М.Н. Руткевич, Л.М. Архангельский, В.Г. Мордкович, Ф.Н. Рекунов, Н.А. Степанова, В.С. Цукерман), но и преподаватели Нижне-Тагильского педагогического института (Ф.Р. Филиппов, Ю.П. Петров, Ю.Р. Вишневский, Л.А. Марголин). Для того времени выход названного сборника был значительным событием, тем более, что его потом перевели в США на английский язык (и издали без разрешения авторов), а в нашей стране он был признан одной из лучших социологических работ года.

Нельзя не сказать о серьезной профессиональной работе в 1960 – 1970-х гг., а затем и в последующие годы большой группы социологов из Института экономики Уральского отделения АН СССР под руководством Когана. В ряде крупных региональных исследований по проблемам культуры, семьи, молодежи, труда, образования и др. принимали активное участие Т.Д. Агеносова,

³²⁶ См.: Большой Урал – XXI век: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. Екатеринбург, 2001. С. 13 – 14.

³²⁷ Жизненные планы молодежи / Отв. ред. М.Н. Руткевич. Свердловск, 1966.

В.Л. Барсук, Г.А. Войтовецкая, В.И. Волков, А.Э. Гущина, В.Ф. Иванова, Л.И. Иванько, Т.А. Ишутина, Г.Е. Маклакова, Б.С. Павлов, С.Г. Панова, Э.В. Проворова, А.Ф. Суховой, В.С. Цукерман, А.Ф. Шарова, Р.К. Шеметило и др.

Во второй половине 1970-х гг., в условиях «застоя», наблюдается некоторый спад в проведении социологических исследований. Сокращается число социологических служб на предприятиях и количество работающих в них сотрудников. Становится все больше запретных для социологических исследований сфер и тем. Практически не исследуются проблемы отклоняющегося поведения, преступности, наркомании, алкоголизма, взяточничества, коррупции. К объективным трудностям работы социологов, связанным с жесткой цензурой, добавляются и субъективные, касающиеся отставания исследований в области методики и техники их проведения и обработки данных. Такая ситуация имела место не только в Свердловске, но и в других областных и республиканских центрах Уральского региона.

2.3. Социологические исследования в Пермской области

Социологические исследования в Пермской области в период второго рождения социологии на Урале проводились прежде всего кафедрой научного коммунизма и социологическими лабораториями Пермского политехнического института. Вначале лабораторий было две – социологии промышленности и социологии высшего образования (обе были созданы в 1967 г. и существовали при кафедре). Руководителем исследований был основатель кафедры и лабораторий и бесменный лидер пермских социологов (вплоть до своей смерти), один из талантливейших отечественных ученых-обществоведов З.И. Файнбург. Большая часть преподавателей и сотрудников кафедры и лабораторий, а также все аспиранты готовили свои диссертации под его руководством.

Исследования велись в двух взаимосвязанных направлениях – изучения характера и особенностей научно-технической революции и труда, причем осуществлялись они на двух уровнях – теоретико-методологическом и конкретно-социологическом. Сотрудники лаборатории накапливали первый опыт социального планирования (на Пермском телефонном заводе и других предприятиях), который был обобщен в «Методике социального планирования» (издана в Перми в 1969 г.). Методика получила широкое признание в стране.

Постепенно расширялась тематика исследований, она стала включать изучение отношения работников к труду, проблемы текучести кадров, культурно-технического уровня работников предприятия, адаптации, управления, социально-психологического климата в коллективе и др. Разрабатывались на теоретическом и эмпирическом уровнях проблемы культуры, личности, образа жизни.

Пермские социологи, и это было характерно для Файнбурга и его учеников, стремились использовать результаты научной работы в практике преподавания, в учебном процессе. В 1970-х гг. по инициативе кафедры в Университете марксизма-ленинизма было открыто отделение социологии, слушателям читались курсы общей социологии, методики конкретно-социологических исследований, социологии промышленности и др. Преподавание на этом отделении вели работники кафедры и лаборатории. В конце 1970-х гг., едва ли не впервые в стране, студентам всех факультетов Пермского политехнического института стал читаться курс «Социология промышленности».

На кафедре и в лаборатории были подготовлены высококвалифицированные кадры социологов. Многие для этого сделали сподвижники Файнбурга М.А. Слюсарянский, Е.С. Шайдарова и др. Большую известность приобрела социологическая лаборатория (руководитель Г.В. Разинский). Благодаря значительной работе теоретического и эмпирического характера, которая велась на протяжении десятилетий в Пермском политехническом институте, стало возможным в начале 1990-х гг. открыть подготовку студентов по специальности «социология».

2.4. Социологические исследования в Челябинской области

Особенностью рождающейся социологии в Челябинской области стала не только активность самих социологов, но и, что не было типичным для других областных и республиканских центров Урала, большая заинтересованность в проведении социологических исследований, а также конференций, семинаров и школ, властей города и области. На Уральских социологических чтениях, конференциях разного уровня обязательно присутствовали партийные и советские руководители, да не просто сидели в аудитории, а активно работали, выступая с докладами, задавая вопросы и участвуя в обсуждении проблем. При этом, как правило, создавалась живая, непринужденная атмосфера, и участники могли позволить себе (разумеется, в допустимых для тех времен рамках) определенную долю критицизма в связи с рассматриваемыми вопросами.

Еще одна особенность процесса социологической жизни в Челябинске заключалась в развитости заводской социологии. По сравнению со Свердловском, Уфой, Пермью в Челябинске вузовская социология была относительно слабой, зато социологи промышленных предприятий отличались большой активностью. К концу 1960-х гг. более чем на 100 промышленных предприятиях города и области были введены штатные и внештатные должности социологов. Люди, работавшие на этих должностях, проходили подготовку на областных семинарах, очно-заочных школах социологов. Для них читались циклы лекций, а в качестве преподавателей приглашались специалисты не только из Челябинска, но и из Свердловска, Москвы, Ленинграда и других городов.

В 1977 г. был организован Челябинский филиал Уральского отделения Советской социологической ассоциации. Первым председателем его бюро был зав. кафедрой политэкономии Челябинского пединститута Л.Е. Эпштейн, который сделал очень много для развития социологической науки в Челябинской области. Филиал проводил собрания социологов, конференции, учебу, осуществлял исследования, направлял социологов на конференции, симпозиумы, совещания за пределы области, на Уральские социологические чтения. Благодаря активной работе филиала в Челябинск приглашались и приезжали видные отечественные социологи Г.М. Андреева, И.В. Бестужев-Лада, Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Л.Н. Коган, И.С. Кон, Н.И. Лапин, В.Г. Подмарков, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов и др.

В конце 1970-х гг. заработала двухгодичная очно-заочная школа социологов, началась деятельность социологического отделения в Университете марксизма-ленинизма. 80 выпускников этого отделения получили дипломы о социологическом образовании, что для того времени, когда отсутствовало профессиональное социологическое образование, а потребность в специалистах настоятельно ощущалась, было очень важно. Всего же усилиями Университета марксизма-ленинизма и очно-заочной школы социологов было обучено 620 человек.

При Челябинском ОК КПСС много лет существовал Совет по проведению конкретных социологических исследований, который возглавляли секретари обкома. В Совет входили, наряду с вузовскими специалистами и учеными (В.С. Цукерман, В.И. Липский, С.Г. Зырянов и др.), ведущие заводские социологи (Р.Г. Бардин, К.Д. Барбаров и др.). Совет проводил большую работу, связанную с определением наиболее значимых направлений и тем конкретно-социологических исследований.

2.5. Социологические исследования в Башкирской автономной республике

Становление социологической науки в Башкирии и проведение в ней первых социологических исследований справедливо связывается с именем одного из крупнейших отечественных исследователей Н.А. Аитова. В 1964 г. он переехал из Казани в Уфу и начал педагогическую и научную деятельность в Уфимском авиационном институте. В нем он возглавил кафедру философии и научного коммунизма и основал при ней социологическую лабораторию. Его усилиями создается социологическая школа в Башкирии, а Уфа становится одним из признанных центров социологической науки не только на Урале, но и в стране. В Уфе Аитов проработал четверть века, переехав затем в Казахстан на постоянное место жительства. Однако после отъезда ученого социологиче-

ские исследования продолжали вести многочисленные ученики Н.А. Аитова, составившие по существу его школу. Среди них – Ю.В. Акатьев, А.А. Баимбетов, Р.Б. Камаев, Р.Т. Насибуллин, В.Д. Попов, Ф.С. Файзуллин, Ф.Г. Хайруллин и др. Теснейшим образом сотрудничали, а по существу работали вместе с Аитовым С.Ф. Елисеев и Р.А. Злотников. Большую роль в развитии социологии в республике в 1970-е и последующие годы сыграли Дж.М. Гилязитдинов, В.Д. Голиков, Ю.Н. Дорожкин, С.В. Егорышев, А.Б. Курлов, Ф.У. Мухаметлатыпов, Л.А. Ширяев и др.

Особенностью исследований, проводившихся в республике под руководством Аитова в 1960 – 1980-х гг., было органическое сочетание теоретического анализа с проверкой сформулированных гипотез на материалах конкретных социологических изысканий. В этот период была проведена громадная работа по составлению планов социального развития многих предприятий, районов и городов. Тем самым подчеркивалась практическая направленность социологических исследований, что стало характерной особенностью их дальнейшего проведения в республике. Большинство социологических изысканий завершалось проектами документов, имевших практический вектор и направлявшихся в партийные и государственные органы, на предприятия для их реализации в повседневной деятельности.

Основные направления, в рамках которых работали социологи республики в 1960 – 1980-х гг., – социология города и села, текучесть кадров, социология труда, этносоциология, духовная культура, социальная демография, общественное мнение, социология образования, социальные последствия научно-технической революции, социальные проблемы национально-культурного развития, исследования молодежи.

Развитие социологии в Башкирии в период «застоя» было отнюдь не простым. Помимо жесткой цензуры, партийные руководители вмешивались в сам процесс работы, давали оценки публикациям и даже объявляли выговоры за них. Так, Аитову был объявлен выговор по партийной линии за его статью в журнале «Наш современник», поскольку ее критический характер не понравился одному из высоких партийных чинов республики. Башкирский Обком КПСС не поддержал выдвижение Аитова на выборы в члены-корреспонденты АН СССР. Социологам часто устраивали разносы. При визировании анкеты, составленной Гилязитдиновым (она была направлена на изучение общественного мнения), ему было заявлено: «Кто дал вам право экзаменовать советский народ?». Учебник, написанный этим социологом и удостоенный третьей Всесоюзной премии, не был разрешен к изданию.

Несмотря на трудности, социология в республике развивалась стремительными темпами. Создавались творческие коллективы социологов во многих вузах Уфы: авиационном институте, государственном университете, педагогическом институте, нефтяном институте. Наступление периода перестройки башкирские социологи встретили с пониманием и готовностью к работе в новых условиях.

§ 3. СОЦИОЛОГИЯ НА УРАЛЕ С КОНЦА 1980-х гг. ДО НАШИХ ДНЕЙ

3.1. Институционализация социологии в Уральском регионе в перестроечный и постперестроечный период

Новый период развития социологии на Урале, пришедший на смену застою (вторая половина 1970-х гг. – вторая половина 1980-х гг.), был связан с существенными преобразованиями и в стране, и в социологии. Перестройка общества активно стимулировала перестройку в социологии. Появились новые благоприятные условия для ее развития. Они привели к дальнейшей институционализации социологии, строго говоря, к ее принципиально иному этапу.

Также как и во всей стране, социология на Урале оказалась полностью «узаконенной» – и как вузовская специальность, и как научная дисциплина, и как профессия. Подготовка по специальности и направлению «социология» осуществляется почти во всех областных и республиканских центрах Урала: Екатеринбурге, Уфе, Перми, Челябинске, Ижевске, Тюмени, Сургуте. Ведется она в университетах различного типа (федеральном, научно-исследовательском, классических, технических, педагогических). Общее количество обучающихся студентов (бакалавров, магистран-

тов) и аспирантов – будущих социологов в уральских вузах составляет около 3 тысяч человек. По этому показателю вузы Уральского региона уступают только московским (где подготовка социологов осуществляется в 14 вузах) и находятся на уровне вузов Северо-Западного региона (включая Санкт-петербургские).

Понятно, что там, где имеются социологические факультеты и отделения, необходимой становится подготовка кадров преподавателей высшей квалификации – кандидатов и докторов наук. Это привело к созданию целого ряда диссертационных советов. Если в перестроечные времена существовал лишь один такой совет – в Уральском государственном университете, то в новых условиях (с начала 1990-х гг. до наших дней) появилось еще несколько советов по защитам докторских и кандидатских диссертаций. Сегодня на Урале можно защищать докторские и кандидатские диссертации по всему спектру социологических специальностей – методологии, теории и истории социологии; экономической социологии и демографии; социальной структуре, социальным институтам и процессам; социологии культуры; социологии управления.

Процессы институционализации социологии на Урале коснулись и развития академической науки. Наряду с сокращением численности научных сотрудников, занимавшихся проведением социологических исследований в Институте экономики Уральского отделения АН СССР (затем Уральского отделения РАН), возникло еще одно его научное подразделение – Институт философии и права.

Серьезные изменения институционального характера проявились и в области коммерциализации социологии. На Урале, особенно в крупных центрах, как и во всей стране, появились рынки социологических услуг. Возникли коммерческие социологические структуры, целые фирмы, деятельность которых связана с подготовкой и проведением конкретных социологических исследований по самому широкому спектру проблем. Многие из них включают в себя работников вузовских кафедр, для которых их педагогическая деятельность оказывается часто второстепенной, поскольку не является достаточным источником доходов.

Коммерческие социологические структуры активизируют свою работу в периоды выборных кампаний, проводя различные опросы и зондажи общественного мнения. Однако далеко не всегда выводы из исследований, проводимых ими, подтверждаются практикой голосования. Можно говорить, по меньшей мере, о двух причинах таких ситуаций: а) несовершенстве исследовательских методик; б) определенной политической и финансовой (они, как правило, связаны между собой) «ангажированности» отдельных групп социологов. И то, и другое характеризует их не с самой лучшей стороны.

Появившиеся новые возможности социологии, возросшую популярность этой науки в условиях ее активной институционализации стали использовать и государственные структуры, заказывая отдельным коллективам социологов исследования и обеспечивая публикации их результатов. К числу таких структур относятся службы занятости, органы управления образованием и другие³²⁸.

Серьезным фактором институционализации социологии на Урале явилось издание в 1990-е гг. переводных работ, учебников и учебных пособий. Разошлось по всей стране реферированное издание учебника Э. Гидденса³²⁹. Ряд учебных пособий по социологии был создан на кафедре социологии Уральского государственного профессионально-педагогического университета³³⁰. В эти же годы Г.Е. Зборовским и Г.П. Орловым было написано сначала учебное пособие «Введение в социологию», а затем учебник для студентов гуманитарных вузов «Социология», признанный победителем Всероссийского открытого конкурса «Гуманитарное образование в высшей школе»³³¹. Учебное пособие «Основы социологии» было подготовлено и выпущено авторским коллективом кафедры социологии Уфимского авиационного института под руководством Р.Т. Насибуллина³³². Еще одно учебное пособие – курс лекций для технических вузов – было создано на ка-

³²⁸ Приведем в качестве примера серию важных работ, выполненных социологами Екатеринбурга в 1990-е гг. по заказу Департамента (затем Министерства) образования Свердловской области: Система образования Свердловской области: проблемы, тенденции и перспективы (авторы-составители Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко). Ч. 1, 2. Екатеринбург, 1992; Профессионализм и социальное самочувствие педагогических работников Свердловской области / Отв. ред. Л.Я. Рубина. Екатеринбург, 1994; Система образования города Красноуфимска: социокультурное пространство (авторский коллектив в составе: Зборовский Г.Е., Боронина Л.Н., Вишневский С.Ю., Вишневский Ю.Р., Шуклина Е.А.). Екатеринбург, 1996.

³²⁹ Гидденс Э. Социология: учебник 90-х годов / Пер. Е.В. Грунт., науч. ред. Л.Н. Коган, Г.Е. Зборовский. Челябинск, 1991.

³³⁰ Социология для студента. Свердловск, 1991; Основы социологии. Екатеринбург, 1993; Основы социологических знаний. Екатеринбург, 1993.

³³¹ Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Введение в социологию. Екатеринбург, 1992; Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Социология. М., 1995.

³³² Основы социологии. Уфа, 1992.

федре социологии и политологии Уральского государственного технического университета под руководством Ю.Р. Вишневого³³³. В конце 1990-х гг. и в начале XXI в. были опубликованы учебники Г.Е. Зборовского по общей социологии и истории социологии для студентов, обучающихся по специальности «социология», в соавторстве с Е.А. Шуклиной – учебные пособия по прикладной социологии и социологии образования, в соавторстве с Н.Б. Костиной – по социологии управления³³⁴. Также для будущих профессионалов-социологов было написано учебное пособие Е.С. Барзговой по американской социологии³³⁵.

Последнее десятилетие ушедшего века было ознаменовано выходом ряда книг, написанных в рамках различных отраслей социологического знания. Это работы Л.Н. Когана в области социологии культуры и социологии духовной жизни, Г.П. Орлова – по социологии свободного времени, Ю.Р. Вишневого и В.Т. Шапка – по социологии молодежи, Б.С. Павлова – по социологии семьи, Е.Н. Заборовой – по социологии города, Г.Е. Зборовского – по социологии образования³³⁶.

Вклад социологов Урала в отечественную науку определяется не только названными выше работами. Было написано достаточно много монографий, практически каждая докторская диссертация по социологическим наукам обеспечивалась как минимум одной публикацией крупной формы. Если учесть, что на Урале за последние 15 – 20 лет было защищено около 100 докторских диссертаций по социологии, можно представить себе колоссальный объем работы, проделанной в плане развития этой науки в регионе. Нельзя не отметить в этом отношении специализированных выпусков журнала «Социологические исследования», состоящих в основном из публикаций уральцев. Это «башкирский» номер³³⁷, «уральский» номер³³⁸, а также номер журнала, посвященный (частично) публикациям преподавателей кафедры социологии Уральского государственного профессионально-педагогического университета³³⁹.

Институционализации социологии на Урале способствовала активная деятельность ряда социологов в рамках Российского общества социологов и его Уральского отделения (председатель отделения – Ю.Р. Вишневский). Прежде всего следует отметить, что в связи с созданием Российского общества социологов некогда единое Уральское отделение разделилось на ряд областных и республиканских отделений, возглавляемых в Перми – М.А. Слюсаряным, в Челябинске – С.Г. Зыряновым, в республике Башкортостан – Дж.М. Гилязитдиновым, в Удмуртской республике – Л.А. Сабуровой. Несмотря на это «отпочкование», социологами региона было принято решение сохранить Уральское отделение Российского общества социологов. Его консолидирующая роль очевидна для всех, и после того как в течение нескольких лет наблюдался «парад социологических суверенитетов», стремление к единству вновь дало о себе знать.

В Уральском регионе оно проявляет себя в виде регулярно продолжающейся практики проведения социологических чтений. В условиях перестроечного и постперестроечного периода было проведено семь чтений (с VII по XIII): VII чтения в 1989 г. (Ижевск), VIII – в 1991 г. (Челябинск), IX – в 1994 г. (Екатеринбург), X – в 1996 г. (Екатеринбург), XI – в 1998 г. (Челябинск), XII – в 2000 г. (Пермь), XIII – в 2001 г. (Екатеринбург). Таким образом, чтения «отметили» свою первую четверть века (начало им было положено в 1976 г.). После 2001 г. XIV чтения проходили в 2003 г. (Тюмень), XV – в 2005 г. (Екатеринбург), XVI – в 2006 г. (Челябинск), XVII – в 2008 г. (Екатеринбург), XVIII – в 2010 г. (Челябинск), XIX – в 2013 г. (Екатеринбург). Забегая несколько вперед, отметим, что в феврале 2015 г. в Уральском федеральном университете состоятся юбилейные двадцатые социологические чтения, на которых будут подведены некоторые итоги почти сорокалетней их истории. Можно смело утверждать, что ничего подобного в нашей стране (СССР / России) за все время существования отечественной социологии не было.

³³³ Социология. Екатеринбург, 1994.

³³⁴ Зборовский Г.Е. Общая социология. Екатеринбург, 1997; Зборовский Г.Е. Общая социология. Изд. второе, дополненное. Екатеринбург, 2003; Зборовский Г.Е. История социологии: классический и современный этапы. Екатеринбург, 2003; Зборовский Г.Е. Общая социология. М., 2004; Зборовский Г.Е. История социологии. М., 2004; Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Прикладная социология. М., 2004; Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология образования. М., 2005; Зборовский Г.Е., Костина Н.Б. Социология управления. М., 2005.

³³⁵ Барзгова Е.С. Американская социология: традиции и современность. Екатеринбург – Бишкек, 1997.

³³⁶ Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург, 1992; Социология духовной жизни / Под ред. Л.Н. Когана. Челябинск, 1993; Орлов Г.П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. Свердловск, 1989; Вишневский Ю.Р., Шапка В.Т. Социология молодежи. Изд. второе. Екатеринбург, 1997; Павлов Б.С. Социология: проблема семьи. Ч. 1, 2. Челябинск, 1992; Заборова Е.Н. Социология города. Горожанин в системе городских групп. Екатеринбург, 2001; Зборовский Г.Е. Социология образования. Ч. 1, 2. Екатеринбург, 1993 – 1994; Зборовский Г.Е. Образование: от XX к XXI веку. Екатеринбург, 2000.

³³⁷ Социологические исследования. 1997. № 8.

³³⁸ Социологические исследования. 1997. № 10.

³³⁹ Социологические исследования. 2000. № 6.

Выступая с докладом на X Уральских социологических чтениях, их основатель Л.Н. Коган следующим образом охарактеризовал роль этих форумов уральских исследователей: «...главной особенностью нашего Отделения стало проведение в различных городах Урала (Ижевск, Курган, Оренбург, Пермь, Свердловск, Челябинск, Уфа) социологических чтений, являвшихся своеобразным отчетом вузовских и заводских социологов Урала о проделанной ими работе. Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что именно эти чтения во многом способствовали появлению дружеских профессиональных связей между уральскими социологами, пробудили у многих из них стремление к повышению своей квалификации. Разумеется, далеко не все из поставленных нами задач удалось решить: в нашем регионе не сложилось современной социологии села, социологии девиантного поведения, социологии религии и морали и т. д. До последнего времени сказывается несомненная недооценка математически-статистических методов. Однако при всех этих (и других) пробелах уральские социологи получили заслуженную известность и авторитет не только в стране, но и за ее пределами»³⁴⁰.

Центробежные тенденции, доминировавшие в российском обществе в 1990-х гг., не могли не повлиять на ситуацию в социологии. Возникло явление социологического изоляционизма, за которым как его неизбежный результат следует снижение научного уровня исследований. Это не что иное, как расплата и наказание за разрыв связей в научном сообществе и стремление к самодостаточности. Извлечение уроков из негативного опыта, консолидация усилий социологов разных научных центров, вузов, кафедр, городов, областей, республик – важная задача, решение которой позволит уральским исследователям не только сохранить свою школу, но и усилить ее роль в развитии отечественной социологической науки.

3.2. Основные центры и направления развития социологии на Урале с конца 1980-х гг. до наших дней

Социологическая наука на Урале в последние 20 – 25 лет развивалась достаточно активно в целом ряде центров. Ведущим среди них был и продолжает оставаться факультет (ныне департамент) политологии и социологии Уральского государственного университета (с 2010 г. – Уральского федерального университета), где вплоть до своей смерти летом 1997 г. возглавлял развитие социологической науки Л.Н. Коган. Социология на факультете была представлена рядом известных в профессиональной среде специалистов (Е.С. Баразгова, Г.Б. Кораблева, А.В. Меренков, Г.П. Орлов и др.). Необходимо также выделить кафедру социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета (с 2010 г. – Уральского федерального университета) и назвать ее ведущих и широко известных социологов – Ю.Р. Вишневого, В.Т. Шапко (умер в 2009 г.). В течение последних трех лет на этой кафедре собралась и успешно работает большая группа известных в социологическом сообществе исследователей (А.П. Багирова, Л.Н. Банникова, Ю.Р. Вишневецкий, Е.Н. Заборова, Г.Е. Зборовский, К.М. Ольховиков, Е.А. Шуклина).

В качестве крупных социологических центров Екатеринбурга следует назвать и другие вузы: Уральский государственный педагогический университет (Л.Я. Рубина), Уральский (ныне Российский) государственный профессионально-педагогический университет (до 2002 г. – Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина, Г.Б. Кораблева, Н.Б. Костина, А.С. Ваторопин, в 2002 г. все ушли в другие вузы города), Уральский государственный экономический университет (Е.Н. Заборова – до 2010 г.), Уральская академия государственной службы, ныне Уральский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Е.С. Баразгова, Б.Ю. Берзин, А.С. Ваторопин, Н.Б. Костина), Уральский университет инженеров железнодорожного транспорта (Н.И. Шаталова), Институт экономики УрО РАН (А.И. Кузьмин, Б.С. Павлов, А.Ф. Суховой), Гуманитарный университет (Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина, А.С. Ваторопин – все до 2012 г.).

В Перми основными центрами развития социологии являются два университета – научно-исследовательский политехнический университет (бывший политехнический институт, затем технический университет) и классический университет (М.А. Слюсарянский до смерти в 2013 г.,

³⁴⁰ Цит. по: Большой Урал – XXI век: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 3. Екатеринбург, 2001. С. 6.

В.Н. Стегний, О.Л. Лейбович, С.Л. Парамонова, А.Г. Антипов). В Челябинске в таком качестве выступают Государственная академия культуры и искусств (В.С. Цукерман, Л.Б.Зубанова), Челябинский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ академии государственной службы (С.Г. Зырянов).

Несколько крупных центров развития социологической науки находится в Уфе. Прежде всего, это Башкирский государственный университет и Уфимский государственный авиационный технический университет. Среди известных социологов Республики Башкортостан следует назвать А.А. Баимбетова, Ф.Б. Бурханову, Р.М. Валиахметова, В.Д. Голикова, Дж.М. Гилязитдинова (умер в 2011 г.), Ю.Н. Дорожкина, С.В. Егорышева, Р.И. Ирнарзова, А.Б. Курлова, Р.Т. Насибуллина, Р.М. Тухватуллина, Ф.С. Файзуллина, Л.А. Ширяева и др.

Говоря об Ижевске, отметим в качестве центров развития социологии Удмуртский государственный университет (Н.С. Ладыжец) и Ижевский государственный технический университет (Л.А. Сабурова).

В один из крупных в России регионов, где активно развивается социологическая наука и практика, за последние годы превратилась Тюменская область. Включение ее и двух автономных округов – Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого – в Уральский федеральный округ имело важное значение для расширения уральского социологического содружества и укрепления научного сотрудничества социологов Уральского федерального округа. Основными центрами развития социологии в Тюмени являются два университета – классический и нефтегазовый. С этими вузами связана деятельность социологов, которые заложили фундамент в развитие социологической науки в регионе. Это – Г.Ф. Куцев и К.Г. Барбакова. Назовем социологов, снискавших известность не только в Тюмени, но и за ее пределами. Это – М.М. Акулич, М.Л. Белоножко, Ю.М. Беспалова, В.В. Гаврилюк, В.А. Давыденко, В.В. Мельник и др.

Среди молодых и, вместе с тем, быстро развивающихся социологических центров Севера нельзя не отметить Сургутский государственный педагогический университет, где в 2014 г. началась подготовка бакалавров социологии, а теоретические и эмпирические социологические исследования осуществляются в специально созданной лаборатории под руководством В.П. Засыпкина. В качестве примера творческого содружества нужно отметить многостороннее взаимодействие социологов этого вуза с их коллегами из Уральского федерального университета, а также помощь последних, проявляющуюся и в подготовке кандидатов и докторов социологических наук, и в проведении исследований, и в осуществлении педагогического процесса.

Особый импульс научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности уральских социологов придал 2008 г., объявленный Президиумом РАН «Годом социологии». Они активно участвовали в юбилейных торжествах, организованных Российским обществом социологов, Институтами социологии и социально-политических исследований РАН, Российской социологической ассоциацией: открытие «Года социологии», III Всероссийский социологический конгресс, IV Сорокинские чтения. Социологи Урала откликнулись на эти события рядом публикаций и мероприятий³⁴¹.

Открытие «Года социологии» на Урале началось еще осенью 2007 г. на Международной конференции «Гражданская культура современного студенчества», посвященной 50-летию Советской социологической ассоциации – Российского общества социологов³⁴². В материалах конференции были широко представлены все крупнейшие социологические центры Урала, зарубежные участники 8-й конференции Европейской социологической ассоциации (Глазго, сентябрь 2007 г.), социологи молодежи и социологи культуры из различных регионов страны.

Плодотворно прошли и XVII Уральские социологические чтения в Екатеринбурге в марте 2008 г.³⁴³. В них участвовали почти 260 социологов. Как обычно, чтения стали инструментом и регионального, и федерального сотрудничества и обмена опытом.

Одновременно в марте 2008 г. – в связи с 85-летием основателя Уральской социологической школы Л.Н. Когана – прошли традиционные XI Коганские чтения³⁴⁴. К этому юбилею была приурочена и конференция «Л.Н. Коган: феномен многогранной творческой личности». В подго-

³⁴¹ Зборовский Г.Е., Вишневский Ю.Р. Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социологические исследования. 2008. № 6; Вишневский Ю.Р., Зборовский Г.Е., Шапко В.Т. Уральские социологи в общероссийском социологическом пространстве. Екатеринбург, 2008; Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое / Материалы IV Всероссийской научной конференции. Тюмень, 2008; Гражданская культура студенчества / Материалы Круглого стола III Всероссийского социологического конгресса. Екатеринбург – Москва, 2008.

³⁴² Гражданская культура современного студенчества: Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию ССА-РОС. Екатеринбург, 2007.

³⁴³ Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект: Материалы Всероссийской конференции «XVII Уральские социологические чтения». Т. I, II. Екатеринбург, 2008.

³⁴⁴ Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XI Международной конференции. Ч. 1 – 4. Екатеринбург, 2008.

товленную по ее итогам публикацию были включены воспоминания родных и близких, друзей, коллег и учеников Л.Н. Когана, его стихи и устные рассказы, публицистическое и изобразительное творчество, фрагменты его переписки с друзьями и коллегами. В сборнике широко представлены фотодокументы, любезно предоставленные его семьей³⁴⁵.

Уважительно относятся уральцы и к памяти другого «отца-основателя» уральской социологии – З.И. Файнбурга. В юбилейный для отечественной социологии год, в «День социолога» – 14 ноября в Перми успешно прошли IX Файнбургские чтения³⁴⁶. Нельзя не отметить вклада пермских социологов в изучение трансформации социально-трудовых отношений в современной России, большую роль в котором сыграл ученик З.И. Файнбурга М.А. Слюсарянский.

Важно подчеркнуть весомый вклад тюменских социологов в проведение «Года социологии». Были проведены 4 крупных международных и всероссийских конференций. Помимо «Сорокинских чтений», о которых уже говорилось, нужно назвать конференцию «Социум – власть – наука – образование» (Тюмень, Тобольск, сентябрь 2008 г.), «Современное общество и социология» (Туапсе, сентябрь 2008 г.), «Глобализация: мифы и реальность», Тюмень, ноябрь 2008 г.).

В Челябинске в 2008 г. состоялась юбилейная (25-я!!!) конференция, посвященная актуальным социально-экономическим проблемам развития российского общества³⁴⁷. Важная особенность этой (как и ее предшественниц) конференции – междисциплинарное сотрудничество социологов, экономистов, политологов, демографов, социальных работников. Заметную интегрирующую роль в таком междисциплинарном сотрудничестве играет журнал «Социум и власть», издаваемый по инициативе челябинских социологов (главный редактор – С.Г. Зырянов).

В условиях перестроечного и постперестроечного периода социологи Уральского региона работают в рамках многих направлений научного поиска. Некоторые из ученых продолжают исследования, ведущиеся на протяжении целого ряда лет, другие стремятся к обновлению тематики в соответствии с духом времени и появляющимися новыми социальными потребностями. Остановимся коротко на основных направлениях исследований социологов Екатеринбург, Перми, Челябинска, Уфы, Тюмени.

Социологи Перми продолжают исследовать комплексную проблему «Общество и личность», уделяя внимание методологии системного анализа, разработке принципов историзма и диалектики. Их волнуют также многие актуальные проблемы регионального характера: занятость, безработица, социальная защита семьи и детства. Продолжается исследование проблем социальной стратификации общества рыночного типа, социологических факторов формирования рынка труда в переходный период, особенностей социального управления в современном российском обществе. Одним из важных направлений работы пермских социологов стали регулярные мониторинговые исследования социального самочувствия населения Прикамья. Свообразным обобщением результатов этих исследований являются традиционные сборники материалов Файнбургских социологических чтений «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований».

Среди основных направлений исследований челябинских социологов – проблемы социальной защиты населения, проживающего на территориях радиоактивного заражения, мониторинг динамики общественного мнения и социально-политических ориентаций населения, изучение информационного пространства, новых социальных институтов и практик в жизни южноуральцев, формирование социальной политики в новых условиях хозяйствования, маркетинговые исследования, диагностика социальной ситуации в городах и на предприятиях, общественные потребности в кадрах социокультурной сферы, работа с персоналом, социология здоровья, консультирование деловых людей и др.

Разнообразен круг интересов социологов республики Башкортостан: злободневные проблемы трансформации и реформирования общества в России и Башкортостане, социальные проблемы устойчивого развития региона, исследования отношений между федеративным центром и субъектами Федерации, многочисленные аспекты совершенствования межнациональных и этнополитических отношений, развития национально-культурных объединений, факторы и механизмы выявления социального потенциала, изучение различных сторон образования как социального института, молодежная проблематика, вопросы развития студенчества, формы проявления девиантного поведения и т. д.³⁴⁸.

³⁴⁵ Коган Л.Н. Феномен многогранной творческой личности: Материалы юбилейной конференции. Екатеринбург, 2008.

³⁴⁶ Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Материалы IX Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга. Пермь, 2008.

³⁴⁷ Изменяющаяся Россия. Социально-экономические инновации: Материалы XXV Международной научно-практической конференции. Ч. 1, 2. Челябинск, 2008.

³⁴⁸ См. подробнее об этом: Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан / отв. ред. Дж.М. Гилязитдинов. Уфа, 2002; Уральские социологические чтения – 2001 год / Под ред. Ф.С. Файзуллина. Уфа, 2001; Социологи Башкортостана. Уфа, 2012.

Социологи Тюмени активно исследуют социально-экономические проблемы региона, его мощный социальный, культурный и интеллектуальный капитал, обращаются к изучению молодежи, ее ценностных ориентаций и различных сторон поведения. Традиционно большое внимание уделяется вопросам развития образования и культуры.

Социологические исследования ученых Екатеринбурга характеризуются большим разбросом интересов – от проблем развития социологической теории на ее различных уровнях и изучения истории классической и современной зарубежной социологии до анализа самых что ни на есть конкретных проявлений общественной жизни в экономической, социальной, политической, духовной сферах. Большое внимание уделяется социологическому анализу человека во взаимосвязи природного и социокультурного. Многие направления исследований предполагают осуществление региональных проектов по социальным проблемам перехода к рыночной экономике, различным аспектам реформирования общества (в политической сфере, в области управления, образования, снижения уровня безработицы и др.). Социологи исследуют социально-экономические условия жизнедеятельности различных групп молодежи, семей, учебной и внеучебной активности учащихся и студентов. Специально следует сказать о таком направлении исследований, как изучение процессов включения молодежи в новые экономические, социальные и политические реалии, в том числе и различные формы их девиантного поведения, возможности социальной реабилитации в связи с ним и предупреждения правонарушений.

Особое направление исследований связано со сферой образования, его различных структур, уровней, подсистем, субъектов, их взаимодействий. Постепенно определяются новые линии интересов в этой сфере – качества образования, самообразования, сравнительно недавно ставшего предметом специального социологического исследования, потребностей в образовании различных социальных групп общества.

Особо следует отметить в качестве важного направления социологических исследований то, что екатеринбургские социологи в течение 17 последних лет осуществляли мониторинг социокультурных ориентаций студенчества города и области. По их инициативе с 2005 г. реализуется своеобразный опыт проведения федеральных исследований под эгидой РОС – «Студенчество России о Великой Отечественной войне» («Война была вчера»), в котором приняли участие социологи 11 регионов страны. В 2006 – 2007 гг. социологи УГТУ – УПИ вместе с их коллегами из 6 регионов страны осуществили федеральный проект исследования «Гражданская культура российского студенчества».

Развиваются и имеют немалые перспективы среди социологов Екатеринбурга такие отрасли социологической науки, как гендерная социология, социология глобалистики, социология города, социология труда. Предметом социологических исследований являются культура предпринимательства, власть и гражданское сообщество России, социальное взаимодействие и социальное партнерство, формирование социальных ориентаций современного российского чиновничества. В последние годы социологи Екатеринбурга активно «двинулись» на Север, исследуя и анализируя жизненные планы населения северных территорий России, изучая стратегию межрегиональной интеграции в условиях российского Севера и особенности управления социальной и социокультурной сферами малых северных городов. Большой интерес вызывают миграционные процессы в северные города, в исследовании которых принимают совместное участие социологи Екатеринбурга и г. Сургута на базе лаборатории региональных исследований Сургутского государственного педагогического университета.

Здесь были названы лишь основные (да и то, вероятно, не все) направления, в рамках которых в 1990-х гг. – начале XXI в. осуществляли свои исследования социологи Урала. Но даже и этот перечень показывает колоссальный научный потенциал большого отряда отечественных социологов, которому в XXI в., без сомнения, суждено достижение новых высот. Овладение ими – задача не только старшего и среднего поколений уральских социологов, но и молодежи, получающей сегодня профессиональное социологическое образование и готовящейся занять место рядом со своими товарищами и коллегами.

Вопросы и задания

1. Как вы рассматриваете понятие «регион»? Как соотносится понятие «Уральский регион» с вашей трактовкой региона?
2. Расскажите о социологических исследованиях на Урале в 1920-х – первой половине 1930-х гг. Каковы особенности этих исследований?
3. Что означало второе рождение социологии на Урале? С чего оно началось?
4. Определите особенности Уральской социологической школы.
5. Охарактеризуйте социологические исследования в Свердловской области в условиях возрождения социологической науки.

6. В чем проявилась институционализация социологии в Свердловской области в 1960 – 1970-х гг.?
7. Рассмотрите особенности развития социологии в 1960 – 1980-х гг. в Пермской, Челябинской областях, Башкирской автономной республике.
8. В чем вы видите конкретные проявления институционализации социологии в Уральском регионе в перестроечный и постперестроечный период?
9. Назовите основные центры развития социологии на Урале в 1990-х гг. – начале XXI в.
10. Охарактеризуйте основные направления развития социологии на Урале в 1990-х гг. – начале XXI в.
11. Почему социология в Уральском регионе является одной из наиболее развитых в отечественной социологической науке и практике?

Литература

- Анисимов С.А., Коган Л.Н., Павлов Б.С. Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. – 1985 г.). Свердловск, 1990.
- Большой Урал – XXI век: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции / Редакторы-составители Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко. Ч. 1 – 4. Екатеринбург, 2001.
- Вишневский Ю.Р., Зборовский Г.Е., Шапко В.Т. Уральские социологи в общероссийском социологическом пространстве. Екатеринбург, 2008.
- Зборовский Г.Е., Вишневский Ю.Р. Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социологические исследования. 2008. № 6.
- Зборовский Г.Е. История социологии: классический и современный этапы. Екатеринбург, 2003.
- Социологи Башкортостана. Уфа, 2012.
- Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан / Отв. ред. Дж.М. Гилязитдинов. Уфа, 2002.
- Уральские социологические чтения – 2001 год / Под ред. Ф.С. Файзуллина. Уфа, 2001.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие социологической науки, как видно из изложенного на страницах учебника материала, является сложным и многоаспектным процессом. Едва возникнув и заявив о себе в качестве автономной и самостоятельной научной дисциплины, социология сразу же «взялась» за постановку и решение самых сложных проблем общественной, групповой и личной жизни. Достаточно абстрактный характер размышлений первых позитивистски ориентированных представителей социологической науки явился свидетельством, с одной стороны, тесного родства ее с философией (пуповина, их связывавшая, оказалась очень крепкой и рвалась с большим трудом), с другой – определенной формой научного «камуфляжа».

Заявив о своей приверженности методам естественных наук де-юре, социология де-факто на первых порах своего существования оказалась достаточно далека от них. Предстоял долгий путь собственного развития, чтобы в конце концов осмыслить необходимость идти, с одной стороны, в фарватере естественнонаучного знания, с другой – искать свою колею на широкой дороге социального познания общества, конкретных социальных общностей, личности, их взаимодействия в рамках самых различных социальных структур.

Представляется, что социологии удалось решить как взаимосвязанные обе эти задачи к концу XX в. Тем самым она сумела найти и занять достойное место в системе наук вообще, общественных и социогуманитарных – в особенности. Если же учесть, что в XX столетии социология стала демонстрировать свою растущую прикладную и эмпирическую эффективность, внедряясь во все новые сферы практического освоения социума, становится понятным поистине громадное значение пройденного ею пути.

История развития мировой социологии показала, что поначалу ни одна из стран, в которых происходило становление социологии, не могла претендовать на роль явно выраженного лидера этой науки. Сложившиеся центры развития социологии (Франция, Англия, Германия, США, Австрия, Италия, позднее Россия) отличались национальной самобытностью и разнообразными проявлениями интересов в этой области научного знания. Лишь в XX веке американская социология, которая в XIX столетии послушно следовала в роли усердной ученицы за европейской наукой, вырвалась в лидирующие позиции, сама уже задавая тон и алгоритм развитию мировой социологии. Однако ближе к концу XX столетия ситуация стала существенно меняться в сторону «выравнивания» ее «американоцентристской» и «европоцентристской» траекторий.

Вместе с тем, на рубеже XX – XXI вв. произошел значительный рост социологической активности в странах Азии, Африки, Латинской Америки, в Австралии. Эта активность дает о себе знать все больше и больше в самые последние годы. Социология на названных континентах стремится отстаивать свою самобытность и доказывать право находиться в научном «мейнстриме».

Все свое почти двухвековое существование в границах классического и современного этапов развития социология «потратила» на то, чтобы «понять» несколько важных вещей.

Во-первых, может быть сколько угодно теорий, парадигм и метапарадигм, по-разному объясняющих возникновение, устройство и развитие общества и человека в нем, их взаимодействие, а также пути и способы изучения этих процессов. При этом ни одна из них не в состоянии претендовать на монопольный и абсолютно истинный характер в объяснении и анализе социальных процессов.

Другими словами, социологическая наука на протяжении всей своей истории в рамках классического и современного этапов развития выработала и утвердила в общественном сознании принцип социологического плюрализма. Он означал, что способы объяснения социальных фактов, в том числе общественных преобразований, могут быть самыми различными, включая уровень аргументации и степень влияния на последующее развитие социологической науки. Те способы анализа, которые оказали наиболее глубокое воздействие на это развитие, приобрели характер парадигм, стали «канонизированными» в социологической науке (позитивизм, марксизм, эволюционизм, веберизм, структурный функционализм, символический интеракционизм, феноменологическая социология, парадигмы конфликта, обмена, этнометодология, социологический постмодернизм, интегративная социология и др.).

Во-вторых, одними широкими и обобщающими теориями (даже приобретенными статус парадигм), сколь бы доказательными и удачно объясняющими социальные процессы они ни были, социология как наука ограничиться не в состоянии. Свое значение и влияние на общество она может демонстрировать, подтверждать и усиливать только за счет (как минимум) еще двух составляющих: проведения эмпирических (в том числе прикладных) исследований и выхода на уровень управленческих решений. Осознание этого обстоятельства означает, что социология должна изучать локальные социальные проблемы, касающиеся взаимодействия между людьми и социальными группами.

Трансформирующееся капиталистическое общество выдвигало на каждом новом этапе в качестве требующих своего исследования социальные проблемы производства и отношений между людьми в этой сфере, изменения во взаимодействиях между различными группами населения, особенно в крупных городах, распространение СМИ, вопросы политической жизни, образования, культуры, молодежи и др. Наука охотно откликалась на них, развивая специальные отрасли социологического знания, предметом которых становилось исследование конкретных актуальных социальных проблем.

Последние два десятилетия ознаменовались резким поворотом общества и социологии в сторону интереса к глобальным проблемам современности, в целом процессам глобализации и изучению отношения к ней со стороны различных стран и групп населения (включая антиглобалистские протестные движения). Глобализация и антиглобализм как объекты исследовательского внимания быстро смещаются к эпицентру социологической науки, которую уже ждет новая актуальная, может быть, даже самая актуальная за последние десятилетия социальная проблема – борьба с национальным и международным терроризмом, точнее говоря, социологические аспекты этой проблемы.

В-третьих, история развития социологической науки показала необходимость углубления ее интегративных тенденций – как в рамках отдельных направлений и парадигм, так и на уровне различных стран. При этом речь не идет о теоретической унификации этой науки либо исчезновении национальной специфики различных социологических школ. Теоретический плюрализм и разнообразие социологических направлений в отдельных странах были и остаются важными предпосылками эффективного развития науки.

Однако становится все больше проблем, для изучения и решения которых требуются объединенные исследовательские усилия и действия. Здесь и нужны социологическая консолидация и интеграция, все более необходимые перед лицом брошенного человечеству «террористического» вызова. Социологическая наука не может остаться в стороне от этого процесса. Соответствующие международные исследования и выводы, полученные в результате реализации ряда научных проектов, могли бы внести достойный вклад в решение острейшей социальной проблемы, стоящей перед человечеством.

В последние годы набирает силу и призыв усилить непосредственно общественное предназначение социологии, стремление придать ей публичный характер. Это означает превращение ее в деятельность, выходящую за внутренние границы научных диалогов, обращенную вовне, характеризующуюся вступлением социолога в публичную дискуссию с различными группами общества. Публичная социология рассматривается как средство, инструмент борьбы за укрепление гражданского общества, усиление его структур и оказание влияния на демократическое развитие социума.

Можно было бы еще долго перечислять те умозаключения, к которым пришла социология в процессе своего развития в XIX – XXI вв. Они по существу стали своеобразной «путеводной звездой» этой науки. Речь идет о главных линиях и направлениях развития социологии, ее парадигмах и объединительных тенденциях. Нет сомнения в том, что XXI век принесет социологической науке новые успехи и достижения, свидетелями и участниками которых станет молодое поколение отечественных специалистов.

Гарольд Ефимович Зборовский

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП
Учебник для вузов

Техническая редакция, вёрстка – *Л.Г. Махмутова*

Сдано в печать 22.01.2015 г. Формат 60×84/8
Печать цифровая. Гарнитура Times NR
Тираж 500 экз. Заказ № 6. Усл. п.л. 25,9

Редакционно-издательский отдел
Сургутского государственного педагогического университета
628417, г. Сургут, 50 лет ВЛКСМ, 10/2

Отпечатано в РИО СурГПУ